

СБОР

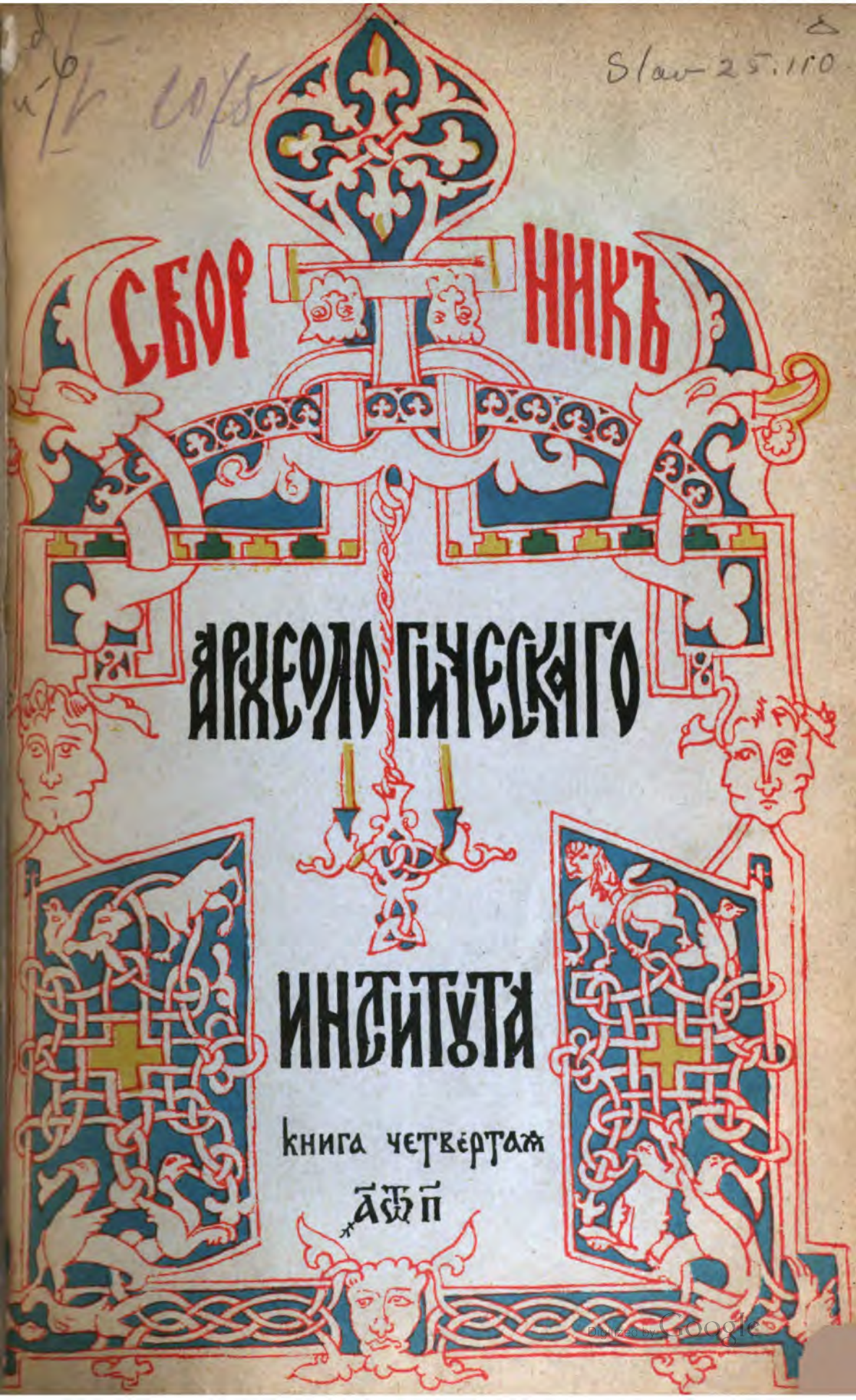
НИКЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО

ИНСТИТУТА

книга четвертая

АѢП

Въ виду изготовляемаго Археологическимъ Институтомъ новаго изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича, директоръ Института обращается ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ у себя старонечатныя изданія этого Уложенія, о доставленіи ихъ въ Институтъ (С. П. Б., Васильевскій остр., линія 12, домъ № 19). съ обѣщаніемъ возвращенія ихъ безъ задержанія и въ цѣлости.

СБОРНИКЪ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

СБОРНИКЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ИЗДАНА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ж. В. Калатова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1880.

Δ

~~Slav 25,110~~

P Slav 424.10

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

DEC. 15 1925

СРОЧНО

ВЪВЕДЕНИЕ ОТЪ РЕДАКТОРА

КНИГА ПЕРВАЯ

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

С. П. Криворова

СПИСОКЪ

Въ типографіи В. Безобразова [Комп. (В. О, 8 л., д. № 45).

Изданіе настоящей книги отсрывается, вслѣдъ за отчетомъ о торжественномъ актѣ, происходившемъ въ Археологическомъ Институтѣ 24 февраля текущего года, первыми лекціями, читанными двумя преподавателями этого учрежденія, чѣмъ самымъ исполняемъ мы желаніе не только нѣкоторыхъ рецензентовъ предыдущихъ книгъ нашего изданія, но и многихъ иногородныхъ лицъ, изъявлявшихъ намъ сожалѣніе, что они не могутъ слушать преподаваемыхъ въ Институтѣ лекцій. Намѣреваясь помѣщать въ слѣдующихъ за симъ книгахъ «Сборника» и другія лекціи нашихъ профессоровъ, мы считаемъ нелишнимъ заявить и о нашемъ собственномъ предположеніи издать вскорѣ наши чтенія объ архивномъ дѣлѣ. Здѣсь же будетъ небезполезно объяснить причину, заставляющую насъ ускорить изданіемъ этихъ лекцій не смотря на всѣ сознаваемые въ нихъ нами самими недостатки. Она заключается въ предпринятомъ нашимъ правительствомъ намѣреніи воздвигнуть въ Москвѣ новое архивное зданіе, которое бы вполне соответствовало своей цѣли.

Только въ послѣднія три десятилѣтія вопросъ объ устройствѣ архивовъ, какъ совершенно отличныхъ отъ другихъ зданій по ихъ внешнему виду и особенно по внутреннему расположенію, получилъ за границей право гражданства въ архитектурѣ. Въ Россіи же нѣтъ до сихъ поръ еще ни одного архива, который былъ бы выстроенъ вполне соответственно выработаннымъ для сего наукою потребно-

ствамъ. Вотъ почему наше Министерство Юстиціи, приступая нынѣ къ постройкѣ новаго для своихъ историческихъ документовъ архива въ Москвѣ, озаботилось прежде всего опубликованіемъ программы на составленіе проекта такого архива, съ объявленіемъ для сего конкурса. Прилагая эту программу къ настоящей книгѣ, мы не можемъ не сообщить вмѣстѣ съ тѣмъ нашимъ читателямъ о томъ какъ сочувственно было принято предположеніе Министерства Юстиціи въ нашей старой столицѣ. Въ засѣданіи 28 октября сего года Московская городская Дума, состоявшая въ этотъ день изъ *ста* членовъ, *единогласно* опредѣлила: уступить *для означенной цѣли* Министерству Юстиціи *безвозмездно* 4567 кв. саж. земли на Дѣвичьемъ полѣ, съ тѣмъ, чтобы Министерство приняло для храненія въ своемъ новомъ архивѣ городскіе документы, имѣющіе историческое значеніе. Но особенно отрадно было любителямъ старины слышать въ этомъ засѣданіи пренія между гг. гласными о томъ, будетъ ли Министерство описывать и хранить *какъ слѣдуетъ* передаваемые ему городомъ документы. На меня, лично присутствовавшего въ залѣ Думы при этихъ преніяхъ представителей всѣхъ городскихъ сословій, такая боязнь за судьбу ихъ документовъ произвела обаятельное впечатлѣніе: въ самомъ дѣлѣ, не доказывала-ли она, что наконецъ и у насъ любовь къ нашимъ памятникамъ, къ нашей завѣтной старинѣ проникаетъ въ массу народа и начинаетъ охватывать всѣ слои нашего общества. И потому, принимая съ глубокою благодарностію дорогое имущество, ввѣряемое Москвою для храненія Министерству Юстиціи, а чрезъ него и московскому его архиву, я, какъ управляющій этимъ архивомъ, не могу не выразить одушевляющей меня въ настоящемъ случаѣ мысли, что этимъ вкладомъ документовъ древняго знаменитаго города въ массу официальныхъ историческихъ документовъ всей Россіи прообразуется дружное сближеніе нашихъ городскихъ и земскихъ силъ съ силами правительства, каковое сближеніе лишь

III

одно можетъ дать надлежащую твердость и успѣхъ нашей дѣятельности не только политической, но и частной. Археологическій же Институтъ, воскрешая своими розысканіями преданія и дѣянія старины, возобновляетъ нашей памяти это дружное слияніе въ тѣ свѣтлыя минуты народной жизни, когда оно *русское* имя дѣлало *честнымъ* и *прозлымъ* врагамъ Россіи, уже мечтавшимъ владѣть безнаказанно самой Москвою....

Въ то время какъ мы оканчивали печатаніемъ настоящую книгу, получили мы изъ за границы отъ г. директора Мюнхенскаго государственнаго архива, тайнаго совѣтника Лёгера сообщеніе о томъ какъ сочувственно имъ приняты первыя книги нашего изданія и какъ высоко онъ цѣнитъ возбужденную Археологическимъ Институтомъ дѣятельность по разработкѣ русской старины вообще и въ особенности документовъ нашихъ архивовъ. Вмѣстѣ съ четвертымъ томомъ издаваемаго этимъ ученымъ журнала по архивному дѣлу (Archivalische Zeitschrift), благодаря его статьѣ о русскихъ архивахъ, которой продолженіе должно появиться и въ слѣдующемъ за тѣмъ пятomъ томѣ, вѣсть объ нихъ и о нашемъ Институтѣ пронесется въ Германіи, Англии, Франціи, Итали и другихъ странахъ, и русская исторія, русская народная дѣятельность стануть впредь изучаться и за границей съ болѣею добросовѣстію и знаніемъ. Пусть-же, въ самомъ дѣлѣ, изданія Археологическаго Института передаютъ нашимъ западнымъ собратьямъ тѣ ученые результаты по разработкѣ старины не только русской, но и другихъ славянскихъ народностей, безъ коихъ выводы западныхъ изслѣдователей не могутъ быть достаточно полны и вѣрны. Но пусть вмѣстѣ съ тѣмъ изданіе наше становится съ каждой новой книгой все болѣе и болѣе извѣстнымъ и нашимъ

соотечественникамъ намъ обща для всѣхъ насъ сокровищница
 знаній и матеріаловъ, относящихся къ родной старинѣ и къ сопле-
 меннымъ намъ братьямъ. И въ нашей радости, это сближеніе съ
 провинціальными дѣятелями, о которыхъ мы мечтали три выходъ
 въ свѣтъ первой книги нашего изданія, въ настоящее время полу-
 чило столь значительные размѣры, что намъ приходится несколько
 извиняться передъ нашими корреспондентами въ томъ, что мы не
 успѣваемъ издавать сообщаемые ими матеріалы и свѣдѣнія такъ
 скоро, какъ было бы это желательно и имъ и намъ самимъ. Тѣмъ
 не менѣе считаемъ здѣсь нелишнимъ замѣтить, что съ слѣдующей
 уже книги нашего изданія мы намѣрены открыть въ немъ новый
 отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Сношенія редакціи съ иностранными и
 русскими дѣятелями по археологіи». И такъ пусть не ослабываетъ
 дѣятельность нашихъ провинціальныхъ корреспондентовъ, какъ обѣ-
 щаемъ и мы продолжать усердно наши труды по общему дѣлу, не
 смотря на матеріальные недостатки, задерживающіе выходъ въ свѣтъ
 новыхъ книгъ нашего Сборника.

Н. Калацовъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

	Стр.
I.—Торжественный актъ въ Археологическомъ Институтѣ и первый выпускъ его слушателей. <i>Дѣйств. членовъ Д. М. Мейчика и Я. И. Зарницкаго</i>	3—12
II.—Новѣйшія воззрѣнія на предметъ и задачи археологій, <i>проф. Н. В. Покровскаго</i>	13—28
III.—О кунныхъ цѣнностяхъ, <i>поч. члена Д. И. Прозоровскаго</i>	29—49
IV.—Витебскій архивъ бывшаго генераль-губернаторства, <i>поч. члена В. А. Лямина</i>	50—89
V.—Объ авторѣ «посланія къ царю Ивану Васильевичу», Сильвестровскаго сборника библіотеки С.-Петербургской Духовной Академіи, <i>проф. Спб. Духовной академіи Н. И. Барсова</i>	90—130

ОТДѢЛЕНІЕ II.

I.—Объяснительная записка къ картѣ Полоцкаго повѣта во 2-й половинѣ XVI-го вѣка (окончаніе, съ прилож. карты), <i>дѣйств. члена Н. Н. Оглоблина</i>	3—75
II.—Историко-археологическое описаніе Бѣлогостыцкаго монастыря, <i>дѣйств. члена А. В. Гаврилова</i>	77—117
III.—Два чертежа, относящіеся до г. Архангельска въ XVII-мъ вѣкѣ (съ приложеніемъ ихъ снимковъ)	117—118

ОТДѢЛЕНІЕ III.

I.—О значеніи и собираніи древнихъ русскихъ юридическихъ символовъ, <i>дѣйств. члена Н. Г. Данилова</i>	3—12
II.—Нѣмецкій архивистъ въ Москвѣ, сообщ. <i>почетн. членомъ барономъ Ѡ. А. Бюлеромъ</i> , въ переводѣ <i>г. Ладыженскаго</i>	13—16
III.—Свайныя постройки, <i>поч. члена барона П. Г. Черкасова</i>	17—26

VI

IV.—Замѣтка о символическихъ вещахъ, находимыхъ въ древнихъ могилахъ, члена-сотрудн. <i>А. И. Савельева</i>	27—30
V.—По поводу сочиненія Н. П. Загоскина: «Уложение царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и земскій соборъ 1648—1649 г.», дѣйств. члена <i>Д. М. Мейчика</i>	31—42

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- 1) Программа (съ объявленіемъ конкурса) на составленіе проекта зданія Московскаго Архива Министерства Юстиціи.
- 2) Планъ земли, назначенной подъ постройку этого зданія.
- 3) Рѣчи и отчеты, читанные въ Археологическомъ Институтѣ въ торжественномъ собраніи 24 февраля 1880 г.

Приложенные: къ стр. 3 — 75-й II-го отдѣленія карта исполнена литографіей г. Елагина, а къ стр. 75—76 тогоже отдѣленія снимки съ чертежей по гор. Архангельску сдѣланы почетн. членомъ Археологическаго Института В. А. Прохоровымъ, равно какъ и помѣщаемый въ «приложеніи» планъ земли, назначенной подъ постройку зданія Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Торжественный актъ въ Археологическомъ Институтѣ и первый выпускъ его слушателей. (1)

(24 февраля 1880 года).

По свойственной народному русскому духу скромности наши учебныя общества и учрежденія весьма рѣдко помѣщаютъ въ своихъ изданіяхъ описанія торжественныхъ засѣданій и празднествъ, которыми они ознаменовываютъ болѣе или менѣе важные моменты своей жизни и дѣятельности. Въ подобныхъ случаяхъ обязанность лѣтописцевъ поручается стороннимъ наблюдателямъ, въ которыхъ предполагаются два существенныя качества—спокойствіе и правдивость. Но какъ всякое предположеніе, такъ и это не всегда оправдывается дѣйствительностью. И не мудро: случайный, мимолетный посѣтитель, незнакомый или мало знакомый съ задачею и условіями ученаго учрежденія, при всемъ добромъ желаніи, не въ состояніи уловить сразу всего имъ видѣннаго

(1) Давая мѣсто настоящему описанію бывшаго въ Институтѣ 24 февраля сего года торжественнаго акта и семейнаго праздника, я не рѣшился въ чемъ либо измѣнить его изложеніе, принадлежащее двумъ бывшимъ слушателямъ, а нынѣ дѣйствительнымъ членамъ нашего учрежденія, хотя такая обязанность, по видимому, лежала на мнѣ какъ на директорѣ Института и на редакторѣ его «Сборника». Мнѣ конечно не трудно сознаться, что молодые наши дѣятели, увлеченные живымъ впечатлѣніемъ торжества, приписали мнѣ достоинства и успѣхи, которыя гораздо выше моихъ дѣйствительныхъ заслугъ; но ихъ чувства и слова не суть ли вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательство ихъ прекрасныхъ, благородныхъ стремленій, и речательство за исполненіе въ будущемъ принимаемыхъ ими на себя обязанностей. И если наши взаимныя отношенія вызвали и утвердили эти дорогіе для насъ задатки той воли, каковую долженъ принести Институтъ нашему отечеству, то въ правѣ ли я это скрывать лишь вслѣдствіе предположенія, что меня могутъ въ настоящемъ случаѣ упрекнуть въ самолюбіи? *Н. Калачевъ.*

и слышаннаго. Такому посѣтителю остается одно изъ двухъ: или довольствоваться собственными бѣглыми, отрывочными, а подь часъ и неточными замѣтками, или же обращаться за справками къ людямъ, принимающимъ въ учрежденіи дѣятельное участіе. Притомъ общія по-временныя и особенно ежедневныя изданія, рассчитанныя на обширный кругъ читателей съ общимъ образованіемъ, не могутъ удовлетворять потребностямъ людей, всецѣло посвящающихъ себя определенной отрасли знанія. Но, помимо стороннихъ спеціалистовъ, которые естественно желаютъ имѣть полныя и точныя свѣдѣнія о дѣятельности своихъ собратьевъ по наукѣ, семейныя, такъ сказать, торжества каждаго ученаго учрежденія имѣютъ высокое воспитательное значеніе для собственныхъ его членовъ, какъ настоящихъ, такъ и будущихъ. На этихъ торжествахъ всего ярче выступаетъ тотъ живой духъ, который, проникая всѣ наличныя силы учрежденія, даетъ имъ надлежащую стойкость въ достиженіи общей единой цѣли. Въ учрежденіи же молодомъ, каковъ нашъ Институтъ, близкія сердечныя отношенія между первыми его дѣятелями, по нашему убѣжденію, служатъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ его дальнѣйшаго процвѣтанія. Мы именно выше всего цѣнимъ эти правильныя отношенія, существовавшія между руководителями и руководимыми въ теченіе двухъ лѣтъ: каждый изъ насъ, по мѣрѣ своихъ силъ, будиль въ окружающей средѣ сочувствіе къ дорогому намъ учрежденію; мы дѣлились другъ съ другомъ своими свѣдѣніями и сомнѣніями. Желая отъ всей души, чтобы ближайшіе наши преемники были въ этомъ отношеніи столь же счастливы, мы считаемъ нелишнимъ сохранить въ нашемъ учрежденіи живое воспоминаніе объ этомъ отрадномъ явленіи. Пусть мы грѣшимъ избыткомъ чуждаго нашему времени лиризма: мы его не стыдимся, ибо онъ исходитъ изъ чистаго источника. Если лиризмъ неоснователенъ, компетентныя судьи разберутъ дѣло съ приличествующимъ имъ олимпійскимъ спокойствіемъ.

Археологическій Институтъ праздновалъ 24 февраля день своего основанія вмѣстѣ съ первымъ выпускомъ своихъ слушателей. Это двойное торжество привлекло въ наше учрежденіе множество посѣти-

телей, въ числѣ которыхъ находились представители разныхъ министерствъ и главныхъ управленій, нѣсколько членовъ государственнаго совѣта и сенаторовъ, начальство учебнаго округа, профессора университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и члены различныхъ ученыхъ обществъ. Ровно въ часъ пополудни засѣданіе открыто было директоромъ Института при г. товарищѣ Министра Народнаго Просвѣщенія князѣ А. П. Ширинскомъ-Шихматовѣ. Актовья рѣчи Н. В. Казачова и Л. А. Миллера, равно какъ отчетъ институтскаго совѣта, прочитанный секретаремъ его Н. В. Покровскимъ, вызвали громкія рукоплесканія. Такое же сочувствіе выражено было публикою и слушателями, удостоенными золотыхъ и серебряныхъ медалей. Въ заключеніи акта слушатель Д. М. Мейчикъ отъ лица всѣхъ своихъ товарищей выразилъ совѣту Института глубокую признательность за высокую честь, оказанную имъ какъ присужденіемъ награды, такъ и принятіемъ въ число дѣйствительныхъ членовъ учрежденія, ставшаго для нихъ второю семьею по тѣмъ искреннимъ дружественнымъ чувствамъ, которыя въ теченіе всего курса нитали къ нимъ ихъ достойные наставники и руководители. Слушатели сознаютъ, что не успѣли исполнить всего, что они находятъ желательнымъ, и потому числятъ за собою значительный долгъ Институту; пока долгъ этотъ не покрытъ, они считаютъ и самыя присужденныя имъ награды не вполне заслуженными. Они утѣшаютъ себя только мыслию, что добросовѣстно относились къ лежащимъ на нихъ обязанностямъ, и въ этомъ обстоятельстве почерпаютъ твердую надежду, что оправдаютъ оказанное имъ со стороны Института довѣріе.

Въ шесть часовъ вечера, въ помѣщеніи Института былъ сервированъ обѣдъ, устроенный по подпискѣ, приблизительно на сорокъ человекъ. Въ обѣдѣ приняли участіе, кромѣ слушателей, бывшихъ и находящихся, профессора Института, почетные члены и другія лица, извѣстныя своими трудами и своимъ сочувствіемъ къ отечественной археологіи. Залъ Института былъ великолѣпно освѣщенъ. Особенно эффектно выдавался портретъ Государя Императора, роскошно украшенный зеленью. На обѣденномъ столѣ были разставлены старинныя яндовы, кушаны, кубки и ковши. Первый тостъ провозглашенъ былъ дирек-

торомъ Института за здоровье Государя Императора, второй за здоровье Государыни Императрицы, третій за Государя Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны; всѣ эти тосты сопровождались дружнымъ, громкимъ, долго не смолкавшимъ „ура“. Вслѣдъ за тѣмъ Н. В. Калачовъ возгласилъ тостъ за г. министра народнаго просвѣщенія.

Пока раздавались сочувственныя выраженія послѣднему тосту, на кафедре противъ стола былъ положенъ изящно отдѣланный въ старинномъ вкусѣ, по рисунку извѣстнаго археолога В. А. Прохорова, альбомъ съ фотографическими портретами окончившихъ курсъ слушателей Института перваго выпуска и одинъ изъ нихъ И. Г. Даниловъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Высокоуважаемый нашъ директоръ Николай Васильевичъ!

„Товарищи мои, бывшіе слушатели, а нынѣ дѣйствительные члены и члены-сотрудники Археологическаго Института, уполномочили меня выразить вамъ чувства глубокой признательности, которыя насъ всѣхъ воодушевляютъ.

„Вамъ, Николай Васильевичъ, принадлежитъ великая честь учрежденія въ отечествѣ нашемъ первой, не бывалой доселѣ, школы по изученію русскихъ древностей.

„Подъ кровъ вашего дѣтища — Института, съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ къ вашему имени, стеклись достойные васъ сотрудники; явились и мы, первые слушатели Археологическаго Института. Занятія наши въ Институтѣ, подъ вашимъ руководствомъ и при ближайшемъ вашемъ участіи, удовлетворили нашей любовнательности по отношенію къ жизни нашихъ предковъ; мало того, въ дѣлахъ давно минувшихъ дней мы нашли живой источникъ, укрѣпившій въ насъ высокое чувство любви къ своей родинѣ.

„Наши слабыя попытки самостоятельныхъ работъ, предпринятія по вашимъ указаніямъ, вы встрѣчали всегда поддержкою и большимъ поощреніемъ. Въ простомъ обхожденіи вашемъ съ нами мы невольно забывали, что съ нами бесѣдуетъ и руководитъ насъ высокопоставленное лицо и знаменитый русскій ученый.

„Мы счастливы думать, что въ вашемъ расположеніи къ намъ, первымъ питомцамъ учрежденнаго вами Института, вы проявляли лю-

бовъ къ вашей неизмѣнной спутницѣ — наукѣ, которой вы посвятили всю свою жизнь.

„На насъ лежитъ святая обязанность оправдать надежды своего учителя. Мы постараемся, всякій по мѣрѣ силъ своихъ, чтобы брошенное вами сѣмя не пропало безплодно.

„Единодушно желая, чтобы и вы, высокоуважаемый Николай Васильевичъ, не позабыли о насъ, первыхъ слушателяхъ, мы порѣшили въ сегодняшній торжественный день, поднести вамъ альбомъ съ нашими портретами. Примите его отъ насъ въ знакъ безграничной признательности и искренняго, глубокаго уваженія своихъ учениковъ“.

При оглушительномъ „ура“ альбомъ былъ поднесенъ директору. Николай Васильевичъ, видимо тронутый, въ теплыхъ словахъ благодарилъ за подарокъ и сказалъ, что труды его по устройству Института увѣнчались полнымъ успѣхомъ и результаты институтскаго дѣла превзошли всѣ его ожиданія.

Д. М. Мейчикъ, обращаясь къ собранію, заявилъ желаніе дополнить рѣчь И. Г. Данилова нѣсколькими мыслями о заслугахъ Н. В. Калачова въ области русскихъ юридическихъ древностей. „Вотъ уже лѣтъ сорокъ — сказалъ онъ — русская наука считаетъ Н. В. Калачова въ ряду достойныхъ своихъ служителей. Его ученики произведенія и изданія внесли въ русскую историко-юридическую литературу строгіе чисто археологическіе приемы, которые пользуются всеобщимъ признаніемъ, но, къ сожалѣнію, не вошли еще во всеобщее употребленіе, благодаря собственно тому, что они требуютъ чрезвычайно точныхъ, такъ сказать, микроскопическихъ наблюденій. Его „Предварительныя изслѣдованія о Русской Правдѣ“, вышедшія на дняхъ вторымъ изданіемъ, составляютъ замѣчательный, вѣрнѣе сказать, единственный въ своемъ родѣ вкладъ въ сокровищницу русскихъ юридическихъ древностей. Какой студентъ или профессоръ, занимающійся древнимъ отечественнымъ правомъ, не изучалъ этой книги? но осмѣливаюсь утверждать, что никто еще не изучалъ ее такъ, какъ того желалъ бы всѣми уважаемый ея авторъ. Это доказывается тѣмъ, что въ продолженіе 34-хъ лѣтъ, истекшихъ отъ перваго появленія ея на свѣтъ, ни у кого не хватило рѣшимости по-

вести далѣе изслѣдованія, начатыя Н. В. Калачовымъ съ такимъ успѣхомъ. Вотъ почему эти „Изслѣдованія“ до сихъ поръ сохраняютъ полное свое значеніе, не смотря на множество новыхъ изысканій по разнымъ вопросамъ, соприкасающимся съ Русскою Правдою. При содѣйствіи Николая Васильевича появилось уже немало ученыхъ трудовъ, основанныхъ на архивныхъ документахъ, проливающихъ новый свѣтъ на различныя эпохи русской исторіи и русскаго права. Но до послѣдняго времени всѣ его усилія и заботы о преуспѣяніи отечественной науки имѣли только частное значеніе и могли приносить пользу болѣе или менѣе ограниченному кругу лицъ. Съ учрежденіемъ же Археологическаго Института, наука приобрѣла постояннаго двигателя, который, какъ мы уповаемъ, будетъ дѣйствовать непрерывно въ духѣ и направленіи, данномъ ему его основателемъ. Да продлитъ Господь Богъ вѣкъ нашему директору и да сподобитъ его увидѣть свое созданіе въ цвѣтѣ силъ, когда оно разросется въ могучее обильно-лиственное дерево, достойное той великой земли, на которой оно промврасло“.

Затѣмъ были возглаголены тосты за профессоровъ и почетныхъ членовъ Института и тутъ же отправлены телеграммы графу Строганову, графу Уварову и профессору Самоквасову и были прочтаны полученные отъ разныхъ лицъ поздравительныя телеграммы по случаю исполнявшейся годовщины Института (1).

Послѣ этого поднялся съ своего мѣста уважаемый В. А. Прохоровъ и, сравнивъ Институтъ съ вертоградомъ, сказалъ: „мм. гг. Дерево цѣнится по плодамъ, а человекъ по дѣламъ. Это изреченіе должно отнести не только къ плодоноснымъ садамъ, но и ко всѣмъ полезнымъ общественнымъ учрежденіямъ. О нашемъ Археологическомъ вертоградѣ я съ увѣренностью могу сказать, что въ немъ не было ни одного такого дерева, при корнѣ котораго можно бы положить сѣкиру съ изреченіемъ: „дерево,

(1) Полученныя вслѣдъ затѣмъ телеграммы, отъ графа А. С. Уварова и Д. Е. Самоквасова, были слѣдующаго содержанія: «Отъ души благодарю за желанія и доброе воспоминаніе. Поздравляю многоуважаемаго основателя института и желаю выходящимъ успѣшную дѣятельность для пользы отечественной археологій. Графъ Уваровъ.»

«Сердечно поздравляю. Благодарю. Душевно желаю достопочтеннымъ археологамъ дальнѣйшихъ предпріятій на пользу родной старины. Самоквасовъ.»

не приносящее плода, посѣкается и въ огонь вбѣгается“. Конечно, тутъ много зависѣло отъ искуснаго вертоградара, который съ такою опытностію знатока умѣлъ устроить свой вертоградъ, въ которомъ появилось уже столько полезныхъ, почтенныхъ плодовъ, что нельзя отозваться объ нихъ безъ уваженія. Мм. гг. Воздадимъ должное нашему душевно-уважаемому вертоградарю; — пожелаемъ ему многолѣтняго здравія, чтобы подъ его опытнымъ руководствомъ процвѣталъ нашъ Археологическій вертоградъ и принесъ бы обильные плоды для науки и Россіи“.

Какъ бы въ дополненіе этихъ словъ, любимый слушателями профессоръ Н. В. Покровскій, въ свою очередь, заявилъ о сочувственномъ отношеніи слушателей къ своимъ обязанностямъ приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „при воспоминаніи о ближайшихъ дѣятеляхъ Института въ непродолжительный періодъ его существованія, считаю нравственною обязанностію упомянуть еще объ одной силѣ, которая въ значительной мѣрѣ вліяла на жизнь нашего молодаго учрежденія. Я разумѣю гг. слушателей Института. Присоединившись къ институтскому кружку на самыхъ первыхъ порахъ его появленія и живо интересуясь дѣломъ Института, я имѣлъ полную возможность наблюдать сердечное и вполне серьезное отношеніе слушателей къ добровольно принятымъ ими на себя обязанностямъ и искреннее желаніе помочь общему дѣлу. Не говорю уже объ ихъ вполне добросовѣстномъ и, смѣю думать, нерѣдко снисходительномъ отношеніи къ совершенно новому у насъ дѣлу преподаванія археологіи, укажу лишь на ихъ самостоятельныя работы по различнымъ отраслямъ археологическаго знанія, работы, заслуживающія полного вниманія и обнаруживающія въ ихъ авторахъ какъ любовь и усердіе къ дѣлу (какія едва ли можно встрѣтить въ какомъ либо другомъ учебномъ заведеніи), такъ и ихъ ученую компетентность. Только при такомъ положеніи дѣла Институтъ могъ смѣло заявить сегодня о своемъ двухгодичномъ плодотворномъ существованіи и высказать надежду на дальнѣйшій успѣхъ его дѣла. Предлагаю тостъ за слушателей Института“.

Послѣ этого одинъ изъ новыхъ слушателей Института, подполковникъ А. И. Петровъ, человекъ весьма почтенныхъ лѣтъ и много

потрудившійся на пользу собранія и изученія памятниковъ старины, въ краткой и прочувствованной рѣчи, выразилъ слѣдующую главную мысль: „ознакомившись съ этимъ учрежденіемъ, я такъ былъ увлеченъ, что если бы мнѣ всего только два года оставалось жить на свѣтѣ, то и ихъ я посвятилъ бы слушанію курса въ Институтѣ и институтскимъ занятіямъ“.

Уважаемый профессоръ П. И. Савваитовъ, начавъ свою рѣчь евангельскимъ словомъ: „отъ избытка сердца уста глаголютъ,“ продолжалъ: „и глаголютъ иначе тамъ, гдѣ слова модныя, въ родѣ: прогрессъ, самосознаніе, не въ ходу. Въ общественной жизни, какъ и въ жизни личной, можно различать возрасты. Сначала было дѣтство, потомъ наступило отрочество, когда мы всецѣло предавались водительству другихъ, когда наши опекуны до того насъ опекали, что мы чужими мыслями стали думать, забыли о себѣ и стали говорить, что мы европейцы. Теперь обозначился переходъ къ другому, національному возрасту—мужеству. Руководственнымъ правиломъ должно быть для насъ изреченіе древняго мудреца: „познай самого себя“. Учреждавшіяся доселѣ археологическія общества собирали и собираютъ преимущественно матеріалы къ уясненію нашей родной старины. Первымъ учрежденіемъ для обработки этихъ матеріаловъ является Археологическій Институтъ. Оставляя его, каждый будетъ имѣть въ виду своими трудами содѣйствовать нашему русскому самопознанію“. „Дай Богъ“, заключилъ ораторъ свою прекрасную рѣчь, обращаясь къ бывшимъ слушателямъ, — „дай Богъ, чтобы идеи любви къ познанію своего отечества болѣе и болѣе распространялись и, какъ ручейки, образующіе нашу широкую, почти по всей Россіи пролегающую матушку-Волгу, разлились всюду и сказались въ вашей полезной дѣятельности“.

Дальше слѣдовали тосты за здоровье князя П. А. Путятина, проф. Н. В. Покровскаго, Л. А. Миллера, секретаря Института А. П. Ясенскаго и за семейство г. директора Института.

Но желаніе участниковъ институтскаго дѣла сказать свое слово продолжалось. Въ числѣ ихъ бывший слушатель Института г. Доброготовъ, служащій въ архивѣ Государственнаго Совѣта, замѣтилъ, что

въ привлеченіи къ археологическимъ занятіямъ въ Институтѣ архивныхъ чиновниковъ выразилось уваженіе къ этимъ безвѣстнымъ труженикамъ, на которыхъ прежде смотрѣли какъ на состоящихъ на пенсіи и на которыхъ впервые обратилъ вниманіе г. Калачовъ.

Затѣмъ слушатель Я. И. Зарницкій, выйдя на средину залы, заявилъ, что „одною изъ самыхъ свѣтлыхъ и самыхъ отрадныхъ, выдающихся сторонъ перваго курса была та непринужденная привѣтливость, тѣ чуждыя холодной формальности сердечность и искренность, которыя всегда замѣчались въ отношеніяхъ какъ профессоровъ и ученыхъ археологовъ, во главѣ съ высокоуважаемымъ директоромъ, къ слушателямъ, такъ и слушателей между собою, не смотря на то, что подъ кровъ институтскій стеклись люди разныхъ общественныхъ положеній, званій, состояній, возрастовъ и разнаго предварительнаго воспитанія. Эта самая дорогая черта курса, съ особенною силою выразившаяся на этомъ обѣдѣ въ многочисленныхъ тостахъ и рѣчахъ за общимъ хлѣбомъ-солью, не можетъ быть объяснена только общою преданностью единому дѣлу науки, или доселѣшнюю немногочисленностью институтскаго состава, а главнымъ образомъ зависитъ отъ самаго этого состава. Остается только вседушевно пожелать, чтобы прежнія добрыя отношенія, за выходомъ первыхъ слушателей, не только не ослабѣли, но еще болѣе и болѣе упрочивались и крѣпли, чтобы Институтъ по прежнему остался связующимъ центромъ, къ которому бы таготѣли всѣ ихъ стремленія, давалъ тонъ, направленіе и поддержку ихъ занятіямъ. Дай Богъ, чтобы и между нами всегда сохранился тотъ духъ заведенія, то чисто товарищеское единеніе, которое уже установилось между нами и которое служить лучшимъ залогомъ къ упроченію и дальнѣйшему успѣху добраго общаго институтскаго дѣла и поддержанію въ насъ безкорыстной любви къ археологической наукѣ.“ Провозглашенный за продолженіе прежнихъ отношеній и за институтское товарищеское единеніе тостъ былъ покрытъ восторженнымъ, задушевнымъ „ура“.

Наконецъ были возглаголены тосты за тѣхъ, которые дѣлали вечернія сообщенія въ институтскихъ собраніяхъ и за радушнаго распорядителя по устройству обѣда, бывшаго слушателя, А. Н. Шишкина. Обѣдъ

закончился пѣніемъ національнаго гимна: „Боже Царя Храни“ и „Славься“ и восторженными оваціями въ честь директора Института и профессора Н. В. Покровскаго. Нечего и говорить о томъ отрадномъ, неизгладимомъ впечатлѣніи, какое произвелъ на слушателей этотъ институтскій, семейный праздникъ.

Д. Мейчикъ и Я. Зарницкій.

Новѣйшія воззрѣнія на предметъ и задачи археологій (1).

Конечная цѣль археологическихъ изслѣдованій, въ широкомъ значеніи этого слова, должна направляться по возможности къ всестороннему изученію различныхъ проявленій народнаго быта, на сколько онъ отражается въ сохранившихся доселѣ памятникахъ древности. Памятники гражданскіе и военные, юридическіе, произведенія искусства, промышленности и ремесла — однимъ словомъ все то, что съ какой бы то ни было стороны характеризуетъ бытъ народа, имѣетъ право стать предметомъ археологической изыскательности. Можно, разумѣется, много возражать противъ такого широкаго опредѣленія объема археологій, но мы имѣемъ въ виду въ данномъ случаѣ *не логическое опредѣленіе науки*, а обычное пониманіе археологій, какъ оно выражается въ существующихъ такъ называемыхъ археологическихъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ. Не входя въ подробности относительно этого предмета, мы позволяемъ себѣ вывести отсюда прямое заключеніе, что и сторона художественная или лучше — религіозно-художественная, конкретнымъ выраженіемъ которой служатъ памятники христіанскаго искусства, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ археологій. И дѣйствительно, какъ въ былое время, такъ и теперь археологи включали и включаютъ ихъ въ кругъ ея вѣдѣній. Отчасти раскопка кургановъ, отчасти наблюденіе памятниковъ древности инаго рода неволью заставляютъ изслѣдователя остановиться на древнихъ по-

(1) Лекція, читанная слушателямъ Института во введеніи къ курсу христіанской археологій.

гребальныхъ обрядахъ первобытнаго человѣка, на его вѣрованіяхъ, заговорахъ, обрядахъ и церемоніяхъ: все это становится необходимымъ потому, что въ этихъ ничтожныхъ, повидимому, остаткахъ пепла, въ этомъ наивно-дѣтскомъ лепетѣ заговора пытливый изслѣдователь находятъ нѣкоторый намекъ на культурное состояніе человѣка въ данный періодъ времени. А если это такъ, если археологическая наука признала безусловно важность изслѣдованія религіознаго быта, являющагося подъ грубыми и неразвитыми формами язычества, то тѣмъ съ большимъ правомъ мы должны включить въ область вѣдѣнія археологіи различныя проявленія религіозной мысли и чувства въ облагороженныхъ формахъ памятниковъ христіанства. Мы не будемъ касаться значенія христіанства, какъ религіозной системы вообще, а констатируемъ лишь тотъ фактъ, что оно заслуживаетъ полнаго вниманія какъ явленіе, характеризующее умственную, нравственную и эстетическую сторону русскаго человѣка, слѣдуетъ какъ такое явленіе, знакомство съ которымъ необходимо для цѣльнаго пониманія древне-русскаго быта. Сторона эта, благодаря природному складу характера русскаго человѣка, на столько важна, что безъ изученія ея осталась бы непонятною значительная доля тѣхъ идеаловъ, которыми онъ жилъ. Вся научная (если можно такъ выразиться) и художественная дѣятельность въ древней Россіи отмѣчена характеромъ религіозности. Въ области книжной на первомъ планѣ стоятъ житія святыхъ, палеи, златоуструи; обученіе грамотѣ ведется по церковнымъ книгамъ, письменною дѣятельностію завѣдуютъ монахи. Въ области художественной, на которую направляется главнымъ образомъ наше вниманіе, мы замѣчаемъ тоже самое. Русская художественная дѣятельность, проявлявшаяся въ архитектурѣ и живописи, имѣетъ почти всецѣло религіозную основу: архитектурная дѣятельность обращена была главнымъ образомъ на храмъ, русская живопись была въ сущности иконописью. Какъ произведенія архитектурныя, такъ и живописныя цѣнились лишь на столько, на сколько они удовлетворяли цѣлямъ религіозности. Искусство, какъ предметъ непосредственнаго эстетическаго наслажденія или, употребляя стереотипную фразу, искусство для искусства, едва ли могло находить для себя пригодную почву въ древней Россіи. Говоря это, мы имѣемъ въ

виду преимущественно изобразительных искусства и опираемся на вещественные и письменные памятники русской древности, которые удостоверяют, что главнейшимъ двигателемъ искусствъ — архитектуры и живописи служила религія, такъ что, по нашему убѣжденію, если можно говорить объ исторіи русской архитектуры или живописи, то не иначе, какъ на основаніи христіанскихъ памятниковъ — храмовъ и религіозныхъ изображеній. Исключить эти предметы изъ вѣдѣнія исторіи искусства, если не значитъ свести ее къ нулю, то, по меньшей мѣрѣ, значитъ — лишить ее твердой точки опоры. Такимъ образомъ, не боясь впасть въ сильное преувеличеніе, мы полагаемъ, что религіозность древне-русскаго человѣка была школою художниковъ, а произведенія художественныя, вышедшія изъ этой школы, составляютъ краеугольный камень для исторіи русскаго искусства. Другое дѣло въ западной Европѣ, гдѣ отчасти географическія и климатическія условія, отчасти же успѣхи цивилизаціи вообще, помогли искусству высвободиться изъ подъ опеки церкви и занять самостоятельное положеніе наряду съ другими проявленіями знанія и творческой дѣятельности. Но и здѣсь искусство не остается совершенно чуждымъ вліянію религіи, но, какъ показываютъ исторія и примѣры знаменитыхъ художниковъ, находитъ въ ней силу вдохновенія и неисчерпаемое богатство идей и образовъ. Отсюда-то между прочимъ и объясняется разница между искусствомъ въ странахъ католическихъ и протестантскихъ.

А если таково въ дѣйствительности значеніе религіознаго искусства въ исторіи русскаго народа, то отсюда уже вытекаетъ заключеніе о необходимости спеціальнаго изученія религіозно-художественныхъ памятниковъ русской древности. Они *прежде всего* должны составлять предметъ той вѣтви археологіи, которую мы называемъ христіанскою или точнѣе церковною археологіею. Однако жъ, признавая безусловно важность изслѣдованія намѣченнаго нами предмета и отводя ему видное мѣсто въ границахъ общаго археологическаго знанія, мы отнюдь не думаемъ утверждать *eo ipso*, что только одинъ этотъ предметъ имѣетъ исключительное право стать предметомъ христіанской археологіи. Есть много другихъ предметовъ, которые также не безъ права включаются въ сферу наблюденія археологовъ. Для примѣра можно указать на

церковную обрядность, которая въ былое время, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и теперь, считается главнымъ предметомъ церковной археологіи. Такимъ образомъ точнаго опредѣленія предмета церковной археологіи, равно какъ и археологіи вообще, доселѣ не существуетъ; нѣтъ здѣсь также и установившагося воззрѣнія на задачи и приемы археологическихъ изслѣдованій. Все дѣло нерѣдко предоставляется личному вкусу и капризу. Печальнѣе всего наконецъ то, что большинство археологовъ, усердно занимающихся древностями, никогда даже не задаютъ себѣ вопроса о научной постановкѣ ихъ занятій, въ ложномъ убѣжденіи, что всякая мелочь, при всякомъ приемѣ изслѣдованія, можетъ принести громадную пользу. Не останавливаясь на этихъ, къ сожалѣнію слишкомъ многочисленныхъ, явленіяхъ профанаціи археологіи, бросимъ бѣглый взглядъ на пониманіе этой отрасли знанія лучшими ея представителями, чтобы видѣть на сколько прочно установлена археологія, какъ наука.

Когда Діонисій Галикарнасскій, а за нимъ Іосифъ Флавій въ первый разъ сообщили своимъ сочиненіямъ названіе археологіи (1); то они, какъ показываетъ содержаніе ихъ сочиненій, не полагали существеннаго различія между археологіей и исторіей; сочиненія эти имѣютъ историческій характеръ. Въ сочиненіяхъ средневѣковыхъ писателей можно видѣть уже нѣсколько попытокъ выдѣленія предмета археологіи изъ общей массы историческаго знанія. Не принимая доколѣ въ расчетъ попытокъ церковныхъ писателей относительно археологіи церковной, мы замѣчаемъ въ средѣ свѣтскихъ археологовъ и историковъ этого времени сильную склонность — приурочить археологію къ памятникамъ классической древности. По всей вѣроятности, склонность эта составляетъ прямой результатъ общаго тяготѣнія тогдашней науки къ изученію греко-римскаго міра. И такъ какъ памятники древней Греціи и Рима, за немногими исключеніями, имѣютъ художественный характеръ, то отсюда и наука объ этихъ памятникахъ являлась нерѣдко въ тѣсномъ смыслѣ наукою о классическомъ искусствѣ. Со временемъ, когда, благодаря успѣхамъ спеціальныхъ изслѣдованій по раз-

(1) Dionys. 'Αρχαιολογία Ῥωμαϊκή. Jos. 'Αρχαιολογία Ἰουδαϊκή.

личнымъ сторонамъ историческаго знанія, выдвинуть былъ вопросъ о національности въ историческихъ изысканіяхъ, тогда и археологія, въ параллель съ этимъ новымъ запросомъ ученой мысли, стала обращать вниманіе на древности *національныя*. Однакожь, коль скоро признано было, что археологія есть наука о памятникахъ искусства (на первыхъ порахъ античнаго), то и національная археологія, перенеся свои наблюденія на почву національности, осталась все-таки вѣрна своей прежней постановкѣ, т. е. изъ числа національныхъ древностей стала избирать лишь тѣ древности, которыя отмѣчены характеромъ художественности. Такъ понимаютъ археологію многіе изъ европейскихъ ученыхъ до настоящаго времени; а по подражанію имъ — и многіе изъ русскихъ археологовъ съ тою лишь разницею, что одни изъ этихъ послѣднихъ считаютъ предметомъ археологіи исключительно художественные памятники, другіе — *вещественные памятники* вообще. Самостоятельнаго опредѣленія собственно русской археологіи у насъ нѣтъ. Въ 1811 году явилось у насъ выдающееся для своего времени сочиненіе профессора Харьковскаго университета Гавріила Успенскаго, подъ названіемъ: Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Однакожь, по странной случайности, въ составъ этого опыта не вошли ни одною стороною вещественные памятники древности. Уже одно это показываетъ, что составитель его не счелъ нужнымъ вдуматься въ понятіе „древность“ и опредѣлить его болѣе или менѣе точно, а взялъ для своего изложенія лишь одну сторону дѣла и притомъ совершенно произвольно, не мотивируя своего выбора никакими соображеніями. Съ тѣхъ поръ до 1851 года мы не находимъ въ Россіи ни одной попытки къ опредѣленію и какой бы то ни было систематизаціи предметовъ древностей. Только въ 1851 году нашъ достопочтенный ученый И. Н. Сахаровъ въ 1-мъ томѣ Записокъ отдѣленія славянской и русской археологіи пытался опредѣлить кругъ вѣдѣнія археологіи и отнесъ къ ней: 1) топографію селъ, монастырей и деревень; 2) архитектуру церковныхъ и монастырскихъ зданій; 3) иконописаніе; 4) металлическія издѣлія, находящіяся въ церквахъ; 5) шитую церковную утварь; 6) валяніе и рѣзбу; 7) библіотеки; 8) зодчество городское; 9) металлическія произведенія (оружіе, доспѣхи и т. п.); 10) народныя одежды

11) музыкальныя орудія; 12) единицы вѣса, мѣръ и величинъ. По всему видно, что названный ученый въ составъ археологiи вводитъ, если не исключительно, то по преимуществу вещественныя памятники древности и притомъ не всѣ, а только тѣ ихъ нѣтъ, которые относятся ко времени отъ X до XVIII в. Что касается древностей нервовыбитныхъ, которыя безспорно занимаютъ въ настоящее время одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду другихъ предметовъ русской археологiи, то они исключены Сахаровымъ изъ археологической программы потому, что изслѣдованiе ихъ, въ его время, не имѣло ученыхъ результатовъ. Сверхъ того нельзя не видѣть, что такая попытка группировки археологическаго матеріала имѣетъ совершенно внѣшній случайный характеръ. Ей недостаетъ одного общаго принципа, къ которому бы ввоздилось все разнообразіе разбитаго на отдѣльныя рубрики матеріала, недостаетъ именно того, безъ чего не возможна никакая система, никакая классификація. А при такомъ положенiи дѣла, какъ понятно само собою, археологiя является не наукою съ извѣстнымъ опредѣленнымъ содержаніемъ, но лишь агрегатомъ самыхъ разнокалиберныхъ по своему характеру предметовъ знанiя. Не говоря уже о томъ, что она не имѣетъ въ такомъ видѣ логическаго опредѣленiя, она не имѣетъ даже и внѣшнихъ признаковъ, по которымъ бы можно было хотя приблизительно узнать относится или нѣтъ тотъ или другой изъ непоименованныхъ въ исчисленныхъ рубрикахъ предметъ къ области археологическаго вѣдѣнiя. А между тѣмъ требованiе это мы должны необходимо признать законнымъ на томъ основанiи, что только степень опредѣленности *содержанiя* въ связи съ опредѣленностію *предметовъ и задачъ* изслѣдованiя рѣшаетъ вопросъ о самостоятельности *науки*: гдѣ нѣтъ этого, тамъ нѣтъ и особой науки.

Потребность точнѣйшаго опредѣленiя археологiи создана была у насъ лишь въ недавнее время. Въ августѣ 1874 года на бывшемъ въ Кіевѣ съѣздѣ археологовъ былъ между прочимъ возбужденъ первой важности вопросъ объ основныхъ задачахъ археологiи и рѣшенъ И. Е. Забѣлинымъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ сущность этого рѣшенiя. Всѣ науки о человѣкѣ могутъ разсматривать человѣка съ двухъ сторонъ: для однихъ онъ творческое удивительное созданіе Создателя при-

роды; для другихъ онъ самъ по себѣ творческая сила, которая сама создаетъ свой бытъ, сама обрабатываетъ свою природу.... Вся древность, оставшаяся отъ прожитой жизни человѣка въ разнообразнѣйшихъ памятникахъ есть въ сущности одинъ памятникъ, памятникъ его безпредѣльнаго творчества, памятникъ его безчисленныхъ дѣлъ на землѣ, начиная послѣднимъ произведеніемъ его ремесла и мастерства и оканчивая высотою его умственныхъ и нравственныхъ созерцаній. Творцемъ, создателемъ всего неисчислимаго разнообразія этихъ памятниковъ былъ самъ человѣкъ. Разнообразное изслѣдованіе различныхъ сторонъ этихъ памятниковъ составляетъ предметъ различныхъ наукъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти науки могутъ быть распределены и организованы только по тѣмъ особымъ началамъ, въ какихъ неизмѣнно проявляется само человѣческое творчество. А творчество это также распадается на два отдѣла. Мы замѣчаемъ въ творческой производительности человѣка или дѣйствіе единичное, дѣйствіе свободной человѣческой воли, или дѣйствіе родовое — дѣйствіе цѣлаго рода, которое на столько непроизвольно со стороны человѣка, что становится для него какъ бы закономъ самаго естества. Напр. вся орнаментика какого-либо народа, узоръ, которымъ онъ украшаетъ свою одежду и великіе предметы домашняго обихода, украшаетъ свои постройки, свои рукописи, свое оружіе, словомъ сказать — все то, чему хочетъ придать красоту, — вся эта узорчатая красота въ ходѣ своего возрастанія, распространенія и употребленія никакъ не находится во власти отдѣльнаго лица, которое создаетъ лишь ея части, первообразы, распространяемые и развиваемые тоже отдѣльными лицами, но всегда по волѣ чего-то общаго родоваго, принадлежащаго всему поколѣнію и народу. Это общее, родовое, такъ сказать бессознательное творчество, составляетъ область исторіи, а творчество единицы — личное, сознательное, именно частности и мелочи жизни, результаты частныхъ отношеній, связей, потребностей, представленій фантазіи составляютъ предметъ археологіи (1). Эта помытка почтеннаго археолога — возвестъ всю массу археологическаго матеріала къ одной общей основѣ и такимъ образомъ выдѣлить

(1) Труды 3-го археол. съѣзда, т. 1 стр. 7 и слѣд.

изъ исторіи особую вѣтвь — археологію, заслуживаетъ полнаго вниманія, именно какъ попытка придать археологіи самостоятельную научную основу. Но нельзя не видѣть, что основа эта взята совершенно произвольно; такъ что при ближайшемъ примѣненіи ея къ дѣлу оказывается несостоятельною. Въ самомъ дѣлѣ — какая будетъ это наука, если она станетъ ограничивать свою задачу лишь обзорніемъ частныхъ и мелочей, оставляя въ сторонѣ все общее. Вѣдь самъ же г. Забѣлинъ въ своей замѣчательно-дѣльной археологической статьѣ, помѣщенной въ журналѣ „Древняя и новая Россія (1878 г.)“, подъ заглавіемъ: „Черты самобытности въ русскомъ зодчествѣ“, не только не ограничиваетъ свою задачу изслѣдованіемъ личнаго творчества, но, кажется, совершенно не касается его, а слѣдитъ за типами этого зодчества, сопоставляетъ характерныя черты каменнаго зодчества съ типическими чертами зодчества деревяннаго и восходитъ даже къ зодчеству индійскому. Иначе и быть не можетъ: съ точки зрѣнія г. Забѣлина ни русская архитектура, ни иконографія, ни орнаментика (которую авторъ прямо относитъ къ числу результатовъ дѣятельности родовой) не могутъ быть признаны предметомъ археологіи, а если могутъ, то лишь въ такой ограниченной мѣрѣ, которая по своей незначительности исключаетъ всякую возможность выдѣленія ея въ особую отрасль знанія. Въ русской архитектурѣ и особенно въ русской иконописи личныя или индивидуальныя особенности художника совершенно ничтожны: онѣ всецѣло заслоняются общимъ оттѣнкомъ школы. Освободить ихъ отъ преданій школы нашъ художникъ не могъ уже по одному тому, что это было несогласно съ исконнымъ русскимъ правиломъ — строить храмы и писать иконы по преданію отцовъ. Такимъ образомъ на долю археологіи достались бы лишь такія явленія, которыя, по своей мелочности, не имѣютъ существенно-важнаго значенія для характеристики общаго быта и которыя, сверхъ того, могутъ быть поняты лишь послѣ того, какъ будутъ отдѣлены въ каждомъ явленіи его общія или родовыя свойства, другими словами — археологія будетъ собирать только лишнія крохи и дѣлать это лишь для удовольствія, но не въ интересахъ общаго историческаго знанія. Такое принципиальное ограниченіе археологіи напоминаетъ намъ обычное пониманіе археологій,

какъ оно обнаруживается въ сочиненіяхъ, носящихъ титулъ „археологическихъ“. Почти всѣ изслѣдованія подобнаго рода имѣютъ частный, детальный характеръ, разбираютъ одинъ какой-ли единичный предметъ, или даже одну только сторону этого предмета, по большей части одинъ какой либо памятникъ и притомъ со стороны только внѣшней, и если не ограничиваютъ свою задачу лишь индивидуальными свойствами рассматриваемаго явленія, то во всякомъ случаѣ и не простираются далѣе конкретной формы: какъ здѣсь, такъ равно и въ первомъ случаѣ общій недостатокъ является отсутствіе сближенія сродныхъ признаковъ или что тоже—научнаго обобщенія. Но если такъ бываетъ въ дѣйствительности, то это не значитъ, что такова должна быть археологія и въ ея идеальномъ смыслѣ; наоборотъ приуроченіе частныхъ отрывочныхъ явленій къ общему роду, включеніе ихъ въ естественную органическую связь съ *родомъ* должно составлять *ria desideria* для молодой археологической науки. Это главная, хотя и не исключительная и безусловная задача археологіи. Бываютъ случаи, хотя относительно археологіи крайне рѣдкіе, когда наблюдаемое явленіе нуждается лишь въ детальномъ разъясненіи, но не въ установкѣ его среди другихъ явленій, и тогда указанное требованіе, въ примѣненіи къ данному случаю, является излишнимъ. Когда историкъ занятъ рѣшеніемъ какого либо частнаго вопроса, а не составленіемъ цѣльнаго курса исторіи, то трудъ его, подобно трудамъ современныхъ археологовъ, имѣетъ детальный характеръ. Но какъ невозможно утверждать, что задача историка состоитъ въ изслѣдованіи однихъ только частныхъ вопросовъ, такъ тоже самое нужно сказать и объ археологіи. Когда историкъ составляетъ цѣльный курсъ исторіи, то онъ опускаетъ частныя подробности и излагаетъ лишь общіе результаты: также долженъ поступить и археологъ, когда онъ излагаетъ цѣльный курсъ археологіи. Утверждать противное возможно лишь въ томъ случаѣ, если мы въ дѣйствительности не имѣемъ еще ни одного сноснаго опыта построения цѣльнаго курса археологіи и ограничиваемся составленіемъ отрывочныхъ статей, помещаемыхъ въ различныхъ археологическихъ изданіяхъ. Совершенно другое дѣло въ цѣльномъ курсѣ: въ данномъ случаѣ отрывочный фактъ не имѣетъ важнаго значенія самъ по себѣ, но важенъ лишь на столько,

на сколько онъ помогаетъ выясненію цѣлаго, важенъ потому, что въ немъ мы находимъ выраженіе общаго состоянія знанія, художественнаго вкуса, быта въ данное время. Подмѣтить это общее выраженіе и прослѣдить его исторію—вотъ что, по нашему мнѣнію, составляетъ главнѣйшую задачу курса археологіи. Иная постановка науки археологіи едва-ли возможна. Подтвердимъ это первымъ понавшимся подъ руку примѣромъ. Снегиревъ въ своемъ хорошемъ изданіи „Русская Старина“ сообщилъ множество свѣдѣній о московскихъ храмахъ, описалъ форму каждаго храма, указалъ время его построенія, произведенныя по временамъ реставраціи, заключающуюся здѣсь святыню, иконы, орнаментъ и т. д. Однакожь, эти описанія не могутъ стать хотя бы даже только одною частію *курса археологіи*, и вотъ почему: описанія эти имѣютъ совершенно частный характеръ и если могутъ дать понятіе объ общемъ характерѣ древнихъ московскихъ храмовъ, то не иначе, какъ послѣ того, когда мы сообщимъ надлежащую группировку этому матеріалу, опредѣлимъ общія и особенныя черты этихъ храмовъ. Стало бытъ мы имѣемъ въ этомъ изданіи лишь сырой матеріалъ, который можетъ принести пользу только тому, кто уже привыкъ обращаться съ нимъ, но онъ никогда не познакомитъ неспеціалиста съ общою археологіею московскаго храма и не сообщитъ ему надежной подготовки для распознаванія другихъ древнихъ храмовъ, не помѣщенныхъ въ этомъ изданіи. Наоборотъ, когда мы, устраняя частности, для изложенія которыхъ намъ никогда не достало бы времени, по ихъ безчисленному множеству, будемъ отмѣчать только родовое или типическое въ этихъ храмахъ и слѣдоват. примѣнимъ къ данному случаю пріемъ сравнительнаго изученія, будемъ указывать тѣ общіе признаки, съ которыми является московскій храмъ въ данное время, то въ состояніи будемъ понять разомъ всю совокупность разрозненныхъ признаковъ, указать ихъ хронологическую послѣдовательность и постепенныя перемѣны, такъ что, встрѣчая необслѣдованный доселѣ археологами московскій храмъ и примѣняя къ нему добытые путемъ отвлеченія отъ извѣстныхъ уже древнихъ храмовъ признаки, мы можемъ сказать—къ какому типу онъ принадлежитъ, есть ли это храмъ московскій или новгородскій, къ какому времени относится его построеніе, и слѣдоват.

въ этомъ заключается весьма важное удобство указанной постановки археологін: она научить насъ узнавать сродное — гдѣ бы и при какихъ бы осложненияхъ оно ни являлось, и отличать оригинальное, что доселѣ еще не было предметомъ археологическаго наблюденія. И такъ центръ тяжести для археологін лежитъ въ явленіяхъ родовыхъ, хотя не исключаются изъ круга ея вѣдѣнія и явленія индивидуальнаго свойства. Но этихъ не исчерпывается еще всецѣло задача археологін. Пусть данный матеріалъ сгруппированъ на основаніи общихъ и особенныхъ признаковъ, пусть указана даже послѣдовательность въ развитіи явленій извѣстнаго порядка, мы все-таки сдѣлали еще не все. Мы имѣемъ предъ собою существующій фактъ или даже цѣлую группу фактовъ, но не знаемъ первоначальнаго возникновенія ихъ, не знаемъ генесиса. То уже старая истина, что каждое явленіе имѣетъ свою причину; указать эту естественную причину значитъ уже сообщить извѣстному явленію твердую точку опоры. Потребность этихъ указаній особенно сильно ощущается въ археологін христіанскаго искусства, гдѣ въ большинствѣ случаевъ дѣйствительныя причины, родившія то или другое явленіе, замѣнены совершенно искусственными символизмомъ, который, какъ плодъ произвольныхъ и притомъ повидѣйшихъ соображеній, способенъ скорѣе затмить, чѣмъ раскрыть истину. Такъ, напр., недостаточно указать, что изображеніе символовъ добраго пастыря и рыбы извѣстно было христіанамъ во II—III вв., обязанность археолога состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить: откуда возникли эти символы, какія историческія обстоятельства вызвали ихъ къ жизни и чѣмъ обуславливалась ихъ форма. Въ жизни народа случайныхъ явленій нѣтъ: они вызываются другими явленіями, которыя въ свою очередь сами являются причиною, или стимуломъ, для иныхъ явленій, и на сколько неизбѣжна и важна связь эта въ самой жизни, на столько же важно и изученіе ея въ теоріи. Только при соблюденіи этого требованія мы можемъ надѣяться, что нашъ взглядъ на тѣ или другія явленія, хотя бы только въ условной степени, соответствуетъ ихъ природѣ. Само собой разумѣется, что объясненія подобнаго рода требуютъ благоразумной осторожности и знакомства съ исторіею; во всякомъ случаѣ общимъ правиломъ, полагаемъ, нужно считать то, чтобы они вытекали изъ жизни и практики, но не изъ

отвлеченных и символических соображений. Последніе въ былое время находили особенно широкое примѣненіе въ христіанской археологіи, которая такимъ образомъ являлась цѣлою символическою системою, чуждою всякаго жизненнаго значенія. Такъ, наприм., одежды престола представлялись здѣсь какъ прямое подражаніе плащаницѣ, въ которую завернуто было тѣло Спасителя при его положеніи въ гробъ; орарь — вышнее выраженіе ангельскихъ крыльевъ, вѣяніе рипидами -- вѣяніе благодати св. Духа, алтарь — подражаніе нещерѣ, въ которой родился Спаситель, нѣкоторыя одежды ставились въ связь съ одеждami еврейскихъ священниковъ, а инныя даже съ „муромъ, сходящимъ на браду Аарона“ и т. п. Нѣтъ нужды говорить о томъ, что символизиръ этотъ имѣетъ свой смыслъ, но онъ въ большинствѣ случаевъ не даетъ прямого отвѣта на вопросъ о происхожденіи того или другаго археологическаго явленія; онъ слѣдуетъ за явленіемъ, но не вызываетъ его къ жизни; поэтому отвѣтовъ на поставленный вопросъ мы должны искать въ условіяхъ современной и предшествовавшей наблюдаемому явленію жизни и при этомъ нерѣдко проникать въ глубь цѣлыхъ столѣтій, которыя могутъ быть отдѣлены отъ него и національностію, и религіею, и культурою. Дѣйствительно, многіе вопросы русской археологіи находятъ свое рѣшеніе въ археологіи наприм. византійской или въ практикѣ первыхъ вѣковъ христіанства, а послѣдняя имѣетъ нѣкоторое соотношеніе съ практикою культовъ, предшествовавшихъ христіанству. Такимъ образомъ задача археологіи должна заключаться въ опредѣленіи типовъ и указаніи историческаго генесиса, но отнюдь не въ разборѣ мелочей индивидуальнаго характера и произвольныхъ.

Попытка И. Е. Забѣлина — придать археологіи теоретическую научную самостоятельность, путемъ строгаго опредѣленія ея объема и предмета, принадлежитъ къ числу первыхъ попытокъ въ этомъ родѣ. Недостатки ея почувствованы были тотчасъ же и вызвали нѣкоторыя возраженія ⁽¹⁾; но вопросъ остался все-таки недостаточно разъясненнымъ и съ тѣхъ поръ, по видимому, сдать въ архивъ. Какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя учрежденія до сихъ поръ слишкомъ мало заняты вопро-

(1) Труды 3-го археологическаго съѣзда т. I, стр. XVIII—XXIII.

сень о надлежачей постановки археологии и довольствуются представлением ее въ видѣ мозаической картинки, въ которой механически соединяется нѣсколько самыхъ разнообразныхъ элементовъ, не связанныхъ между собою единствомъ общей мысли. Для доказательства этого мы могли бы указать на самый свѣжій опытъ группировки археологическихъ знаний на предварительномъ собраніи, бывшемъ въ январѣ настоящаго года, по поводу предполагаемаго 5-го археологическаго съезда въ Тифлисѣ. Всю область археологии съездъ раздѣлилъ на слѣдующіе отдѣлы: а) древности первобытныхъ, б) языческія и мусульманскія, в) памятники христіанскія, г) памятники искусствъ и художествъ, д) памятники языка и письма, е) лингвистика, ж) историческая географія и з) этнографія. Не вдаваясь въ разборъ этой программы, отмѣтимъ лишь то, что здѣсь въ основу дѣленія на группы положены одновременно двѣ совершенно различныя точки зрѣнія: сначала идетъ дѣленіе памятниковъ съ точки зрѣнія ихъ религіознаго характера, а затѣмъ съ 4-й группы уже по предметамъ. Такимъ образомъ оказывается, что нѣкоторые изъ послѣднихъ группъ совпадаютъ съ первыми; такъ наприм. памятники искусствъ и художествъ, если не ошолна, то въ значительной мѣрѣ подходятъ къ памятникамъ христіанскимъ, мусульманскимъ и языческимъ. Такая непослѣдовательность указываетъ ясно, что у насъ доселѣ не установился взглядъ на объемъ и характеръ археологической науки. Мы узнаемъ предметъ археологии болѣею частью не чутью, но не можемъ сообщить археологическому матеріалу надлежачей систематизаціи, которая бы отчетливо представляла его, какъ нѣчто самостоятельное, отличное отъ другихъ отраслей знания. А доколѣ дѣло будетъ находиться въ такомъ положеніи, до тѣхъ поръ не можетъ быть рѣчи и объ единствѣ археологическаго метода: каждый археологъ, понимая по своему предметъ и задачи археологии, будетъ держаться своихъ особыхъ пріемовъ, направляться къ произвольно поставленной цѣли и вносить въ археологию любой предметъ, который относится къ области прошедшаго. Такъ дѣйствительно и бываетъ. Обычнымъ признакомъ, по которому узнаютъ предметъ археологии, служитъ „древность“; но понятіе „древность“ такъ широко, что къ нему можетъ быть сведено рѣшительно все то, что осталось отъ прошитой

жизни человека. А если такъ, то всё предметы исторіи не безъ права могутъ считаться предметами археологіи, съ тою лишь разницею, что археологія имѣетъ еще большій кругъ вѣдѣнія, чѣмъ исторія, и углубляется въ періодъ, который принято называть первобытнымъ. Говоря это, мы имѣемъ въ виду не теоретическія опредѣленія археологіи, но предметъ и характеръ тѣхъ изслѣдованій, которыя появлялись и появляются доселѣ отчасти въ видѣ особыхъ спеціальныхъ изданій съ титуломъ „археологическій“, отчасти въ видѣ періодическихъ изданій археологическихъ обществъ. Здѣсь мы видимъ изслѣдованія по предметамъ религіознаго характера, и юридическаго, и военнаго, и домашняго и общественнаго быта, и по предметамъ искусства и литературы, географіи и этнографіи, дипломатическихъ и торговыхъ сношеній и т. п.; однимъ словомъ — трудно отыскать въ области древней исторіи таковой предметъ, который бы, хотя одною стороною, не давалъ ниши для любознательности нашихъ археологовъ. Тѣмъ не менѣе, при всей сбивчивости и неопредѣленности теоретическихъ возрѣній на археологію, изслѣдованія подобнаго рода успѣли уже принести замѣтную пользу; и благодаря имъ современная исторія стала подходить къ своему идеалу. Еще въ весьма недавнее время, когда успѣхи археологическаго знанія были весьма ограниченны, исторія являлась въ видѣ лѣтописныхъ извлеченій въ хронологическомъ порядкѣ, безъ всякой внутренней связи, что подало Монтеню поводъ оклеймить ее наименованіемъ „histoire des batailles“. Но чѣмъ далѣе подвигалась археологія, тѣмъ цѣльнѣе и основательнѣе становилась исторія, тѣмъ ближе подходила она къ исторіи прагматической, понимающей отдѣльныя историческія явленія, какъ результатъ дѣятельности внутреннихъ силъ. И дѣйствительно, если мы обратимъ вниманіе на послѣдніе труды, наприм. по русской исторіи, то увидимъ фактическое подтвержденіе мысли о тѣснѣйшемъ союзѣ между археологіею и исторіею въ ея современной поставкѣ; мы увидимъ здѣсь, что тѣ предметы, которые до послѣдняго времени считались собственностью археологіи, теперь появляются въ сочиненіяхъ „историческихъ“. Такъ, въ августѣ 1874 года на археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ графъ А. С. Уваровъ, по видимому, въ параллель съ обычными въ то время возрѣніями на археологію, заявлялъ, что такъ на-

званная домсторическая или первобытная археологія не имѣтъ ничего общаго съ исторіею, что археологія начинаетъ существовать за такими предѣлами, за которые исторія не простирается; а спустя 4—5 лѣтъ послѣ того Полевой прямо началъ свою исторію съ каменнаго вѣка, что не помѣшало ему усвоить своему труду наименованіе труда „историческаго“. Такимъ образомъ въ обычномъ возрѣвіи исторія и археологія не различаются по своему предмету. Поэтому графъ А. С. Уваровъ въ своей программѣ русской археологіи ⁽¹⁾ призналъ, что различіе между археологіею и исторіею заключается не въ предметъ, такъ какъ обѣ онѣ занимаютъ изслѣдованіемъ остатковъ древняго быта, но лишь въ способъ или методъ ихъ изслѣдованій. Что это за методъ, говорить объ этомъ доколѣ не будемъ, а укажемъ лишь на то, что фактически — въ существующихъ изслѣдованіяхъ далеко не всегда наблюдается и это различіе, а обнаруживается лишь полюбовное раздѣленіе труда между археологами и историками *ex professio*. Археологи приняли на себя добровольную обязанность — готовить почву для исторіи; они наблюдаютъ частности и мелочи, которыя могутъ восполнить существующій недостатокъ историческаго знанія, а историки въ концѣ концовъ соединяютъ добытые археологами результаты и, ставя ихъ во взаимное соотношеніе, сообщаютъ имъ единство, которое и является предъ нами въ видѣ прагматической исторіи. Не будь археологіи, историкъ, по необходимости, долженъ былъ бы взяться за черновую работу археолога прежде, чѣмъ излагать положенія культурной исторіи. Эти-то черновые подготовительныя работы дали возможность проф. Бестужеву-Рюмину сообщить своей исторіи ту постановку, которая отличаетъ ее отъ исторій предшествовавшаго времени, явившихся при неблагоприятномъ положеніи археологическаго знанія. Нѣтъ нужды доказывать, что болѣе полное и всестороннее уясненіе задачъ и наиболѣе цѣлесообразныхъ приемовъ археологическаго изслѣдованія принесло бы и еще большіе результаты.

Оставляя до слѣдующаго раза дальнѣйшія соображенія о предметѣ, задачахъ и объемѣ археологіи и въ частности археологіи хри-

⁽¹⁾ Труды 3-го археол. съѣзда, т. I, стр. 19—38.

стианской, резюмируетъ въ немногихъ словахъ сущность сказаннаго доселѣ. Христіанская археологія, представляя собою важную отрасль въ сферѣ общаго археологическаго знанія, доселѣ не имѣетъ въ литературѣ болѣе или менѣе точнаго опредѣленія. Не имѣетъ такого опредѣленія и археологія вообще. Понятки теоретическихъ опредѣленій ея отличаются неполнотою и односторонностію и низводятъ археологію къ низшей ступени знанія, — изслѣдованію мелочей, между тѣмъ какъ въ область ея вѣдѣнія должно входить изученіе общаго — родоваго и генесиса. Обычное воззрѣніе на предметъ и характеръ археологическихъ изслѣдованій не имѣетъ опредѣленности и растягиваетъ границы археологіи до возможнаго максимум'а; тѣмъ не менѣе археологическія работы послѣдняго времени успѣли уже высоко поднять знамя археологіи.

Н. Пожровскій.

Спб. 25 апр. 1880 г.

О КУДНЫХЪ ЦѢННОСТЯХЪ (1).

О кунахъ написано до сихъ поръ много, а сказано еще больше. Исслѣдователи Русской исторіи, писавшіе въ XVIII вѣкѣ, признали куны кожанною монетою, и ихъ приговоръ остается въ силѣ „до сего дне“. — Немногіе изъ исслѣдователей первой половины XIX вѣка заявляли противоположный взглядъ на куны, стараясь доказать, что куны были монета металлическая, но доказательства ихъ были крайне слабы, и нисколько не вредили кожевенной системѣ. Занявшись однимъ изъ экономическихъ вопросовъ, составляющихъ рядъ загадокъ въ исторіи быта Русскаго народа, я вынужденъ былъ обратиться къ исслѣдованіямъ о древнихъ русскихъ цѣнностяхъ, и розысканія свои изложилъ въ книгѣ „Монета и вѣсь въ Россіи до конца XVIII столѣтія“, изданной въ 1865 году Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, а также въ дополнительномъ исслѣдованіи о кунахъ, помѣщенномъ въ VII томѣ Извѣстій того же Общества. Розысканія убѣдили меня въ томъ, что извѣстныя намъ по памятникамъ куны отнюдь не были деньгами кожаными и даже въ историческое время не происходили отъ мѣховъ, которме цѣнились кунами какъ обыкновенно цѣнятся деньгами всякій товаръ (2). Но мысли мои не выяснились тогда въ подлежащей пол-

(1) Изъ чтеній въ Археологическомъ Институтѣ о древней Русской метрологіи.

(2) Теорія происхожденія кунъ отъ мѣховъ обстоятельно изложена въ 1 т. «Обозрѣнія Русскихъ денегъ и иностранныхъ монетъ, обращавшихся въ Россіи», соч. б. Шодуара; тутъ сведены всѣ данныя, на основаніи которыхъ теорія эта построена. Послѣ Шодуара Заблоцкий въ соч. «о цѣнностяхъ въ древней Руси» держался этой теоріи, а проф. Каванскій въ «исслѣдованіяхъ о древней Русской монетной системѣ» (III т. Зап. Спб. Археол. общ.) разсматривалъ ее критически; профессоръ же Вѣляевъ, въ замѣчательной статьѣ своей: «Вилл

нотѣ отъ того, что я въ то время не успѣлъ еще вполне понять связь данныхъ, бывшихъ у меня въ виду. Вопросъ началъ разъясняться для меня при изслѣдованіи мною евангельскаго сребреника въ метрологическомъ отношеніи. Затѣмъ порученныя мнѣ чтенія въ Археологическомъ Институтѣ окончательно разоблачили тайну, и нынѣ я имѣю о кунахъ положительное понятіе. Представляя теперь на усмотрѣніе ученыхъ сдѣланные мною соображенія и выводы, считаю нужнымъ предварительно замѣтить, что вопросъ о кунахъ разъясняется единственно связью ихъ съ деньгами, на которую никто изъ изслѣдователей не обращалъ должнаго вниманія; что признани этой связи были заявлены въ книгѣ „Монета и вѣсъ“, а также въ статьяхъ „о кунахъ“ и „о сребреникѣ“⁽¹⁾ и что принимаясь говорить нынѣ о кунахъ, необходимо начать рѣчь издалека.

При Августѣ кесарѣ и при Тиверіи, какъ доказалъ извѣстный нумизматъ Сабатье, дѣлали въ Римѣ изъ либры, т. е. изъ римскаго фунта по 40 ауреусовъ, т. е. золотыхъ монетъ⁽²⁾. Плиній свидѣтельствуетъ, что ауреусъ стоилъ 25 серебряныхъ денаровъ. Либра дѣлилась на 12 унцій, почему въ унціи содержалось $3\frac{1}{3}$ ауреуса, которые стоили $83\frac{1}{3}$ серебряныхъ денаровъ. Умноженіе цифры 40 на 25 опредѣляетъ цѣну либры золота въ 1000 денаровъ, а раздѣленіе этой суммы на 12 производитъ въ либрѣ серебра $83\frac{1}{3}$ денара,

ли на Руси монету до XIV вѣка?» (тамъ же т. V), не опровергая прямо этой теоріи, доказывалъ, что Русскіе, по своему положенію, должны были имѣть и имѣли свою металлическую монету. Такимъ образомъ вопросъ о происхожденіи кунъ, поднятый во времена быы, въ наше время сдѣлался спорнымъ. Но за рѣшеніе этого вопроса я не берусь, потому что мои изслѣдованія направлены къ отысканію возможности объяснить ходъ и развитіе собственно русскихъ цѣнностей, а не исторію знаковь цѣнности, т. е. я имѣю въ виду цѣль метрологическую, а теорію происхожденія кунъ—нумизматическую. Не признавая мѣховъ основой цѣнностей, я однакоже не вхожу въ споръ о томъ, что когда-либо мѣха, по мѣстамъ, могли, въ каждомъ данномъ случаѣ, служить приблизительными, моментальными, представителями какихъ-либо цѣнностей, но не иначе, какъ подъ условіемъ предварительной оцѣнки ихъ металлическими единицами. Что касается названій единицъ въ кунной системѣ, то для метрологіи все равно, отъ чего бы они ни произошли: при изслѣдованіи величины копѣйки или денга нѣтъ надобности входить въ длинныя розысканія о копѣѣ или о связкѣ, пачгѣ (по татарски тапта). Однимъ словомъ происхожденіе названій кунныхъ единицъ я оставляю въ сторонѣ.

⁽¹⁾ Вторая статья помѣщена въ IX т. Изв. Имп. Русск. Археол. Общ.

⁽²⁾ Зап. Археол. Общ. т. II, стр. 155.

изъ чего слѣдуетъ, что золото числилось въ 12 разъ дороже серебра и что унція золота была равноцѣнна либрѣ серебра. Либра дѣлилась на 72 секстула, на 84 денара и на 96 драхмъ, такъ что вѣсовая драхма составляла $\frac{7}{8}$ денара и $\frac{3}{4}$ секстула, а какъ вещественные денары того времени не превосходятъ въ большинствѣ вѣса драхмы, то ясно, что денары дѣлались изъ серебра по расчету 84 пробы, которую установилъ народный трибунъ Ливій Друзъ за два вѣка до Р. X. и которая пригнана во времена еще болѣе отдаленныя (1). При Августѣ еще ходили греческія тетрадрахмы, которыхъ на либру приходилось 24. Древнія римскія пропорціи монетныхъ расчетовъ перешли въ Византію и существовали во все продолженіе Восточной Римской имперіи; онѣ распространились по всей Европѣ и прекратились очень поздно. Не соблюденіе расчетныхъ пропорцій не останавливало сокращенія римской монеты: при Константинѣ Великомъ дѣлали ауреусы вѣсомъ въ секстулъ, но 72 изъ либры, а между тѣмъ изъ одного заката видно, что 14 ауреусовъ или иначе солидовъ составляли двѣ унціи; такъ что на самомъ дѣлѣ выходило ихъ изъ фунта 84, слѣдовательно вещественный солидъ былъ равенъ $\frac{5}{6}$ секстула, т. е. вѣсовому денару и даже нѣсколько превосходилъ его, потому что цифра 84 есть очевидное округленіе расчетной цифры $83\frac{1}{3}$, умноженной выше. При Аркадіи и Гоноріи либра серебра цѣнилась въ 5 солидовъ, т. е. секстуловъ золота; а какъ въ унціи содержалось 6 секстуловъ, то, значить, либра серебра цѣнилась въ $\frac{5}{6}$ унціи, чѣмъ опредѣляется 80 проба серебра (2) или 80 чистыхъ драхмъ въ либрѣ, равнявшихся 70 денарамъ. По этимъ пропорціямъ приведя 24 чистыя тетрадрахмы въ 80 пробу, найдемъ, что съ увеличеніемъ ихъ вѣса примѣсью число ихъ на либру сокращается до 20. Но была у Римлянъ либра и счетная, какъ видно изъ Іосифа Флавія, который 10,000 талантовъ (центнеровъ) полагалъ въ 10,000,000 денаровъ (серебряныхъ монетъ); по этому счету на либру причитается 100 денаровъ, а на литатурную тетрадрахму 5 де-

(1) «Слова Господня слова чиста, серебро равнено, искушено земли, очищено седущицею» (Псал. 11, ст. 7).

(2) Она составляетъ $\frac{5}{6}$ цифри $83\frac{1}{3}$; пропорція эта всегда имѣла важное значеніе въ монетномъ дѣлѣ.

наровъ. Память объ этихъ размѣрахъ цѣнностей сохранилась въ нашихъ древнихъ рукописяхъ и въ церковныхъ книгахъ. Такъ въ одномъ уставѣ, относимомъ на почерку къ XVI вѣку (1), сказано между прочимъ: «сто динарій есть сребреникъ; въ 30 сребреницѣхъ — 3000 динарій, а златомъ бывающа переперъ 100, а переперъ то есть золотой»; здѣсь золотой, иначе солидъ, ауреусъ, равняется 30 денарамъ, и если эту цифру сравнить съ древнею цѣною ауреуса въ 25 денаровъ, то окажется, что денары сребреника зачтены въ $\frac{5}{6}$ денаровъ Плинія, слѣдовательно по 80 пробъ, а въ рукописи разумѣются именно денары и переперы Августа и Тиверія. Потомъ въ синаксарѣ на великую среду Никифоръ Каллистъ, писатель XIV вѣка, излагаетъ такое преданіе древности: „убо воздежашу Ему (Христу) на вечера, на верхъ главы его лѣтъ муро, яко цѣною сущею динарій трехъ сотъ, еже есть шестьдесятъ ассарій, пѣнязей десять, сребрениковъ трехъ.“ Здѣсь сребреникъ опять 100 денаровъ, а пѣнязь 30 денаровъ. И въ рукописи и въ синаксарѣ сребреникъ оцѣнивается одинаково въ $3\frac{1}{2}$ переперы или пѣнязя, точь въ точь, какъ при Августѣ либра серебра цѣнилась въ $3\frac{1}{2}$ ауреуса. И такъ сребреникъ содержалъ въ себѣ 20 *ассаріевъ*, 100 *денаровъ*. Ассарій же, судя по его названію, принадлежавшему мелкой мѣдной монетѣ, былъ не что иное, какъ низкопробная тетрадрахма. Замѣчу, что сребреникъ, по греч. аргирій, хотя и соответствовалъ либрѣ, но отличался отъ нея тѣмъ, что опредѣлялся не вѣсомъ, а счетомъ монетъ.

Перейдемъ теперь прямо къ Карлу Великому. Кругъ, въ своихъ „Критическихъ розысканіяхъ о древнихъ русскихъ монетахъ“, говоритъ: „со временъ Карла Великаго считалось на фунтъ серебра въ 12 унціи 20 солидовъ, изъ коихъ каждый содержалъ въ себѣ 12 денаріевъ“ (стр. 235). Очевидно, солиды Карловы не что иное, какъ Византійскіе ассаріи (2), денары же были мельче римскихъ въ пропорціи $\frac{5}{12}$, чѣмъ вещественная цѣнность ихъ опредѣляется въ 40 *пробу*, которая

(1) Погодинск. древлекранилица № 230.

(2) Если внутреннюю цѣнность тетрадрахмы, составлявшую 336 долей, привести въ 80 пробъ, то получится ассарій въ $403\frac{1}{2}$ долей; если же весь римскаго фунта раздѣлить на 20 солидовъ, то на солидъ придется тоже $403\frac{1}{2}$ долей.

и римской либрѣ составить *40 драхмъ, 35 денаровъ, 30 секстулы*. Проба эта, въ отношеніи къ солидамъ-ассаріямъ, вѣроятно, происходила изъ Византіи, какъ надобно заключать изъ того, что византійскія правила соблюдались въ новозападной имперіи; такъ Кломы узаконилъ 72 золотыхъ на фунтъ, а Карлъ Лысый подтвердилъ древнее отношеніе золота къ серебру въ 12 : 1; при Карлѣ же Великомъ эти нормы были во всей силѣ.

Затѣмъ обращаясь къ русскимъ кунамъ, усматриваемъ, что въ договорѣ Олега съ Греками положено по закону русскому 5 литръ серебра за такое дѣйствіе, за которое Русскою Правдою установлено 12 гривенъ ⁽¹⁾; отсюда въ гривнѣ оказывается цѣнности *40 драхмъ, 35 денаровъ, 30 секстулы*, точъ въ точъ, какъ и въ денаровомъ фунтѣ время Карла Великаго. Черезъ это становится яснымъ, что гривна Русской Правды и западный денаровый фунтъ были одно и то же, и что оба они происходили отъ древняго римско-византійскаго аргирія (серебренника), точно также, какъ и англійскій фунтъ стерлинговъ, вмѣстѣ съ французскимъ ливромъ, имѣеть то же начало. А что гривна Русской Правды дѣйствительно такова, какою она выше определена, можно это подтвердить Литовскимъ Статутомъ Казимира III, 1347 года, гдѣ означенная гривна зачтена въ 45 грошей ⁽²⁾; по мѣркѣ Рейхеля, грошъ Казимира III тянетъ 74 доли, а по Поддору грошъ этотъ равнялся нашимъ 15 коп. сер. Когда мы раздѣлимъ 35 золотниковъ на 45 грошей, то получимъ вѣсъ гроша въ $74\frac{2}{3}$ долей, т. е. согласно съ Рейхелевою мѣркою, въ которой ничтожный недочетъ могъ произойти отъ нѣкоторой обдержанности монеты; по цѣнѣ гроша въ 15 коп., цѣнность гривны равняется 675 коп. сер., тогда какъ по вѣсу 35 золотниковъ чистой цѣнности цѣна определяется въ 830 коп. сер.; слѣдовательно, позднѣйшая литовская мѣрка сдѣлана по 78 пробѣ, съ устраненіемъ дробей, и съ ошибкою противъ истинной цѣнности ⁽³⁾.

⁽¹⁾ «Монета и вѣсъ», стр. 216.

⁽²⁾ Изв. Имп. Русск. Археол. Общ. т. VII, стр. 140.

⁽³⁾ Въ Литовскомъ рублѣ содержалось 96 грошей или 6915 (вѣрнѣе 6912) гранъ (см. Археол. Общ. т. III). По числу гранъ слѣдуетъ полагать, что рублемъ называлась

Такимъ образомъ гривна Русской Правды, по всѣмъ наличнымъ даннымъ, оказывается счетнымъ фунтомъ низкопробной монеты, числимой *въ 40 пробу*, подобно фунту временъ Карла Великаго, опредѣляемую содержаніемъ въ обѣихъ единицахъ по 40 драхмъ цѣнности. Равенство же гривны кунъ съ денаровымъ фунтомъ Карла Великаго обуславливаетъ ея происхожденіе отъ римско-византійскаго аргирія (сребреника), но черезъ Западъ ли дошелъ до русскихъ аргирій, или они взяли его прямо изъ его источника, сказать теперь трудно.

Въ первой половинѣ XII вѣка явились въ Новгородѣ „новыя кунъ“; изъ устава новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 года, о церковной десятинѣ, видно, что новыя кунъ выдавалъ Домажиричъ изъ Онега (1); впрочемъ въ концѣ того вѣка еще ходили и „ветхія“, т. е. старыя кунъ, упомянутыя въ договорѣ новгородскаго же князя Ярославъ Владиміровича съ Ригю (около 1187 г.) (2). Съ тѣхъ поръ въ Новгородской волости пошли новыя гривны, на которыя Новгородская лѣтопись указываетъ подъ 1225 годомъ: „Гюрги съ князи поиде съ Торжьку, много имъ пакостивъ, взяа у нихъ 7000 новую“. Эта новая гривна прекратилась уже въ XV вѣкѣ, послѣ всѣхъ другихъ кунныхъ единицъ, какъ видно изъ одного акта (1437 — 1462 г.), гдѣ черный боръ великому князю назначенъ по старинѣ: съ сохи по гривнѣ по новой (3). Въ періодъ новой гривны явилась приписка къ судебнику правовѣрнаго царя Константина „о безчестіи“. По лѣтописямъ, изъ которыхъ извлекаетъ судебникъ, надобно полагать, что приписка происхожденія Новгородскаго, и едва ли позднѣе XIII вѣка: тутъ гривна золота уравнива 50, а гривна серебра 7 1/2 гривнамъ (4) кунъ; послѣднее вполнѣ согласуется съ ста-

литра, въ которой дѣйствительно содержится 6912 гранъ въ 5/6 грама римскаго, или антекарскаго; различіе это показываетъ Магницкій въ своей ариметикѣ. По этимъ гранамъ Литовскій рубль будетъ равенъ 8064, а грошъ Литовскій 84 долямъ, т. е. Новгородской мордѣ XV вѣка; если же онъ вѣситъ 74 2/3 доли, то вѣсъ цѣнности въ рубль, очевидно, принять въ 1/6, т. е. въ пропорціи отношенія 81 : 72, такъ что настоящей цѣнности въ рубль содержалась 72 проба.

(1) Русскія Достопамят., ч. I, стр. 83.

(2) Напѣрскаго: Грамоты, договоры и проч., изд. Археогр. Комиссіею.

(3) Акты Археогр. Эксп., т. I, № 32.

(4) Полн. Собр. Лѣт., т. VI, стр. 82.

рѣшени Новгородскими лѣтописями, описывающими подъ 1230 годомъ сильный голодъ, при которомъ по лѣтописи Германовой или харакейной четвертая часть кади ржи стоила гривну серебра, а по Іоанновой — „по 7 гривенъ и поболши“. Зналъ уже, что новая гривна, въ концѣ ея существованія, стоила 42 деньги ⁽¹⁾, и умножалъ эту сумму на $7\frac{1}{2}$, получимъ на гривну серебра 315 денегъ. Полныя Новгородскія деньги въсѣть 18 долей, съ $\frac{1}{4}$, съ $\frac{1}{3}$, съ $\frac{1}{2}$, почему 42 деньги составляютъ 8 золотниковъ, а изъ 8 золотниковъ образуется $\frac{1}{12}$ часть нын. русскаго фунта, бывшаго нѣкогда однимъ изъ видовъ литры, т. е. выйдетъ его унція, въ которой дѣйствительная унція литры (большой гривенки) содержится какъ 34 проба. Теперь это опредѣленіе гривны серебра чрезъ новую гривну сообразимъ съ уставомъ Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича (ок. 1136 г.) объ Иванскомъ вѣсѣ; этимъ уставомъ назначены платежи духовенству за служеніе у Ивана Предтечи, что на Петратинѣ дворницѣ, на Онокахъ; платежи положены гривнами серебра. Затѣмъ въ XVI вѣкѣ, записью о ругахъ, платежи эти переложены на деньги, но по всей вѣроятности переложеніе сдѣлано было гораздо прежде, а въ XVI вѣкѣ только подтверждено: въ этой записи гривна серебра уравниена 432 новгородскимъ ⁽²⁾. По 4-почковому вѣсу новгородки ⁽³⁾ и по содержанію въ пробѣмъ золотникъ 25 почекъ, какъ свидѣлствуетъ Торговая книга, называется, что гривна серебра принята въ 70 (точно $69\frac{25}{25}$) золотниковъ чистой цѣнности, за каковую числились деньги XVI вѣка, гдѣшнія впрочемъ весьма высокую пробу, доходившую, по испытанію Рейхеля, до 92 ⁽⁴⁾. Если вышеприведенныя 315 денегъ умножимъ на 96 и итогъ раздѣлимъ на 432, то въ гривнѣ серебра получимъ именно 70 пробу. Значитъ, цѣнность новой гривны равнялась нѣкогда почти 38 деньгамъ (по дѣленію 432 на $7\frac{1}{2}$), а древняя погата имѣла чрезъ почти 10 денегъ. Новгородская гривна серебра даетъ возможность опредѣлить размѣръ Тверской серебряной цѣнности. По до-

⁽¹⁾ Монета и вѣсъ, стр. 175.

⁽²⁾ Тамъ же, стр. 181, 182.

⁽³⁾ Полн. Собр. Лѣт., т. IV, подъ 1447 годомъ.

⁽⁴⁾ Münzamt. Рейхеля, ч. I, стр. 2.

говору между Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ и Новгородомъ, 1316 года, послѣдній обязался заплатить первому 12 тысячъ серебра въ Низовскій, т. е. въ Тверской, вѣсь⁽¹⁾; но въ Новгородской лѣтописи платежъ этотъ выраженъ суммою 5 темъ гривенъ серебра⁽²⁾, т. е. 50,000 гривнами, которыя нельзя признать ни за что иное, какъ за новыя гривны. Отношеніе 12 къ 50 тысячамъ опредѣляетъ гривну низовскаго вѣса въ $4\frac{1}{6}$ новыхъ гривенъ, а какъ Новгородская гривна серебра стоила $7\frac{1}{2}$ новыхъ гривенъ, то низовская гривна составляла $\frac{5}{9}$ Новгородской, а на эту пропорцію изъ послѣдней, по зачету ея въ полную 72 пробу, вм. 70, причитается 40 *золотниковъ дражмовыхъ*, именно столько, сколько содержалось цѣнности въ гривнѣ кунъ Русской Правды. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о Тверскомъ счетѣ кунъ, почему и не можемъ представить особыхъ соображеній объ этомъ счетѣ по XV вѣк.

Слова Смоленскаго договора съ Ригю, 1230 года: „точное серебро безъ 10 золотникъ“ становятся теперь ясными: это значить, что изъ нормальной 80 пробы литры (гривны серебра) исключали 10 золотниковъ, чрезъ что и образовалась сейчасъ найденная въ тогдашнихъ новгородскихъ гривнахъ 70 проба, соответствующая и пропорціи $\frac{7}{8}$, выражающей 84 пробу. Оказывается, что 70 проба образовалась сокращеніемъ литры сперва на $\frac{5}{6}$, а потомъ на $\frac{7}{8}$, каковое правило досталось Руси отъ глубокой древности. На означенную гривну серебра въ Смоленскѣ полагалось „4 гривны кунами или пѣвязи“, поэтому гривна кунъ равнялась $17\frac{1}{2}$ драхмамъ чистой цѣнности, которыя приведя въ 70 пробу, получимъ въ гривнѣ вѣсь ходячей цѣнности въ 24 драхмы, или въ 21 *нын. золотникъ*, слѣдовательно Смоленская гривна кунъ стоила, по оцѣнкѣ XVI вѣка, 108 *новгородскихъ денегъ*. И такъ чистая цѣнность гривны кунъ въ Смоленскѣ понизилась болѣе, чѣмъ вдвое противъ гривны Русской Правды, а по серебру $\frac{7}{8}$ пробы ровно вдвое.

Куны Владимірскія, т. е. куны великаго княженія, можно опре-

(¹) Собр. госуд. грам. и догов., т. I, стр. 15; здѣсь актъ помѣченъ 1317 годомъ.

(²) Полн. Собр. Лѣтоп., т. III, стр. 71; т. IV, стр. 48.

дѣлать по слѣдующимъ даннымъ: закономъ царя Исаакія Комнина положено отъ поставленія священника дохода клиру 7 златиць, а въ правилахъ собора, бывшаго въ 1274 году во Владимирѣ, при митрополитѣ Кириллѣ, златицы переложены въ 7 гривенъ ⁽¹⁾, значить, гривна цѣною равнялась златиць, а вѣсомъ чистой цѣнности, по отношенію между золотомъ и серебромъ въ 12:1, была равна 12 тѣмъ же златицамъ. Такъ какъ 70 проба составляетъ 72 пробу чистаго фунта въ $93\frac{1}{3}$ золотн., а это послѣднее число относится къ составу нашего фунта какъ $\frac{35}{36}$, къ составу же стараго фунта какъ $\frac{20}{21}$, потому что ни серебро, ни золото никогда не было безусловно 96 пробы, то означенные 12 златиць надобно перевести въ 72 пробу, чрезъ что вѣсъ гривны въ лигатурномъ составѣ опредѣляется въ 16 златиць, почему на литру приходится $5\frac{1}{4}$ гривенъ, т. е. почти согласно какъ съ Византійскою цѣною литры серебра въ 5 золотыхъ, такъ и съ отношеніемъ новой гривны къ новой же гривнѣ серебра, въ которой въ XV вѣкѣ содержалось $5\frac{1}{5}$ гривенъ новыхъ. Затѣмъ въ указѣ св. митрополита Фотія (1410 — 1431 г.) установленіе Исаакія Комнина переложено въ $1\frac{1}{2}$ рубля съ алтынномъ ⁽²⁾, т. е. съ 6 деньгами. Тогдашній московскій рубль дѣлился на 200 денегъ, почему Фотіева сумма составляла 306 денегъ. Изъ сравненія съ этимъ счетомъ 7 гривенъ оказывается, что Владимірская гривна XIII вѣка равнялась $43\frac{5}{7}$ деньгамъ XV вѣка ⁽³⁾, т. е. была почти равна новой гривнѣ того же XV вѣка; разность, вѣроятно, зависѣла отъ разности курса по мѣстности. Соображая Владимірскую гривну съ гривною кунъ Константина судейника, видимъ, что литрѣ или гривнѣ серебра соответствовали 7 гривенъ Владимірскихъ, слѣдовательно эти гривны числились на $\frac{1}{15}$ дороже новыхъ гривенъ, и потому должны бы стоить не $43\frac{5}{7}$, а 45 денегъ, что вѣроятноже, потому что въ такомъ случаѣ на 7 гривенъ причтутся тѣ же 315 денегъ, которыми опредѣлена гривна серебра по новгородской цѣнѣ новой гривны, при чемъ алтынъ полагается въ 3, а рубль въ 208 денегъ. Превышеніе на $\frac{1}{15}$ не случай-

⁽¹⁾ Русск. Достоп. ч. I, стр. 112.

⁽²⁾ «Монета и вѣсъ», стр. 169.

⁽³⁾ Наже выводъ этотъ подтвердится памятникомъ XVI вѣка.

ное, потому что пропорція $\frac{14}{15}$ въ монетномъ дѣлѣ весьма древняя: ея изъ единицы въ 80. секстуловъ ($93\frac{1}{3}$ золотник.), составлявшей выдѣль $\frac{5}{6}$ изъ большой либры, иначе мины римской, образуется литра, равная англійскому тройскому фунту, доселѣ имѣющему значенію монетнаго вѣса и приѣтному въ нашихъ древнихъ счетныхъ замѣткахъ: „литра имать 75 златикъ“, сказано въ вышеупомянутомъ рукописномъ уставѣ.

О Псковскихъ куняхъ не имѣется такихъ свѣдѣній, по которымъ было бы можно метрологически опредѣлить величину кунныхъ цѣнностей. Известно только, по лѣтописи, что въ 1407 году, т. е. не за долго до уничтоженія кунъ, онѣ до того упали въ цѣнѣ, что когда пудъ соли стоилъ 8 мордокъ и гривну, тогда за полтину платили 15 гривенъ, слѣдовательно гривна стоила 7 денегъ, т. е. въ шестеро дешевле новой гривны, а это даетъ поводъ заключить, что гривною въ Псковѣ называлось то, что въ Новгородѣ называлось погатою, которая въ XV вѣкѣ стоила тамъ именно 7 денегъ и составляла шестую часть новой гривны, а мордкою (тамъ же въ Псковѣ) купа, упавшая почти до $\frac{3}{4}$ деньги. Но если нѣтъ данныхъ для опредѣленія системы Псковскихъ кунъ, то вмѣсто того по Псковскимъ и вмѣстѣ съ ними по Полоцкимъ свѣдѣніямъ узнаемъ нѣчто интересное. Въ періодѣ кунъ являются двѣ непонятныя доселѣ единицы: *заушняя* и *домая*, или по другимъ актамъ *домтя*. Въ Полоцкомъ договорѣ съ Ригею 1380 года заушняя уравнива $\frac{1}{2}$ овря, а долгая любецкому. Въ Псковскомъ же договорѣ съ Юрьевымъ (Дерптомъ) 1474 года деньга уравнива 4 любецкимъ, а любецкій четверть (1). Овръ, конечно, то же что ора, ортугъ (ора была единица счетная, а ортугъ вещественная). По Шодуару, изъ кельнской марки чистаго серебра дѣлали 192 ортуга, но это чистое серебро имѣло 84 пробу; а какъ кельнскій фунтъ въ древности былъ равенъ римской минѣ, отъ которой онъ произошелъ и къ которой донынѣ близокъ, слѣдовательно былъ то же, что и русскій ансырь, то овръ=ора=ортугъ вѣсилъ 28 долей; если же этотъ вѣсъ положить въ 72 пробу, которою цѣнились чужія цѣнности, то онъ увеличится

(1) Изв. Имп. Археол. Общ. т. VII, стр. 148.

до $37\frac{1}{2}$ долей. отсюда истинная цѣнность ортуга опредѣлится не выше $61\frac{5}{7}$ пробы, вѣроятность которой утверждается сдѣланнымъ въ 1411 году между городами Любекомъ, Гамбургомъ и Люнебургомъ соглашеиемъ о выдѣлѣ шиллинговъ 60 пробы (1). И такъ овръ=ортугъ, въ его лигатурномъ составѣ, равнялся курсовой цѣности новгородской кумы, простиравшейся до $36\frac{1}{2}$ долей. Въ 1426 году ортуги названы были въ Лифляндіи шиллингами, чѣмъ и подтверждается вѣрность вывода о пробѣ ортуговъ, и положены въ 3 любскихъ пфенинга; но пфенинговъ было два рода: одинъ изъ нихъ равнялся четыремъ другимъ; одни дѣлались въ 36, а другіе въ 72 пробу; слѣдовательно, ортугъ или шиллингъ, равный 3 пфенингамъ хорошимъ, содержалъ въ себѣ 12 пфенинговъ худыхъ; впрочемъ по шведскому закону 1453 года ортугъ опредѣленъ въ 8 пфенинговъ, т. е. въ $\frac{2}{3}$ цѣны шиллинга, значить, въ соотвѣтствіе ихъ 60 пробѣ. Затѣмъ заупица, какъ илювица овръ=ортуга оказывается равною 4 пфенингамъ низкимъ. Лифляндскій писатель прошлаго вѣка Гупель, въ Neue Nord. Miscelappen, кн. XV, издалъ не малое число подлинныхъ торговыхъ счетовъ, росписокъ и т. п. XV вѣка; изъ нихъ по акту 1408 года рубль серебра стоилъ 9 фердинговъ, а по акту 1410 года = 5 маркамъ (2). По Шодуару, марка была тоже, что унція (3), почему рубль серебра заключалъ въ себѣ по вѣсу ходячей цѣнности 40 драхмъ; но по фердингамъ Гупель полагаетъ полукусокъ серебра въ $2\frac{1}{4}$ марка, слѣдовательно полный кусокъ въ $4\frac{1}{2}$ марка. почему въ маркѣ содержалось 2 фердинга; по Гупелю же видно, что въ послѣдствіи въ маркѣ содержалось уже 4 фердинга, изъ которыхъ каждый равнялся 12 орамъ, почему прежній фердингъ долженъ былъ равняться 24 орамъ, какъ тому и слѣдовало быть, потому что въ маркѣ содержалось 48 оръ (4). Умножая 24 на 9, получаемъ на рубль серебра 216 оръ = ортуговъ, или 432 заупицы. Надобно замѣтить, что рубль серебра, опредѣляющійся по маркамъ въ 40 драхмъ, по фердингамъ выходитъ въ 35

(1) Шодуара: Обзор. Рус. и иностр. денегъ ч. 1, стр. 73.

(2) «Монета и вѣсъ», стр. 195.

(3) Обзор. Рус. и иностр. ден., ч. 1, стр. 74.

(4) «Монета и вѣсъ», стр. 197.

драхмъ, но это не противорѣчіе данныхъ, а выраженіе пробы въ пропорціи $\frac{7}{8}$, т. е. выраженіе 84 пробы, которая числилась въ обращеніи за чистое серебро. Замѣчательно, что слово „ора“ по шведски значить „ухо“, что весьма совпадаетъ съ словомъ „заушня“. И такъ, по отношенію къ рублю, заушня есть не что иное, какъ деньга, а ора или ортугъ = куна, бѣла. Такъ какъ, по любецкому и по денежной четвертцѣ заушня оказывается равною деньгѣ, то отсюда становится понятною современная ей „мортка обѣшная“, упоминаемая въ договорѣ великаго князя Василія Димитріевича съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ (ок. 1398.): „на старыхъ ти мѣтѣхъ имати съ воза по морткѣ обѣшной“ (1). Слова „заушня“ = „обѣшная“ наводятъ на весьма вѣроятную догадку, что „мортка обѣшная“ была не что иное, какъ ортугъ, единица въ двѣ заушни. Что касается *домой*, то она, будучи равна любецкому, а любецкій четвертцѣ, является не болѣе какъ четвертью деньга, денежные же червертцы упоминаются въ Новгородскихъ счетахъ, именно въ писцовой книгѣ Вотской пятины, и оказываются цѣнностью на $\frac{1}{15}$ дороже кунной векши.

Такимъ образомъ метрологическая сторона кунныхъ системъ и связь ихъ какъ между собою, такъ и съ системами денежными дѣлаются видимыми, а чрезъ то и переходъ отъ кунъ къ деньгамъ становится вполне понятнымъ. Но прежде перехода къ обзору денежныхъ системъ надобно выяснитъ гривну золота, а также единицы, на которыя дѣлились кунныя гривны. Въ XIII вѣкѣ гривна золота, какъ выше замѣчено, стоила 50 новгородскихъ новыхъ гривенъ или $6\frac{2}{3}$ гривенъ серебра; въ то же время 50 Владимірскихъ гривенъ стоили 50 Византійскихъ червонцевъ, числимыхъ въ секстულъ, но дѣланныхъ въ денаръ. Принимая вѣсь червонца за денаровый, по которому изъ литры выходило 84 штуки, а денаръ за мыгѣшній нашъ золотникъ, цѣну же 50 золотниковъ, по отношенію Владимірской гривны къ гривнѣ новой, въ $\frac{14}{15}$ новгородской цѣны гривны золота, и затѣмъ уменьшая сумму 50 червонцевъ на $\frac{1}{15}$, получимъ $46\frac{2}{3}$ червонцевъ, т. е. вѣсь гривны золота. Но какъ золото не было чисто и цѣнилось по 72

(1) Акты Арх. Эксп. т. 1, стр. 10.

пробъ, то уменьшивъ выводъ до этой пробы, получимъ въ гривнѣ золота 35 червонцевъ условно чистой цѣнности, что равняется вѣсу гривны, упомянутой въ Русской Правдѣ, почему эта цѣнность равнялась 30 секстуламъ или 40 драхмамъ. А какъ чистое золото составляло въ единицѣ $\frac{24}{25}$ ея вѣса, то уменьшеніе этою пропорцію 35 червонцевъ даетъ въ гривнѣ $33\frac{3}{5}$ совершенно чистаго золота. Переводя затѣмъ условно чистое золото въ обыкновенную 80 пробу, найдемъ вѣсъ гривны золота въ 42 червонца, т. е. почти равный известной Черниговской золотой гривнѣ, вытянувшей $42\frac{1}{2}$ золотника. Гривну золота можно опредѣлить и другимъ способомъ. Такъ какъ гривна серебра оцѣнена ружною записью XVI вѣка въ 432 новгородки, а по Константинову судебнику гривнѣ золота равнялись $6\frac{2}{3}$ гривенъ серебра, золото же цѣнилось въ 12 разъ дороже серебра, то умножая 432 на $6\frac{2}{3}$, а итогъ дѣля на 12, найдемъ, что вѣсъ внутренней стоимости въ гривнѣ золота равнялся 240 новгородкамъ XVI вѣка; а какъ тогда изъ большой гривенки (визант. литры) дѣлали по 6 рублей или по 600 новгородокъ, то значить гривна золота имѣла совершенно чистой цѣнности $33\frac{3}{5}$ нынѣшн. золотниковъ, т. е. именно столько, сколько въ ней выше найдено по Владимірскимъ гривнамъ. Итакъ гривна золота по вѣсу равнялась 42 нын. золотникамъ, была половиною большой гривенки и соответствовала скаловой гривенкѣ. Выводы эти можно сличить съ показаніями вышеупомянутаго рукописнаго устава, гдѣ замѣчено, что литра имѣетъ 75 златиковъ, и потому прибавлено: „литра сребра, въ ней полтретьи гривенки, ино то по нашему рублевъ 5 или 6; а злата гривенка по 20 рублевъ купятъ“. Слѣдовательно, гривенка равнялась 30 златикамъ, которые, будучи секстульными по закону, перелагаются въ 35 денаровъ, т. е. нынѣшн. золотниковъ, соответствующихъ 40 драхмамъ, что равняется гривнѣ золота по ея условно чистой цѣнности. Цифры 5 и 6 объясняются тѣмъ, что въ литрѣ содержалось чистой цѣнности на 5 рублей, ходила же она въ 6 рублей, т. е. была 80 пробы, а потому означенная гривенка, содержа въ себѣ чистой цѣнности 40 драхмъ, вѣсила 48 драхмъ ходячей цѣнности; чрезъ это оказывается, что въ рукописи разумѣется скаловая гривенка, оцѣниваемая по внутреннему

содержанію золота. Сравнвая оцѣнку гривны золота въ $6\frac{2}{3}$ гривенъ серебра, или въ 2880 новгородокъ, съ оцѣнкою гривенки золота (числа на новгородскій счетъ по 108 новгородокъ московскій рубль), въ 20 рублей, видимъ, что отношеніе послѣдней цѣны къ первой составляетъ 72 пробу. Значитъ, рыночная цѣна золота составляла $\frac{9}{10}$ коренной 80 пробы, или $\frac{6}{7}$ вѣсовой единицы въ 84 золотника, соответственно отношенію секстула къ денару. Равенство гривенки золота гривнѣ золота дастъ возможность продолжить сравненія. Если первая стоила 20 рублей, а вторая 50 новыхъ гривенъ, то раздѣливъ сумму 20 рублей или 2160 новгородокъ на 50, получимъ на новую гривну $43\frac{1}{5}$ новгородокъ, т. е. почти въ точности столько же, сколько оказалось во Владимірской кунной гривнѣ, которая выше опредѣлена въ $43\frac{5}{7}$ денегъ.

Перехожу къ составнымъ единицамъ кунныхъ гривенъ. Въ гривнѣ Русской Правды считалось 20 ногать, 50 рѣзанъ, 100 кунъ; въ Смоленской гривнѣ 20 ногать, 50 кунъ; въ Новгородской новой гривнѣ 6 ногать, 9 мордокъ, 18 четвертцей, 21 куна, 90 лбецовъ, 180 векшей. Выше я старался доказать, что первоначальная наша гривна кунъ была то же, что римско-византійскій сребреникъ (= либра, литра денаровъ), содержащій въ себѣ 20 ассаріевъ, 100 денаровъ, и что на Западѣ ассарій названъ солидомъ, а у насъ ногоатою. Ассарій, содержащій въ себѣ 5 римскихъ денаровъ, считался на Западѣ, какъ солидъ, въ 12 денаровъ, а у насъ онъ же, подъ названіемъ ногаты, равнялся 5 кунамъ, т. е. ногата по счету соответствовала ассарію больше, чѣмъ западный солидъ. Въ позднѣйшія времена, именно во времена Русской Правды и позднѣе, связь кунъ съ византійскими цѣнностями становится яснѣе. Въ статьѣ о кунахъ я доказывалъ, что ногата есть византійскій миліарезій, мортка = кератій, векша = нумія. Теперь же по этому предмету могу сказать слѣдующее. Со временемъ Валентиніана I ауреусъ (червонецъ) стоилъ 12 миліарезій, а какъ фунтъ серебра цѣнился въ 5 золотыхъ, то на фунтъ шло 60 миліарезій⁽¹⁾. Изъ Кедрина видно, что при Львѣ Исаврѣ миліарезій рав-

(1) Кругъ, въ Критич. розыск., стр. 208, 209. Названіе миліарезія произошло отъ того, что на $83\frac{1}{3}$ ауреуса приходилось 1000 миліарезій, что составляло цѣну золотого фунта, въ древности стоявшаго 1000 денаровъ.

илиа двумъ кератіямъ, а кератій 12 нуміямъ; на червонецъ шло по
 прежнему 12 миліарезій, слѣдовательно 24 кератія; такъ читаемъ и
 въ Лимонарѣ по старинному изданію: „двадцать четыре сребреници,
 сирѣчь златицу“ (1). Если изъ литры выходило 60 миліарезій, то
 каждый изъ нихъ долженъ содержать въ себѣ цѣнности $134\frac{2}{5}$ долей (2);
 а какъ гривна Русской Правды составляла половину литры въ про-
 порціи $\frac{80}{64}$, то на гривну приходится 30 миліарезій, или $1\frac{1}{2}$ ми-
 ліарезія на ногату; серебро миліарезій только числилось чистымъ, но
 было высчитываемо по 80 пробѣ, которая въ самой выдѣлкѣ, или
 лучше сказать въ начетѣ сокращалась еще болѣе, чрезъ что и про-
 шло миліарезіи сокращенныя, низво-пробныя, названныя кератіями.
 Поэтому въ миліарезіи содержалось чистой цѣнности до $112\frac{1}{2}$ долей,
 т. е. ровно секстулъ, какъ и быть должно, по отношенію цифры 60
 къ цифрѣ 72, а $1\frac{1}{2}$ миліарезія составятъ $168\frac{3}{4}$ долей, что соотвѣт-
 ствуетъ вѣсу ногаты, который чрезъ раздѣленіе 35 золотниковъ на 20
 опредѣляется въ 168 долей. Въ такомъ размѣрѣ ногатѣ равнялись
 3 кератія. И такъ новгородскія соотношенія между единицами: 1 ног. =
 $1\frac{1}{2}$ морт. = 3 четверт., являются на лицо. По такой соразмѣрности
 ногатѣ должны бы соотвѣтствовать 36 нумій, но по 80 пробѣ серебра
 на нее приходится 30 нумій чистой цѣнности, что опять сообразно
 новгородскому счету въ ногатѣ 30 векшей. Въ самомъ дѣлѣ, нумія
 или фоллисъ у насъ переводились въ древности словомъ „векша“.
 Такъ въ славянскомъ спискѣ 1294 года Пандектовъ Нивона Черно-
 горца, писателя XI вѣка, пять фоллисовъ переведено въ 5 вѣвериць,
 въ спискѣ 1381 года „пять фолли“, въ спискѣ XV вѣка „пять
 мѣдницъ“; независимо отъ того, въ спискѣ XV — XVI вѣка гово-
 рится: „пріемля аже на пицу мою 16 нуміи... по 10 нуміи... по
 единой нуміи“, въ спискѣ же XIV вѣка эти мѣста переданы: „15
 вѣвериць... 10 вѣвериць... по векшѣ“ (3). Сопоставленіе слова „мѣд-
 ница“ съ словомъ „векша“, „вѣверица“, кажется, опредѣляетъ векшу,

(1) Тамъ же стр. 215.

(2) Средній вѣсъ вещественнаго миліарезія, по вывѣскѣ Сабатье, составляетъ до 144 долей.

(3) Изв. Импер. Археол. Общ. т. VII, стр. 155.

какъ монету вещественную. Такимъ образомъ основа нашихъ кунъ была Византійская (1).

При этомъ нельзя оставить безъ вниманія одного акта 1437 — 1461 года. Въ жалованной грамотѣ Тверскаго князя Бориса Александровича Отрочу монастырю между прочимъ сказано: „придетъ къ намъ коли изъ орды посоль силенъ, а не мочно будетъ его опровадити, ино тогда архимандритъ съ тѣхъ сиротъ пособить въ ту тяготу, съ половника дать по десятку тверскими кунами (2)“. Такъ какъ въ то время въ Твери существовала денежная система, то существованіе дѣйствительныхъ кунъ не вѣроятно. Мнѣ кажется, кунами названы мѣдныя монеты, извѣстныя подъ именемъ „пулъ“, которыя въ Твери были особенно укоренены, и которыя имѣютъ довольно значительный вѣсъ. По свидѣтельству Гассе, Нейбауера и Гваньини, въ 1554, 1600 и 1613 годахъ, въ деньгѣ считалось 36 и 40 пулъ; но прежде ихъ при Герберштейнѣ на деньгу шло 60 пулъ. Шодуаръ вывелъ по годамъ вѣсъ тверскихъ пулъ, которыя около 1425 года вѣсили 60½ — 34½ долей, 1485 г. 27½ — 13½ долей, 1492 г. 34 — 31 долю (3). Принимая цифру Герберштейна и примѣняя ее къ ногатѣ,

(1) И надобно прибавить: свойственная только монетѣ металлической. Въ самомъ дѣлѣ память о металлической натурѣ кунъ сохранялась довольно долго, въ періодъ серебряныхъ денегъ; даже самыя деньги иногда называются кунами. Такъ въ одной духовной начала XVI в. пишется: «взяти ми на Іудкѣ половничихъ кунъ рубль... взяти ми на Еениѣ да на братѣ на его на Макарь 30 алтынъ безъ гривны половничихъ кунъ» (Юр. Акты, стр. 441). Въ началѣ XVI в. существовала даже пошлина подъ названіемъ: *кунное съ денегъ*, отъ которой въ 1615 году былъ освобожденъ Новоспасскій монастырь при пожалованіи ему Варзувской волости въ Холмогорскомъ уѣздѣ (Ист. Акт. III, стр. 51). Въ 1619 году пошлина эта называлась уже *рублевою пошлиною съ денегъ*, отъ которой былъ освобожденъ Спасоприлуцкій монастырь (тамъ же стр. 76). А что такое было «кунное съ денегъ» и «рублевая пошлина съ денегъ», объясняетъ это актъ 1621 года: «кто пріѣдетъ изъ всѣхъ городовъ московскаго государства, въ судахъ или на саняхъ, съ верху или съ низу, въ монастырскую слободу, съ товаромъ торговати или съ деньгами товару купити, и имъ являтися игумену съ братьемъ, а игумену съ братьемъ у нихъ имати съ товару и съ денегъ съ рубля по четыре деньги» (тамъ же стр. 121). Итакъ нѣкогда куны были такимъ же орудіемъ въ торговлѣ, какъ и деньги въ послѣдствіи. Поэтому всѣ единицы кунныя должны были быть металлическими.

(2) Акты Арх. Эксп., т. I, стр. 27. О тверской рѣзанѣ судить теперь не могу и оставляю ее при томъ неопредѣленномъ предположеніи, которое высказано въ кн. «Монета и вѣсъ», на стр. 194.

(3) Обзор. русск. и иностр. монетъ, ч. I, стр. 143, 144.

усматриваемъ, что на 7 новгородскихъ денегъ, составлявшихъ цѣнность ногаты, причитается 420 пулъ, а на векшу 14 пулъ. Но показаніе Герберштейна, по всей вѣроятности, относилось къ московскимъ деньгамъ, которыми ногата не цѣнилась; почему вѣрнѣе будетъ обратиться къ византійскому счету: въ Византіи, денаръ, т. е. кератій раздѣляли на 120 лептъ, стало быть на ногату приходится 360 лептъ; раздѣливъ эту сумму на 30 векшей, получимъ на векшу 12 пулъ. Изъ всего этого надобно заключить, что нашъ пулъ есть византійская лепта, почему слово „пулъ“ едва ли татарское: оно скорѣе греческое πῦλον = multum, или πῦλος = multus, = множество, мелочь. Если я не ошибаюсь, что тверскими кунами названы пулы, то отсюда можно заключить о всѣхъ кунахъ, какъ о металлическихъ знакахъ цѣности, ходившихъ съ большимъ начетомъ.

Съ подпаденіемъ Руси подъ иго татаръ, кунныя цѣности, какъ начетныя, сдѣлались неудобными, потому что понадобилось платить дань татарамъ, которые требовали дѣйствительную цѣнность, а не начетную: дань, безъ сомнѣнія, опредѣлена была серебромъ извѣстнаго достоинства. Вотъ почему деньги, какъ цѣности изъ чистаго серебра, появляются вскорѣ послѣ нашествія татаръ, именно въ концѣ XIII вѣка. Самое слово „деньга“, по древнему написанію: „денга“, происходитъ отъ татарскаго „танга“, которое, можетъ быть, произносилось какъ „тѣнга“, „тѣнга“. Но письменныхъ свѣдѣній о денежномъ дѣлѣ въ первыя времена мы не имѣемъ, хотя въ XIV вѣкѣ оно уже было въ полномъ развитіи. Только Новгородъ и Псковъ долго оставались при своихъ кунахъ, чему содѣйствовало, конечно, то, что города эти не имѣли прямого сношенія съ татарами, жили независимо отъ великаго княженія и свою долю дани вносили слитками чрезъ великаго князя. Первоначальный періодъ денежнаго дѣла мы можемъ изучать путемъ такихъ же сопоставленій, какими изучали кунны, причемъ основою для сужденій остается все та же гривна серебра. Съ появленіемъ денегъ она потеряла свое прежнее названіе и стала называться „рублемъ“, а рублемъ названа она, конечно, потому, что была разрублена, раздѣлена на мелкія доли (деньги); она могла быть названа рублемъ еще и потому, что въ старину, при чеканкѣ денегъ, ихъ рубили, от-

рубали одну отъ другой. Въ теченіи первой сотни лѣтъ по появленіи денегъ, рубль упоминается въ письменныхъ памятникахъ безъ указанія на отношеніе его къ другимъ единицамъ цѣнности или къ единицамъ вѣса, по которымъ можно было бы опредѣлить его составъ и тяжесть. Только въ одной купчей, писанной послѣ 1359 года, рубль сопоставляется съ гривною: „се купи Окинфо..... Разуевъ острово, у Пикиничѣ земли, и даша на немъ рублевъ гривну“ (1). Что такое гривна рублей, сказать теперь трудно; можетъ быть, это значить: гривну рублевымъ счетомъ, серебра рублеваго въ гривну вѣсомъ и цѣною, словомъ: гривну серебра. Впрочемъ до насъ дошло со стороны свѣдѣніе о вѣсѣ тогдашняго рубля, который татары называли *сумъ*, какъ и донынѣ они называютъ русскій рубль. Бывшій въ Сараѣ въ 1332 — 1333 г. арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута говоритъ, что привозимые изъ Россіи по торговлѣ серебряные слитки, называемые *сумъ*, вѣсятъ по 5 арабскихъ унцій. По археологическимъ даннымъ я вывелъ вѣсъ сума или рубля въ 50¹/₂ нын. рус. золотниковъ (2). Если изъ этого общаго вѣса исключить лигатуру по обыкновенной пріемной 72 пробѣ, то чистой цѣнности останется въ немъ 38 золотниковъ, именно столько, сколько вѣсятъ такъ называемыя кievскія гривенки; если же примѣсь высчитать по нормальной 84 пробѣ цѣнности, то чистое содержаніе рубля = сума составитъ 44 золотника 18 долей, т. е. оно будетъ равно многимъ древнимъ слиткамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ гривенокъ. И такъ сумъ былъ нечто иное, какъ эта самая гривенка, въ которой собственно цѣнность вѣсила 5 арабскихъ унцій, что является весьма близкимъ къ опредѣленію Гупеля. Изъ Ибнъ-Батуты надобно заключить, что древняя гривна серебра въ великомъ княженіи раздвоилась еще въ концѣ XIII вѣка и только въ Новгородѣ продолжала существовать въ XIV вѣкѣ. Уже въ концѣ XIV вѣка появляются указанія на цѣнность рубля, и тогда же является полтина, упоминаемая сначала глухо, но въ послѣдствіи оказывающаяся половиною рубля.

(1) Юрид. акты, стр. 110.

(2) «Монета и вѣсъ», стр. 212 — 214.

Къ 1389 году относится первое свидѣніе о составѣ рубля. Въ этомъ году св. Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій, задолжавшій въ Царьградѣ „рублевъ старыхъ новгородскихъ тысячу“, обязался уплатить эту сумму, между прочимъ, бѣлками, полагая „бѣлки добрыя тысячу по пяти рублевъ“ (1). Значитъ, на рубль шло 200 бѣлокъ. Въ Вотской писцовой книгѣ 1500 года положено „за пять бѣлъ десять денегъ“; а какъ тогдашнія новгородскія деньги были равноцѣнны съ деньгами начала XV вѣка, а потому и съ деньгами конца XIV вѣка, то оказывается, что старинный новгородскій рубль составлялъ 400 денегъ, и по всей очевидности былъ то же самое, что и гривна серебра, оцѣненная въ XVI вѣкѣ 432 новгородками. Отношеніе 400 къ 432 опредѣляетъ $88\frac{2}{3}$ пробу, но не въ рублѣ, а въ деньгахъ, что весьма близко къ деньгамъ Василія Димитріевича, въ которыхъ, по произведенному на монетномъ дворѣ испытанію, найдена Рейхелемъ 87 проба, а въ нѣкоторыхъ новгородскихъ деньгахъ, безъ сомнѣнія, принадлежащихъ къ первоначальному выпуску, оказалась прямо 88 проба (2). Если мы эту пробу опять сократимъ на $\frac{400}{432}$, то получимъ $81\frac{1}{2}$ пробу, а это приблизительно въ другихъ новгородскихъ деньгахъ, въ которыхъ Рейхель нашелъ $81\frac{1}{6}$ пробу. Итакъ археологическія данныя вѣрны, и по нимъ надобно заключить, что рубль стоилъ 400 денегъ 88 пробныхъ или 432 денегъ 81 пробныхъ. Поэтому въ старомъ новгородскомъ рублѣ содержалось 81 золотникъ чистой цѣнности, къ чему по московскому расчету прибавлялось лигатуры или начета до 88 пробы. Но тѣмъ не менѣе, зная, что въ гривнѣ серебра цѣнилось 70 золотниковъ чистыхъ, соответствующихъ 72 золотникамъ условной чистоты, и приводя это содержаніе въ 88 и 81 пробу, найдемъ, что рубль вѣсилъ въ первомъ случаѣ 76, а во второмъ 83 золотника, которые надобно положить въ 84, чтобы получить полную пропорцію $\frac{7}{8}$, служившую для образованія единицы въ 84 золотника: по ансірю секстульныхъ, а не большой гривникъ (литръ визант.) драхмовыхъ.

Выраженіе: „старинный новгородскій рубль“ обусловливаетъ суще-

(1) Ист. акты, т. I, стр. 473.

(2) Die Reich. Münzsamml., ч. I, стр. 2.

ствование новаго новгородскаго рубля. Дѣйствительно, въ одно время съ старымъ рублемъ является рубль отъ него отличный, объясняющій: что значать упоминаемые въ четвертой новгородской лѣтописи рубли старыя и новыя? Лука, бывшій игуменомъ Новгородскаго Михайловскаго монастыря въ 1389 — 1414 годахъ, обязался заплатить за купленную имъ землю „семь рублевъ, а по сту бѣлки за рубль“ (1). Эта плата составляетъ ровно половину стараго новгородскаго рубля, такъ что, по всей вѣроятности, рубль игумена Луки въ отношеніи къ рублю митрополита Клиріана могъ называться полтиною. Помѣщенная въ одной рукописи 1494 года, принадлежащей Соловецкому монастырю, „память какъ доселѣ торговали Новгородци“, говорить, что гривна серебра есть рубль. Слѣдовательно гривна серебра, сдѣлавшись рублемъ, раздѣлилась на двое, и образовала единицу, равную по внутренней цѣнности 35 нын. золотникамъ, что совершенно равнялось гривнѣ кунъ Русской Правды, а также Тверской гривнѣ серебра. Отсюда можно заключить, что эта первоначальная гривна кунъ не выходила изъ употребленія и что съ паденіемъ цѣнности кунъ вѣсъ ея сохранился въ видѣ гривны золота. Въ рубль игумена Луки весьма подходятъ слитки, извѣстныя подъ названіемъ гривенокъ, и вотъ почему: приведа найденную выше 70 пробою цѣнность серебра въ лигатурный составъ по пропорціи $\frac{5}{6}$, найдемъ, что въ этомъ составѣ рубль игумена Луки долженъ бы вѣсить 42 золотника; но какъ находящіяся въ минцеабинетахъ слитки вѣсятъ отъ $44\frac{1}{8}$ до $49\frac{7}{8}$ золотниковъ, и изъ нихъ одни могли быть недовѣсками, а другіе перевѣсками, то по степени вѣса они могли имѣть пробу отъ 76 и выше. Если 35 золотниковъ привести въ пробу $\frac{3}{4}$, то произойдетъ слитокъ въ $46\frac{2}{3}$ золотниковъ, т. е. почти средней вѣсъ извѣстныхъ слитковъ. Шодуаръ испыталъ нѣкоторыя слитки, и нашелъ въ нихъ пробы: въ одной 70, въ одной 89, въ пяти выше 90. Неизвѣстно, какъ произведено изслѣдованіе, но высокопробныя слитки нельзя относить къ древнему періоду цѣнностей, особенно цѣнностей ходячихъ: они скорѣе были приготовлены либо для кованія денегъ въ XV — XVI в., въ которыхъ деньги

(1) Акты юрид., стр. 191.

нѣли высокую пробу (напримѣръ „московская денга“ Иоанна III оказалась $93\frac{1}{3}$, тверскія Ивана Михайловича $93\frac{1}{2}$ и Бориса Александровича 92, наконецъ Иоанна Грознаго $92\frac{1}{2}$ пробъ) либо принадлежали къ казнѣ приказовъ XVII вѣка, въ которыхъ, какъ извѣстно, серебро хранилось въ слиткахъ. Въ народѣ употреблялись менѣе добротные слитки, которые, судя по извѣстію четвертой новгородской лѣтописи, приготовлялись на денежныхъ дворахъ по заказамъ частныхъ людей. Подъ 1447 годомъ лѣтопись говоритъ: „того же лѣта новгородци охулиша серебро рубли старыи и новыи, бѣ денежникомъ прибытокъ, а серебро передѣлаша на денги, а у денежниковъ поимаша посулы... Того же лѣта выведе Сокира посадникъ ливца и вѣсца серебрянаго Федора Жеребца на вѣче, напоивъ его нача сочити: на кого си лиль рубли? Онъ же оговори 18 человекъ, и по его рѣчемъ иныхъ съ мосту сметаша, а иныхъ дома разграбиша“. Это извѣстіе всегда необходимо имѣть въ виду при разсматриваніи гривенокъ, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ, что для частныхъ людей слитки приготовлялись съ излишнею противъ обычая примѣсью.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что уничтоженіе кунъ представляло ни что иное, какъ сокращеніе системы начетовъ, дошедшихъ до крайности, и возвращеніе къ системѣ древнихъ пропорцій, устанавливавшихъ соразмѣрность между условною, ходячею и чистою цѣнностями.

Примѣчаніе. Говоря о *долгой*, я упустилъ изъ вида *долгую*, которую исследователи русскихъ цѣнностей признали за куну. Она упоминается въ трехъ договорахъ Новагорода съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, 1305—1308 г., укрѣпленныхъ новгородскими печатями, и именно въ условіи: «а дворяномъ твоимъ, како пошло, погонъ имати отъ князя по 5 кунъ, а отъ тивуна по 2 долгѣи». Такъ какъ въ договорахъ 1270, 1307—1308 и поздн. годовъ значалось тивуну 2 кунъ, то и заключили, что *долгая* равна была кунѣ. Однакожъ это заключеніе едва ли вѣрно, потому что долгѣи совершенно отличны отъ кунъ: съ князя 5 кунъ, а съ тивуна 2 долгѣи. Замѣчательно, что въ четвертомъ договорѣ того же 1305—1308 г., укрѣпленномъ Тверскою печатью, стоятъ не долгѣи, а кунъ. Хотя въ договорахъ и оговорено, что пошлины эти существовали изстари, однако нельзя не замѣтить, что долгѣя является какъ бы случайно, въ актѣ Новагорода, въ которомъ подобной единицы никогда не существовало. Надобно полагать, что Новгородцы хотѣли измѣнить старинную пошлину съ тивуна и назначили ее тверскими деньгами, и что тверской князь на это не согласился, а пожелалъ сохранить прежній размѣръ пошлины. Впрочемъ *долгая* составляетъ одинъ изъ самыхъ темныхъ вопросовъ въ исторіи русскихъ цѣнностей и до тѣхъ поръ не можетъ быть выяснена, пока не откроется актъ, указывающій происхожденіе *долгой* отъ *долгѣи*, либо опредѣляющій отношеніе цѣнности долгѣи къ цѣнности другой извѣстной единицы.

Почетн. членъ Д. Прозоровскій.

Витебскій архивъ бывшаго генераль-губернаторства.

Въ концѣ первой четверти нынѣшняго столѣтія всѣ западныя наши губерніи состояли въ управленіи двухъ генераль-губернаторовъ. По „рописанію Россійскихъ губерній“, напечатанному въ Полномъ собраніи законовъ (1824 г. 14 апрѣля № 29,865), первое генераль-губернаторство состояло изъ пяти губерній: Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской; второе изъ четырехъ: Витебской, Могилевской, Смоленской и Калужской. Изъ этого „рописанія“ видно, что всѣ отъ Польши присоединенныя губерніи входили въ составъ особыхъ генераль-губернаторствъ, за исключеніемъ позднѣе всѣхъ присоединенной Бѣлостокской области (нынѣшней Ковенской губерніи); за то сюда же вошли двѣ губерніи, изъ которыхъ одна—Смоленская—стала давно уже Русскимъ достояніемъ, а другая—Калужская—и не находилась никогда подъ Польскимъ владычествомъ. И не безъ основаній поставлены были эти двѣ великорусскія губерніи рядомъ съ двумя бѣлорусскими, въ которыхъ вѣяло еще чужимъ, не русскимъ духомъ. Учрежденіе обоихъ генераль-губернаторствъ было вызвано крайней необходимостью создать въ западныхъ нашихъ окраинахъ такую сильную центральную власть, которая могла бы направить всѣ усилія второстепенныхъ своихъ органовъ къ достиженію благой и разумной цѣли правительства—облегчить ему трудную задачу управленія краемъ, находившемся въ видимо ненормальномъ положеніи. Край этотъ, исконно-русскій, долгое время находился подъ властію чуждаго и враждебнаго ему правительства, которое старалось всѣми возможными мѣрами, искусственными и насильственными, истребить въ немъ все, что только напоминало о его кровномъ

родствѣ съ Россіей, и успѣло послѣ вѣковых и, сказать правду, послѣдовательно и систематически направляемыхъ усилій чуть не на половину достигъ своей цѣли: главная масса населенія, почти безприкѣсно русскаго, оказалась если не ополченною, то во всякомъ случаѣ обезличенною. Вышее, передовое сословіе — дворянство — первое поступило и своей вѣрой и своей народностью въ виду тѣхъ благъ, которыя сулило ему его ренегатство и стало покорнымъ орудіемъ правительства въ его нетрудной борьбѣ съ остальнымъ населеніемъ. Древніе русскіе дворянскіе роды спѣшили, не стѣсняясь филологіей и геральдикой, переименовать и передѣлать свои прежнія фамиліи и гербы и огласить себя родовитой польскою шляхтой ⁽¹⁾. Сельское населеніе, темное и невѣжественное, предоставленное самому себѣ, своимъ слишкомъ слабымъ силамъ, не въ состояніи было бороться съ могущественнымъ врагомъ: оно замѣтно поддавалось чужому вліянію и съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе дичало и принижалось. Единственнымъ и къ счастью весьма слабымъ свѣтомъ, проникавшимъ въ эту темную среду, былъ тотъ ложный свѣтъ, который исходилъ на нее изъ польскихъ школъ, общественныхъ и частныхъ, куда насильно загоняли крестьянскихъ подростковъ и гдѣ внушали имъ презрѣніе къ ихъ „хлопской“ вѣрѣ, къ ихъ „простому“ мужицкому языку. Городскіе классы держались дольше другихъ, но и тѣ, выбываясь изъ послѣднихъ силъ, мало-по-малу втягивались въ общее теченіе. Католическое духовенство, къ которому скоро подошли на помощь отцы-іезуиты, вышедшее большею частію изъ того же ополченнаго дворянства, безусловно царило надъ униатскимъ и еще болѣе надъ православнымъ духовенствомъ, которыя, въ свою очередь, враждовали другъ съ другомъ и такимъ образомъ облегчали общему ихъ врагу и безъ того нетрудную побѣду надъ ними обоими. Пригодилось и на этотъ разъ излюбленное іезуитское правило: „divide et impera“.

(1) Въ книгѣ покойнаго профессора Иванничева есть одинъ интересный документъ XVI вѣка, составленный на одномъ изъ сеймиковъ нѣмѣцкой Мѣнскои губерніи — просьба къ королю, чтобы впредь изъ Варшавы не посылали сюда бумагъ, писанныхъ по польски. Подъ этой просьбой стоятъ фамиліи тогдашнихъ русскихъ дворянъ, потомки которыхъ считаютъ себя нынѣ истинными польскими шляхтичами.

Неотразимая сила событій привела этотъ несчастный край къ его воссоединенію съ Россіей именно въ то время, когда его страданія достигли послѣднихъ предѣловъ. Великимъ счастіемъ для этихъ „отторгнутыхъ“ нашихъ окраинъ было то, что нѣкоторыя изъ нихъ возвращены были подъ русское владычество, когда остальные томились еще подъ чуждою имъ властію. Эти послѣднія могли ждать и надѣяться, что и для нихъ, рано или поздно, наступитъ это счастливое время: легче переносится боль и страданія, когда предвидится близкій и счастливый исходъ ихъ. Русскому правительству предстояла трудная задача возстановить и упрочить въ древнемъ своемъ достоиніи почти разрушенныя и, во всякомъ случаѣ, сильно распатанныя основы государственнаго строя, дать русской народности и православной вѣрѣ то внушающее значеніе, то первенство и господство, на которое имѣли неоспоримое право эти „отчины и дѣдины“ потомковъ св. Владиміра. Русское правительство должно было держаться системы, разъ на всегда принятой, строго и точно выполняемой, безъ малѣйшихъ уклоненій и колебаній, чуждой всякихъ сдѣловъ и уступокъ. И по этому прямому пути, проложенному самимъ ходомъ событій, нужно было идти, не останавливаясь ни на шагъ: малѣйшая остановка равнялась-бы отступленію, а отступать было уже не куда! Разъ на всегда, не на словахъ, а на дѣлѣ нужно было побончить съ тѣми историческими призраками и галлюцинаціями, которыми столько вѣковъ заслонились здѣсь правда и истина. Разъ на всегда нужно было твердо заявить и никогда не забывать, что здѣсь не Польша и католицизмъ, а Русь и православіе. Возвращая этому краю его вѣру и его народность, мы не посягаемъ на что либо чужое, а только беремъ назадъ незаконно у насъ похищенное. Мы признаемъ даже, что самый терминъ „обрусеніе“ края мало намъ понятенъ. Онъ имѣетъ еще значеніе для нѣкоторыхъ мѣстностей губерній Виленской и Ковенской, мѣстностей заселенныхъ Литовцами и Жмудинами, но теряетъ всякій смыслъ относительно нашихъ бѣлорусскихъ губерній: обрусить русское — есть, по меньшей мѣрѣ, этнографическій плеоназмъ. Задача нашего правительства была и шире и состоятельнѣе: признавая этотъ нѣкогда отторгнутый отъ насъ край тѣмъ, чѣмъ онъ и не переставалъ быть, т. е. русскимъ и православ-

нимъ, высшая власть поставила себѣ цѣлью дать русской народности и православной вѣрѣ то первенствующее значеніе, которое имѣли онѣ и прежде. Задача правительства, при всей ея немногосложности, была не легка, выполненіе ея носило характеръ справедливости и разумной снисходительности. Православная, господствующая вѣра, была принижена: ее слѣдовало поставить на подобающую ей высоту, возникшій здѣсь политическій расколъ — унию — „возсоединить любовію“ съ тою церковью, отъ которой она была „отторгнута насиліемъ“. На родномъ языкѣ лежалъ неопытный запретъ: русскому народу возвращалось отъ него у него право молиться, учиться и судиться *по русски*. Многіе помѣщики изъ русскихъ дворянъ обратились въ польскихъ пановъ: ихъ оставили въ покоѣ, но строго оберегали народъ отъ ихъ вреднаго на него вліянія и рядомъ съ ними водворяли въ краѣ русскихъ землевладѣльцевъ, которымъ предоставлены были всѣ средства и льготы для пріобрѣтенія имѣній. Не тронули и католицизма въ вопросахъ чисто-религіозныхъ и только не давали ему возможности дѣйствовать, какъ политической партіи, и непрошено вторгаться въ дѣла чуждой ему паствы. Однимъ словомъ, *ничего* не рушилось и не разбивалось, а *все* созидалось и упрочивалось. Но для такого созиданія потребовалась сильная власть съ широкими полномочіями, за то и съ великою отвѣтственностью, которая могла бы дѣйствовать самостоятельно и послѣдовательно по плану разъ начертанному, безъ малѣйшихъ отъ него отступленій. Такою властью явилась генераль-губернаторская. Вся наша западная окраина раздѣлена была, какъ мы видѣли, на двѣ территориальныя группы, съ отдѣльнымъ для каждой изъ нихъ высшимъ центральнымъ управленіемъ, причемъ составъ обоихъ генераль-губернаторствъ опредѣлялся различными историческими и этнографическими условіями и время отъ времени измѣнялся, сообразно съ тѣми или другими временными обстоятельствами. Двѣ бѣлорусскія губерніи съ двумя срединными великорусскими — Смоленской и Калужской — образовали особое генераль-губернаторство, существовавшее въ нѣсколько измѣненномъ составѣ до 1855 г.: такъ, указомъ правительствующаго сената отъ 13 января 1831 г. выдѣлена была изъ него губернія Калужская и временно замѣнена Минской. Первымъ генераль-губернато-

ромъ — Витебскимъ, Могилевскимъ, Смоленскимъ и Калужскимъ — былъ генераль-лейтенантъ (впослѣдствіи генераль отъ инфантеріи) Николай Николаевичъ Хованскій: онъ управлялъ краемъ до 10 мая 1836 г.; за нимъ слѣдовали: генераль-адъютантъ Дьяковъ до 1845 г., князь Голицынъ до 1853 г., генераль-адъютантъ Игнатьевъ до 1855 г. и наконецъ генераль-лейтенантъ князь Урусовъ, при которомъ было упразднено генераль-губернаторство. Любопытенъ по его несложности штатъ канцеляріи генераль-губернатора, управлявшаго обширнымъ краемъ, представлявшаго въ лицѣ своемъ высшую инстанцію для всѣхъ подчиненныхъ ему вѣдомствъ и учреждений. При генераль-губернаторѣ Дьяковѣ составъ его канцеляріи былъ слѣдующій: управляющій канцеляріей (безъ единого помощника и съ однимъ старшимъ писцомъ), 4 адъютанта, 4 чиновника для особыхъ порученій (изъ которыхъ двое безъ жалованья), 8 „дворянъ для почести“ — по два изъ каждой губерніи — всѣ безъ жалованья. Канцелярія раздѣлялась на три отдѣленія: судное, полицейское и хозяйственное. Судное управлялось „завѣдующимъ отдѣленіемъ“ (эту самостоятельную должность занималъ одинъ изъ чиновниковъ для особыхъ порученій и не получалъ за это особаго вознагражденія) и состояло изъ двухъ столовъ, изъ которыхъ однимъ „завѣдывалъ“ чиновникъ, а другимъ старшій писецъ; при отдѣленіи былъ еще одинъ „чиновникъ для дѣлъ прежнихъ лѣтъ“, но получалъ половинное жалованье старшаго писца. Полицейское отдѣленіе состояло изъ секретаря, трехъ его помощниковъ и семи копистовъ и писцовъ; секретарь былъ начальникомъ отдѣленія, а его помощники столоначальниками, и такъ какъ столовъ было четыре, то одному приходилось завѣдывать двумя столами. Хозяйственнымъ отдѣленіемъ управлялъ секретарь, а два его помощника завѣдывали двумя столами; при нихъ было 8 писцовъ. При канцеляріи состояли: журналистъ, казначей и экзекуторъ (обѣ должности соединялись въ одномъ лицѣ), доكتورъ и архивариусъ (последній на жалованьи старшаго писца) и три сторожа. Не широки были, какъ видно, штаты въ добрыя старыя времена. При упраздненіи генераль-губернаторства оставлена была временно и въ значительно уменьшенномъ составѣ его канцелярія для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ и для отсылки въ разныя вѣдомства и

учрежденія тѣхъ дѣлъ, которыя до сихъ поръ сосредоточивались въ главномъ управленіи. Болѣе чѣмъ двадцатилѣтнюю дѣятельность генераль-губернаторства, добрую службу, сослуженную имъ за все это время государству и русскому обществу, можно, хотя отчасти, оцѣнить по тому архивному матеріалу, который остался намъ въ наслѣдство и хранится по нынѣ въ Витебскѣ, въ архивѣ губернскаго правленія вмѣстѣ съ старыми дѣлами нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ. Архивъ Витебскаго губернскаго правленія не сразу попалъ въ свое теперешнее, весьма удобное помѣщеніе: три раза пришлось ему перекочевывать съ мѣста на мѣсто. 25 лѣтъ тому назадъ онъ помѣщался на Двинской набережной въ казенномъ зданіи, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ ютился провіантскій магазинъ; потомъ перенесли его въ Воскресенскую улицу въ казенное же зданіе, гдѣ былъ до того времени манежъ. Въ 1862 году вмѣстѣ съ центральнымъ архивомъ онъ перенесенъ въ нынѣшнее свое помѣщеніе—въ бывшую приходскую католическую церковь (1). Подъ архивъ губернскаго правленія отведено почти все костельное зданіе, за исключеніемъ алтарной части, доставшейся центральному архиву. Помѣщеніе это, весьма удобное и просторное, занимаетъ въ длину 12 сажень, въ ширину 10 саж. и передѣлено на три этажа, на которыя ведутъ деревянныя лѣстницы; только въ нижнемъ этажѣ полъ каменный, въ двухъ остальныхъ деревянный. Архивъ бывшаго генераль-губернаторства занимаетъ только небольшую часть помѣщенія, а именно: въ нижнемъ этажѣ лѣвую заднюю часть зданія и въ верхнемъ этажѣ небольшой уголъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается большая часть архива, именно 48 восьми-аршинныхъ полокъ, въ верхнемъ только двѣ такого же размѣра полки. Такая разрозненность помѣщенія архива въ двухъ даже не сосѣднихъ между собою этажахъ произошла оттого, что не весь архивъ былъ сразу переведенъ изъ прежняго помѣщенія въ нынѣшнее и небольшая его часть попала въ костельное зданіе уже тогда, когда оба первые этажа были заняты, а потому и пріютилась въ свободномъ мѣстѣ верхняго этажа. Нынѣ и это неудобство устранено: по распоряженію вице-губернатора

(1) См. въ Сборникѣ Археолог. Института кн. III, отдѣл. 1, статью «Витебскій Центральный Архивъ».

дѣла съ этихъ двухъ полокъ перенесены въ нижній этажъ въ сосѣдство съ остальными, что значительно облегчаетъ занятія въ архивѣ. На всѣхъ пятидесяти полкахъ находится 1002 вязки, но число „дѣлъ“ въ нихъ заключенныхъ нѣсколько болѣе этой цифры, такъ какъ въ нѣкоторыя „вязки“ попали по два „дѣла“. Но далеко не всѣ дѣла бывшаго генераль-губернаторства находятся въ этомъ послѣднемъ ихъ пристанищѣ; значительная часть ихъ переслана въ губернскія правленія: Витебское и Смоленское; нѣкоторыя потребованы были для справокъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, св. Синодъ и главный штабъ, откуда не всѣ возвращены обратно. Почти все первое полугодіе 1856 года занята была канцелярія упраздненнаго генераль-губернаторства пересылкою этихъ дѣлъ въ разныя вѣдомства и учрежденія. Отправлялись за разъ цѣлыя массы дѣлъ: такъ въ апрѣлѣ этого года отослано 117 дѣлъ, въ маѣ 318, въ іюнѣ, въ два пріема, 564—всего 999 дѣлъ. Считая въ оставшихся въ архивѣ 1002 вязкахъ не менѣе 1200 дѣлъ, выйдетъ, что почти половина „дѣлъ“ бывшаго генераль-губернаторства не находится болѣе въ его архивѣ. Дѣламъ, отосланнымъ отсюда, велись подробныя описи, всѣ до одной уцѣлѣвшія. Изъ нихъ видно, что дѣла эти, судебныя и полицейскія, большею частію касались исключительно тѣхъ губерній, которыя составляли упраздненное генераль-губернаторство и имѣли, слѣдовательно, мѣстный характеръ, но попадались между ними, по счастью, немногія, имѣющія интересъ общій и исчезновеніе ихъ изъ здѣшняго архива составляетъ не малую утрату. Къ этому разряду относятся дѣла двухъ категорій: *хозяйственныя* и *полицейскія*. Къ первой принадлежатъ дѣла о постройкѣ православныхъ церквей въ бывшихъ уніатскихъ и въ такъ-называемыхъ смѣшанныхъ приходахъ и по обезпеченію православнаго духовенства; ко второй—высокоинтересныя, судя по оставшимся здѣсь, дѣла о совратителяхъ и совращенныхъ въ католицизмъ, о вмѣшательствѣ католическаго духовенства въ дѣла православной церкви, о незаконномъ возобновеніи упраздненныхъ капищъ, о тайной продажѣ вещей съ символическими изображеніями, дѣла о расколникахъ и о волненіяхъ среди помѣщичьихъ крестьянъ. Если, какъ мы сказали, дѣламъ отосланнымъ велись подробныя описи, то этого, къ сожалѣнію, нельзя сказать о дѣлахъ оставшихся въ архивѣ.

Только за немногіе годы уцѣлѣли подробныя имѣ описи; за другіе годы остались одни алфавитные списки; за нѣкоторые нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ. При нашихъ занятіяхъ въ архивѣ намъ удалось найти нѣсколько описей, случайно попавшихъ въ вязки съ „дѣлами“, но и при такихъ случайныхъ находкахъ, очень и очень намъ пригодившихся, остались еще значительныя пробѣлы. Здѣшнія начальствующія лица, губернаторъ П. А. Ростовцовъ и вице-губернаторъ — Н. Р. Щулепниковъ — въ высшей степени интересующіеся важнымъ дѣломъ разработки генераль-губернаторскаго архива, оказали мнѣ при моихъ занятіяхъ столько предупредительнаго вниманія, столько заботливости, что только, благодаря имъ, я могъ достигнуть кое-какихъ результатовъ — сознаюсь — весьма еще незначительныхъ. Сдѣлано весьма важное распоряженіе: составить описи за года пропущенныя и дополнить остальные — работа не легкая для двухъ лицъ, составляющихъ весь служебный персоналъ громаднаго архива здѣшняго губернскаго правленія.

Богатое содержаніе генераль-губернаторскаго архива даетъ возможность прослѣдить, во всѣхъ ея проявленіяхъ, дѣятельность центральной власти, поставленной во главѣ управленія краемъ, оцѣнить ея труды и заслуги при успѣшномъ разрѣшеніи той многотрудной задачи, которая возложена была на нее правительствомъ. Разбирая и перечитывая оставшіяся намъ „дѣла“ архива, эти драгоценныя памятники дѣятельности *служилыхъ* русскихъ *людей* той эпохи, мы невольно переносимся воображеніемъ въ это, не такъ далекое отъ насъ, время и съ радостью видимъ, какъ мало оно похоже на настоящее, какъ счастливо измѣнились судьбы нашей Бѣлорусской окраины. Уцѣлѣли, правда, отъ ея грустнаго прошлаго еще кое-какіе безобразныя обломки, но и для нихъ не далекъ часъ ихъ полнаго разрушенія, — на что, конечно, не посѣтуютъ даже и археологи.

Если прямой задачей правительства было вывести этотъ край изъ его ненормальнаго положенія, дать ему тотъ видъ и образъ, какіе носилъ онъ прежде, то — должно сказать — эта трудная задача была совершенно понята и успѣшно рѣшена здѣшнимъ генераль-губернаторскимъ управленіемъ. Въ короткое, сравнительно, время проложенъ

былъ и пройденъ безостановочно и неуклонно многотрудный путь, приведшій къ желанной цѣли.

Въ двухъ важнѣйшихъ вопросахъ, религіозномъ и политическомъ, принята и выполнена была программа, единственно здѣсь возможная и примѣнимая. Мы указали уже выше тѣ главные основанія, которыя должны были лечь въ великое дѣло созиданія и упрочиванія того естественнаго порядка, который вводился здѣсь не какъ что-либо новое, а который существовалъ и прежде и былъ только временно и злополучно приостановленъ. Мы постараемся теперь, черпая изъ прямыхъ источниковъ, опираясь на несомнѣнные факты, указать какъ совершалась здѣсь въ частности, въ отдѣльныхъ случаяхъ и примѣненіяхъ, эта нелегкая работа правительственныхъ властей и лицъ. Подлинныя „дѣла“ архива послужатъ намъ единственнымъ, но за то и самымъ цѣннымъ, самымъ благодарнымъ матеріаломъ въ нашихъ указаніяхъ.

Важнѣйшій вопросъ — религіозный — стоялъ на ближайшей очереди, а между тѣмъ окончательное, радикальное его разрѣшеніе — казавшееся неотложнымъ, „возсоединеніе“ уни — послѣдовало гораздо позднѣе, чѣмъ можно было ожидать, а именно только въ 1839 г. Такая отсрочка рѣшенія вызвана была необходимостью дѣйствовать съ крайней осторожностью, тщательно изслѣдовать почву, устранить всѣ препятствія, а такихъ препятствій было, какъ мы увидимъ, не мало и исходили онѣ изъ такой среды, съ которой приходилось сводить довольно крупные счеты. На помощь правительству въ разрѣшеніи этого жгучаго вопроса явился цѣлый рядъ блестящихъ дѣятелей изъ духовныхъ сановниковъ этой самой униатской церкви, которые уже по самому положенію своему были близко знакомы съ порученнымъ имъ дѣломъ, лучше всѣхъ другихъ понимали необходимость „возсоединенія“, но въ то же время сознавали такую же необходимость дѣйствовать осторожно и — главное — строго справедливо. Такими личностями были пресвященный Иосифъ (Симашко), Антоній (Зубко), Василій (Лужинскій), Михаилъ (Голубовичъ), Игнатій (Желяховскій) и другіе ⁽¹⁾. Вслѣдъ за ними, продолжателями ихъ

(1) Изъ этихъ доблестныхъ ревнителей православія, сослужившихъ добрую службу русскому государству, остались въ настоящее время въ живыхъ только двое: высокопреосвя-

великаго дѣла, упрочившими и возрадившими ими насажденное, явились, уже послѣ „воссоединенія“, преосвященный Исидоръ (нынѣ митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій), Смарагдъ, Гаврилъ и друг. Обѣ власти, духовная и свѣтская, *viribus unitis*, рука объ руку, готовились долго и обдуманно къ выполнению возложенной на нихъ задачи и рѣшили ее успѣшно и во время. Говоря это, мы далеки отъ мысли, что воссоединеніе не могло совершиться ранѣе 1839 года, что народъ *только* къ этому времени былъ готовъ къ добровольному возвращенію въ лоно православія. Начать съ того, что народъ этотъ никогда не былъ готовъ къ принятію навязанной ему уніи, а въ дѣлѣ воссоединенія видѣлъ единственный и неизбѣжный исходъ изъ того ложнаго положенія, въ которое былъ поставленъ. Для простаго русскаго человѣка было и безразлично и мало даже понятно признаніе за догматъ главенство папы: онъ остался вполне равнодушнымъ при замѣтѣ, на возгласахъ, имени Святѣйшаго Отца провозглашеніемъ „Святѣйшаго, Правительствующаго Синода“ (1). Важны были чуждые нашей церкви обряды, тѣ внѣшнія формы, которыя искусственно вводили въ греко-уніатское богослуженіе, чтобы, хотя *этимъ*, возможно приблизить ее къ латинской: къ нимъ попрежнему старались при польскомъ здѣсь владычествѣ *привычить* народъ и теперь слѣдовало, также по немногу, отучить его отъ этого *новшества*. Если унія, въ эпоху польскаго владычества, служила переходной ступенью къ латинству, — на что и рассчитывали ея авторы — то съ возвращеніемъ края подъ русскую, родную ему власть, должна была неминуемо совершиться естественная реакція: воссоединеніе *политическое* вело само собой къ воссоединенію церковному. Правительство, не произнося еще послѣдняго, всѣми съ нетерпѣніемъ ожидаемаго, слова, содѣйствовало такому естественному ходу дѣлъ и съ ревностной помощью уніатскихъ духовныхъ властей старалось мало-по-малу очищать уніатскіе храмы и совершаемое въ нихъ богослуженіе отъ введенныхъ въ

ценные Антоній и Михаилъ, которые, преклонные лѣтами, но бодрые духомъ находятся на покой, одинъ въ Пожайскомъ монастырѣ, другой въ Жировицкомъ.

(1) Намъ рассказывали очевидцы и дѣятели «воссоединенія», бывшіе уніатскіе священники, что ихъ сельскіе прихожане объясняли этотъ новый для нихъ возгласъ: «Святѣйшій Правительствующій Синодъ и господина нашего и т. д.» тѣмъ, что, вѣроятно, прежде упоминаемый святѣйшій отецъ умеръ и теперь поминаютъ другаго.

нихъ, имъ несвойственныхъ, вѣнскихъ формъ и обрядовъ. Еще задолго до 1839 года цѣлыми массами добровольно переходило православное населеніе изъ навязанной ему уніи въ прежнюю свою вѣру. Среда, враждебная такому естественному ходу дѣла, старалась всѣми силами мѣшать ему и противодѣйствовать и, не успѣвая въ этомъ, утѣшалась безсильной мстью и неблагоприятными распрессалиями. Такъ въ 1836 году въ селеніяхъ, сосѣднихъ съ Полоцкомъ, многія крестьянскія семейства стали переходить изъ уніи въ православіе, и оказалось, что это произошло, благодаря ревности и усердію церковнаго старосты Якиманской церкви, Купріяничка, и крестьянина Гура. На ихъ несчастіе возникло въ то же время въ самомъ г. Полоцкѣ одно уголовное дѣло, въ которое враги православія постарались впутать обоихъ нашихъ миссіонеровъ и Полоцкій уѣздный судъ приговорилъ обоихъ „за дачу невѣрныхъ показаній“ къ двадцати ударамъ плетью и ссылкѣ въ каторжную работу. Пресвященный Смарагдъ, лично знавшій Купріяничка, какъ человѣка честнаго, ходатайствовалъ за него предъ генералъ-губернаторомъ; начались новыя разслѣдованія, дѣло перешло въ уголовную палату, потомъ въ Правительствующій Сенатъ, и только въ 1847 г. кончилось полнымъ оправданіемъ обоихъ, но Купріяничкъ успѣлъ уже умереть, Гуръ былъ, конечно, освобожденъ. За то мѣстный исправникъ, оказавшійся по слѣдствію явно виновнымъ въ подлогахъ и другихъ неблагоприятныхъ поступкахъ, хотя и былъ обвиненъ, но его съумѣли подвести подъ милостивый манифестъ (дѣло 1847 года, отд. I № 3). Католическое духовенство, въ свою очередь, выживалось изъ послѣднихъ силъ, чтобы отстоять свое видимо проигранное дѣло: оно тайно устраивало костелы въ такъ называемыхъ *сманныхъ* приходяхъ, а такъ какъ подобная мѣра не всегда удавалась, и была во всякомъ случаѣ не безопасна для ревностныхъ „фундаторовъ“, то прибѣгало къ слѣдующей уловкѣ, всегда почти удававшейся: превращало разрѣшенныя правительствомъ „филиальныя“ (приписныя) каплицы въ настоящіе костелы, куда музыкой, торжественными процессіями, и т. под. приманками, привлекало крестьянъ-уніатовъ. Изъ дѣла (1846 г. отд. II, № 6) видно, какъ трудно было правительству, при всей бдительности мѣстныхъ властей, обличить преступные замыслы искус-

ныхъ пропагандистовъ. Въ 1837 году — за два года до воссоединенія — пожаловался Оршанскій униатскій епископъ Василій, что въ фолваркѣ Семеновъ состоялось превращеніе тамошней филиальной капицы въ настоящій костель со всѣми его атрибутами и что стараніями усердныхъ миссіонеровъ совращено въ католицизмъ не малое число униатовъ. Комиссія, посланная для разслѣдованія дѣла, донесла, что число совращенныхъ незначительно — не болѣе 40 душъ обоого пола. Католическое епархіальное начальство на запросъ генералъ-губернатора дало сначала отзывъ, что Семеновскій костель — не костель, а філія, а потомъ уже, когда лживость его отзыва ясно обнаружилась, доказывало, что костель въ этой мѣстности необходимъ по отдаленности отсюда другихъ костеловъ. Преосвященный Василій опровергъ этотъ аргументъ и обнаружилъ лживость показаній комиссіи: совращенныхъ оказывалось 230 человекъ. Рѣшеніе этого спорнаго дѣла послѣдовало только въ 1840 году и было строго-справедливо и гуманно-ниско-дительно. Приказано было: 1) природныхъ униатовъ, совратившихся въ католицизмъ, равно и дѣтей ихъ, отослать въ православному духовному начальству для поступленія съ ними по правиламъ церкви (въ этомъ году уни уже не существовало); 2) о непомянувшихъ вѣроисповѣданія своихъ родителей и состоящихъ съ малолѣтства въ римскомъ законѣ, произвести вновь на мѣстѣ точнѣйшее изслѣдованіе; 3) природныхъ католиковъ отъ дальнѣйшей по сему дѣлу ответственности освободить. 4) Совратителей, какъ не сознавшихъ въ своемъ преступленіи и въ немъ явно не уличенныхъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи съ объявленіемъ имъ: если на будущее время будетъ замѣчено виѣнательство ихъ въ дѣла чуждой паствы, то подвергнутся строжайшей отвѣтственности и 5) Семеновскую римско-католическую капицу закрыть и прихожанъ-католиковъ причислить къ двумъ ближайшимъ костеламъ. Въ 1845 году бывшая Семеновская капица передана въ вѣдомство православнаго духовенства, а въ слѣдующемъ году, по ходатайству преосвященнаго Василія, архіепископа Полоцкаго и Витебскаго, перенесена въ мѣстечко Кохановичи и обращена въ православную церковь (1). Въ началѣ приснопамятнаго 1839 года, а именно 3 января

(1) Нимъ, какъ сказывалъ мнѣ преосвященный Викторинъ, епископъ Полоцкій и Витеб-

(дѣло 1839 г. отд. II № 8), получено было генераль-губернаторомъ извѣщеніе отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, графа Протасова, что по Высочайшему повелѣнію командированъ въ Вѣлорусскія губерніи камергеръ Скрипицынъ для разслѣдованія дѣла о жалобѣ, поданной на Высочайшее имя двумя униатскими священниками, якобы уполномоченными отъ „многихъ другихъ“, на притѣсненія со стороны униатскихъ епархіальныхъ властей. Самое тщательное разбирательство дѣла ясно обнаружало тотъ подлогъ, ту фальшь, которые старались непримиримые враги всего русскаго заслонить ту неоспоримую и въ глаза бросающуюся истину, что для униіи насталъ естественный и неизбѣжный конецъ, что и духовенство и народъ ждутъ не дождутся „возсоединенія“. Оказалось, что коллективная просьба втихомолку писалась въ домѣ одного богатаго польскаго помѣщика властной рукой его „старшаго писаря“; что уполномочившихъ подать эту жалобу на лицо не оказалось ⁽¹⁾. Несомнѣннымъ подтвержденіемъ борьбы польскаго дворянства съ великой мѣрой возсоединенія служить еще одинъ фактъ изъ поѣздки того же Скрипицына (1839 г. отд. II № 10). По дорогѣ въ Полоцкъ онъ заѣхалъ, испросивъ на то предварительно дозволеніе, ночевать къ одному помѣщику, который сообщил своему гостю, что униатовъ принуждаютъ насильно къ переходу въ православіе, вызываютъ ихъ въ Полоцкую духовную консисторію и „тамъ бьютъ“, что даже униатское духовенство не довольно дѣйствіями своего начальства и жаловалось Государю. Получивъ отъ Скрипицына ясное опроверженіе такихъ вздорныхъ слуховъ, помѣщикъ, видимо недовольный, ограничился *вѣжливымъ* просьбой, обращенной впрочемъ не

скій, Семеновскіе крестьяне ходатайствуютъ о перенесеніи этой церкви обратно къ нимъ въ Семеново, такъ какъ въ Кохановичахъ сооружонъ, также съ содѣйствіемъ прихожанъ, каменный храмъ. Ходатайство это будетъ уважено и такимъ образомъ русское селеніе, Семеново, увидитъ среди себя *свою* русскую церковь, бывшую за 40 лѣтъ передъ тѣмъ католической *каплицей*.

(1) Какъ велико было число дѣйствительно недовольныхъ между униатскими священниками видно изъ того, что на 700 человекъ добровольно и искренно возсоединившихся оказалось 24 «упорствующихъ», да и изъ этого ничтожнаго числа болѣе половины скоро раскаялись, остальные «ненасправные» были низведены въ причетники и высланы внутрь Россіи, въ Курскій монастырь.

къ самому Скрыпицину, а къ сопровождавшему его „становому приставу“, не забывать къ нему болѣе на возвратномъ пути. Разсѣвателя ложныхъ слуховъ вызвали въ Полоцкъ, гдѣ онъ рѣшительно отрекся отъ своихъ словъ и вызвался „испросить извиненіе у камергера“. Тѣмъ дѣло и кончилось. Задумавъ великое дѣло „возсоединенія“, Правительство дѣйствовало съ полнымъ тактомъ, не увлекаясь какой-либо предвзятой идеей, но и не пугаясь предстоявшихъ ему борьбы и препятствій. За два года до „возсоединенія“, какъ видно изъ дѣла (1837 отд. II № 20), совершилъ преосвященный Іосифъ Симашко поѣздку не только по двумъ Бѣлорусскимъ, но и по сосѣднимъ съ ними губерніямъ съ цѣлью окончательно изслѣдовать почву, на которой, два года спустя, пришлось ему и его сподвижникамъ такъ благотворно дѣйствовать. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, графъ Протасовъ, сообщилъ объ этой поѣздкѣ генераль-губернатору и преосвященному оказано было все содѣйствіе со стороны мѣстныхъ властей. Іосифъ посѣтилъ почти все греко-уніатскіе приходы, узналъ на мѣстѣ духъ и направленіе священниковъ (о народѣ нечего было и узнавать), лично сносился съ своими собратіями, другими уніатскими епископами и тогда уже великій вопросъ былъ рѣшенъ безповоротно и самое выполненіе зрѣло обдуманнаго плана было только вопросомъ времени: оно, какъ видно, не заставило себя ждать. Іосифъ, какъ уроженецъ одной изъ западныхъ губерній, хорошо зналъ среду, въ которой довелось ему явиться добрымъ дѣятелемъ. Наконецъ, въ 1839 году, отпраздновано было во всемъ краѣ „торжество православія“ и славный день этотъ чествуется и по нынѣ во всей западной Россіи (1). Эта великая реформа совершилась безъ всякаго шума и волненій, тихо и незамѣтно, какъ совершаются у насъ все великія и благія преобразования: исходя сверху, отъ священнаго *для всѣхъ* лица Монарха-Самодержца, онѣ съ полнымъ довѣріемъ и признательностію принимаются *всѣмъ* народомъ,

(1) Возсоединеніе Уніи празднуется во всемъ западномъ краѣ ежегодно въ четвергъ послѣ девятаго воскресенья по пасхѣ: совершается послѣ литургій крестный ходъ; присутствія гѣста и учебныя заведенія освобождаются отъ занятій. День этотъ знаменательно совпадаетъ съ католическимъ праздникомъ «тѣла Господня».

какъ дорогой даръ, какъ низшедшее на него благо: довольно вспомнить крестьянскую реформу 1861 г.

Витебскій архивъ не богатъ матеріалами, касающимися „возсоединенія“, такъ какъ большая часть ихъ отправлялась отсюда, съ мѣста дѣйствія, въ Святѣйшій Синодъ, гдѣ и слѣдуетъ искать ихъ. Но зато архивъ богатъ весьма цѣнными документами касательно дѣйствій той партіи, которая въ слѣпномъ упорствѣ самообольщенія не могла или, лучше сказать, не хотѣла понять неотразимаго хода событій и, *impotens sui*, шла ему наперекоръ. Мы говорили объ усердныхъ и въ былое время столь успѣшныхъ стараніяхъ католическаго духовенства всеми возможными мѣрами совращать въ латинство не только униатовъ, но даже и православныхъ, „вторгаться въ чуждую паству“, какъ выражаются архивные документы. Правительство зорко смотрѣло за этими преступными дѣйствіями, скрывавшимися, какъ и все преступное, въ тайнѣ и мракѣ, выводило ихъ на свѣтъ Божій и строго карало виновныхъ. Изъ цѣлой массы такихъ дѣлъ „о совращеніи“ мы остановимся на нѣсколькихъ болѣе другихъ выдающихся и характерныхъ. Мы видѣли выше, что однимъ изъ средствъ къ совращенію служили незаконно построенные костелы, непрошенно появлявшіеся среди униатскаго и даже православнаго населенія въ такъ называемыхъ „смѣшанныхъ приходахъ“. Но и безъ такой, слишкомъ уже грубой, уловки, успѣвали ревностные пропагандисты уловлять въ свои сѣти не однихъ только темныхъ людей низшаго класса, но и податливыхъ, малоустойчивыхъ адептовъ высшаго круга. Съ какими трудностями приходилось бороться Правительству въ его законномъ стремленіи оградить интересы *своей* церкви, видно изъ дѣла „о ксендзѣ Каминскомъ“ (1834 г. отд. II № 30). Въ силу Высочайшаго повелѣнія на мѣста настоятелей и викарныхъ ксендзовъ представлялись мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ избранные имъ кандидаты на утвержденіе высшей, центральной власти, т. е. генераль-губернатора (эта вполнѣ рациональная мѣра исполняется, по счастью, и до сихъ поръ). Въ 1833 г. Абдеританскій Римско-Католическій епископъ Валеріанъ Каміонко воинопъ, въ силу этого распоряженія, съ представленіемъ къ генераль-губернатору князю Н. Н. Хованскому о утвержденіи въ настоятельской долж-

ности бывшего гомельскаго винарнаго ксендза, Адама Каминскаго. По тщательно наведеннымъ справкамъ оказалось, что представленный кандидатъ „къ Россійскому правительству и къ господствующей вѣрѣ имѣеть мысли неблагонамѣренныя и даже вредныя“, и что „дѣйствія его на умы и сердца прихожанъ непріязненны для Россіи и вѣры православной, а поведеніе и жизнь его, по молодости лѣтъ, зазорны“. Послѣ такой аттестаціи генераль-губернаторъ, какъ и слѣдовало ожидать, не только не утвердилъ ксендза Каминскаго въ новой высшей должности, но предложилъ епископу уволить его изъ гомельскаго прихода и назначить его на такое мѣсто, „гдѣ неблагонамѣренныя его дѣйствія могли-бы быть совершенно пресѣчены и не были бы вредны для греко-россійской церкви“. Епископъ, нисколько не опровергая справедливости „слуховъ“ о Каминскомъ, просилъ только сообщить ему ихъ источникъ. „дабы оны могъ, какъ преданное правительству лицо, нарядить съ своей стороны строжайшее „формальное слѣдствіе и достойно покарать, въ примѣръ другимъ, виновнаго“. Ловко замаскированная попытка епископа открыть имя „доносчика“ не удалась: ему было отказано, съ категорическимъ заявленіемъ генераль-губернатора, „что свѣдѣнія, доставленныя ему о Каминскомъ, *достоверны* и что оны не считаютъ себя обязаннымъ открывать источникъ, изъ которыхъ они поступили“. Между тѣмъ неблагонадежный ксендзъ не только не получилъ „строгой кары“, но и въ слѣдующемъ 1834 году продолжалъ спокойно пребывать въ гомельскомъ приходѣ и никакого предписанія о своемъ перемѣщеніи отъ епископа не получалъ. Генераль-губернаторъ вновь потребовалъ немедленнаго исполненія своего прежняго предложенія; ксендза перевели, въ мартѣ, въ другой приходъ, но въ то же время Могилевскій губернаторъ сообщилъ, что ксендзъ Каминскій на новое свое мѣсто не поѣхалъ, ссылаясь „на скудость прихода“, что его перемѣстили въ Кіевскую губернію, на проѣздъ куда и выданъ ему отъ губернатора надлежащій паспортъ. Въ мѣсто Кіева очутился непокорный ксендзъ снова въ любезномъ ему Гомелѣ, прежней своей псаломнѣ, гдѣ продолжалъ отправлять богослуженіе, совершать требы „и пользоваться симъ, по его недоброжелательству къ православной вѣрѣ, благоприятнымъ случаемъ, минувшаго мая 31 числа,

принялъ на исповѣдъ и приобщалъ святыхъ таинъ Рогачевскаго уѣзда помѣщика Толпина родную сестру, дѣвицу Ирину Толпину, рожденную отъ родителей православной вѣры“. Такое извѣщеніе шло уже не изъ какихъ-либо негласныхъ источниковъ, а отъ самого архіепископа Могилевскаго, преосвященнаго Гавріила. Генераль-губернаторъ еще разъ „убѣдительно проситъ, чтобы Каминскій былъ немедленно изъ Гомеля выведенъ въ другое удаленное отъ него мѣсто, а дабы онъ не осмѣлился впредь имѣть покушенія къ совершенію православныхъ, обязать его строжайшей въ томъ подпиской“. Интересенъ отвѣтъ епископа на такую *убѣдительную просьбу*: онъ поставилъ на видъ мѣстному декану его послабленіе въ воеводѣ Каминскому, подтвердилъ *въ послѣдній разъ* съ строгимъ выговоромъ и замѣчаніемъ, „ни мало не медля, выслать его, Каминскаго, изъ Гомеля, хотя бы и посредствомъ земской полиціи“. Пребываніе Каминскаго въ Гомелѣ епископъ объясняетъ тѣмъ, что онъ заѣхалъ туда за вещами и тамъ неожиданно заболѣлъ. Самое важное обвиненіе въ совращеніи православныхъ объясняется простою *случайностью*: „служилъ Каминскій, по своему выздоровленію, обѣдно, въ праздникъ Вознесенія Господня, при стеченіи многочисленнаго въ церковь народа, слушалъ исповѣди публично, въ исповѣдальницѣ, куда, *можетъ статься*, подошла и дѣвица Толпина, которая, по сознанію многихъ помѣщиковъ, отъ давняго времени и, вѣроятно, за бытіемъ іезуитовъ (хорошо, что нашлось на кого вину свалить), перешла въ католическій обрядъ и твердо въ ономъ удерживается“. Но подписка, что впредь не осмѣлится вторгаться въ чуждую паству, отъ Каминскаго, на всякій случай, взята. Какъ снисходительно относились при собраніи справокъ о нравственности кандидатовъ на настоятельскія мѣста, видно изъ отзыва объ одномъ изъ таковыхъ, гдѣ сказано, „что при всѣхъ усиліяхъ и тайныхъ развѣдываніяхъ ничего *особеннаго* не оказалось, кромя того, что означенный всендзъ поведенія *посредственнаго*, привязливъ къ женскому полу, пристрастенъ къ напѣткамъ, хитеръ и скрываетъ въ національномъ польскомъ духѣ и пѣвалъ какія-то польскія пѣсни въ домѣ своемъ“. Высшее начальство, впрочемъ, не согласилось съ такой снисходительной аттестаціей и кандидатъ былъ забракованъ.

Укажемъ еще на два однородныхъ съ вышеприведеннымъ „дѣла“ о совращеніи. Одно изъ нихъ (1845 г. отд. II № 26) возникло еще въ 1838 году и состояло въ совращеніи двадцати человѣкъ, сыновей православныхъ священниковъ. Нѣкоторые изъ совращенныхъ находились на государственной службѣ, въ чинахъ титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассесора. Другое дѣло (1848 г. отд. II № 1) началось въ 1829 году, и длилось 13 лѣтъ: совращенной оказалась дочь православнаго офицера; главной причиною ея совращенія была любовь къ одному Витебскому козцу, который и воспользовался такимъ удобнымъ для него обстоятельствомъ. Дѣло это сопровождалось ябеднической жалобой, поданной обманутой дѣвушкой министру внутреннихъ дѣлъ. Какъ эти приведенныя нами дѣла, такъ и другія однородныя съ ними, а ихъ цѣлая масса въ архивѣ, показываютъ, что привычныя для католическаго духовенства подвиги совращенія творились даже и въ ту эпоху, когда правительство бдительно оберегало народъ отъ соблазна разными приманками и располагало сильными средствами для того, чтобы его воля, его распоряженія выполнялись строго и твердо. Дѣло въ томъ, что совратители рассчитывали — и нерѣдко, съ успѣхомъ — на поблажку, а иногда даже и на поддержку со стороны тогдашнихъ судебныхъ учреждений, выборныхъ по ихъ составу. Мы уже видѣли въ дѣлѣ о Семеновской кашницѣ, какъ дешево отдѣлялись таковыя совратители, „оставленные въ сильномъ подозрѣніи“. Такими же приговорами оканчивалась-бы и большая часть судебныхъ дѣлъ о совращеніи, если бы высшая, центральная власть не становилась тамъ, гдѣ представлялась къ тому возможность, въ оппозицію съ черезъ-чуръ спускательными резолюціями уѣздныхъ судовъ и уголовныхъ палатъ. Приведемъ по этому вопросу отрывъ одного изъ самыхъ энергическихъ и строго-справедливыхъ генералъ-губернаторовъ, князя Н. Н. Хованскаго, 12 лѣтъ управлявшаго краемъ, хорошо знавшаго его свѣтлыя и темныя стороны: „всѣ почти члены судебныхъ мѣстъ“, пишетъ правдолюбивый князь въ 1833 году, „какъ то предсѣдатели, дворянскіе засѣдатели и проч. суть римскіе католики, кои весьма естественно, по влеченію своей совѣсти, предубѣжденной въ пользу исповѣдуемой ими религіи, вмѣсто судей безпристрастныхъ, долженствуютъ

щихъ быть строгими исполнителями закона и сборниками господствующей православной вѣры, какъ бы невольно дѣлаются защитниками виновниковъ совращенія изъ православія въ ихъ законъ“. Разумѣется, что Правительствующій Сенатъ съ своей стороны принималъ въ соображеніе такія *мстныя* условія и отправленія правосудія въ бѣлорусскихъ судахъ и изрекалъ приговоръ справедливый и беспристрастный. Какъ важно было для русскаго государства и для русскаго общества положить разъ навсегда предѣлъ всякимъ попыткамъ чуждаго и терпимаго вѣроисповѣданія разрушительно вторгаться въ дѣла церкви господствующей, видно изъ того, что даже высшая правительственная власть въ одномъ изъ пунктовъ своей инструкціи *предписываетъ* своимъ органамъ слѣдующее: „въѣмъ дѣламъ о совращеніи изъ нашего въ римско-католическое исповѣданіе дать надлежащій ходъ съ елико возможнымъ содѣйствіемъ епархіальному духовному начальству въ преслѣдованіи злонамѣренныхъ совратителей и къ достойному ихъ по законамъ наказанію“.

Бѣлорусскія губерніи издавна служили пристанищемъ раскола съ многочисленными его толками и актами: достаточно указать на знаменитую „Вѣтру“. Но и въ другихъ мѣстностяхъ раскольниковскія селенія составляли почти сплошныя группы, представлявшія какой то особнякъ, закодированный кругъ, подозрительно и ревниво ограждавшій себя отъ всякаго соприкосновенія съ остальнымъ міромъ. Такая изолированность имѣла свою хорошую сторону: ничто, сколько нибудь чуждое — польское или католическое — не проникало никогда въ эту обособленную среду и русское населеніе оставалось здѣсь, во все время польскаго владычества, неприкосновенно русскимъ и *такимъ* застала его въ этомъ краѣ русская власть, снова воцарившаяся въ древнемъ своемъ достоиніи. Этой свѣтлой стороной нашего старообрядчества умѣлъ, въ тяжелое для края время, воспользоваться проразливый и мудрый М. Н. Муравьевъ, въ эпоху послѣдняго польскаго возстанія: не мало услугъ оказали ему эти *старорусскіе* люди съ ихъ *старой* вѣрой въ борьбѣ съ *новопришедшими* сюда иноплеменниками и занесеннымъ ими *новымъ* вѣроученіемъ. Но другія времена, другіе нравы — въ эпоху, нами разсматриваемую, *не совѣмъ такъ* смотрѣло на расколъ правительство, и

дѣйствовало противъ него мѣрами, болѣе или менѣе утѣснительными. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ обсужденіе справедливости и цѣлесообразности такихъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее, во всемъ благополучное, царствованіе принята иная система, уже принесшая свои плоды. Въ витебскомъ архивѣ есть цѣлая масса „дѣлъ о раскольникахъ“ самаго разнообразнаго содержанія; главное мѣсто занимаютъ здѣсь дѣла о закрытіи раскольниковскихъ молельнъ, о „наставникахъ“ и о паспортахъ, съ крайнею острожностію выдававшихся тѣмъ, которые уходили изъ прежнихъ мѣстъ жительства: видимо боялись выпустить ихъ изъ подъ строгаго мѣстнаго надзора. Таковы дѣла 1833 г. отд. II № 2; 1846 г. отд. II № 1 и 11; 1850 г. отд. II № 1, 39, 67, 68 и 76; 1851 г. отд. II № 2, 16, 18, 21, 25, 52 и 87 и 1852 г. отд. II № 172.

Мы остановимся на двухъ изъ нихъ, одномъ съ чисто религіознымъ характеромъ, и другомъ, имѣющемъ тѣтъ политическій оттѣнокъ, которымъ, быть можетъ, и объясняется отчасти нѣсколько подозрительное отношеніе мѣстныхъ властей къ старообрядцамъ.

Первое дѣло (1850 г. отд. II № 76) возникло по почину высокопреосвященнаго Платона, архіепископа Рижскаго (нынѣ архіепископа Херсонскаго), который сообщилъ генераль-губернатору князю Голицыну, что въ сосѣднемъ съ его епархіей, Рѣжидкомъ уѣздѣ, Витебской губерніи, проживаютъ раскольниковскіе наставники (онъ называетъ ихъ по именамъ), которые исполняютъ требы, отправляютъ богослуженіе въ томъ же домѣ, гдѣ находится запечатанная молельня и воспрепятствуютъ своимъ единовѣрцамъ вступать въ законные браки. Архіепископъ проситъ „положить предѣлъ подобнымъ беззаконнымъ дѣйствіямъ расколуучителей и подвергнуть ихъ должнымъ наказаніямъ“. По самому тщательному разслѣдованію оказалось, что въ Рѣжидкомъ уѣздѣ дѣйствительно проживаютъ нѣкоторые изъ поименованныхъ наставниковъ, исполняютъ требы, но никакого богослуженія нигдѣ не совершаютъ и никому изъ *своихъ* не препятствуютъ вступать въ законные браки. А какъ Витебская губернія граничитъ съ Лифляндской, куда, быть можетъ, и укрываются многіе „наставники“ и тамъ совершаютъ свои незаконныя дѣйствія, то генераль-губернаторъ снесся по сему предмету

съ тамошнимъ генераль-губернаторомъ, свѣтлѣйшимъ княземъ А. А. Суворовымъ. Какъ видно, обѣ высшія власти, свѣтская и духовная, твердо держались общепринятаго тогда взгляда на старообрядчество.

Второе дѣло (1852 г. отд. II № 172) интересно потому, что самымъ нагляднымъ образомъ указываетъ, изъ какого лагера исходили враждебныя для правительства и для православія подстрекательства невѣжественныхъ раскольниковъ къ сопротивленію законнымъ требованіямъ властей. Въ Полоцкомъ уѣздѣ занечатана была, по распоряженію начальства, Константиновская старообрядческая молельня. Недовольные этимъ сектаторы самовластно ее распечатали и стали отиравлять въ ней свои богослуженія—дѣло весьма обыкновенное и кончилось бы оно почти ничѣмъ, еслибы не произошло неожиданнаго и вовсе уже не обычнаго упорнаго сопротивленія со стороны раскольниковъ. Не только мѣстной полиціи, явившейся водворить порядокъ, но даже и лицу, нарочно присланному сюда генераль-губернаторомъ, не удалось образумить недовольныхъ. Дѣло дошло до явнаго бунта и кончилось появленіемъ воинской команды и военнымъ судомъ надъ бунтовщиками. Тщательное разслѣдованіе дѣла показало, что возмущившіеся раскольники были до того времени „не только совершенно неокрѣны, но даже готовы къ „соединенію“, такъ какъ самъ глава ихъ „наставникъ“ Вибинъ принялъ уже прежде единовѣріе“. Откуда же произошла такая загадочная перемѣна въ образѣ мыслей и дѣйствій раскольниковъ? Разгадка найдена была самая простая: первоначальное, до появленія воинской команды, вразумленіе недовольныхъ дѣлалъ ротмистръ Селеховъ, противъ котораго озлоблены были окрестные помѣщики и католическое духовенство, „покаявшіеся отомстить ему“ за его горячее участіе въ дѣлѣ о мощахъ же-святаго Воболія (1): *inde ira* просвѣщенныхъ „патріотовъ“ и *бунтъ* невѣжественныхъ темныхъ раскольниковъ.

(1) Вобелій, Воболія и даже Воболи, какъ различно называютъ этого католическаго праведника, былъ, по общему голосу ксендзовъ, іезуитъ, замученный въ Пинскѣ казаками— а можетъ быть и казакъ, замученный іезуитами.— По многимъ весьма достовернымъ источникамъ, Воболи былъ униатскій священникъ изъ мѣстечка Яновичи, Пинскаго повѣта, гдѣ и похороненъ униатскимъ же священникомъ, о. Залѣскимъ. Что правда — неизвѣстно, «ле только мощи и нинѣ тамъ», т. е. въ Полоцкѣ.

Приведемъ здѣсь вкратчѣ весьма любопытное „дѣло“ (1851 г. отд. II № 11-й), также объ одномъ „сектаторѣ“, но уже не изъ старовѣровъ, а чисто-православномъ. Въ 1850 году задержана въ г. Невелѣ, на базарной площади, одна загадочная личность: молодой еще человѣкъ, нѣмой, въ полумонашеской одеждѣ, съ двухъ-пудовыми веригами на тѣлѣ. Разспросы различныхъ слѣдователей, освидѣтельство-ваніе въ Витебскомъ губернскомъ правленіи, увѣщаніе священника, даже архіерейское „прещеніе“ не привели ни къ чему, не сломили упорства явного фанатика. Пробовали снять съ него вериги, видимо его тяготившія, но онъ, послѣ нѣмыхъ и слезныхъ просьбъ, показалъ, что скорѣе дозволить распять себя: несчастный норовисто подбѣжалъ къ стѣнѣ и изобразилъ изъ себя распятаго на крестѣ. Только неутомимые, десять дней къ ряду продолжавшіеся и *кроткіе* разспросы одного священника хотя нѣсколько разъяснили эту таинственную личность: изъ знаковъ и жестовъ, то утвердительныхъ, то отрицательныхъ, которыми отвѣчалъ арестованный на разспросы увѣщателя, можно было вывести, что онъ нѣмой отъ рожденія, былъ нещадно битъ родителями (кто они — осталось не разрѣшеннымъ) за этотъ недостатокъ, 18 лѣтъ ушелъ изъ дома, странствовалъ по разнымъ монастырямъ, проживалъ долгое время въ Киевопечерской лаврѣ, приплылъ на кораблѣ въ Іерусалимъ, вернулся оттуда и на вторичномъ пути своемъ въ Кіевъ былъ задержанъ въ Невелѣ. Высокопоставленныя лица: генералъ-губернаторъ (князь Голицынъ), министръ внутреннихъ дѣлъ (графъ Перовскій) и оберъ-прокуроръ Свѣтѣйшаго Синода (графъ Протасовъ) приняли живое участіе въ судьбѣ добровольнаго мученика. Его помѣстили въ Смоленскомъ богоугодномъ заведеніи въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ, по гуманному распоряженію графа Перовскаго, велѣно было „обращаться съ нимъ со всевозможною осторожностію и кротостію“. Отсюда, испросивъ предварительно дозволеніе снять съ себя вериги, заключенный сбѣжалъ, спустившись ночью по водосточной трубѣ. Начались самыя тщательныя розыскы по всей Имперіи, но за полной ихъ безуспѣшностію, по минованіи узаконеннаго годичнаго срока, прекратились, а съ ними прекратилось и самое „дѣло“.

Въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, какъ вообще во всѣхъ „отъ Царскимъ

присоединенных* областях, вопросъ религіозный былъ такъ тѣсно связанъ съ вопросомъ политическимъ, что даже невозможно отдѣлить ихъ одинъ отъ другаго. Въ рѣшеніи ихъ обоихъ должны были лечь тѣже основанія, тѣ же начала строгой справедливости, чуждой всякихъ репрессалій и возмездій, но за то и чуждой всякихъ уступокъ и сдѣлокъ. Могущественное правительство и сильная власть могли *простить* прошлое и не мстить за него, но не могли и не должны были *забыть* о немъ и давать хотя бы самую слабую надежду на возможность его возврата. Витебскій архивъ хранитъ въ себѣ множество документовъ, указывающихъ на неутомимую и строго-последовательную дѣятельность центральной власти въ ея борьбѣ съ тѣми оппозиционными ей политическими идеалистами, которые, не имѣя подъ собой твердой почвы и передъ собой сколько нибудь надежнаго будущаго, продолжали жить въ царствѣ тѣней и призраковъ прошлаго. Польское возстаніе 1831 года оживило на время старыя мечты и иллюзіи и тѣмъ самымъ хотя и усложнило задачу правительства, но за то показало польскимъ патриотамъ всю несбыточность ихъ химерическихъ надеждъ. За самыми ничтожными исключеніями оставалась Бѣлорусская наша окраина въ сторонѣ отъ польскаго движенія 1831 года и всѣ происки эмисаровъ, всѣ попытки польскихъ патриотовъ оставались безплодными. Населеніе видѣло, какъ замѣтно улучшилось его положеніе, какъ быстро поднялся край съ того времени, когда вновь воцарилась въ немъ его прежняя родная ему власть. Торговля, промышленность, народное образованіе — все оживилось и развилось въ странѣ, начинавшей мало по малу приходить въ то естественное положеніе, въ которомъ хотѣло его видѣть русское правительство. Мятежъ 1831 года, какъ это видѣли всѣ желающіе видѣть, грозилъ, хотя бы и временно, приостановить тотъ естественный процессъ созиданія и развитія, который совершался здѣсь и потому явно враждебно отнеслась къ нему вся здоровая часть населенія, а за небольшимъ числомъ *больныхъ* зорко слѣдила правительственная власть. Въ „дѣлахъ“ архива встрѣчаемъ мы множество мѣръ и распоряженій, которыми высшая власть ограждала край отъ заразы, поразившей въ это время Польшу и часть Литвы. Установленъ былъ бдительный надзоръ за подозрительными личностями, посылаемыми сюда

не только изъ охваченныхъ огнемъ сосѣднихъ областей, но даже изъ заграничныхъ центровъ польской эмиграціи. Даже послѣ подавленія польскаго мятежа 1831 г. не забывали нашихъ западныхъ окраинъ польскіе революціонные эmissары, находившіе себѣ пріютъ у здѣшнихъ — сказать правду — весьма немногочисленныхъ своихъ сторонниковъ. Въ архивѣ есть интересное „дѣло“ (1834 г. отд. II № 4) о пріѣздѣ въ 1832 году въ Вѣлоруссію заграничныхъ пропагандистовъ мятежа изъ Брюсселя, Парижа, Вѣны, Піемонта и Бракова, въ числѣ которыхъ находится даже нѣкій тайный совѣтникъ изъ Брюсселя. Оберегая спокойствіе края и строго карая его нарушителей, центральная власть, въ тоже время, отечески снисходительно относилась къ лицамъ временно и глупо увлекшимся, къ тому панургову стаду, которое вѣчно было и будетъ въ каждой странѣ, въ каждую эпоху. Стали, напримеръ, распѣвать въ Витебскѣ гимназисты и мелкіе чиновники публично разныя революціонныя пѣсни; возникло громадное „дѣло“ (1834 г. отд. II въ двухъ вязкахъ подъ № 22 и 116 изъ 580 листовъ), гдѣ самымъ подробнымъ образомъ, со всевозможнымъ вниманіемъ старались выискнуть въ сущность и характеръ факта. Наряжена была особая коммисія, за дѣйствіемъ которой зорко наблюдалъ самъ генераль-губернаторъ, строго отдѣлены были только увлекшіеся заразительнымъ призывомъ отъ закоренѣлыхъ и неисправимыхъ фанатиковъ. Всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу оказалось 52 человека; ихъ раздѣлили на четыре категоріи и только немногіе, т. е. регенты и зачѣвалы попали въ первую и, натурально, дорого заплатились: ихъ отослали солдатами на Кавказъ. Изъ остальныхъ одни были наказаны болѣе или менѣе продолжительнымъ заключеніемъ, другіе отданы подъ строгій надзоръ полиціи; за провинившимися гимназистами велѣно было внимательно слѣдить ихъ начальству и родителямъ: и дѣло, грозившее перейти въ преступную и опасную демонстрацію, было прекращено въ самомъ его зародышѣ, благодаря твердости и такту высшей власти. Считаемо здѣсь умѣстнымъ опровергнуть со всей силой убѣжденія то ложное мнѣніе, которое распространено было не только въ заграничной прессѣ, но даже и у насъ, что въ „возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ“ высшая власть, а по ея призыву и второстепенные ея органы руководились

въ своихъ дѣйствіяхъ личнымъ произволомъ, задавались предвзятой идеей находить все дурнымъ и опаснымъ, старались представить въ глазахъ правительства весь западный край вѣчно волнующимся и подозрительнымъ. Имѣя *все* основанія считать положеніе дѣлъ въ западныхъ нашихъ окраинахъ во многихъ отношеніяхъ ненормальнымъ, высшія власти являлись, при всякомъ удобномъ случаѣ, усердными и горячими ходатаями передъ правительствомъ о всѣхъ законныхъ нуждахъ и интересахъ населенія, а у себя, съ крайней, почти подозрительной осторожностью, относились къ разнаго рода обвиненіямъ и слухамъ, касающимся образа мыслей и дѣйствія лицъ частныхъ, къ какому бы лагерю они ни принадлежали. Въ то тревожное время, которое переживалъ западный край (до и послѣ смятенія 1831 г.), обильны были всякаго рода слухи и доносы, порождаемые самымъ ходомъ дѣлъ и высшей власти предстала нелегкая задача отличить правду отъ извѣта, провѣрить самый источникъ слуховъ и свѣдѣній. Въ архивѣ есть одно „дѣло“ (1832 г. отд. I № 57), интересное какъ по загадочному его характеру въ началѣ, такъ и по благополучному его исходу. Дѣло это лучше всякихъ разсужденій доказываетъ справедливость высказаннаго нами выше убѣжденія въ полнѣйшемъ, святомъ безпристрастїи высшихъ правительственныхъ властей и мѣстныхъ и петербургскихъ, въ ихъ твердыхъ и честныхъ стремленіяхъ добиться *правды*, одной только правды. Вотъ въ чемъ состояло это „дѣло“. Въ началѣ 1831 года шляхтичъ Улицкій письменно просилъ Динабургскаго коменданта дозволить ему лично сообщить „о секретномъ дѣлѣ особой важности“. Комендантъ отослалъ Улицкаго къ городничему, гдѣ онъ донесъ: 1) что Динабургскій купецъ 3-й гильдіи изъ дворянъ Авдзевичъ, у котораго онъ находился учителемъ дѣтей его, былъ еще въ 1812 году шпиономъ у одного французскаго генерала; 2) что и теперь онъ тайно участвуетъ въ польскомъ мятежѣ и 3) что хотѣлъ отравить его, Улицкаго, давъ ему хлѣба, объѣденнаго крысами, съ примѣсью живаго серебра. Обвиненія эти, столь грозныя, въ то безмятежное время, усложнились еще однимъ обстоятельствомъ: черезъ нѣсколько дней послѣ доноса Авдзевичъ, явсь въ городскую полицію, объявилъ, что жена его только что зарѣзалась. Въ смерти ея стали подозрѣвать того же

Авдзевича, такъ какъ уже не частный доносчикъ, жандармскій штабъ-офицеръ донесъ по начальству, что жена Авдзевича наканунѣ своей загадочной смерти намѣрена была отправиться къ коменданту съ политическимъ доносомъ на мужа. Мѣстный городничій Левандовскій поручилъ квартальному надзирателю произвести строжайшее дознаніе по дѣлу о смерти Авдзевичъ; оказалось, что несчастная женщина страдала меланхоліей, „оказывала нѣкоторую унылость“, какъ сказано въ актѣ осмотра, сильно волновалась и безпомоглась, узнавъ о доносѣ на ея мужа, плакала по цѣлымъ днямъ и наконецъ предварительно отточивъ столовый ножъ, перерѣзала имъ себѣ горло „во всемъ жару воображенія“. Городничій Левандовскій, человѣкъ больной, сильно раненный во время отечественной войны, былъ въ свою очередь обвиненъ и въ слабо-произведенномъ дознаніи и даже въ политической неблагонадежности. Обвинителями явились на этотъ разъ лица вліятельныя: жандармскій полковникъ, флигель-адъютантъ и главнокомандовавшій арміей. Естественно, Левандовскій былъ немедленно удаленъ отъ должности съ предавіемъ суду. Впрочемъ невинность его скоро обнаружена и генералъ-губернаторъ вновь предоставилъ ему прежнюю должность. Дѣло Авдзевича, по самому тщательному обсужденію, было рѣшено въ Витебской уголовной палатѣ, при чемъ обнаружилось, что доносчикъ Улицкій влюбствовалъ на своего бывшего патрона за то, что тотъ отказалъ ему отъ мѣста и что въ добавокъ онъ находился не въ полномъ умѣ, такъ наприм.: онъ самъ заявилъ о себѣ, что ему три ночи сряду видѣлся во снѣ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ и просилъ прислать ему рецептъ отъ холеры, который даже вмѣстѣ съ самимъ лекарствомъ онъ и выслалъ ему въ Варшаву. Палата ограничилась „внушеніемъ“ ложному доносчику и все рѣшеніе, съ которымъ согласился генералъ-губернаторъ, поступило въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ въ общемъ собраніи утверждено было рѣшеніе палаты съ тѣмъ только измѣненіемъ, что шляхтича Улицкаго опредѣлено было заключить на 3 мѣсяца въ тюрьму при полиціи. Въ образцово-составленной запискѣ въ Сенатъ по „дѣлу“, категорически опровергнуты одно за другимъ и второстепенныя обвиненія, возведенныя на Левандовскаго (упущеніе по службѣ въ дѣлѣ о смерти Авдзевичъ) и кромѣ того опредѣлено было

не поставлять бытность его подъ судомъ въ какое либо ему предосужденіе и зачесть ему все то время въ дѣйствительную службу съ возвращеніемъ жалованья. Такъ благополучно, по счастью, кончилось это дѣло, благодаря полному безпристрастію и строгой справедливости высшихъ властей. Но строго-безпристрастное *ко всему*, снисходительное къ заблуждающимся и увлекшимся, правительство въ тоже время съ полнымъ сознаниемъ силы и достоинства шло къ той великой цѣли, которая намѣчена была здѣсь самой исторіей и на этомъ пути энергически устраняло всё встрѣчавшіяся ему препятствія, а ихъ, какъ мы видѣли, было не мало. Явнаго, открытаго сопротивленія нечего было опасаться: *не таковы* были оба противника, чтобы могло произойти между ними рѣшительное столкновение. Другими путями шла, иными средствами дѣйствовала враждебная намъ партія: пути были — подпольные, средства — темныя. При всемъ неравенствѣ и силъ и самихъ правъ обоихъ противниковъ, борьба между ними затянулась долѣе, чѣмъ можно было ожидать: *мы*, сознавая свою силу и свое право, были слишкомъ снисходительны и скоро *забывали*; они, предчувствуя близкое пораженіе, искусно маневрировали и *помнили все*, чего даже лучше было бы имъ и не помнить. Само собой разумѣется, что и въ самомъ выборѣ средствъ далеко расходились объ стороны: правительство дѣйствовало прямо и открыто, предписывало и требовало точнаго исполненія своей воли; партія противная нападала изъ за угла, видимо подчинялась безусловно, а тайно лукавила и уклонялась. Въ Витебскомъ архивѣ находимъ не мало дѣлъ, показывающихъ, какъ умѣли наши искусные противники обходить строго точный законъ, уклоняться, прибѣгая ко всевозможнымъ средствамъ, отъ исполненія ясно выраженной воли правительства. Приведемъ, какъ примѣръ, одно изъ нихъ (1854 г., отд. II № 38), относящееся уже къ послѣднимъ годамъ генераль-губернаторскаго управленія. Еще въ 1781 г. состоялось „по Высочайше утвержденному докладу Сената“ утвержденіе гербовъ для городовъ Полоцкаго намѣстничества“ (см. въ Полномъ собраніи законовъ 1781 г. 21 сентября № 15236). Для города Полоцка опредѣленъ былъ слѣдующій гербъ: „щитъ, разрѣзанный на двое; въ верхней части онаго, въ золотомъ полѣ, старый Полоцкій гербъ: на конѣ воинъ, держащій въ правой рукѣ саблю, а на лѣвой рукѣ надѣтый красный щитъ

съ двойнымъ на ономъ крестомъ. Гербъ государственный, постарленный надъ гербомъ Полоцкимъ, означаетъ подданство Россіи сего города съ принадлежащими къ Полоцкому намѣстничеству городами. Прочіе города намѣстничества не имѣли въ польское владычество особыхъ гербовъ; ихъ замѣняли знамена съ изображеніями такого же воина и различались другъ отъ друга цвѣтомъ знаменъ, а потому, на основаніи сенатскаго указа, остальные одиннадцать городовъ намѣстничества получили одинаковые гербы, различающіеся другъ отъ друга только цвѣтомъ щитовъ: такъ на Себежскомъ гербѣ онъ былъ голубой, Невельскомъ — зеленый, Рѣжицкомъ — горностаевый, Велижскомъ — шахматный съ цвѣтами серебрянымъ и краснымъ. Черезъ семьдесятъ сличкомъ лѣтъ послѣ сенатскаго распоряженія, а именно въ 1853 году, при посвященіи генераль-губернаторомъ залы Витебскаго дворянскаго собранія, замѣчено имъ было, къ крайнему его удивленію, „что нѣкоторые изъ гербовъ уѣздныхъ городовъ Витебской губерніи изображены не соответственно съ описаніемъ, означеннымъ въ Высочайше утвержденномъ 21 сентября 1781 года докладѣ Правительствующаго Сената“. „Въ особенности, продолжаетъ генераль-губернаторъ, обратилъ мое вниманіе гербъ города Невеля: въ Высочайше утвержденномъ описаніи онъ долженъ представлять щитъ, разрѣзанный на двое, въ верхней части онаго, на зеленомъ полѣ, Россійской имперіи половина государственнаго герба, двуглаваго орла, а въ нижней части на конѣ воинъ, держащій въ правой рукѣ саблю, а на лѣвой надѣтъ щитъ, съ двойнымъ на ономъ крестомъ; но вмѣсто сего, на поставленномъ въ дворянскомъ собраніи гербѣ изображенъ *палачъ*, провязывающій казнь надъ воинномъ“. Поддѣлка, какъ видно, имѣла острый политическій характеръ и была, какъ выражается генераль-губернаторъ, „неумѣстна“. И въ другихъ гербахъ замѣчены были произвольныя, но не столь важныя измѣненія. Убѣдившись, что со стороны правительства не было дѣлаемо какихъ либо распоряженій относительно измѣненія первоначальнаго рисунка гербовъ, генераль-губернаторъ запросилъ Витебскаго губернскаго предводителя дворянства: „кто и на какомъ основаніи распорядился передѣлкой гербовъ?“ Предводитель отвѣчалъ, что это сдѣлано по распоряженію его предшественника, нынѣ умершаго. Государь Императоръ, до свѣдѣній

котораго доведено было это дѣло, Высочайше повелѣть соизволили „виновнаго не разыскивать, измѣненные гербы вынести и истребить, а вмѣсто нихъ поставить новыя, утвержденныя“, о чемъ и сообщено министру внутреннихъ дѣлъ 15 марта 1854 года. Такъ милостиво взглянула Высочайшая власть на эту дерзкую „неумѣстную“ выходку.

Если главнѣйшей задачей центральной власти было возстановить въ здѣшнемъ краѣ тотъ естественный порядокъ, тотъ законный ходъ дѣлъ, которые здѣсь были временно пріостановлены и даже отчасти нарушены, то можно смѣло сказать, что въ главныхъ, по крайней мѣрѣ, основаніяхъ, великая эта задача была выполнена блестящимъ образомъ:

Православная вѣра, *русскіе, общіе со всею Имперіей, законы, русскій языкъ* получили то первенствующее, преобладающее значеніе, которое должны были имѣть они въ этомъ исконно-русскомъ краѣ.

Православіе, заслоненное и даже приниженое католицизмомъ, поставлено на подобающую ему высоту религіи *господствующей*, унія уничтожена. Устройство православныхъ церквей и обезпеченіе православнаго духовенства составили одну изъ важнѣйшихъ заботъ правительства: въ Витебскомъ архивѣ находится масса дѣлъ по III-му, хозяйственному, отдѣленію, изъ которыхъ видно, какъ пристально вникали объ власти, свѣтская и духовная, во всѣ церковныя нужды, какъ старательно оберегали интересы духовенства. Мы увидимъ ниже, что въ этомъ отношеніи приходилось правительству отстаивать права и интересы церковныя отъ принужденій не однихъ только иновѣрцевъ. Съ прекращеніемъ дѣйствія Литовскаго Статута стали для всего края обязательными только *общіе со всею имперіей законы*. Русскій языкъ получилъ столько вѣковъ оспариваемое у него право полного гражданства, но въ этомъ отношеніи мы должны сдѣлать оговорку, указать — какъ намъ это ни больно — на нѣкоторыя послабленія и недосмотры мѣстныхъ властей, только частію ими же впоследствии исправленные. Русскій языкъ былъ издревле во всѣхъ западно-русскихъ областяхъ, какъ и слѣдовало ему быть, языкомъ церкви, суда и школы вплоть до XVII вѣка (въ бѣлорусскихъ губерніяхъ даже нѣсколько позднѣе). Подъ давленіемъ польскаго правительства начинается, мало-по-малу, искусственная замѣна роднаго языка чужимъ и

до конца XVIII вѣка продолжается такое уродливое явленіе, таинѣ дикій, непонятный запретъ народу судиться и учиться на своемъ языкѣ — до малѣйшаго русскаго человѣка не смѣли коснуться даже и польскія притязанія. Въ другомъ мѣстѣ (1) болѣе подробно разсмотрѣно нами это странное, насильственное вторженіе чужаго языка въ юридическую жизнь народа и потому мы ограничиваемся здѣсь однимъ указаніемъ на это явленіе, такъ какъ грустныя послѣдствія его не скоро изгладились и не мало усложнили здѣсь задачу правительства. Русскій языкъ былъ объявленъ официальнымъ и притомъ единственно допускаемымъ во всѣ отправления народной жизни языкомъ, и только въ двухъ углахъ, по какому-то неопытному, какъ мы сказали выше, недосмотру, удержался польскій языкъ, почти до послѣднихъ годовъ существованія здѣсь генералъ-губернаторства, а именно въ преподаваніи Закона Божія римско-католическаго исповѣданія и въ официальной перепискѣ римско-католическаго духовенства. Но и изъ этихъ послѣднихъ своихъ оцѣнокъ онъ былъ выбитъ наконецъ усиліями центральной власти, исправившей свое упущеніе: „лучше поздно, чѣмъ никогда“. Въ архивѣ есть два „дѣла“ по этому предмету. Мы ознакомимъ читателя съ первымъ изъ нихъ (1850 г. отд. II, № 60), намъ наиболѣе близкимъ. Въ 1850 году, ревизуя училища Виленской и Могилевской губерній, профессоръ Петербургскаго университета Куторга невольно обратилъ вниманіе на то, что законъ Божій католическаго исповѣданія преподается въ русскіихъ учебныхъ заведеніяхъ и русскимъ мальчикамъ на польскомъ языкѣ и предполагалъ замѣнить этотъ языкъ русскимъ. Основаніемъ къ тому служило, по его мнѣнію, слѣдующее: 1) этимъ доставлена была бы возможность начальству слѣдить за духомъ и преподаваніемъ законоучителей; 2) большая часть обучающагося юношества не знаетъ по польски и всѣ очень хорошо знаютъ по русски, такъ что на урокахъ закона Божія учатся сначала польскому языку и потомъ уже переходятъ на изученіе катехизиса. Такое предположеніе профессора Куторги было представлено

(1) См. Сборн. Археол. Инстит. кн. I, отд. I, ст. «Виленскій центральный архивъ», и кн. III, отд. I, ст. «Витебскій центральный архивъ».

Министромъ народнаго просвѣщенія на заключеніе генераль-губернатора князя А. М. Голицына, который не только вполне согласился съ мнѣніемъ профессора Куторги, но прибавилъ съ своей стороны слѣдующія весьма вѣскія доказательства въ пользу русскаго языка: „1) съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь прекращено дѣйствіе Литовскаго Статута и дѣлопроизводство начато на русскомъ языкѣ, дѣти низшаго сословія, дворянства и особенно мѣщанскія совершенно отстали отъ польскаго языка и обучаются оному единственно только потому, что законъ Божій преподается на этомъ языкѣ и преподаватели, т. е. ксендзы, обучаютъ ихъ польскому языку для того, чтобы дѣти могли понимать ихъ; 2) преподаваніе закона Божія на русскомъ языкѣ ввести очень удобно, по примѣру тому, какъ это сдѣлано въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ, по повелѣнію блаженной памяти Великаго Князя Михаила Павловича, катехизисъ преподается римско-католическимъ дѣтямъ на русскомъ языкѣ, и что эта мѣра ослабитъ остатки польскаго языка, а съ нимъ вѣстѣ и духъ католиковъ.“ Вѣстѣ съ этимъ генераль-губернаторъ считаетъ весьма полезнымъ директоровъ и смотрителей училищъ, а равно и директрисъ женскихъ пансіоновъ не иначе опредѣлять, какъ православнаго исповѣданія, которые бы вполне, въ образованіи юношества и дѣвицъ, содѣйствовали предположенной цѣли правительства. Всѣ эти предположенія осуществлены были нѣсколько позднѣе и принесли ту пользу, которая ожидалась отъ нихъ. Пинущему эти строки пришлось прослужить 15 лѣтъ въ Виленскомъ учебномъ округѣ и видѣть воочию, какое благотворное вліяніе оказываютъ на молодое поколѣніе наши русскія учебныя заведенія, русскія не по одному только составу служащихъ въ нихъ, но и по ихъ духу и направленію (¹). Нѣсколько долѣе, чѣмъ въ русскіхъ учебныхъ заведе-

(¹) Не можемъ не привести одного характеристическаго случая, ясно доказывающаго, какое могущественное и прочное вліяніе имѣютъ здѣшнія учебныя заведенія (при нынѣшнемъ ихъ составѣ и направленіи) на обучающагося въ нихъ молодое поколѣніе: къ намъ зашелъ передъ отправленіемъ своимъ въ Петербургскій университетъ одинъ юноша, полгода тому назадъ кончившій курсъ въ одной изъ Виленскихъ гимназій и поступившій было въ Варшавскій университетъ. Намъ крайне удивило такое перемѣщеніе, тѣмъ болѣе, что хорошо намъ извѣстный молодой человекъ былъ настоящимъ полякомъ, имѣвшимъ въ Варшавѣ родныхъ и знакомыхъ, но изумленіе наше смѣнилось радостью, когда онъ чистосердечно повѣдалъ

нихъ сохранился польскій языкъ еще въ одномъ вѣдомствѣ—въ римско-католическихъ духовныхъ учрежденіяхъ. Въ 1853 году (дѣло 1853 г., отд. II, № 36) генералъ-губернаторъ строго предписываетъ, чтобы римско-католическое духовенство во всѣхъ письменныхъ своихъ сношеніяхъ употребляло исключительно русскій языкъ. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи безповоротно порѣшено было, ясный какъ день, вопросъ и здѣшняя, русская почва окончательно очистилась отъ послѣднихъ плевалъ въ нее случайно занесенныхъ.

Мы старались, насколько это было возможно, указать на тѣ мѣры и дѣйствія генералъ-губернаторскаго управленія, которыя касались исполненія его главной задачи: вывести край изъ прежняго, ненормальнаго положенія и ввести его въ общій строй государственной жизни. Мы видѣли, какъ по двумъ главнымъ вопросамъ, религіозному и политическому, послѣдовательно и энергически дѣйствовали и генералъ-губернаторская власть и ея второстепенные органы, какую сильную поддержку находила эта власть и у себя, въ лицѣ православнаго духовенства, и въ высшихъ сферахъ суда и администраціи. Но и помимо этой главной, *спеціальной* своей задачи, генералъ-губернаторское управленіе находило и время и средства заботливо относиться и къ *общимъ* нуждамъ и интересамъ обширнаго, ему ввѣреннаго, края. Всюду, во *всѣ* сферы, высшія и низшія, во *всѣ* уголки общественнаго и частнаго быта, зорко вникала и всматривалась центральная власть, пресѣкала замѣченныя ею злоупотребленія, откуда бы онѣ ни происходили и чутко отзывалась на *всѣ* явленія жизни, какими бы мелочными онѣ ни казались. Витебскій архивъ хранитъ въ себѣ цѣлую массу „дѣлъ“: хозяйственныхъ, слѣдственныхъ, полицейскихъ, торговыхъ и т. д., которыя, не смотря на ихъ кажущуюся малозначительность, *всѣ до одного* доходили до высшей центральной власти и носятъ на себѣ слѣды ея заботливой дѣятельности. Каждый, начиная съ ближайшихъ помощниковъ генералъ-губернатора (начальниковъ губерній) и кончая послѣднимъ мелкимъ чиновни-

какъ, что ему трудно слушать въ Варшавѣ лекціи на польскомъ языкѣ, которому онъ, по его словамъ, совершенно разучился въ семилѣтнее свое пребываніе въ Виленской гимназій. Известно, что въ первые годы существованія Варшавскаго университета дозволено было профессорамъ, полякамъ, временно читать лекціи по польски.

вомъ, имѣлъ свободный доступъ къ представителю царской власти. Отъ громкихъ претензій всесильнаго въ тѣ времена *откупа* до смиренной жалобы бѣднаго разнощика и торговца — все доходило до высшей власти, принималось ею и разрѣшалось. Мы видѣли въ „дѣлахъ“ не одну жалобу, не одно частное письмо какого нибудь сельскаго священника или обиженнаго по службѣ уѣднаго страпчана съ собственноручными помятками и резолюціями генераль-губернатора. Загѣчалось, напримѣръ, усиленіе въ какомъ нибудь городѣ карточной игры, не только азартной, но и коммерческой, и возникали цѣлыя „дѣла“ (1849 г., отд. II, № 18 и 1853 г., отд. II, № 114) „о пресѣченіи этого зла.“ Страстующіе по уѣздамъ еврей-разнощики торгуютъ носкательнымъ товаромъ и высшая власть („дѣло“ 1851 г., отд. II, № 43) строго предписываетъ полиціи наблюдать, нѣтъ ли между такимъ невиннымъ товаромъ „вредныхъ для здоровья ядовитыхъ веществъ“. Въ отдѣленіи I-мъ — судебномъ — и II-мъ — полицейскомъ — есть множество „дѣлъ“ о евреяхъ, преимущественно по „незаконной торговлѣ“ и „недозволенному проживательству“; таковы, между прочимъ, „дѣла“: 1838 г. № 7, 1846 № 10, 1849 № 10, 1850 № 20, 1851 № 23, 31, 77. Последнее „дѣло“ „о злоупотребленіяхъ, зловредныхъ дѣйствіяхъ и обманахъ по изданію и продажѣ еврейскихъ книгъ“, интересно по тѣмъ уловкамъ и хитростямъ, къ которымъ прибѣгали находчивые продавцы этихъ книгъ, чтобы *обойти* законъ — искусство, доведенное ими, кажется, до послѣднихъ предѣловъ совершенства.

Изъ всѣхъ „дѣлъ“ общаго, по видимому, характера и содержанія, мы остановимся на *двухъ*, имѣющихъ свой *мьотный* оттѣнокъ: одно изъ нихъ касается самовластныхъ дѣйствій виннаго откупа — этого, по счастью, упраздненнаго зла — его наглого посягательства на права и даже достоинство православной церкви. Винный откупъ... и... церковь: странное сближеніе! Вотъ въ чемъ заключалось это *оригинальное* „дѣло“ (1835 г. отд. I № 113): епископъ Могилевскій, пресвященныи Гавріилъ, сообщилъ генераль-губернатору, что въ г. Полоцкѣ, 2 апрѣля 1833 г., на второй день св. пасхи, во время богослуженія, вторглись агенты цитейнаго откупа въ Богоявленскій монастырь, проникли въ кельи братіи и въ склянную самого архимандрита съ цѣлью найти и захватить вино, будто бы

тайно привезенное сюда настоятелемъ изъ Петербурга. По всему монастырю разставленъ былъ караулъ изъ евреевъ и поляковъ, „чтобы всё бывшіе при литургіи и во время крестнаго хода могли такое наругательство видѣть и сердобольнѣе чувствовать“. Не найдено было ничего, кромѣ нѣсколькихъ бутылокъ краснаго вина, дѣйствительно купленнаго о. архимандритомъ въ Петербургѣ для богослуженія, предъявленнаго имъ при въѣздѣ въ городъ и пропущеннаго откупными стражниками. Преосвященный Гавріиль убѣдительно проситъ генераль-губернатора „оказать высокую защиту отъ такого поруганія святой обители и виновниковъ онаго подвергнуть законному сужденію и взысканію“. Наряжено было строгое слѣдствіе, вполнѣ подтвердившее всю справедливость жалобы преосвященнаго и оказалось еще новое обстоятельство: извѣтъ на архимандрита въ тайномъ провозѣ вина сдѣланъ везшимъ его изъ Петербурга извозчикомъ, а между тѣмъ этого, столь важнаго свидѣтеля, послѣ перваго допроса, отпустили на всё четыре стороны, не отобравъ отъ него даже паспорта, такъ что онъ потомъ и не появлялся. Полоцкій уѣздный судъ нашолъ повѣреннаго откупа Спиридовича (католика) виновнымъ и приговорилъ его къ 14-тидневному аресту при тюрьмѣ; Витебская уголовная палата смячила такой *суровый* приговоръ и ограничилась 10-ти-дневнымъ арестомъ. Губернскій прокуроръ протестовалъ и полагалъ срокъ тюремнаго заключенія продлить до 30 дней, издержки судебныя возложить на Спиридовича пополамъ съ кварталнымъ надзирателемъ, который безъ всякаго распоряженія начальства, изъ одного лишь усердія къ интересамъ откупа, добровольно участвовалъ въ „обыскѣ“. Съ мнѣніемъ прокурора согласился генераль-губернаторъ и дѣло поступило въ 5-й департаментъ Правительствующаго Сената, который утвердилъ резолюцію генераль-губернатора съ тѣмъ измѣненіемъ, чтобы *всѣ* издержки пали на одного повѣреннаго и чтобы кварталный надзиратель былъ преданъ суду губернскаго правленія; уѣздному суду, палатѣ и полоцкому полицейскому управленію сдѣланъ былъ „за разными упущенія“ строгій выговоръ. Такъ кончилось это характеристическое дѣло, показывающее, чѣмъ былъ въ тѣ времена всемогущій виновный откупъ.

Второе дѣло (1839 г. отд. I № 1) озаглавлено такъ: „по

жалобѣ старосты Себежской Рождественской церкви 3-й гильдіи купца Новинскаго о разграбленныхъ церковныхъ матеріалахъ протопопами Стефаномъ и сыномъ его Александромъ Лихинными“. Оно началось 24 мая 1824 года, окончилось (не совсѣмъ) 14 декабря 1838 года. Дѣло это въ высшей степени интересно во многихъ отношеніяхъ: оно рисуеетъ картину нравовъ того времени, порядка въ тогдашнихъ судебныхныхъ учрежденіяхъ — выборныхъ по ихъ составу, а, главное, самымъ нагляднымъ образомъ доказываетъ необходимость существованія въ этомъ краѣ полномочной центральной власти — генераль-губернаторской, которая одна могла поддерживать законный строй и порядокъ въ краѣ еще не забывшемъ прежнихъ польскихъ неурядицъ, одна была въ силахъ отстаивать благіе виды и интересы правительства и общества. Оно заключалось въ слѣдующемъ: церковный староста подаетъ жалобу лично тогдашнему генераль-губернатору князю Хованскому на двухъ Себежскихъ священниковъ: соборнаго протоіерея Михаила и сына его, благочиннаго, за то, что они изъ церковнаго матеріала и на церковныя деньги построили себѣ, ни много ни мало, 24 каменные лавки (впослѣдствіи оказалась и 25-я, вѣроятно построенная во время самаго процесса). Жалоба эта дышала простосердечіемъ, правдивостью и глубокой скорбью честнаго и набожнаго человѣка на святотатственный поступокъ высшихъ духовныхъ лицъ Себежа. „Духомъ вѣры и христіанства молю тебя о семъ, на ты уповаю и тобою единымъ церковное достоиніе да спасется“, такъ заключаетъ свое слезное прошеніе усердствующій къ церкви ея староста. Изъ хода дѣла, тянувагося 15 лѣтъ, видно, что еще за сорокъ лѣтъ передъ этимъ православное городское населеніе Себежа рѣшилось на свой счетъ построить каменный храмъ взамѣнъ пришедшаго въ ветхость деревяннаго. Въ 1790 году началась постройка на землѣ, отведенной безвозмездно городскимъ магистратомъ. Настоятель церкви, священникъ Степанъ Лихина, тогда еще, какъ видно, очень молодой человѣкъ, занялся дѣлами построенія храма на свой ладъ: матеріалъ изъ разобранной церкви перевезъ въ свою усадьбу на постройку собственнаго дома, а изъ кирпича, приготовленнаго для новой церкви, значительную часть (215,000 кирпичей) употребилъ на воздвиженіе 24 каменныхъ лавокъ, которыя

отдалъ въ аренду и — сказать правду — часть доходовъ съ нихъ отдавалъ въ церковь. Чтобы гарантировать себя на будущее время отъ какихъ-либо тяжбъ, Лихина прикупилъ на законномъ основаніи и съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей нѣсколько земельныхъ участковъ у разныхъ частныхъ лицъ, такъ что нѣкоторыя лавки оказались построенными на его собственной землѣ. Кромѣ того онъ предусмотрительно запаса искусно составленнымъ протоколомъ городского магистрата отъ 7 ноября 1790 года, въ которомъ, хотя и въ довольно сомнительныхъ выраженіяхъ, было сказано, что и остальная земля, на которой построены были и прочія лавки, не составляла церковной собственности. Протоколъ этотъ, когда возникло дѣло, былъ признанъ мѣстнымъ городничимъ явно подложнымъ, да и подлинника его впослѣдствіи въ магистратскихъ книгахъ не оказалось. Такъ какъ церковный староста, въ виду обезпеченія дорогихъ для него интересовъ церкви, просилъ о наложеніи запрещенія на имущество расхитителя, то предписано было мѣстной полиціей сдѣлать опись недвижимаго и движимаго имѣнія обоихъ священниковъ — Стефана и сына его Александра Лихинныхъ (первый тогда уже былъ соборнымъ протоіереемъ, а второй мѣстнымъ благочиннымъ). При обыскѣ оказалась видимая скудость (найдено было всего въ домѣ 5 руб. ассигнаціями, 1 руб. сер. и 2 руб. 54 коп. мѣдью) и скрытое благосостояніе (на чердакѣ подъ печною трубою въ двухъ клубкахъ нитокъ спрятанными 2,300 руб. ассигнаціями). Протоіерей, какъ видно изъ хода дѣла, былъ человекъ ловкій, занимался частной адвокатурой, торговни дѣлами, вель дружбу съ предержавшими властями, не только уѣздными, но и губернскими, получалъ изъ Витебскихъ присутственныхъ мѣстъ по почтѣ и съ эстафетами частныя письма, въ которыхъ оказывались копии съ казенныхъ бумагъ, указовъ, резолюцій, такъ что зналъ за недѣлю до полученія въ Себежѣ все содержаніе казенныхъ бумагъ и распоряженій и, разумѣется, заранѣе принималъ надлежащія мѣры; въ магистратѣ всѣмъ и всѣми орудовалъ. А между тѣмъ на прошеніяхъ, имъ подаваемыхъ, весьма искусно, краснорѣчиво и дѣльно написанныхъ, оказывалась собственноручной только его малоразборчивая подпись по-русски. Понятно на какомъ языкѣ измышлялись и писались витебскія жалобы русскаго православнаго священника. Не зная исхода

процесса, достойные пастыри *на всякій случай* перестали поддерживать и ремонтировать спорныя лавки и довели их „до жалкаго положенія и почти до паденія“, какъ выразился въ своей жалобѣ преосвященный Гавріиль, епископъ Могилевскій, который просилъ передать лавки, какъ неоспоримое церковное имущество, въ завѣдываніе мѣстной полиціи; но Витебская гражданская палата нашла это неправильнымъ и разрѣшила только отдать лавки „подъ надзоръ полиціи — строгій и неослабный,“ какъ добавило уже отъ себя губернское правленіе. Дѣло въ палатѣ оставалось безъ всякаго движенія до 1836 года и только въ этомъ году на строгій запросъ генераль-губернатора о причинѣ такой медленности, Палата привела рядъ оправданій самаго оригинальнаго, чтобы не сказать болѣе, характера: такъ наприимѣръ: „оказывающуся необходимость перевода документовъ“ (вѣроятно съ польскаго языка на русскій — дѣло видимо нелегкое для тогдашнихъ канцелярій), „подписаніе приличествующихъ статей законовъ, вызовъ къ рукоприкладству“ и т. д., и въ добавокъ заявила о многихъ предстоящихъ въ будущемъ затрудненіяхъ, по одолѣніи которыхъ „не замедлится рѣшеніе дѣла“. Между тѣмъ назначенъ былъ въ край новый генераль-губернаторъ (генераль-адъютантъ Дьяковъ) и одной изъ первыхъ заботъ его было дѣло о Себежской церкви. Онъ вновь запросилъ палату: исполнены ли ею наконецъ всѣ тѣ формальности, на которыя указывала она въ послѣднемъ своемъ донесеніи. Палата отвѣчала утвердительно, но прибавила, что узаконенный срокъ публикаціи о вызовѣ къ слушанію рѣшенія не вышелъ, что тяжущіяся стороны для рукоприкладства не явились, а когда все это кончится, то дѣло пошлется къ прокурору на заключеніе. Между тѣмъ не стало обихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ процесса. Старый протоіерей, низведенный своимъ духовнымъ начальствомъ за нетрезвую жизнь и другіе проступки въ причетники, умеръ; не дождался окончанія дѣла и горячій защитникъ церковныхъ интересовъ, купецъ Новинскій, но его мѣсто заступилъ столь-же усердный и неутомимый повѣренный со стороны церкви Рокусевичъ. Тотчасъ по приѣздѣ генераль-губернатора подалъ онъ ему жалобу, что „церковь 14-й годъ ожидаетъ отъ правосудія удовлетворенія, но не имѣетъ счастья таковаго получить, что сынъ умершаго Лихина продолжаетъ

безпрепятственно владѣть лавками, ничего не удѣляя изъ ихъ доходовъ на ихъ поправленіе“ и *слезно проситъ* высшее начальство о скорѣйшемъ окончаніи дѣла. Генераль-губернаторъ шлетъ въ гражданскую палату предложеніе: „усмотрѣвъ изъ дѣла *особенную* медленность и не видя причины, которая могла бы останавливать окончаніе онаго“, требуетъ отъ палаты рѣшительнаго отвѣта. 23 октября 1837 года палата почтительнѣйше увѣдомляетъ генераль-губернатора, что „немедленно приступить къ рѣшенію дѣла“, но уже черезъ 20 дней послѣ такого обѣщанія сама затягиваетъ и усложняетъ его наряженіемъ особой комисіи „для осмотра на мѣстѣ, т.-е. въ городѣ Себежѣ, какъ земельныхъ участковъ находящихся подъ лавками, такъ и сомнительнаго протокола отъ 9 декабря 1790 года“. Комисіи этой, для ускоренія дѣла, назначенъ 7-дневный срокъ, въ который она должна неупустительно окончить возложенную на нее задачу. Этой новой отсрочкой удачно воспользовался Лихина—сынъ и распустилъ по Себежу слухъ, что дѣло продлится до новыхъ выборовъ въ члены палаты, что съ новыми избранныками (онъ уже заранѣе называлъ ихъ) состоитъ въ тѣсной дружбѣ вѣтъ его, Соболевскій. Неутомимый повѣренный доводитъ и это до свѣдѣнія генераль-губернатора. Опять грозный запросъ въ палату и отвѣтъ ея отъ 10 февраля 1838 года (7 дней сроку съ одной стороны и 100 дней промедленія съ другой стороны). Интересенъ этотъ новый — *пятый* (по счету) отвѣтъ палаты: „осмотръ сдѣланъ неправильно, подписался подъ нимъ одинъ мѣщанинъ, какъ неграмотный, а онъ и не былъ при осмотрѣ и оказался грамотнымъ, самъ отвѣтчикъ приглашенъ не былъ, а потому назначается *новый* осмотръ съ тѣмъ же семидневнымъ срокомъ. Послѣ этого на цѣлые 7 мѣсяцевъ наступаетъ полнѣйшее бездѣйствіе палаты: о дѣлѣ ни слуху ни духу; новая жалоба повѣреннаго и новый запросъ генераль-губернатора. „Шесть предложеній дано было въ палату отъ меня и отъ моего предшественника по Себежскому церковному дѣлу и все-таки оно не рѣшено: какія же тому причины?“ Палата отвѣчаетъ, что „отъ отвѣтчика затребованы для разъясненія дѣла подлинныя документы“ (какъ разъ во время), „но уже и доставлены и вносятся въ докладную

записку по дѣлу и что вызывается для слушанія рѣшенія депутатъ со стороны духовенства, Витебскій соборный протоіерей (должно полагать, что для его прибытія въ Витебскую палату не назначено никакого срока). Наконецъ палата, на этотъ разъ уже безъ всякаго запроса со стороны генераль-губернатора, доноситъ ему, что дѣло рѣшено и меньше чѣмъ черезъ мѣсяць присылаетъ самое рѣшеніе. Въ высшей степени любопытно это рѣшеніе, такъ долго заставившее ждать себя. По видимому оно все—въ пользу церкви: и лавки и земля подъ ними отданы ей, но лавки эти, не чинившіяся, успѣли уже стать нигуда негодными (уже за 6 лѣтъ передъ этимъ онѣ, какъ мы видѣли выше, дошли почти до паденія, „а съ тѣхъ поръ оставались безъ малѣйшей поддержки“), сама земля отдана церкви временно „пока лавки существуютъ“ (стало быть очень ненадолго), за то *еще* взыскапія съ Лихины въ пользу церкви и многолѣтнее пользованіе имъ доходами съ лавокъ, признанныхъ церковной собственностью, опредѣлено сложить и даже не взysкивать съ него денегъ за проданный отцомъ его во время процесса незастроенный участокъ церковной земли, словомъ — рѣшеніе оказывалось *на дѣлѣ* гораздо болѣе благопріятнымъ для стороны проигравшей тяжбу: церковь безвозвратно потеряла свои доходы за цѣлые десятки лѣтъ и приобрѣла въ *отчину* собственность полуразвалившееся строеніе и *временно* землю подъ ними. Но даже и такимъ рѣшеніемъ остался недоволенъ протоіерей, отецъ Александръ Лихина, и подалъ на него 12 августа 1839 года апелляціонную жалобу въ Сенатъ. Сенатскаго рѣшенія нѣтъ ни въ дѣлахъ губернаторскаго архива, ни въ здѣшной соединенной палатѣ. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Витебскѣ, я снесся съ Себежскимъ исправникомъ, который любезно сообщилъ мнѣ, что въ настоящее время всѣ 25 лавокъ находятся въ исправномъ видѣ, хорошо поддерживаются теперешнимъ настоятелемъ церкви и даютъ порядочный доходъ, но что вопросъ о землѣ, находящейся подъ лавками, остается и до сихъ поръ открытымъ.

Этимъ „дѣломъ“ мы оканчиваемъ наше описаніе архива бывшаго генераль-губернаторства. На сколько позволили намъ время и средства, старались мы ознакомиться съ богатымъ его содержаніемъ. Архео-

логическій институтъ и Витебскія правительственныя власти помогли намъ сдѣлать то немногое, что мы успѣли сдѣлать. Болѣе подробная и лучшая, чѣмъ наша, оцѣнка какъ этого архива, такъ и многихъ другихъ, остающихся пока въ полнѣйшемъ забвеніи—дѣло нашихъ будущихъ ученыхъ архивистовъ: имъ, ихъ ожидающимъ трудамъ всѣ наши лучшія, сердечныя пожеланія!

Почетный членъ В. Ждановъ.

Къ вопросу объ авторѣ „посланія къ царю Ивану Васильевичу“, Сильвестровскаго сборника библіотеки С.-Петербургской Духовной Академіи (1).

І. Мм. Гг. Въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи, въ отдѣленіи рукописей такъ называемыхъ софійскихъ, т. е. принадлежавшихъ нѣкогда библіотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора, хранится одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ древней русской литературы— такъ называемый Сильвестровскій сборникъ, содержащій въ себѣ: одну изъ лучшихъ редакцій шестнадцати поученій митрополита Фотія; самую лучшую (по нашему мнѣнію) редакцію тринадцати посланій митрополита Даніила; посланіе неизвѣстнаго „къ царю Ивану Васильевичу“, и два посланія благовѣщенскаго іерея Сильвестра къ казанскому воеводѣ Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатову (2). Независимо отъ достоинства содержащихся въ этомъ сборникѣ произведеній, по самому составу своему, онъ не лишень характеризующаго значенія въ отношеніи знаменитаго Сильвестра, который долженъ быть признанъ его первоначальнымъ составителемъ (хотя, какъ мы будемъ имѣть случай ниже доказывать, и не во всемъ томъ составѣ, въ какомъ онъ является въ

(1) Сообщение, читанное въ Археологическомъ институтѣ 10 мая 1880 г.

(2) Относительно принадлежности Сильвестру втораго изъ двухъ послѣднихъ посланій нѣкоторые (г. Ждановъ и друг.) высказываютъ сомнѣніе, на томъ основаніи, что въ немъ не упоминается имени ни его автора, ни лица, къ которому оно писано. Съ своей стороны мы уже имѣли случай въ другомъ мѣстѣ изложить тѣ соображенія, въ силу которыхъ и это второе посланіе должно быть также приписано Сильвестру и считаться адресованнымъ къ тому же Шуйскому-Горбатову (см. «Церковный Вѣстникъ» 1879 г., записка о трудѣ А. Ѳ. Вычкова: «описаніе рукописныхъ сборниковъ С.-Петербургской публичной библіотеки»).

экземпляръ Софійской бібліотеки): выборъ авторовъ и изъ числа ихъ произведеній тѣхъ, а не иныхъ, какъ это можно сказать о болѣе части лучшихъ памятниковъ этого рода, не былъ, конечно, случайнымъ, и въ подборѣ статей, вошедшихъ въ него, выразилось если не все мировоззрѣніе его составителя, то, по меньшей мѣрѣ, преобладающая тенденція его пастырской церковно-учительной дѣятельности.

Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ въ виду входить въ разсмотрѣніе сборника въ его цѣломъ составѣ. Посланія Сильвестра, до послѣдняго времени извѣстныя лишь по названію, недавно (въ 1871 году) изданы нами (въ „Христіанскомъ Читеніи“). Затѣмъ поученія Фотія и посланія Даніила, содержащіяся въ сборникѣ, давно уже извѣстны у насъ въ литературѣ по описаніямъ, а въ послѣднее время обстоятельно обследованы въ исторіи русской церкви высокопрощеннаго Макарія, митрополита московскаго (1), хотя нельзя не пожалѣть, что тѣ и другія доселѣ не изданы всё въ полномъ составѣ, подобно тому, какъ изданы творенія Кирилла Туровскаго, Іосифа Волоцкаго, Зиновія Отенскаго, Максима Грека, Стоглавъ, Домострой и другія, — что у насъ нѣтъ въ настоящее время спеціальнаго органа, въ родѣ „Лѣтописей русской литературы“ Н. С. Тихонравова или непродолженнаго изданія „Памятниковъ древней русской литературы“ графа Куншелева-Везбородко, — что „Православный Собесѣдникъ“ давно уже прекратилъ изданіе подобныхъ памятниковъ на своихъ страницахъ, а въ изданіяхъ „археографической комисіи“ и въ „чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей“ они являются лишь эпизодически.

Что касается „посланія къ царю Ивану Васильевичу“, на которое мы хотимъ остановиться въ настоящей разѣ, то хотя о немъ и было разсуждаемо не разъ въ послѣднее время, но до сихъ поръ оно не обратило на себя всего того вниманія, какого по справедливости

(1) Относительно сочиненій митрополита Даніила, одного изъ замѣчательнѣйшихъ древнерусскихъ писателей, мы имѣемъ возможность сообщить о новомъ весьма серьезномъ трудѣ, посвященномъ ихъ изученію: это сочиненіе начинающаго молодого ученаго г. Жмакина: «Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія», которое, въ качествѣ магистерской диссертации, появится въ печати вѣроятно въ непродолжительномъ времени.

заслуживаетъ, и отнюдь не было обследовано должнымъ образомъ (1). По нашему мнѣнію, это посланіе представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древне-русской духовно-публицистической литературы. Обращаясь къ царю, неизвѣстный авторъ говоритъ въ защиту нравственности и благочестія съ ревностію и безстрашіемъ, достойными великихъ отцовъ древней вселенской церкви, — говоритъ языкомъ Василия Великаго, Златоуста, Амвросія. Въ то же время посланіе проникнуто глубокою патріотическою скорбію, самою горячею любовію къ отечеству, заботливостію о его истинномъ благѣ. Не вмѣшиваясь въ политику, не входя въ обсужденіе правительственной системы, въ то время господствовавшей, и государственныхъ мѣропріятій (какъ бы сдѣлалъ это неизбѣжно въ подобномъ случаѣ любой изъ писателей католической церкви), нашъ отечественный пастырь-публицистъ развиваетъ въ посланіи лишь вообще мысль о значеніи религіи и благочестія для гражданскаго преуспѣянія государства и для благосостоянія общества: *„въ которомъ царствіи нибудь таково безстыдіе явится, говоритъ онъ, описавъ безобразія, которыя происходили въ то время на Руси, не можетъ вѣчно быть то царствіе, и не можетъ крѣпко стати противъ такова недруга и многи недруги возрадуются“* — такова основная идея всего посланія. Въ литературномъ отношеніи вполнѣ безыскусственное, даже можно сказать не искусное по построенію и изложенію, оно однакожь обнаруживаетъ въ авторѣ глубокое знаніе

(1) Въ 1874 г. въ чтеніяхъ М. О. И. и др. Рос. напечатано изслѣдованіе о Сильвестрѣ, начатое покойнымъ Голохвастовымъ и оконченное архимандритомъ Леонидомъ: въ приложеніи къ изслѣдованію напечатаны были вновь прежде изданныя нами два посланія Сильвестра къ Шуйскому-Горбатову, а вмѣстѣ съ ними первый разъ появилось въ печати и «посланіе къ царю Ивану Васильевичу», которое всѣ три автора коллективнаго изслѣдованія о Сильвестрѣ — Н. И. Ковшинъ, г. Голохвастовъ и архимандритъ Леонидъ, ничтоже сумняся, признаютъ произведеніемъ Сильвестра. Въ 1876 г. г. Ждановъ въ статьѣ: «матеріалы для исторіи столпаго собора» (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1876 г., № 7—8) снова возбудилъ вопросъ объ этомъ посланіи — его значеніи и его авторѣ. При защищеніи этого сочиненія въ качествѣ диссертациі pro venia legendi, вопросъ этотъ еще разъ дебатировался нѣкоторыми изъ многуученыхъ диспутантовъ, хотя оживленные споры на этотъ разъ не привели ни къ какому результату: спорили много, но, говоря языкомъ старинныхъ актовъ, «ничего не доспѣли». Такимъ образомъ вопросъ объ этомъ посланіи — времени его написанія, о его авторѣ, о его историческомъ значеніи — до сихъ поръ остается открытымъ.

священнаго писанія, которымъ онъ пользуется мастерски, употребляя его тексты не только для доказательства, но и для выраженія своихъ мыслей, говоря постоянно языкомъ священнаго писанія. Выборъ притворъ изъ ветхозавѣтной, византійской и отечественной—русской исторіи если и не особенно обилень въ посланіи, то вполнѣ цѣлесообразенъ и имѣетъ должную силу доказательности. Къ этому нужно прибавить самое близкое знакомство автора посланія съ современнымъ ему положеніемъ русскаго общества и можно сказать — интимное знаніе личныхъ обстоятельствъ царя и его душевнаго состоянія, которыя сообщаютъ посланію значеніе одного изъ первоисточниковъ для характеристики историческаго лица и эпохи, наконецъ тотъ возвышенный лирическій тонъ и воодушевленіе предметомъ, которые господствуютъ надъ всѣмъ содержаніемъ памятника, сообщая ему въ высшей степени своеобразный колоритъ.

По нашему мнѣнію, которое, надѣемся, найдетъ для себя достаточно оправданіе въ нижеслѣдующемъ изложеніи, на пространствѣ къ-сволькихъ столѣтій нашей до-петровской исторіи, не появлялось литературнаго памятника, равнаго этому посланію по степени историческаго значенія и историко-литературнаго интереса. Понятно, что вопросъ о томъ, кто былъ авторомъ такого произведенія, и къ какому именно моменту исторической эпохи, въ немъ изображаемой, оно относится, не только не можетъ представляться дѣломъ празднымъ, напротивъ составляетъ задачу, исполненную живѣйшаго научнаго интереса.

II. Исторія этого вопроса въ общихъ чертахъ такова. Первое по времени упоминаніе о посланіи встрѣчается въ „исторіи Россійской іерархіи“ Амвросія, гдѣ оно приписывается митрополиту Даниилу (ч. II, предисл. XXVIII). Затѣмъ, ссылаясь на „исторію іерархіи“, о немъ упоминаетъ Карамзинъ, который считаетъ его также произведеніемъ Даниила, адресованнымъ „къ царю Ивану Васильевичу“ (т. VIII, примѣч. 70). Митрополитъ Евгеній повидимому не зналъ объ этомъ посланіи, если судить по тому, что, дважды упоминавъ въ своемъ „словарѣ“ (т. I, стр. 113, т. II, стр. 203) о Сильвестровскомъ сборникѣ, онъ отмѣчаетъ въ немъ лишь два посланія Сильвестра къ А. Б. Шуйскому-Горбатову, нами въ первый разъ изданныя, и ничего не

говорить о „посланіи къ царю Ивану Васильевичу“. Востокъ, въ „описаніи Румянцевскаго музея“ (стр. 158, № 99) приписываетъ посланіе митрополиту Даниилу и считаетъ его адресованнымъ „къ Иоанну IV.“ Филаретъ Черниговскій (обзоръ, § 126) приписываетъ его также Даниилу и считаетъ написаннымъ „къ великому князю Ивану Васильевичу“. Священникъ о. Николаевскій въ статьѣ: „русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ“ (журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія ч. СXXXVII—СXXXVIII, стр. 298—389 и 12—177) приписываетъ посланіе также Даниилу. Невоструевъ въ описаніи рукописей Московской синодальной бібліотеки (отд. II, ч. 3, стр. 628) упоминаетъ о сборникѣ, въ которомъ это же, повидимому, посланіе встрѣчается съ именемъ Максима Грека, хотя самъ описатель, считая его адресованнымъ къ царю Ивану Васильевичу, думаетъ, что оно „писано не Максимомъ, а кѣмъ-либо изъ русскихъ“ (1). Высокопресв. Макарій первый подвергъ критикѣ мнѣніе о принадлежности „посланія къ царю Ивану Васильевичу“ митрополиту Даниилу, и пришелъ къ заключенію, что Даниилу оно не принадлежитъ, а написано или Сильвестромъ, или всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ (Ист. русск.

(1) Мы, къ сожалѣнію, не имѣли у себя подъ руками сборника синодальной бібліотеки № 985—321, а потому и не рѣшаемся категорически утверждать, чтобы помѣщенное въ немъ «сказаніе Максима старца Грека горы синайскія» было тождественно съ разсматриваемымъ нами «посланіемъ къ царю Ивану Васильевичу», хотя въ немъ, по словамъ Невоструева, рѣчь идетъ также «объ искорененіи нѣкоторыхъ плотскихъ пороковъ, усилившихся въ Россіи». Сомнѣніе возбуждается въ насъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, по словамъ Невоструева, въ редакціи посланія сборника № 235—321 «имя царя, къ которому оно адресовано, не обозначено», хотя, по предположенію Невоструева, этотъ царь былъ Иванъ Васильевичъ. Во всѣхъ остальныхъ спискахъ, и въ томъ числѣ въ Сильвестровскомъ, который долженъ считаться, по отношенію къ прочимъ, первоначальнымъ, имя царя Ивана Васильевича ясно значится въ самомъ началѣ посланія. Г. Ждановъ считаетъ «сказаніе Максима Грека» тождественнымъ съ посланіемъ. Недоумѣніе наше разрѣшится легко простою справкой; до того же времени остается предположить, что если «сказаніе» тождественно съ «посланіемъ», то фальсификація въ имени автора и опущеніе имени царя, къ которому писано посланіе, явились не случайно, а преднамеренно, что указываетъ на то, что списокъ посланія очень ранній, можетъ быть современнѣйшимъ написанію посланія. Посланіе, по намѣренію писавшаго, и по самому своему содержанію, должно было быть тайной, вѣдомой лишь автору и царю. Сдѣлавшись известнымъ постороннему лицу при жизни Греганаго, оно могло явиться въ свѣтъ лишь замаскированнымъ фальсификаціей имени автора и опущеніемъ имени царя, къ которому писано.

дѣр. т. VII, стр. 360, прилѣч. 298). Въ томъ же 1874 году, въ которомъ появился седьмой томъ „Исторіи русской Церкви“, гдѣ на- ходятся эти соображенія объ авторѣ посланія, въ „Чтеніяхъ Москов- ского Общества исторіи и древностей“, какъ мы сказали, было напе- чатано самое „посланіе“, съ статьею о Сильвестрѣ, въ которой оно безъ малѣйшаго сомнѣнія приписывается Сильвестру. Въ 1876 году г. Ждановъ въ упомянутомъ вышѣ своемъ изслѣдованіи „матеріалы для исторіи столпаго собора“ высказывалъ убѣжденіе, что лишь съ нѣкоторою вѣроятностію, но отнюдь не съ рѣшительностію, его можно приписать Сильвестру, основываясь главнымъ образомъ на сходствѣ „слога“ посланія съ слогами нѣкоторыхъ сочиненій Сильвестра. Напо- мню въ 1878 г. въ „Описаніи рукописныхъ сборниковъ Император- ской публичной бібліотеки“ (выпускъ 1-й стр. 57) академикъ А. Ѳ. Вичковъ, не дѣлая никакихъ соображеній относительно вѣроятнаго автора посланія, высказываетъ предположеніе, что „это любопытное и во многихъ отношеніяхъ очень важное посланіе писано во время опри- чины“. Такимъ образомъ въ настоящее время посланіе извѣстно въ четырехъ спискахъ: Сильвестровскомъ (Сибургской духовной академіи), Сиведалномъ № 985, румянцовскомъ (списанномъ, по заявленію Во- сточова, съ Сильвестровскаго) и Строевскомъ, принадлежащемъ Импе- раторской публичной бібліотекѣ; а относительно автора его существуютъ три мнѣнія: одно приписываетъ его митрополиту Данилу (Амвросій, Карамзинъ, Востоковъ, архіеп. Филаретъ и о. Никонаевскій), другіе (проев. Макарій, московскіе издатели твореній Сильвестра и г. Жда- новъ) Сильвестру, или митрополиту Макарію (проев. Макарій); третьи, наконецъ, вовсе не указываютъ, даже предположительно, автора по- сланія (А. Ѳ. Вичковъ, Невоструевъ).

Разсмотримъ эти мнѣнія одно за другимъ и выскажемъ свои по- сильныя соображенія относительно этого предмета.

III. То единодушіе, съ какою приписываютъ это посланіе Данилу лучшие авторитеты русской исторической и археологической науки ста- рого времени, побуждаетъ насъ прежде всего остановиться на этомъ мнѣніи и выслушать въ тѣ соображенія, какими можно руководство- ваться при рѣшеніи вопроса о принадлежности посланія Данилу въ

положительномъ или отрицательномъ смыслѣ. Есть нѣсколько данныхъ, которыя на первый взглядъ весьма внушительно говорятъ въ пользу мнѣнія о м-тѣ Даниилѣ, какъ вѣроятномъ авторѣ посланія, хотя ни одинъ изъ ученыхъ, раздѣлявшихъ это мнѣніе, бывшее исключительнымъ и единственнымъ мнѣніемъ до самаго послѣдняго времени (до 1874 года), не указываетъ на эти данныя. Такъ, прежде всего, въ Сильвестровскомъ сборникѣ, представляющемъ первоначальную, по отношенію къ другимъ известнымъ доселѣ спискамъ памятника, редакцію, посланіе къ царю Ивану Васильевичу слѣдуетъ непосредственно за тринадцатымъ посланіемъ Даниила, такъ что не отдѣляется отъ него ни особымъ заглавіемъ, ни даже выносною большою буквою въ начальной строкѣ, что мы находимъ въ каждой изъ предъидущихъ статей сборника, — представляется, какъ непосредственное продолженіе XIII-го посланія Даниила, его вторая часть; это, очевидно, и побудило проссв. Филарета черниговскаго считать посланіе дѣйствительно частью, продолженіемъ XIII-го посланія Даниила: говоря о содержаніи разсматриваемаго нами памятника, онъ цитуетъ XIII-е посланіе Даниила (см. Обзоръ, § 126: „изъ 13-ти *пророкущихъ посланій* (Даниила), находящихся въ новгородской софійской бібліотекѣ и у Румянцева, *послѣднее*, къ великому князю Ивану Васильевичу, восхваляя князя, сильно укоряетъ слугъ его“, и проч.). Далѣе: и по содержанію „посланіе къ царю Ивану Васильевичу“ дѣйствительно совершенно однородно съ XIII-мъ посланіемъ Даниила: въ этомъ послѣднемъ — „о цѣломудрїи и чистотѣ и о храненїи дѣвства“... содержится энергическое обвиненіе разнородныхъ видовъ нарушенїя седьмой заповѣди и увѣщаніе къ неуклонно предписаній строгой нравственности, хотя въ абстрактной, безличной формѣ; въ „посланіи къ царю Ивану Васильевичу“ тѣже пороки обвиняются какъ пороки лицъ, окружавшихъ царя, слѣдов. въ формѣ конкретной; посланіе къ царю, немыслимое въ слѣдъ за посланіемъ Даниила, какъ бы является прикладною практическою частью къ теоретическому трактату, содержащемуся въ XIII-мъ посланіи Даниила. По этому-то, конечно, составитель *дополнительнаго* оглавленія въ Сильвестровскому сборнику въ экземплярѣ софійской бібліотеки (*первоначальное* оглавленіе перечисляетъ лишь посланія Фетія),

писаннаго скорописью конца XVIII или первых годов XIX вѣка, приведа заглавіе XIII-го посланія Даниіла („о цѣломудріи и о чистотѣ и о храненіи дѣвства“ и проч.) подѣ слѣдующимъ №, гдѣ слѣдовало указать заглавіе слѣдующаго за XIII посланіемъ Даниіла, посланія къ царю Ивану Васильевичу, говоритъ: „продолженіе ученія о томъ же“ (т. е. о цѣломудріи и чистотѣ), при чемъ, само собою разумѣется, по мнѣнію составителя этого дополнительнаго оглавленія, это *продолженіе* ученія о цѣломудріи принадлежитъ тому же автору, которому принадлежитъ его начало, т. е. Даниілу. Трудно съ точностію опредѣлить, кѣмъ писано это дополнительное оглавленіе. Можетъ быть оно принадлежитъ кому-либо изъ неизвѣстныхъ первоначальныхъ каталогизаторовъ софійской бібліотеки, на примѣръ каталогизатору временъ С.-Петербургскаго митрополита Гавріила, при которомъ въ первый разъ эта бібліотека была обстоятельно описана; можетъ быть оно принадлежитъ митрополиту Евгенію, во время службы своей при Новгородской семинаріи также занимавшемуся изученіемъ софійской бібліотеки, или, наконецъ, Амвросію, писавшему свою „исторію іерархіи“ также въ Новгородѣ, при пособіи, между прочимъ, рукописей той-же софійской бібліотеки. Относительно Евгенія наше предположеніе подтверждается значительнымъ сходствомъ почерка оглавленія въ сборникѣ съ извѣстными намъ автографами митроп. Евгенія, имѣющимися на нѣкоторыхъ, принадлежавшихъ ему нѣкогда, книгахъ бібліотеки С.-Петербургской духовной академіи. Обстоятельство, которое говоритъ противъ того, чтобы Евгеній былъ авторомъ этого оглавленія, служить грубая ошибка въ оглавленіи перваго изъ посланій Сильвестра, въ которомъ Сильвестръ названъ „протопопомъ *Казанскаго* Благовѣщенскаго собора“. Наконецъ въ пользу мнѣнія о митрополитѣ Даниилѣ, какъ авторѣ „посланія къ царю“, говоритъ и то обстоятельство, что это былъ извѣстный проповѣдникъ-публицистъ, который обличеніе пороковъ современнаго ему общества, особенно „плотскаго грѣха“, имѣлъ до нѣкоторой степени своею проповѣдническою спеціальностію, и если допустить, что „посланіе къ царю“ писано къ Іоанну III, какъ думаетъ Филаретъ Черниговскій, и, какъ склонны, повидимому, думать Востоковъ и Карамзинъ, то картины разврата, какія рисуются въ „посланіи

къ царю“, съ перваго взгляда представляются до нѣкоторой степени соответствующими нравственному состоянію русскаго общества при Іоаннѣ III, столь рельефно изображенному Данииломъ въ его твореніяхъ. Высокопреосв. Макарій, первый высказавшій въ печати мнѣніе о томъ, что „посланіе къ царю Ивану Васильевичу“ Даниилу не принадлежитъ, основывается на томъ, что въ то время, когда Даниилъ оставилъ митрополичью кафедру и затѣмъ вскорѣ умеръ (1539 г.) Іоанну IV было лишь девять лѣтъ, что говоритъ ребенку: „первый свой грѣхъ оцѣстиши“, и рисовать предъ нимъ картину такихъ пороковъ, какъ содомскій грѣхъ и другіе виды утонченнаго разврата, было бы по меньшей мѣрѣ безтактно со стороны такого мудраго архипастыря, какимъ былъ Даниилъ. Но высокопреосвященный не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу того, что посланіе писано къ Іоанну IV, а не къ Іоанну III-му, въ бытность Даниила игуменомъ Волоколамскаго монастыря. Привести эти доказательства было необходимо въ виду того, что Филаретъ Черниговскій категорически утверждаетъ, что оно писано къ *великому князю Ивану Васильевичу*, т. е. къ Іоанну III, а Карамзинъ и Востоковъ хотя и выражаются, что оно писано къ царю Ивану Васильевичу, но не ставятъ при этомъ имени цифры: IV, какъ это дѣлаетъ высокопреосв. Макарій ⁽¹⁾ (совершенно произвольно, такъ какъ не только въ Сильвестровскомъ сборникѣ, но и въ другихъ спискахъ посланія. эта цифра нигдѣ не выставлена, какъ и вообще въ древнихъ актахъ нигдѣ при именахъ обонхъ Іоанновъ—великаго князя и царя не выставляются цифры III и IV), и можно думать, что подъ царемъ они разумѣли здѣсь Іоанна III, которому титулъ царя нерѣдко усваивается въ памятникахъ, хотя царскимъ вѣнцемъ вѣнчался въ первые дѣйствительно Іоаннъ IV.

Изъ этихъ соображеній можно видѣть, что мнѣніе о Даниилѣ, какъ авторѣ разсматриваемаго посланія, бывшее исключительнымъ мнѣніемъ до самаго послѣдняго времени, отнюдь не лишено было нѣко-

⁽¹⁾ «Вслѣдъ за тринадцатью сочиненіями Даниила, помѣщено посланіе къ царю Ивану Васильевичу IV» (см. Истор. Рус. Ц. т. VII, стр. 360, примѣч. 293).

торыхъ основаній, хотя всѣ ученые, высказывавшіе это мнѣніе категорически или предположительно, выражали его совершенно голословно.

Но есть одно обстоятельство, на которое не обратилъ вниманія ни одинъ изъ изслѣдователей, какъ тѣхъ, которые приписывали посланіе Даніилу, такъ и тѣхъ, которые отрицали это мнѣніе, обстоятельство, не оставляющее ни малѣйшей возможности считать авторомъ „Посланія къ царю“ митрополита Даніила. Въ самомъ посланіи прямо упоминается объ Іоаннѣ III, какъ лицѣ, отличномъ отъ того, кому писано посланіе. „Четвертое знаменіе, иже бывшее преславныхъ чудесъ Божіихъ при нашихъ великихъ государяхъ, проувидѣся въ великомъ православіи русскія земли въ лѣто благовѣрнаго и христолюбиваго князя Ивана Васильевича... Гордый царь Ахматъ... восхотѣ ибнѣнати всю русскую землю, и Божьею благодатію православный Государь великій князь Иванъ Васильевичъ исправяся предъ Богомъ и смиривъ себе... и того гордаго царя Богъ своимъ копьемъ порази“ (Чтенія, 1874, I, стр. 71). Здѣсь Іоаннъ III называется (дважды) не царемъ, а великимъ княземъ, тогда какъ въ началѣ посланія лицо, къ которому оно пишется, названо царемъ. Слѣдовательно посланіе писано не къ Іоанну III, а къ Іоанну IV, слѣдовательно писано не Даніиломъ. Доказательства высокопреосв. Макарія, на основаніи которыхъ онъ отвергаетъ принадлежность посланія Даніилу, послѣ этихъ соображеній получаютъ полное значеніе.

IV. Переходимъ къ мнѣнію, составляющему послѣднее слово науки по настоящему вопросу — къ мнѣнію о томъ, что авторомъ настоящаго посланія былъ не кто иной, какъ самъ составитель силвестровскаго сборника, приснопамятный благовѣщенскій іерей Сильвестръ. Московскіе издатели твореній Сильвестра самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждаютъ, что посланіе писано Сильвестромъ, писано въ 1547 году „по поводу великаго московскаго пожара“, и что оно-то и было непосредственной ближайшей причиною той благодѣтельной перемены въ Іоаннѣ, которую приписываютъ вліянію Сильвестра. Доказательство своего мнѣнія почтенные ученые видятъ, во первыхъ, въ томъ, что въ посланіи прямо и притомъ нѣсколько разъ упоминается о пожарахъ и другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ Руси, какъ проявленіяхъ гнѣва Бо-

жія на нее за обуйвишее се нечестіе: „не слышася-ли сіа гнѣва Божія на-казанія надъ нами и надъ имѣніями твоими, и надъ градомъ твоимъ?“ Но слова эти, какъ справедливо замѣтилъ еще г. Ждановъ въ упомянутой выше статьѣ, доказываютъ только то, что посланіе писано *послѣ* великаго московскаго пожара, но отнюдь не говорятъ, что оно писано *во время* или *непосредственно* послѣ пожара или даже по его поводу. Память объ этомъ страшномъ бѣдствіи была жива въ Москвѣ и во всей Руси такъ долго, что о немъ естественно было вспомнить, какъ о доказательствѣ гнѣва Божія на нечестіе, гораздо позже самаго пожара, даже послѣ смерти Іоанна. Другое доказательство своего мнѣнія московскіе издатели твореній Сильвестра видятъ въ сходствѣ слога посланія съ слогомъ сочиненій Сильвестра, несомнѣнно ему принадлежащихъ, посланій его къ сыну своему Аноиму и къ князю А. В. Шуйскому-Горбатову. „Въ слогѣ этого посланія я не усумнился, говоритъ г. Коншинъ: это слогъ Сильвестра, одинъ и тотъ же и въ „посланіи къ сыну Аноиму“, уцѣлѣвшемъ при „Домостроѣ“, и въ посланіи къ князю Александру Борисовичу, и въ послѣднемъ, въ концѣ приписанномъ“ (1). По нашему мнѣнію это не совсѣмъ вѣрно. Есть *сходство* въ слогѣ между „посланіемъ къ царю“ и посланіями Сильвестра, но не *тождество*,—сходство не большее того, какое вообще существуетъ между произведеніями, однородными по предмету (духовно-нравственныя наставленія), принадлежащими различнымъ лицамъ одинаковаго образованія и сходнаго, однороднаго общественнаго положенія (пастыри церкви, духовныя лица). По нашему мнѣнію большинство памятниковъ древне-русской духовно-учительной литературы, принадлежащихъ совершенно различнымъ лицамъ, что касается такъ называемаго слога, имѣютъ характеръ такъ сказать стереотипный. У всѣхъ древнихъ русскихъ писателей, не получившихъ правильнаго методическаго образованія, мы находимъ слишкомъ незначительные признаки индивидуальности въ складѣ рѣчи. Лишь у немногихъ изъ нихъ, отличавшихся особою силою личнаго таланта и обиліемъ литературной производительности, замѣчается свой специ-

(1) Чт. М. О. И. и Д. 1874, кн. 1, стр. 67. На этомъ же основаніи приписываетъ разсматриваемое посланіе Сильвестру и г. Ждановъ, о чемъ мы подробнѣе будемъ говорить ниже.

фическій складъ рѣчи и образъ выраженія, выработанный практически. Общія большинству древнихъ русскихъ духовныхъ писателей черты: отсутствіе методической правильности и стройности въ расположеніи мыслей, которое у нихъ всецѣло обусловливается непосредственной ассоціаціей идей; отсюда — частыя отступленія отъ предмета, о которомъ предполагилъ говорить сочинитель, уклоненія въ сторону, частыя повторенія, амплификаціи. Такова характеристическая черта, прежде всего бросающаяся въ глаза въ разсматриваемомъ посланіи; она же присуща и посланіямъ, несомнѣнно принадлежащимъ Сильвестру; но заключать отсюда о томъ, чтобы Сильвестръ былъ авторомъ и „посланія къ царю“ будетъ такъ же несправедливо, какъ несправедливо было бы заключать, что авторомъ посланія былъ, напримѣръ, Зиновій Отенскій, котораго „истины показаніе“ и „посланіе многословное“ (недавно изданное г. Поповымъ) въ немного меньшей мѣрѣ отличаются этими же свойствами, какъ и посланіе къ царю Ивану Васильевичу, равно какъ и другою стереотипною чертою древне-русскихъ духовно-учительныхъ твореній, состоящую въ томъ, что вся аргументація въ нихъ почерпается изъ св. писанія, твореній свято-отеческихъ и примѣровъ исторіи, церковной и гражданской. Есть свой слогъ у Максима Грека — результатъ методическаго школьнаго образованія и навыка въ сочинительствѣ; есть свой слогъ — еще раньше — у Кирилла Туровскаго и Григорія Самвлака, — проявленіе необычайнаго литературнаго таланта и глубокаго воздѣйствія изученныхъ ими образцовъ греческой свято-отеческой проповѣди. Но мы затруднились бы указать черты индивидуальности въ слогѣ такихъ писателей, какъ Іосифъ Волоцкій, Зиновій Отенскій, митрополитъ Даніилъ. Если отнять *историческіе* признаки принадлежности каждому изъ нихъ ихъ твореній, то, пожалуй, имя одного изъ нихъ могло бы быть поставлено надъ произведеніемъ другаго, — до того они сходны между собою *по слогу*. Это не значитъ, чтобы въ твореніяхъ названныхъ древне-русскихъ писателей не было чертъ индивидуальнаго характера каждаго изъ нихъ; но эти черты принадлежатъ не внѣшней сторонѣ ихъ твореній, не азыку, не слогу, а внутренней — степени силы мысли, конценціи предмета, объему и характеру аргументаціи. Тоже самое можно сказать

относительно какъ посланія къ царю Ивану Васильевичу, такъ и посланій Сильвестра. Оба автора не были писателями по профессіи и не выработали никакихъ специфическихъ особенностей „слога“ для своихъ твореній; писанія того и другаго въ полной мѣрѣ безыскусственны, даже болѣе — неискусны въ литературномъ отношеніи, съ точки зрѣнія даже тогдашней стилистики. Хотя московскіе издатели твореній Сильвестра и замѣчаютъ, что эти творенія составляютъ какъ по содержанию, такъ и по языку „одно изъ лучшихъ произведеній древней русской письменности“ (1), но мы болѣе склонны согласиться съ замѣчаніемъ г. Жданова, что въ посланіяхъ Сильвестра замѣтно больше претензіи на краснорѣчіе (2), чѣмъ дѣйствительнаго краснорѣчія, хотя имъ никакъ нельзя отказать, вопреки г. Жданову, въ силѣ убѣжденія, въ искренности и задушевности. Но если даже и допустить, что посланіе Сильвестра къ сыну составляетъ одно изъ лучшихъ произведеній древне-русской письменности, то отнюдь нельзя сказать того же съ точки зрѣнія стилистической о „посланіи къ царю Ивану Васильевичу“, — обстоятельство, которое, конечно, говоритъ скорѣе противъ мнѣнія о тождествѣ автора того и другаго посланія, чѣмъ въ пользу его.

V. Что, однакожь, не это посланіе, кому бы оно ни принадлежало. было причиною благодѣтельной перемены въ царѣ (1547 г.), это несомнѣнно доказывается свидѣтельствами обоихъ историковъ этой перемены — Курбскаго и самаго Іоанна. „Ниже мните мя дѣтскими страшила устрашати, яко прежде сего съ попомъ Сильвестромъ и Алексѣемъ, лукавымъ совѣтомъ прельстисте“, пишетъ Грозный Курбскому. Трудно предположить, чтобы религіозный и набожный до суевѣрія Іоаннъ назвалъ „дѣтскими страшилами“ тѣ прекрасные доводы изъ св. писанія, которыми хочеть склонить царя къ искорененію нечестія авторъ посланія. Съ своей стороны Курбскій въ своемъ разсказѣ даетъ ясно понять, что перемена въ Іоаннѣ (1547 г.) была результатомъ *устнаго собесѣдованія* съ нимъ Сильвестра. „Представъ предъ Іоанна, говоритъ онъ, смущеннаго великимъ бѣдствіемъ, Сильвестръ, кроиъ

(1) Чтенія, 1874, ч. 1.

(2) Журн М-ва Нар. Пр. 1876, № 7.

того, что заклиналъ его страшнымъ Божиимъ именемъ, еще къ тому и чудеса и аки бы явленія отъ Бога повѣдающе ему, не вѣмъ, аще истинныя, або такъ ужасовеніе пужающе, буйства его ради и для дѣтскихъ неистовыхъ его нравовъ, умыслилъ быти сіе. Яко многажды и отцы повелѣвають слугамъ дѣтей ужасати мечтательными страхами, сице и сей блаженный малую грозу присовокупляетъ благокозненія, ею-же великое зло цѣлѣти умыслилъ“ (1). Изъ этихъ словъ Курбскаго, какъ и изъ свидѣтельства самого Іоанна, видно, что характеръ и содержаніе бесѣды Іоанна съ Сильвестромъ были иныя, чѣмъ содержаніе посланія, въ которомъ нѣтъ никакихъ дѣтскихъ страховъ, никакихъ вымышленныхъ чудесъ, и которое вообще имѣетъ строго-конфессиональный и ортодоксальный характеръ. Въ посланіи изображаются обязанности Государя благочестиваго, налагаемыя на его высокой санъ ученіемъ слова Божія и примѣрами благочестивыхъ царей еврейскихъ, византійскихъ, а равно и русскихъ предшественниковъ державнаго корреспондента (Владиміръ святой, Іоаннъ III). Въ посланіи рѣчь ведется не къ ребенку, на котораго-бы можно было подѣйствовать „страшилами“, а къ возрастному Государю, который обладаетъ полною зрѣлостію ума и силою воли и возбуждаетъ къ себѣ всеобщее уваженіе своею мудростію, своими высокими умственными качествами, своими побѣдами надъ врагами внѣшними и внутренними: „всякаго зла ненавидяще, татей и всякихъ лихихъ обличаещи, и всякую неправду изводиши, и не щадиши во всемъ“. Вообще благодѣтельная переписка въ царѣ, та, которая произошла въ 1547 году, представляется въ посланіи уже давно совершившеюся, составляющею предметъ свѣжихъ отрядныхъ воспоминаній для автора посланія.

VI. Г. Ждановъ, признавая, предположительно, посланіе произведеніемъ Сильвестра, не считаетъ его причиною благодѣтельной переписки въ Іоаннѣ, и думаетъ, что оно написано позже великаго московскаго пожара, хотя и въ молодыхъ лѣтахъ царя, именно между 1550 — 1553 годами. Посмотримъ на приводимыя имъ доказательства своего мнѣнія. Въ одномъ мѣстѣ авторъ посланія припоминаетъ

(1) Сказ. Курбск., ч. II, стр. 94.

Грозному: „якоже малый юнѣйшій Давидъ въ дому отца своего помазанъ пророкомъ Самойломъ, такожь и ты въ юности въ царствіи утвержень еси“. На основаніи этихъ словъ г. Ждановъ (1) утверждаетъ, что „посланіе составлено въ такое время, когда царь Иванъ былъ еще молодъ“, какъ будто эти слова не могли быть высказаны и въ годы старости царя, въ видѣ припоминанія о началѣ его царствованія! „Симъ образомъ твоя много поживени лѣтъ и приложати ся лѣта живота, и воздасть ти Господь плодъ животный, и отъ чрева твоего истекутъ рѣки воды живы, и отъ чреслъ твоихъ изыдутъ сѣмена плодovitа“. Приведа эти слова, г. Ждановъ замѣчаетъ (2): „это пожеланіе царю большаго потомства въ будущемъ указываетъ на раннюю пору въ брачной жизни Ивана“, — какъ будто почтенному изслѣдователю неизвѣстно, что даже въ послѣдній годъ своей жизни, когда у него не оставалось дѣтей, кромѣ слабодушнаго Феодора и малолѣтнаго Димитрія, когда царь не могъ достаточно оплакать убитаго имъ старшаго сына Иоанна, онъ мечталъ о новомъ бракѣ и о новыхъ дѣтяхъ! Такой же характеръ и ту же степень доказательности имѣютъ и другіе аргументы, приводимые г. Ждановымъ. Въ посланіи, въ повѣствовательной формѣ, упоминается о гладѣ, пожарахъ великихъ и междусоборныхъ браняхъ, постигшихъ Русь, въ видѣ казней Божіихъ за стеснанія и слезы обидимыхъ. Г. Ждановъ самъ же замѣчаетъ, что голодное время на Руси продолжалось не только чрезъ всѣ пятидесятые годы XVI ст.; но что митрополитъ Макарій даже въ 1557 году писалъ: „не токмо здѣ, въ царствующемъ городѣ, но и по всѣмъ градамъ и волостямъ и весямъ по которымъ лѣта хлѣбъ не родится“; тѣмъ не менѣе онъ относитъ написаніе посланія къ 1550 году. — Къ тому времени, когда писалось посланіе, говоритъ еще г. Ждановъ, царь „усиѣлъ“ выказать себя „на супротивныя храбрымъ“, хотя и оставалось желать, „да разсыплются страны поганскія, хотящія бранемъ“. „Ясно“, заключаетъ г. Ждановъ, что посланіе явилось до взятія Казани, т. е. до 1552 года“, — какъ будто мало было поганыхъ, хо-

(1) Ж. М-ва Н. Пр. 1876, 7, стр. 74.

(2) Тамъ же, стр. 75.

тѣвшихъ брани съ Русью, и послѣ взятія Казани! А Астрахань съ Ногаями, а Крымцы, которые опустошали Русь даже въ годъ смерти Иоанна? „Ты, всякаго зла ненавидяще, пишеть авторъ посланія царю, татей и всякихъ лихихъ обличаеши и всякую неправду изводиши, и не щадиши во всемъ“. „Здѣсь, говоритъ нашъ ученый, можно видѣть намекъ на работы по исправленію судебника и установленію губныхъ старостъ, т. е. на 1550 годъ“. Пожалуй; но почему нужно думать, что намекъ этотъ сдѣланъ именно въ самый моментъ производства этихъ работъ? Не лучше ли первую половину этой фразы отнести вообще къ системѣ правительственной дѣятельности Иоанна въ продолженіе всего его царствованія, а вторую — къ изведенію той мнимой „неправды, на которую жаловался царь въ посланіяхъ къ Курбскому, къ тому „безопасному“ изведенію этой мнимой неправды, которымъ занимался царь виѣстѣ съ опричниками, если предположить, какъ мы будемъ доказывать ниже, что посланіе написано во второй половинѣ царствованія Иоанна, и именно во время опричины, и что авторъ посланія не только не Сильвестръ, но лицо изъ партіи, смѣнившей партію Сильвестра? Источникъ усилій г. Жданова доказать, что посланіе писано въ 1550 году, мы легко поймемъ, если прочтемъ послѣдній его аргументъ въ пользу своего мнѣнія. Онъ дѣлаетъ нѣсколько параллельныхъ выписокъ — изъ посланія и изъ стоглава, и находитъ въ этихъ двухъ памятникахъ черты близкаго сходства. Отсюда, по его мнѣнію, вытекаетъ, что посланіе было въ числѣ тѣхъ матеріаловъ, которыми пользовались на стоглавои соборѣ при постановкѣ вопросовъ, подлежащихъ соборному разсмотрѣнію; слѣдовательно, заключаетъ г. Ждановъ, посланіе слѣдуетъ отнести къ числу тѣхъ подготовительныхъ работъ, которыя предшествовали открытію собора, которыя составляютъ главный предметъ изслѣдованія г. Жданова. Не говоря уже о томъ, что сходство нѣсколькихъ выраженій и частныхъ содержанія того и другаго памятника — посланія и стоглава — никакимъ образомъ не можетъ считаться, по общимъ законамъ исторической критики, признакомъ генетическаго отношенія двухъ памятниковъ, изъ сопоставленія приводимыхъ г. Ждановымъ выдержекъ можно скорѣе заключить, что посланіе слѣдовало за стоглавои, а не на оборотъ.

Если съ одной стороны несомнѣнно, что многіе памятники изъ числа изслѣдуемыхъ г. Ждановымъ, были подготовительными работами къ собору, то съ другой стороны еще съ большею рѣшительностію можно утверждать, что другія литературныя явленія, а въ томъ числѣ и разсматриваемое нами посланіе, были слѣдствіемъ, результатомъ дѣятельности собора. Постановленія собора относительно искорененія нестроений, одолевавшихъ русскую землю, послѣ собора, какъ извѣстно, варіировались и интерпретировались въ безчисленныхъ наказахъ и другихъ законодательныхъ памятникахъ: почему не предположить, что и тѣ нравообличительныя темы, которыя имѣются въ стоглавѣ, не сдѣланы уже позже собора предметомъ интерпретаціи со стороны собственно церковно-учительной литературы? Это предположеніе получаетъ тѣмъ бѣольшую силу, что нравственныя нестроенія Руси послѣ собора, вслѣдствіе многихъ обстоятельствъ, между прочимъ вслѣдствіе удаленія Сильвестра и его партіи отъ вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, и вслѣдствіе новой перемѣны въ царѣ — къ худшему, послѣ учрежденія опричины, — не только не уменьшились, но и усилились. Краски, какими изображаются пороки (цѣлаго ли русскаго общества, какъ думаетъ г. Ждановъ, или лишь нѣкоторой его части, это мы скоро увидимъ), въ посланіи ярче и гуще, чѣмъ въ стоглавѣ: такъ оно и было въ дѣйствительности.

Если бы, впрочемъ, существовалъ какой либо видъ генетическаго отношенія между двумя памятниками — посланіемъ къ царю и стоглавомъ, это непременно отразилось бы въ содержаніи посланія, чего мы въ немъ отнюдь не находимъ. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ того господства въ государственномъ управленіи совѣщательнаго начала, которымъ характеризуется время вліянія Сильвестра на Іоанна, или, точнѣе, первая половина царствованія Іоанна. Изъ дальнѣйшаго изложенія ясно будетъ, что посланіе явилось не въ силу того права „извѣщать свой разумъ“ о государственныхъ нуждахъ, которое царь предоставлялъ Сильвестру и другимъ членамъ „избранной рады“ — лучшимъ умамъ эпохи; оно напротивъ носитъ всѣ признаки того времени, когда, по выраженію былинны, уже „зачинался грозный царь Иванъ Васильевичъ“. Посланіе — не совѣтъ о государственныхъ дѣ-

лахъ, а смѣлый увѣщательно-обличительный голосъ представителя церкви, ратующего исключительно за духовно-нравственные интересы страны.

Наконецъ — еще одно соображеніе. Пока Сильвестръ былъ близокъ къ царю, имѣлъ къ нему всегдашній, безпрепятственный доступъ, чтобы „извѣщать свой разумъ“, ему не для чего было писать посланіе, излагать письменно то, что можно было сказать устно, особенно же то, что должно было оставаться тайной между нимъ и царемъ, какъ это видно изъ заключительныхъ словъ посланія, гдѣ авторъ его прямо проситъ царя „умолчать до времени“ о содержаніи посланія. Въ 1553 году царь заболѣлъ. Если бы вообще можно было думать, что посланіе написано Сильвестромъ, то временемъ написанія должно было бы считать именно этотъ годъ; въ это время Сильвестръ, не занимавшій никогда никакой придворной должности и не будучи царскимъ духовникомъ, по всей вѣроятности не имѣлъ къ царю непосредственнаго доступа, и ему естественно было придти къ мысли замѣнить устный способъ собесѣдованія съ царемъ письменнымъ. Затѣмъ въ этомъ посланіи настроеніе духа царя изображается въ такомъ видѣ, какой свойственъ больному: онъ представляется опасющимся за свою жизнь и за свое царство, находящимся въ крайнемъ уныніи и упадкѣ духа (подробнѣе объ этомъ будетъ сказано далѣе). Но остановиться на этомъ предположеніи не дозволяетъ преобладающее содержаніе посланія, которое, какъ мы будемъ имѣть случай доказать ниже, всецѣло указываетъ на время опричины. Затѣмъ, во время болѣзни царя и происходившихъ въ это время споровъ о престолонаслѣдіи, Сильвестръ имѣлъ неосторожность заявить себя сторонникомъ князя Владиміра Андреевича Старицкаго, въ то время, пока шли толки о присягѣ малолѣтнему Дмитрію. Когда царь, по выздоровленіи, узналъ объ этомъ, началась его остуда къ Сильвестру: и начиная съ этого момента, Сильвестръ уже окончательно лишенъ былъ возможности давать царю какія-бы то ни было наставленія, тѣмъ болѣе давать наставленія тѣмъ авторитетнымъ дружественно-фамильярнымъ тономъ, въ какомъ написано посланіе. Подтверженіе этого мы видимъ въ неудачѣ печалованія Сильвестра за Никиту Борисовича

Ростовскаго-Пріимкова, а также въ отвѣтѣ его на ходатайство о печалованіи Базанскому воеводѣ А. Б. Шуйскому-Горбатову; „не имѣю о тебѣ ходатайствомъ что сотворити, токмо долженъ у Бога полезныхъ о тебѣ просити“, пишетъ ему Сильвестръ. Наконецъ въ 1559 году Сильвестръ совсѣмъ сходитъ со сцены, удалившись въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, а оттуда, черезъ нѣсколько лѣтъ—въ Соловки. О томъ, чтобы посланіе было написано Сильвестромъ изъ своего заточенія, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ посланіе написано тономъ дружественно-фамиллярнымъ и авторитетнымъ.

VII. Намъ остается теперь разсмотрѣть мнѣніе о принадлежности посланія всероссійскому митрополиту Макарію, высказанное высокопреосвященнымъ авторомъ „Исторіи Русской Церкви“.

Для того, чтобы признать авторомъ разсматриваемаго посланія митрополита Макарія, достаточныхъ оснований, по нашему мнѣнію, отнюдь не имѣется. Знаменитый богословъ и писатель, Макарій владѣлъ перомъ, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо лучше, чѣмъ авторъ „посланія“, написаннаго, какъ мы уже замѣтили, совершенно безыскусственно, даже неискусно, съ неправильностями въ структурѣ фразы и въ слововыраженіи, съ отступленіями и амплификаціями и т. д., хотя и съ большимъ знаніемъ св. писанія и еще болѣею силою убѣжденія. Затѣмъ въ авторѣ посланія видно лицо, приближенное къ Государю, своими интимными отношеніями къ нему уполномоченное до нѣкоторой степени на то, чтобы „извѣщать ему свой разумъ“ даже о такихъ щекотливыхъ предметахъ, какъ личное психическое настроеніе царя и тѣ обстоятельства, какими такое настроеніе обусловливалось, говорить кротко и съ благоповорливостію, но въ то же время съ духомъ и силою Илиною, рѣшительно и безбоязненно. Митрополитъ Макарій, отправляя свое высокое архипастырское служеніе по назначенію и во всемъ согласно съ волею Государя, уважаемый и чтимый имъ какъ первосвятитель, іерархъ и отецъ духовный, не находилъ однакоже въ тѣхъ интимныхъ отношеніяхъ къ царю, какими характеризуются отношенія къ Іоанну нѣкоторыхъ другихъ лицъ, на примѣръ Сильвестра, его креатуры. Въ то время, къ которому относится, по нашему мнѣнію, написаніе посланія, онъ не пользовался

даже тѣмъ вліяніемъ на ходъ государственныхъ дѣлъ, какое имѣлъ сначала: въ 1561 году, на соборѣ по дѣлу о Сильвестрѣ, Макарій сказалъ было слово въ пользу его, доказывая, что обвиняемаго въ сообщничествѣ съ еретиками Сильвестра нужно позвать на соборъ и выслушать отъ него лично объясненія; но это вполне законное требованіе первосвятителя русской церкви не было уважено. Наконецъ въ авторѣ посланія, какъ увидимъ, замѣтенъ человекъ партіи, до нѣкоторой степени сторонникъ извѣстной правительственной системы; а Макарій, какъ извѣстно, стоялъ внѣ партій; справляя свое высокое служеніе, онъ въ политику не мѣшался. Такъ мы видимъ, что въ спорахъ по вопросу о престолонаслѣдіи, во время болѣзни царя, въ 1553 году, онъ не принадлежитъ ни къ той, ни къ другой сторонѣ, ни къ партіи Дмитрія, ни къ сторонѣ Владиміра Андреевича Старицкаго.

VIII. Изъ предъидущихъ разсужденій уже видно, что ключъ къ рѣшенію разсматриваемаго нами вопроса заключается въ возможно-точномъ опредѣленіи времени написанія посланія. Данныя для этого должны быть найдены въ содержаніи самаго посланія, и онѣ въ немъ дѣйствительно находятся, — данныя, на столько категорически указывающія моментъ написанія посланія, что, по нашему мнѣнію, не оставляютъ въ этомъ отношеніи возможности желать большаго.

1) Въ посланіи царь представляется занятымъ борьбою главнымъ образомъ съ внутреннею крамолою: борьба эта запечатлѣна съ его стороны полною безпощадностію: „всякаго зла ненавидиши, татей и всякихъ лихихъ обличаеши, и всякую неправду изводиши и не щадши во всемъ“ (стр. 80). Подъ изведеніемъ неправды здѣсь, слѣдуя слововыраженію самого Іоанна въ посланіяхъ къ Курбскому, нельзя разумѣть дѣятельности обычной царской юстиціи, въ порядкѣ узаконенныхъ судебникомъ полицейски-административныхъ дѣйствій, но именно самостоятельную дѣятельность царя съ его избранными — приближенными противъ той „неправды“, какою было въ глазахъ царя желаніе бояръ и „избранной рады“, группировавшейся нѣкогда вокругъ Сильвестра и Адашева, вліять своими совѣтами и указаціями на ходъ государственной жизни, а слова „и не щадши во всемъ“ указы-

вають на ту безпощадность, какою характеризуются дѣйствія царя во время опричины противъ мнимыхъ крамольниковъ — бояръ.

2) „а сихъ студоложныхъ попущаеши, отъ чего всей земли погибнути“, продолжаетъ авторъ посланія. Эти слова, очевидно, относятся къ опричникамъ, беззаконія которыхъ авторъ подробно излагаетъ во всемъ посланіи. Обличаются не беззаконіе и самовластіе лицъ, враждебныхъ и непріязненныхъ царю, что имѣло мѣсто во время борьбы Іоанна съ боярами въ началѣ его царствованія, а оргіи и злодѣйства, совершаемыя приближенными Іоанна, его довѣренными лицами, съ его вѣдома, при его попустительствѣ и нѣкоторомъ участіи, и какъ бы даже подъ его руководствомъ. „И тебѣ, великому Государю, которая похвала: въ твоей области, православнаго царя, поношеніе безстудное. И которой похвалѣ быти твоему величеству. Ты о всемъ надежду и упованіе полагаеши на Бога, а *людіе твои, раби мнози, дерзновеніемъ и небреженіемъ, и безстудными скверными, удаляются отъ Бога, и нигдѣ сотворившій по волѣ его*“ (стр. 79). „И кака польза тебѣ, великому Государю, и которая честь твоему царству, который санъ и которое величество, и которая корысть, развие гнѣвъ Божій воздвизаютъ, при твоей области, православнаго Государя, такъовъ студъ содѣвающе: прелюбодѣяніе содомское посредѣ людей многихъ и рабъ твоихъ“ (стр. 78). „И тебѣ, великому Государю, которая похвала въ такихъ чюжихъ неразумныхъ совѣтѣхъ“ (стр. 79).

3) „отъ чего всей землѣ погибнути“. Дѣйствія бояръ, какія имѣли мѣсто въ началѣ царствованія Іоанна, не представляли особенной опасности для общества и государства, потому что противъ нихъ боролся самъ царь. Но то „нечестье“, о которомъ говорится въ посланіи, грозило большою опасностью для государства — „отъ чего всей земли погибнути“, замѣчаетъ авторъ, — именно потому, что пропагандировалось приближенными царя, было имъ покровительствуемо. Автора ужасаетъ это явленіе небывалое, новое, что самъ царь стоитъ во главѣ этихъ вакханалій и кровавыхъ оргій. Въ тонѣ всего посланія и во многихъ частностяхъ его содержанія живо отражается ужасъ, охватившій всѣхъ лучшихъ русскихъ людей при видѣ опричины и ея злодѣйствъ. Тенденція автора — не столько дать царю совѣтъ и пра-

вила, сколько вмѣстѣ съ тѣмъ и умилостивить царя, смягчить его внезапный гнѣвъ на государство.

4) Самый развратъ, обличаемый въ посланіи, изображается такими чертами, въ которыхъ нельзя не узнать опричины. „И нынѣ, малымъ нѣкимъ небреженіемъ поколебася, и всяко ослабе, и распадеся, велико нѣкое беззаконіе внезапно восташе, и мнози помрачипася безуміемъ, и объюродѣша пьянствомъ, и всякими грѣхи, и изнемогоша совѣстію, житіе свинское уллучиша, прелюбодѣяніе содомское ⁽¹⁾ постигоша, и таково прелюбодѣяніе, яко ни во азыцѣхъ именуется, ни во всей поднебеснѣй, ни въ поганыхъ вѣрехъ, нигдѣ того не чинятъ. То и шутки, тѣмъ и поношаются безстыдно, вооружившеся и восматшася на Бога. Нѣсть творяй благое, нѣсть до единого, снѣдающе люди вмѣсто хлѣба, гробъ отверсть гортань ихъ, языки своими льщаху, ядъ аспиденъ подъ устнами ихъ, нѣсть бо страха Вожія, извлекоша скверная своя яко оружія на Бога“ (72—73). Это внезапное появленіе беззаконія, т. е. образа жизни и дѣйствій, несообразныхъ ни съ однимъ изъ обычныхъ видовъ хотя бы и порочной жизни и дѣятельности, беззаконіе, для котораго авторъ не можетъ придумать и названія, („нѣкое беззаконіе“) — что это другое, если не опричина? „Возста въ насъ ненависть и гордость, и вражда, и маловѣрье къ Богу, и лихоимство, и грабленіе, и насиліе, и лжа и клевета, и лукавое умышленіе на всякое зло, паче же всего блудъ и любодѣяніе... и всяка скверна и нечистота“ (стр. 86). Опять все знакомыя черты, черты опричины.

5) „Въ которомъ царствіи нибудь таково безстудіе явится, не можетъ вѣчно быти то царствіе, и не можетъ крѣпко стати противъ такова недруга, мнози недруги возрадуются. Ближнии твои, государски люди, бояре и воеводы ратные и избни люди въ таково безстудіе уклонятся, и начнутъ таково неподобный студъ содѣвати и съ нимъ начнутъ придежно любовь держати, и въ такомъ лихомъ безстудіи подобаетъ всякому злу изъявитися, и великому твоему госу-

(1) Здѣсь мѣсто припомнить одного изъ главныхъ опричниковъ, Басманова, и то, что, на основаніи историческихъ источниковъ, рассказывается о немъ у Карамзина и Соловьева.

дареву удѣлу не крѣпкѣ быти, и тайны твоихъ рѣчей въ поношеніе быти, и въ иныхъ землѣхъ обнажатся, *помеже нынѣ стоиши со многими взимаяся за руку*“ (78—79). „То-ли великое твое царствіе гнѣвомъ Божиимъ коснется за немощь сердца людей рабъ твоихъ. Совѣстію омрачившися, свинское житіе уллучивше, явно погибель себѣ составляютъ“... „не сама-ли совѣсть ихъ обличаетъ, и не отъ своихъ-ли устъ обличаются: *доброе хулятъ — женитву, а злое хвалятъ — прелюбодѣяніе, тьмою зоветъ жему, а святомъ — зоветъ дѣтину*, горькое зоветъ жену, а сладкое зоветъ прелюбодѣяніе, содомскій грѣхъ“ (81). Здѣсь, кромѣ новыхъ деталей изъ образа жизни опричниковъ, останавливаются на себѣ особенное вниманіе нѣкоторыя отдѣльныя выраженія. 1) „Въ такомъ безстудіи... подобаешь твоему *государскому удѣлу* некрѣпкѣ быти“. „Государскій удѣлъ“, по подлинному выраженію историческихъ актовъ, это и есть терминъ, которымъ обозначалась причина, сфера непосредственной личной власти грознаго царя, обособленная ямъ отъ земщины, въ дѣла которой, учредивъ опричину, Іоаннъ имѣлъ намѣреніе вовсе не вѣдѣваться. 2) „Нынѣ стоиши со многими взимаяся за руку“. Въ этихъ словахъ содержится ясное указаніе на преобладаніе въ государственной дѣятельности Іоанна вѣдѣной политики предъ внутренними дѣлами, — преобладаніе, которымъ характеризуется вторая половина царствованія Іоанна, особенно — послѣдніе годы. Въ это время Іоаннъ, какъ извѣстно, былъ особенно чувствителенъ къ мнѣнію о немъ иностранцевъ. Принимая во вниманіе это обстоятельство, авторъ посланія и замѣчаетъ, что тайны царскихъ рѣчей, произнесенныхъ въ присутствіи людей этого рода, въ иныхъ землѣхъ обнажатся и будутъ „ему въ поношеніе“. 3) „Ближніи твои, государскіе люди, бояре и воеводы ратные и избѣ люди въ безстудіе уклонятся“. Здѣсь — указаніе на вредъ опричины для всѣхъ сословій государства: отъ нея, опричины, людей приближенныхъ къ царю, станутъ перенимать образъ жизни другія государственныя сословія: воеводы ратные, избные люди и ближніе бояре, — значитъ обличеніе посланія направлено не противъ общественнаго какого-либо всесословнаго разврата, а именно противъ оргій и вакханалій лицъ, непосредственно окружавшихъ Іоанна — опричниковъ.

Наконецъ въ пользу мнѣнія о томъ, что посланіе писано по поводу овричины, направлено противъ нея, и слѣдовательно писано во время ея господства, говоритъ еще то обстоятельство, что авторъ, изображая царя искоренителемъ всякой неправды, побѣдителемъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, констатируетъ предъ нами то тяжелое, мучительное состояніе духа, въ какомъ находился Грозный въ это время, то состояніе духа, которое хорошо извѣстно изъ другихъ историческихъ источниковъ, напримеръ изъ посланій Грознаго къ Курбскому. Царь изображается находящимся въ смущеніи и уныніи, опасавшимся за свое вѣчное спасеніе, за свою жизнь, за сохраненіе своего царства, мистически настроеннымъ, ищущимъ утѣшеній религіи; но въ то же время внушающимъ страхъ и ужасъ своимъ образомъ дѣйствій, въ слѣдствіе чего общій тонъ посланія — просительно-умилостивительный. Авторъ посланія старается успокоить мятущійся духъ Грознаго; увѣряетъ его въ неприкосновенной святости всѣхъ тѣхъ прерогативъ царской власти, какія усвоилъ себѣ самъ Іоаннъ, за которыя боролся съ мнимыми своими врагами-богарами. Эти прерогативы и атрибуты царской власти, и вообще образъ православнаго государя, авторъ изображаетъ тѣми же чертами и отчасти тѣми же словами, въ какихъ изображалъ ихъ самъ царь въ посланіяхъ къ Курбскому. Убѣждая его защитить добродѣтель и нравственный порядокъ, и искоренить развратъ, онъ говоритъ: „симъ образомъ моего поживенія лѣтъ, и приложатся тебѣ лѣта живота, и воздастъ те Господь плодъ животный, и отъ чрева твоего истекутъ рѣки воды живы, и отъ чреслъ твоихъ выйдутъ сѣмена плодовита, и узриши сими сноповъ твоихъ. . и будещи благословенъ наследникъ отечеству твоему, и *скипетръ царствія удержиши* и небесное царствіе получиши (стр. 78)“. Аще изворениши злое се беззаконіе и любовниковъ отлучиши, *безъ мруда смасениши*, и первый свой грѣхъ оцыстниши, якоже разбойникъ при врестѣ Господни малъ гласъ испусти, и великую вѣру обрѣте, единимъ часомъ спасеся... и все царствіе свое съклянова просвѣтнни, и твое царствіе славою превознесетъ и во вѣки не подвижитъ, и аще исправиши сія, вси врази твои падуть подъ ногами твоими и не возмогутъ востати: Господь будетъ съ тобою на всяко время (стр. 82)... и безъ срама речени: приидохоу съвоиъ огонь и воду, и изведе

насъ въ покой (стр. 84)“. — „И ты не *лишишь* будешь *царствія*, небесное и земное царствіе со славою держими (стр. 88)“. — Эти неоднократныя увѣренія, что царь сохранитъ свое царство, не лишеть будетъ царства, что онъ спасется, что онъ скипетръ царотвія удержитъ и т. д. прямо указываютъ на то душевное настроеніе Іоанна, которымъ было вызвано учрежденіе опричнины и которое повело къ столь частой смѣнѣ приближенныхъ и правителей, на что указывается и въ посланіи: „сего смиренни, а сего вознесиши“ (стр. 88).

И такъ, намъ кажется, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того, что посланіе писано по повелу опричнины, противъ опричнины и слѣдовательно во время опричнины, т. е. между 1565 и 1572 годами. Мы хотимъ думать, что именно оно, это посланіе, было причиною отбѣны опричнины, причиною второй доброй перемены въ Грозномъ...

VIII. Кто же былъ этотъ присноподобный обличитель опричнины, виновникъ относительной кратковременности существованія этого ужаснѣйшаго зла, бывшаго причиною столькихъ бѣдствій и ужасовъ на Руси?

Для того, чтобы рѣшиться на такой подвигъ, какъ обличеніе опричнины и правоученіе Грозному въ знакъ опричнины, нужно было или быть человѣкомъ не отъ міра сего, лицомъ, второму нечего было терять, равно какъ нечего было и вѣкать, человѣкомъ, для котораго благосостояніе отечества, государства, и нравственный христіанскій идеалъ, стояли выше всего въ мірѣ, или же быть человѣкомъ близкимъ къ царю, уполномоченнымъ до нѣкоторой степени отъ него на вмѣшательство въ его внутренній міръ и въ его государственную дѣятельность, или же наконецъ сомѣждать въ себѣ и тѣ и другія качества. Нужно вовсе не знать исторіи того времени, чтобы быть не въ состояніи указать лицъ, какъ того, такъ и другаго рода. Мы въ особенности останавливаемся на трехъ лицахъ: пресв. Максимѣ Грекѣ, Троицкомъ игуменѣ Артемѣи и епископѣ Василіѣ Топорковѣ.

Въ пользу Максима Грека, какъ автора посланія, говоритъ самый значительный изъ живущихся въ настоящемъ случаѣ признаковъ, употребляемыхъ историческою критикою. Если вѣрить Невоструеву, имя Мак-

она стоит въ заглавіи посланія въ одномъ изъ древнѣйшихъ его списковъ, именно въ спискѣ московской синодальной бібліотеки. Правда, Невоструевъ замѣчаетъ, что посланіе Максиму не принадлежитъ, а „написано кѣмъ-либо изъ русскихъ“, но мы рѣшительно не понимаемъ почему такъ думаетъ почтенный ученый, если дѣйствительно настоящее посланіе тождественно съ посланіемъ синодальной рукописи № 935, — являя есть особенныя черты въ этомъ посланіи такія, которыя бы составляли спеціальную принадлежность русскаго писателя и не могли бы встрѣтиться въ совершенно русскіи по языку и по мысли прозведеніяхъ обрусѣннаго Максима? Развѣ особенность произношенія слова *оцвстннми*? Но этотъ единственный въ напечатаннѣ провинціализмъ, который указывалъ бы въ авторѣ посланія новгородца Сильвестра или митрополита Макарія, если бы всѣ обстоятельства, изложенныя нами выше, не говорили противъ этого мнѣнія, могъ попасть въ рукопись случайно, при перепискѣ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, находящемся въ предѣлахъ Новгородской области, коренные обитатели котораго — изъ числа ихъ могъ быть и переписчикъ сборника — были Новгородцы по происхожденію и слѣд. по говору.

Что Максимъ Гривъ могъ написать подобное посланіе, видно изъ того, что еще въ 1553 году, находясь уже въ заточеніи, онъ не переставалъ наставлять царя: хотя преселся на св. гору, тѣмъ не менѣе не оставался чуждымъ интересамъ русской политической и общественной жизни. Незадолго до поѣздки царя въ Кирилловъ монастырь, Максимъ имѣлъ ему посланіе (Солов. VI, 185), въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „истинный царь и скомодержецъ тотъ, кто правдою и благозаконіемъ старается устроить житійскія дѣла подручниковъ своихъ, старается побѣдить безсладныя страсти и похоти души своей, т. е. ярость, гнѣвъ напрасный. Разумъ не ведетъ очи блудно наслаждая чужими крестами, приклонять слухъ къ пѣснямъ некротойнымъ и къ мловотамъ, не завети творимымъ“. Человекъ, говорившій такія вещи съ царемъ, рѣшавшійся отсвѣтывать ему поѣзду въ Кирилловъ монастырь, поборужавшійся открыто противъ образа жизни нѣкоторыхъ братья совершенно въ духѣ Даніила, способенъ былъ написать посланіе въ родѣ рассматриваемаго. Но, помимо другихъ со-

ображений, для того, чтобы убѣдиться, что не онъ былъ авторомъ настоящаго посланія, достаточно обратить вниманіе на то, что прилепный мученикъ просвѣщенія и исповѣдникъ благочестія не дожидъ до опричины, какъ и митроп. Макарій: Максимъ скончался въ 1556 году, Макарій — въ 1563 г.

IX. Другимъ лицомъ, которому съ достаточною основательностію можно бы приписать посланіе, является знаменитый троицкій игуменъ Артемій, сочиненія котораго недавно изданы въ „Русской Исторической Библіотекѣ“. Это былъ другъ Сильвестра, чрезъ него сдѣлавшійся извѣстнымъ царю. Въ своей „жалобницѣ“ митрополиту Макарію Сильвестръ рассказываетъ, что когда царь поставилъ игуменомъ къ преп. Сергію Артемія, то велѣлъ ему Сильвестру, къ нему, Артемію, приходитъ и къ себѣ его призывать, и „смотрѣть въ немъ всякаго права и духовныя пользы“. „И тогда отъ устъ Артемьевыхъ ученія книжкова довольно ми показалось, и добраго права и смиренія исполненъ бысть, замѣчаетъ Сильвестръ. „Не по мнозѣ же времени Артемій игуменство оставилъ за свою совѣсть и отъиде въ пустыню“. „А когда началось възысканіе ереси Матюши Башкина, то Артемій изъ пустыни приводеаъ“. Изъ этого видно, что это была личность не дюжинная. Послѣ осужденія Сильвестра, Висковатовъ доносилъ, что Сильвестръ съ Артеміемъ „совѣтенъ“. Будучи одинаковаго образа мыслей съ Сильвестромъ, Артемій могъ явиться и продолжателемъ его дѣла послѣ его удаленія, т. е. могъ позволить себѣ давать совѣты царю, прилепляясь къ новому настроенію мыслей его, не настаивая на прежнихъ порядкахъ государственной жизни Россіи, ограничивъ сферу своихъ совѣтовъ лишь областію христіански-нравственнаго идеала общественной и частной жизни. На мысль о принадлежности Артемію посланія наводятъ слѣдующія соображенія.

Въ 1553 г. Артемій пишетъ царю оправдательное посланіе, изъ котораго мы узнаемъ, что онъ еще раньше высказывался предъ царемъ въ какомъ-то другомъ посланіи. „Господа ради, обыщи праведно, понеже православный царь еси, правду любити обѣщался еси Богу, того ради и писалъ есми, *изъясняя разумъ свой*. Враждуютъ на мене, говорятъ не такъ, какъ азъ говорилъ, а всё нынѣ согласно враж-

думать, будто азъ говорилъ и писалъ тебѣ. А и то есмь писалъ и говорилъ азъ о истинномъ и не прелестномъ пути Христовыхъ заповѣдей, и о томъ Бога ради не ускори соблазнитися, будетъ бо время, когда просвѣтитъ тебе Господь разумѣти сія, аще възвѣщи всѣмъ сердцемъ волю его“. И такъ Артемій имѣлъ привычку „извѣщать царю разумъ свой“ и именно говорилъ „о истинномъ, а не прелестномъ пути Христовыхъ заповѣдей“, отстаивалъ христіански-нравственные начала жизни, т. е. говорилъ почти о томъ же, о чемъ говорится и въ разсматриваемомъ нами посланіи. На такое извѣщеніе своего разума Артемій былъ уполномоченъ до нѣкоторой степени высокимъ мнѣніемъ о немъ царя, приведеннымъ нами выше. Наконецъ авторъ разсматриваемаго нами посланія заключаетъ свою рѣчь такими словами: „сіе прочеть, разсуди себѣ и умолчи до времени. Благоволитъ Богъ въ духовнѣ совѣтъ, о Бозѣ откровенно ти будетъ, на радость души твоей“. Подобнымъ образомъ и Артемій одно изъ своихъ посланій заключаетъ такъ: „а отъ того, Государь, што азъ тебѣ писалъ на соборъ, извѣщая разумъ свой, а не говаривалъ есмь имъ о томъ, ни тебѣ совѣтую нужію и властію творити что таково“. (1) Что могло помѣшать ему извѣщать свой разумъ царю и по поводу опричины, если онъ дожилъ до нея? Дожилъ онъ до нея, дѣйствительно, но за нѣсколько лѣтъ до нея, осужденный соборомъ какъ еретикъ, онъ сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь, а оттуда бѣжалъ въ Литву. Принимая во вниманіе характеръ посланія, трудно предположить, чтобы оно было написано ссыльнымъ или бѣглымъ. Въ Литвѣ онъ развилъ широко свою литературную дѣятельность, но предметы ея были исключительно догматическіе, а отнюдь не публицистическіе.

Х. Остается третье лицо изъ извѣстныхъ дѣятелей эпохи, на которомъ, по нашему мнѣнію, и можно остановиться, какъ на вѣроятномъ авторѣ посланія къ царю Ивану Васильевичу. Это — Вассіанъ Топорковъ, бывший епископъ Ростовскій.

Во время своей поѣздки въ Кирилловъ монастырь, въ 1553 г., Іоаннъ заѣхалъ въ Пѣсношскій монастырь, гдѣ имѣлъ свое пребываніе

(1) Эти выдержки изъ сочиненій Артемія приведены въ статьѣ г. Жданова.

въ то время Вассіанъ, и вспоминая, что этотъ епископъ былъ любимъ его отцомъ, зашелъ къ нему въ келлію и спросилъ: какъ должно я царствовать, чтобы вельможъ своихъ держать въ послушаніи? „Если хочешь быть самодержцемъ, отвѣчалъ Вассіанъ, не держи при себѣ ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣ тебя, потому что ты лучше всѣхъ; если такъ будешь поступать, то будешь твердъ на царствѣ и все будешь имѣть въ рукахъ своихъ. Если будешь имѣть при себѣ людей умнѣ себя, то по необходимости будешь послушенъ имъ“. Царь поцѣловалъ руку его и сказалъ: „если бы и отецъ мой былъ живъ, то и онъ не подалъ бы мнѣ болѣе полезнаго совѣта“. Такъ рассказываетъ Курбскій (Солов. VI, 187. Ср. Карамз. VIII, 210—212). Въ 1561 году мы видимъ Вассіана присутствующимъ на соборѣ, осудившемъ Сильвестра, — здѣсь голосъ его былъ такъ вліятеленъ, что пересилилъ голосъ самого митрополита Макарія, пробовавшаго заступиться за Сильвестра ⁽¹⁾. Отсюда мы видимъ, что Вассіанъ смѣнялъ при Иоаннѣ, въ качествѣ наперсника и совѣтника, Сильвестра, сдѣлавшись врагомъ Сильвестра и врагомъ его возвращеній. После собора мы не встрѣчаемъ упоминаній о Вассіанѣ; но, по всей вѣроятности, онъ здравствовалъ еще и во время опричины (1565—1572), хотя долженъ былъ имѣть въ 1565 году (начало опричины) не менѣе семидесяти или семидесяти-пяти лѣтъ, если предположить, что онъ былъ посвященъ въ епископы (въ 1525 г.) не старѣе тридцати-пяти лѣтъ, что было вполнѣ возможно, если принять въ соображеніе, что онъ былъ родной племянникъ знаменитаго Іосифа Волоцкаго. И тамъ, если допустимъ, что Вассіанъ дожилъ до 1565—1570 годовъ, въ чемъ не было бы ничего удивительнаго, то уже ничто не мѣшаетъ намъ

(1) Курбскій рассказываетъ объ этомъ такъ: «Собираеть (царь) соборнице, не токмо весь сенатъ свой мірской, но и духовныхъ всѣхъ, митрополита и епископовъ, къ тому при-
свокушаетъ прелюкавыхъ нѣкоторыхъ монаховъ: Михаила Сукнина, иадвана преславнаго въ
заостехъ, и Вассіана Вѣснаго. по истинѣ рѣченнаго поистоваго». Надатель сказаній Курб-
скаго, Устряловъ, напечаталъ прозвище Вассіана съ большою буквою; Карамзинъ читалъ это
слово: Вѣснаго, Соловьевъ, въ слѣдъ за Арцибашевымъ, весьма справедливо думаетъ, что
слѣдуетъ читать: вѣснаго, т. е. понимать это слово не въ смыслѣ прозвища—фамиліи, а въ
смыслѣ простаго званія. Солов. т. VI. прим. 71. Намъ кажется, что не можетъ быть сом-
нѣнія въ тождествѣ Вассіана Топоркова и Вассіана «вѣснаго».

признать его автором рассматриваемого посланія. Чтитель и уважаемый царемъ, жившій близки его, хотя неизвѣстно гдѣ, онъ волилъ могъ обладать тѣмъ пониманіемъ обстоятельствъ времени и значеніемъ личныхъ обстоятельствъ, равно какъ душевнаго настроенія, Грознаго, которое поражаетъ насъ въ настоящемъ посланіи. Авторитетный издавна, съ 1553 года, въ глазахъ царя, будучи до нѣкоторой степени виновникомъ происшествія самой опричины (мысль, выраженная въ его Пѣскошскомъ совѣтѣ, заключаетъ въ себѣ основной принципъ опричины), онъ больше, чѣмъ кто-либо могъ говорить предъ царемъ съ тѣмъ достоинствомъ, какое видно въ посланіи. Та нѣкоторая нескладница, какую замѣчаютъ въ построеніи посланія, и вообще недостатки слововыраженія, становятся совершенно понятны, если мы примемъ во вниманіе, что это—единственное письменное произведеніе лица, которое никогда не имѣло въ виду быть писателемъ.

При самомъ первомъ взглядѣ на посланіе, нельзя не замѣтить въ немъ той особенности, что говоря съ достоинствомъ, порицая порчу нравовъ и безобразія въ жизни приближенныхъ царя, авторъ отнюдь не возстаетъ противъ отиѣны той системы государственнаго управленія, которая имѣла мѣсто въ періодъ вліянія на царя Сильвестра, о которой Курбскій писалъ: „если царь почтеть царствомъ, то, такъ какъ онъ не можетъ получить отъ Бога всѣхъ дарованій, онъ долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ, но и у простыхъ людей; потому что даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной (Солов. VI, 205)“. Напротивъ, идеалъ царской власти и государственнаго управленія, рисуемый авторомъ посланія, находится въ точномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ принципомъ, какой выражалъ Вассіанъ въ своей бесѣдѣ съ царемъ въ Пѣскошскомъ монастырѣ. „Царю и государю великому князю Ивану Васильевичу вся Русія, самодержца вѣчна, на Вожіа враги крѣпкаго борителя, градъ воистину не плѣняемый и воинъ крѣпкаго Бога и царя всѣхъ и истребителя вражіа, и свѣтильница примирна... *Ирестомъ твою правдою и крѣпостию и судомъ истиннымъ утверждома есть, жезлъ правды жезлъ царствія твоего....* Царь великій, самодержецъ христіанской области, скипетры царствія вели-

кто, державу по закону приемъ, крестною силою царя царемъ и Госнода господемъ. Царь еси предобръ и умилителенъ всему, на супротивныя храбръ, яко да покорени будутъ врази твои подъ ногами твоими, и поклонять ти ся цари и князи, и послужать ти языцы, и будещи благословенъ, и одолъши посреди врагъ твоихъ.... Обладасши отъ моря до моря и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя твоя и поклонятся тебѣ вси царіе земнии и вси языцы пеработаютъ тебѣ. И честно будетъ имя твое предъ всѣми языки, и помолятся тебѣ всегда, и весь день предстоятъ предъ тобою. И будетъ утверждение твоему царствію, яко во вѣки не подвижится и превознесется наче Ливана плодъ его, и будетъ благословенно сѣмя твое во вѣки, и всѣ языцы возвеличатъ тя. Умножится слава державѣ твоей, и будещи благословенъ на престолѣ царствія твоего: судити людемъ твоимъ въ правду и нищими твоимъ истинною и судомъ праведнымъ (стр. 69). Дастъ ти Госнодъ защеще спасенія твоего, исправитъ въ конецъ и научитъ тя, и умирить стоны твоя и не возмогутъ вси оружіи твои, и пожевши враги твоя, и не возвратишися, дондеже скончаются, оскорбиши ихъ и не возмогутъ стати, падуть подъ ногами твоими, и повориши вся супротивная твоя и возстающіе на тя постыдятся... и дастъ ти Госнодъ хребетъ врагъ твоихъ, и ненавидящихъ тя потребитъ Госнодъ, и помолятся выну ко Госноду, и не услышитъ ихъ Госнодъ и избавитъ тя отъ пререканія языкъ, и поставитъ тя Госнодъ во главу языкомъ (стр. 70—71)“. „Государь еси въ православной своей области, Богомъ поставленъ, и отрою утверженъ, и отраженъ святостію, глвыи всемъ людемъ своимъ, и Государь своему царствію, и мистаиникъ крѣпокъ людемъ своимъ, и учитель, и ходатай къ Богу и теплъ представитель, понеже многое даровалъ ти Госнодъ Богъ, и нарекъ ты *настыремъ, начальника, судію и пророка, и двена совътника, вождя и учителя всемірна, и заблудившимъ наставники, и аще уписеши, безъ труда списешися“* (стр. 82). Въ этихъ словахъ, какъ и во всемъ посланіи, нѣтъ ни сднана намека на какихъ либо царскихъ совѣтниковъ, на желаемовъ присутствіе какого либо вида совѣщательной формы въ государственномъ управленіи. Вся абсолютная полнота государственной власти безраздѣльно виѣщается въ лицѣ царя.

равно какъ и вся полнота государственнаго разума. Очевидно, все посланіе есть не что иное, какъ интерпретація, подробное развитіе, той темы, которая изложена въ Пѣсношскомъ совѣтѣ Іоанну. Но кромѣ того въ посланіи есть прямыя указанія, по которымъ въ его авторѣ можно узнать чловѣка партіи враждебной Сильвестру и Курбскому, чловѣка, который одобрительно относится къ тому крутому образу дѣйствій относительно бояръ, которымъ характеризуется начало опричины. Это указаніе мы видимъ въ приведенныхъ уже выше словахъ: ты, великій Государь, Боголюбивый царю, всякаго зла ненавидяще, *всякую неправду изводиши, и нещадяши во всемъ* (стр. 80), а также въ словахъ: „сею смиряеши, а сею возносиши; царскимъ бо судомъ вся смиряетца“ (стр. 83). Такого поборника крутыхъ мѣръ и въ частности противника боярства мы издавна видѣли въ Вассіанѣ, который былъ свергнутъ съ епископскаго престола боярами.

Намъ могутъ возразить: какимъ образомъ те самое лицо, которое дало Пѣсношскій совѣтъ Іоанну, совѣтъ, который можетъ быть признанъ непосредственнымъ источникомъ самой опричины, является противникомъ этой самой опричины, и вооружается противъ нея всѣми силами своего ума и чувства? Отвѣтить на этотъ вопросъ очень не трудно. Когда Вассіанъ давалъ свой совѣтъ Іоанну въ Пѣсношѣ, онъ, конечно, не имѣлъ въ виду вызвать появленіе опричины съ ея безобразіями, съ ея кровавыми оргіями и вакханаліями, съ ея развращающимъ вліяніемъ на общество. Онъ указывалъ царю въ Пѣсношѣ на храненіе неприкосновенными со стороны подданныхъ царя прерогативъ его абсолютной царской власти: тѣже прерогативы онъ отстаиваетъ и въ посланіи. Но служитель церкви и представитель нравственныхъ-христіанскихъ началъ жизни, онъ спѣшитъ остановить тѣ бѣдственныя для церкви и для благосостоянія общества и государства послѣдствія своего совѣта, котормъ онъ не могъ предвидѣть, давая этотъ совѣтъ царю въ Пѣсношѣ, в которыхъ возникли безъ его вѣдома и участія. Пренія страстныя отношенія къ людямъ со стороны чловѣка, увлеченнаго нѣкогда въ водоворотъ борьбы политическихъ партій, свирѣществовавшихъ въ первые годы царствованія Іоанна, давно улеглись въ маститомъ старцѣ-епископѣ, и въ своемъ посланіи онъ является на высотѣпол наго

евангельскаго безстрастія, съ однимъ лишь желаніемъ блага своей отчизнѣ, блага, которое, по воззрѣнію служителя церкви, состоитъ въ чистой нравственности, въ христіанскомъ благоуміи, составляющемъ истинную опору благосостоянія царей и царствъ.

Таково, по нашему мнѣнію, происхожденіе этого посланія, составляющаго одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ церковнаго учительства древней Руси, по степени своего внутренняго достоинства вполне способнаго стать на ряду съ лучшими духовно-публицистическими произведеніями святоотеческой литературы древней вселенской церкви, а въ нашей отечественной, допетровской, церковно-учительной литературѣ по степени историческаго значенія — если допустить, что этому посланію Россія обязана уничтоженіемъ опричины — рѣшительно не имѣющаго себѣ подобныхъ.

XI. Отрицая принадлежность „посланія къ царю Ивану Васильевичу“ Сильвестру, мы естественно встрѣчаемся съ вопросомъ о имѣющемся на экземплярѣ сборника, въ которомъ въ первый разъ встрѣчается посланіе, надписаннi: „Сильвестровской“. Если, какъ думаемъ мы, посланіе написано отнюдь не Сильвестромъ и даже не кѣмъ-либо изъ лицъ, съ нимъ единомысленныхъ, написано лицомъ, враждебнымъ ему лично и той правительственной системѣ, которой сторонникомъ былъ Сильвестръ, написано послѣ ссылки его въ Соловецкій монастырь и даже послѣ его смерти: то какимъ образомъ это посланіе могло очутиться въ „Сильвестровскомъ“ сборникѣ, въ рукописи, принадлежавшей лично Сильвестру?

Коншину, который считаетъ авторомъ посланія Сильвестра, дѣло представляется въ такомъ видѣ, что, такъ какъ посланіе должно было составлять предметъ государственной тайны (авторъ посланія проситъ своего державнаго корреспондента „умолчать до времени“ о посланіи), то при жизни Иоанна оно могло быть извѣстно только двумъ лицамъ: автору посланія и царю. Отправивъ посланіе своему державному корреспонденту, Сильвестръ, думаетъ Коншинъ, списалъ съ него копію для себя, въ свой сборникъ, который и хранилъ, какъ свою семейную тайну. Этого-то сборникъ, этого-то экземпляра сборника, и есть ру-

консь Софійской бібліотеки съ надписью „Сильвестровской“. По нашему мнѣнію дѣло слѣдуетъ представлять совсѣмъ иначе. Если бы даже посланіе было написано при жизни Сильвестра, на примѣръ во время пребыванія его въ Кирилло-Бѣловерскомъ монастырѣ, то, зная нравственный характеръ Сильвестра, мы могли бы предположить, что онъ списалъ его въ свой сборникъ вовсе не будучи его авторомъ: высоко-нравственный характеръ посланія, его задачи и цѣли были настолько симпатичны Сильвестру, что онъ не усумнился бы внести въ свой сборникъ произведеніе своего противника. Но послѣ того какъ мы съ несомнѣнностію убѣдились, что посланіе написано послѣ удаленія Сильвестра въ Соловецкій монастырь и даже можетъ быть послѣ его смерти, въ такомъ предположеніи надобности не оказывается. Съ нашей точки зрѣнія слѣдуетъ думать, что а) если рукопись софійской бібліотеки, нами разсматриваемая, и принадлежала самому Сильвестру, то при жизни его не содержала въ себѣ всего того, что въ ней находится въ настоящее время, именно по крайней мѣрѣ „посланіе къ царю Ивану Васильевичу“ и два посланія самого Сильвестра къ А. Б. Шуйскому-Горбатову вписаны въ рукопись послѣ него; б) или же рукопись эта представляетъ конію съ Сильвестровскаго сборника, дополненную уже другимъ лицомъ посланіями Сильвестра и посланіями къ царю Ивану Васильевичу, — при чемъ названіе сборника „сильвестровской“ будетъ указывать не на принадлежность *рукописи* Сильвестру, какъ ея собственнику, а на происхожденіе *сборника*, по его первоначальному составу (творенія Фотія и Даніила) отъ Сильвестра, какъ лица, сдѣлавшаго выборъ тѣхъ, а не другихъ авторовъ (Фотія и Даніила) и ихъ произведеній (16 посланій Фотія и 13 посланій Даніила).

Наша мысль находитъ себѣ подтвержденіе въ палеографическомъ наученіи рукописи Софійской бібліотеки № 1281 и въ нѣкоторыхъ соображеніяхъ, которыя, какъ намъ кажется, не могутъ быть оставлены безъ вниманія въ настоящемъ случаѣ.

Разсматривая рукопись, мы находимъ: 1) надпись „сильвестровской“ не современна происхожденію рукописи, хотя несомнѣнно, очошь древняя. гораздо древнѣе дополнительнаго оглавленія, содержащаго перечень твореній Даніила и посланій Сильвестра. Во первыхъ, текстъ рукописи

писанъ прекраснымъ уставнымъ письмомъ конца XVI вѣка и чернилами, вполне сохранившими свой первоначальный видъ до настоящаго времени; а надпись, „селиверстовской“ писана полууставомъ, переходящимъ въ скоропись и совершенно выцвѣтшими въ настоящее время, пожелтѣвшими, чернилами; во вторыхъ, всѣ прочія рукописи, принадлежавшія нѣкогда Сильвестру, поступившія въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь при его жизни, имѣютъ совершенно иной, болѣе такъ сказать уважительный, текстъ надписи: „государево данье“ (смыслъ этой надписи указанъ будетъ ниже); „іерей Сильвестръ, а во иноцѣхъ Спиридонъ, да сынъ его Анѳимъ“; „дачи старца Селивестра, да сына его Анѳима“ и т. п. (полный перечень всѣхъ надписаній см. ниже). Вообще всѣ современныя Сильвестру надписи на пожертвованныхъ имъ въ монастырь рукописяхъ, сдѣланныя не имъ самимъ, носятъ отпечатокъ того особеннаго уваженія, которымъ пользовался Сильвестръ, какъ въ бытность свою при дворѣ, такъ и во время нахождения въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Лаконизмъ настоящей надписи: „селиверстовской“ указываетъ на время, когда память о Сильвестрѣ въ монастырѣ была уже не столь жива и самыя отношенія монастыря къ Сильвестру измѣнились, что могло случиться во всякомъ случаѣ не раньше смерти Сильвестра. Основываясь на способѣ написанія буквъ этой надписи, мы думаемъ, что она сдѣлана не раньше половины XVII столѣтія.

2) Самая эта надпись, сдѣланная кѣмъ-либо изъ древнихъ каталогизаторовъ или хранителей монастырскихъ рукописей, не выражаетъ убѣжденія надписателя въ принадлежности этого именно экземпляра сборника Сильвестру. На всѣхъ рѣшительно рукописяхъ, принадлежавшихъ Сильвестру, пожертвованныхъ имъ въ монастырь или просто оставшихся послѣ него, и сохранившихся доселѣ, имѣется или надпись самого Сильвестра „іерей Сильвестръ“ (на рук. Каз. академіи № 1039 толковая псалтирь Брунона, епископа Вюрцбургскаго — къ приведеннымъ словамъ приписано: „а во иноцѣхъ Спиридонъ, да сынъ его Анѳимъ“), или: „лѣта 7060 сию святую великую книгу... въ домъ Боголѣннаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа... далъ Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, да сынъ его Анѳимъ, и доколѣ они живы. ино за нихъ Богъ молить, а Богъ

пойдет по душе, ино ихъ поминати и записати ихъ и родъ ихъ въ сенинскъ (синодискъ)“. Тамъ, гдѣ нѣтъ подписи самого Сильвестра, значится надпись монастырскаго бібліотекаря: или — „дачи старца Сильвестра да сына его Аноима“ (рук. Солов. бібліотеки № 760 — евангеліе въ листъ) или „государаво данье“ (т. е. Сильвестра, котораго на столько уважали въ Кирилловомъ монастырѣ, что звали его государемъ, что можетъ быть и было причиной особаго неудовольствія на него Грознаго и ссылки Сильвестра въ Соловки). Лишь на двухъ „сборникахъ“ — нами разсматриваемомъ, и другомъ, принадлежащемъ Московской синодальной бібліотекѣ, изъ котораго И. И. Срезневскій заимствовалъ свою редакцію „сказанія о св. страстотерпцахъ Борисѣ и Глебѣ“, изданную въ 1860 г., — значится надпись: „сильвестровскій“.

Мужская форма этого надписанія даетъ понять, что оно указываетъ отнюдь не на принадлежность книги (экземпляра) Сильвестру, а лишь на происхожденіе сборника отъ Сильвестра какъ его составителя. Въ противномъ случаѣ — если бы надписатель хотѣлъ сказать о принадлежности этого самаго экземпляра Сильвестру — онъ употребилъ бы женскій родъ прилагательнаго, сказалъ бы не „сильвестровскій“, а „сильвестровская“ (подразумѣвая: книга, т. е. экземпляръ), какъ это и видно изъ втораго надписанія на сборникѣ синодальной бібліотеки, „книга Кириллова монастыря Бѣлозерскаго“, и изъ надписанія на требникѣ, пожертвованномъ Сильвестромъ въ тотъ-же монастырь: „Сильвестровская потребная“. Такимъ образомъ есть возможность и основаніе предполагать, что разсматриваемый нами экземпляръ сборника списанъ позже Сильвестра, съ экземпляра, ему принадлежавшаго, въ которомъ не содержалось ни посланія къ царю Ивану Васильевичу, ни посланія самого Сильвестра, а лишь шестнадцать посланій митрополита Фетія и тринадцать посланій митрополита Данила, избранныхъ изъ числа твореній этихъ двухъ святителей Сильвестромъ въ особый сборникъ, получившій въ слѣдствіе этого названіе сборника „Сильвестровскаго“.

3) Но если даже согласиться, что настоящій экземпляръ сильвестровскаго сборника принадлежалъ лично Сильвестру, то мы нигдѣ не можемъ основаніе предполагать, что при его жизни онъ не имѣлъ того

жени самого Иоанна, какъ черты душевнаго состоянiя Грознаго; что же касается „проклятiя небеснаго“, то оно существуетъ лишь въ воображенiи г. Кошкина), могло попасть въ сборникъ современный Грозному?“. Съ наименьшей точки зрѣнiя, даже если предположить, что оно внесено въ Сильвестровскiй сборникъ при жизни Грознаго, то это могло быть сдѣлано вполне безопасно, такъ какъ рукописный сборникъ былъ всегда лишь личною собственностью обладателя сборника, не обращаясь въ обществѣ, и слѣдовательно не подлежалъ полицейскому надзору или какого либо рода цензурѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что всѣ три посланiя—къ царю и два къ Шуйскому-Горбатову—внесены въ сборникъ послѣ смерти Грознаго и Сильвестра, когда посланiе къ царю перестало быть государственной тайной и безъ труда могло быть внесено въ рукопись-ли начатую Сильвестромъ, и поступившую въ монастырь послѣ его смерти, или въ списокъ съ нея, содержащiй въ себѣ посланiя Фотiа и Дамiана.

6) Наконецъ, что касается времени составленiя Сильвестровскаго сборника, то въ этомъ отношенiи мы склонны думать, что онъ составленъ, весь-ли въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется въ списокѣ софiйской библиотеки, или въ томъ составѣ, какой мы для него предполагаемъ, т. е. безъ посланiя къ царю Ивану Васильевичу и безъ посланiя Сильвестра, во время нахождения принонимаго iерея въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Правда, то, что говоритъ Сильвестръ въ посланiи къ единочадному сыну своему Анонну о своихъ занятiяхъ по изготовленiю рукописей, относится ко времени пребыванiя его въ Москвѣ и можетъ быть именно ко времени, непосредственно слѣдовавшему за великимъ московскимъ пожаромъ ⁽¹⁾; но то что говорится здѣсь, относится, по нашему мнѣнiю, не къ составленiю сборниковъ, т. е. занятiю чисто литературному, а къ изготовленiю переписной возможно большаго количества книгъ церковно-богослужебныхъ,

(1) Въ поученiи Сильвестра къ сыну своему Анонну читаемъ: «видѣлъ еси, чадо, мнозиа секретъ и работныхъ убогихъ вполнхъ и возрхихъ до совершенна возраста; изучихъ, что чего достоинъ, мнозихъ грамотъ и писани иныхъ иконнаго письма, нмхъ книжнаго рукодѣлiа». «А видѣлъ еси самъ въ рукодѣлахъ и во многихъ во всякихъ вещехъ мастеровъ было всякихъ много: иконописки, книжныя писци».

которымъ Сильвестръ занялся можетъ быть по порученію царя и митрополита. Въ такого рода дѣятельности его именно настояла насущная потребность въ это время — въ 1547 году, въ виду того, что во множествѣ московскихъ церквей великимъ московскимъ пожаромъ были истреблены всѣ богослужебныя книги, и въ этихъ церквяхъ не по чему было справлять службу. Въ виду этой крайней необходимости, въ это время Сильвестру съ его школой писцовъ нѣкогда было заниматься составленіемъ и перепиской сборниковъ, — все время и весь трудъ уходилъ на изготовленіе именно книгъ богослужебныхъ. Доказательствомъ того, что именно богослужебныя книги въ это время изготовлялись Сильвестромъ, а не сборники, служить, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что всѣ сохранившіяся доселѣ рукописи, принадлежавшія Сильвестру, подаренныя имъ, какъ значится въ сдѣланныхъ на нихъ надписяхъ, именно около этого времени, въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, суть книги богослужебныя (1).

Другимъ подтвержденіемъ нашей мысли о томъ, что сборникъ Сильвестра составленъ въ Кирилловомъ монастырѣ, служить необычайно изящный видъ рукописи Софійской бібліотеки: прекрасная глазированная бумага, въ высшей степени каллиграфическое уставное письмо. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь былъ однимъ изъ центровъ, говоря современнымъ языкомъ, литературной интеллигенціи того времени, располагавшей болѣе чѣмъ достаточными средствами для того, чтобы имѣть въ своей средѣ писцовъ каллиграфовъ даже въ большемъ числѣ, чѣмъ сколько ихъ было можетъ быть въ самой Москвѣ, съ которою, отстоя отъ нея всего лишь на „сто поприщъ“, монастырь соединялся торнымъ путемъ (ибо туда ѣздилъ самъ царь, и кромя того между монастыремъ и Москвой поддерживались постоянныя сношенія жившими въ немъ ссыльными и добровольно удалившимися боярами, къ которымъ писалъ свои обличенія Грозный). Такимъ образомъ если даже относить написаніе „посланія къ царю“ и внесеніе его въ Сильвестровскій сборникъ, ко времени жизни Сильвестра, то датой написанія его можно считать время отъ 1561 до 1565 годъ (годъ удаленія Сильвестра

(1) Перечень ихъ см. въ статьѣ «Сильвестръ и его писанія», Чт. М. О. Н. и Д. 1876 г.

изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ Соловецкій съ точностію не-
известенъ). Но послѣ того, что мы изложили выше, по нашему мнѣнію,
нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что посланіе писано во время
ирречивы. т. е. между 1565—1572 годами.

Проф. Н. Барсовъ.

Спб. Дух. Академія.
25 мая 1880 г.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Digitized by Google

Объяснительная записка къ картѣ Полоцкаго повѣта во 2-й половинѣ XVI-го вѣка.

(Окончаніе.)

Списокъ населенныхъ и пустыхъ пунктовъ Полоцкаго повѣта во 2-ой половинѣ XVI вѣка.

Главная цѣль нижеслѣдующаго списка—указать на тѣ *основанія*, по которымъ нанесены на карту извѣстные населенные и пустые пункты XVI вѣка, а съ другой стороны—*дополнить* карту указаніями на пункты, не попавшіе на нее. Чтѣбы сдѣлать чтеніе списка, а при его помощи и чтеніе самой карты удобопонятнымъ, считаю необходимымъ сдѣлать слѣд. объясненія.

Списокъ расположенъ сначала по порядку писцовыхъ книгъ, затѣмъ—по „Книгѣ рубежей“, а въ концѣ помѣщены дополненія изъ современныхъ актовъ. Такъ какъ нѣкоторые волости описаны въ 2—3 книгахъ, то въ этихъ случаяхъ я сводилъ вмѣстѣ пункты данной волости изъ разныхъ книгъ. Въ „книгѣ рубежей“ также сведены вмѣстѣ пункты волостей, разбросанные по всей книгѣ. За этими исключеніями, списокъ идетъ по порядку страницъ каждой книги. Я не смѣлъ возможнымъ измѣнить этотъ порядокъ и расположить пункты въ какой либо истемѣ, потому что 1) пункты расположены въ книгахъ приблизительно въ порядкѣ *дѣйствительнаго* ихъ положенія другъ подлѣ друга; 2) при употребленіи какой либо системы пришлось бы нарушить *порядокъ помѣстій*, а, между тѣмъ, сохранить этотъ порядокъ необходимо, такъ какъ онъ значительно помогаетъ опредѣленію положенія пунктовъ,

3) наконецъ, трудно расположить пункты по какой либо системѣ, на-
прим. по рѣчнымъ системамъ, потому что *географическія признаки* ука-
заны только для меньшей части пунктовъ.

Въ заголовкѣ списка стоитъ *название волости* (въ 11 волостяхъ
писцовыхъ книгъ — подъ тѣми буквами: А, В, В и пр., подъ которы-
ми обозначены эти волости на картѣ, а въ волостяхъ „Книги руб.“ —
безъ буквъ), съ указаніемъ на *книгу* (№ ея и *страницы* печатнаго
изданія), откуда взята волость. Если пункты известной волости взяты
изъ 2—3 книгъ, то цитата слѣдующей книги указывается въ соот-
вѣтствующемъ мѣстѣ, т. е. въ началѣ заимствованія изъ этой книги.

Чтобы не увеличивать размѣровъ списка, имена владѣльцевъ вы-
пущены, но *дѣленія* каждой волости на *помѣстья* сохранены. Одно
помѣстье отдѣляется отъ другаго *чертою*.

Ниже черты слѣдуютъ самыя *пункты*, подъ арабскими цифрами.
Одинъ и тотъ же порядокъ №№ — *въ*, означающихъ пункты, проходитъ
черезъ весь списокъ, т. е. отъ № 1 до № 1412 вѣлчительно. За
цифрой стоитъ *название* пункта и указаніе на *видъ* его: село, селище и
проч. Если подрядъ идетъ нѣсколько пунктовъ одного и того же вида
(на прим. нѣсколько деревень), то, послѣ перваго указанія на видъ — въ
слѣдующихъ №№-хъ стоитъ *ibid.* Если пунктъ населенный, то въ скоб-
кахъ указано *число дворовъ* („1 дв.“ и т. п.). Показывается и *число*
пустыхъ дворовъ, а также — *храмы* и *печища*.

За указаніемъ на видъ слѣдуютъ (далеко не во всѣхъ пунктахъ) —
отдѣленные *чертою* — указанія на *географическія данныя* источниковъ.
напр.: 9. *Берново*, дер. „дв. пусть“ (1), — на оз. *Нещердѣ*. Если
последнее указаніе относится къ нѣсколькимъ пунктамъ, то всѣ они
перечисляются въ первомъ пунктѣ, напр.: 170. *Онтцовская*, пу-
стощь, — на оз. *Вел. Язнь* (*ibid.* — №№ 174—178, 182—185). —
Когда географическія данныя и всякія другія свѣдѣнія берутся не изъ
писцовыхъ книгъ, а изъ другихъ источниковъ, то всегда указываются
эти послѣдніе.

Если за такимъ краткимъ описаніемъ пункта помѣщенъ непосред-
ственно *слѣдующій* пунктъ, это значитъ, что, не смотря на приве-
денныя географическія данныя, положеніе пункта нельзя было опредѣ-

ить. Но, если эти данныя позволяют нанести на карту известный пунктъ, тогда, вслѣдъ за краткимъ описаніемъ его, слѣдуетъ новая рубрика, заключающая въ себѣ *основанія нанесенія* пункта. Если пунктъ нанесенъ на карту не смотря на *отсутствіе* въ первой рубрикѣ *географическихъ данныхъ*, это значитъ, что онъ нанесенъ только при помощи косвенныхъ указаній источниковъ на его положеніе и на основаніи соображеній съ современною картою.

Тексту второй рубрики, указывающей на основанія нанесенія пунктовъ, предшествуетъ одинъ изъ слѣдующихъ *знаковъ нанесенія*: а) знаки пунктовъ, нанесенныхъ по *1-му приему* (т. е. по приему сравненія съ современной картою): (**)—пункты, нанесенные на карту на основаніяхъ *болѣе или менѣе достоверныхъ* и (*) — пункты, положеніе которыхъ определено на основаніяхъ *сомнительныхъ*. Тоже значеніе имѣютъ и слѣдующіе *знаки* пунктовъ, нанесенныхъ по *2-му приему* (т. е. — на основаніи однихъ географическихъ данныхъ источниковъ): (++) и (+).—Въ *Озерницкой* и *Усвятской* волостяхъ при нѣкоторыхъ пунктахъ встрѣчаются три звѣздочки — (***) : это — тѣ пункты XVI вѣка, которые и въ XVII в. удержали тоже названіе и приблизительно тоже мѣстоположеніе, т. е. пункты, положеніе которыхъ определено *болѣе точнымъ* образомъ, чѣмъ всѣхъ другихъ пунктовъ повѣта.—Въ пунктахъ, нанесенныхъ по 1-му приему, послѣ знака нанесенія стоитъ *имя* того *современнаго пункта*, къ которому приурочивается пунктъ XVI в., а затѣмъ слѣдуютъ самыя основанія этого приурочиванія.

Вторая рубрика излагается также кратко, какъ и первая (въ болѣе подробныя объясненія только изрѣдка пускаюсъ), наприм.:

1. *Ивашиковичи*, деревня (1 дворъ).

(*) Фольв. *Ивашиковичи*, въ 4^{1/2} в. къ востоку отъ оз. *Нещерды* и въ 3 в. къ сѣверо-востоку отъ № 4.

То есть: дер. *Ивашиковичи* XVI в. ставлю на мѣстѣ *современнаго* фольв. *Ивашиковичей*, лежащаго въ 4^{1/2} в. къ востоку отъ *современнаго* оз. *Нещерды* и въ 3 в. къ сѣв.-востоку отъ современной дер. *Шнитовки* (на мѣстѣ которой поставленъ № 4). № 1 принадлежатъ къ числу пунктовъ, нанесенныхъ на карту—на *сомнительныхъ* основаніяхъ. Вотъ эти основанія: 1) названіе *современнаго* фольварка

тождественно съ названіемъ деревни XVI в.; 2) современный ф. Ивашковичи лежитъ вблизи оз. *Нещерды*: хотя относительно № 1 нѣтъ въ источникѣ прямого указанія на то, что этотъ пунктъ лежалъ около оз. *Нещерды*, но такое положеніе его можно допустить, потому что многіе изъ сосѣднихъ по описанію пунктовъ (см. слѣдующіе №№-ра) показаны именно на этомъ озерѣ; 3) современный ф. Ивашковичи лежитъ вблизи современной дер. *Шнитовки*, на мѣстѣ которой поставлена дер. *Шнитововъ* XVI в. (№ 4). Такъ какъ оба помѣстья, къ которымъ принадлежатъ №№ 1 и 4 поставлены въ описаніи рядомъ, то можно допустить, что эти пункты лежали вблизи другъ друга. Но какъ всѣ эти основанія очень гадательны, то я и отнесъ № 1 къ числу пунктовъ, опредѣленныхъ—въ сравненіи съ другими пунктами—очень сомнительно.

Понятно, что если бы относительно каждаго нанесеннаго пункта пускаться въ такія подробныя объясненія, то списокъ принялъ бы громадные размѣры. Моя же система списка—очень немногосложна и легко усваивается: нужно только помнить значеніе *рубрикъ* и *знаковъ нанесенія*.

Если тексту второй рубрики *не предшествуетъ* знакъ нанесенія, то это значитъ, что заключающіяся въ ней объясненія относятся къ опредѣленію рѣки, озера и т. п. географическаго признака, указаннаго въ источникѣ. Встрѣчаются въ этой рубрикѣ и другія замѣчанія, наприм. по тому поводу, когда на современной картѣ отыскивается одноименный пунктъ, который однако невозможно приурочить къ искомому пункту XVI вѣка. Въ этихъ случаяхъ вторая рубрика означается буквою а).

Сокращенія списка:

1) гор.=городъ, 2) с.=село, 3) слц.=сельцо, 4) слоб.=слобода, 5) пог.=погость, 6) дер.=деревня, 7) поч.=починокъ, 8) ф., фольв.=фольварокъ, 9) пост. дв.=постоялый дворъ, 10) госп. д.=господскій домъ, 11) крч.=корчма, 12) п-шь=пустошь, 13) с-ще=селице, 14) дер. „дв. пуст.“=деревня съ пустыми дворами, 15) п-шь „ч. б. с.“ съ дв.=пустошь „что было село“ съ дворами пустыми, 16) п-шь „ч. б. с.“ съ печ.=пустошь „что было село“ съ печами.

ни, 18) п-шь „ч. б. с.“=пустошь „что было село“, 19) п-шь „ч. б. д.“=пустошь „что была деревня“, 20) п-шь „ч. б. п.“=пустошь „что была починок“, 21) дер. „пуста“=деревня „пуста“, 22) поч. „пусть“=починокъ „пусть“, 23) дер. безъ дв.=деревня безъ дворовъ, 24) поч. безъ дв.=починокъ безъ дворовъ, 25) дв.=дворь, 26) р.=рѣка, 27) рч.=рѣчка, 28) руч.=ручей, 29) оз.=озеро, 30) озк.=озерко, 31) бол.=болото, 32) безым.=безыменная (р.), — иное (оз.), 33) хр.=храмъ, 34) в.=верста, 35) с.=сѣверъ, 36) в.=востокъ, 37) ю.=югъ, 38) з.=западъ, 39) с.-в.=сѣверо-востокъ, 40) с.-з.=сѣверо-западъ, 41) ю.-в.=юго-востокъ, 42) ю.-з.=юго-западъ.

А) **Волость Нещерда** (книга № 2, стр. 455—460):

1. *Ивашиковичи*, дер. (1 дв.)

(*) Фольв. *Ивашиковичи*, въ 4^{1/2} в. къ в. отъ оз. *Нещерды* и въ 3 в. къ с.-в. отъ № 4.

2. *Ивашиковичи* («другое»), дер. (1 дв.).

3. *Завалнево*, дер. (1 дв.). — (Р.: п-шь, — на оз. *Нещерды*)⁽¹⁾.

4. *Шнитковъ*, дер. безъ дв. — (Р.: п-шь *Шнитковъ*).

(*) Дер. *Шнитовка*. въ 5^{3/4} в. къ в. отъ оз. *Нещерды* и въ 5^{1/4} в. на с.-в. отъ № 9. (Въ 2 в. къ ю. отъ деревни лежитъ ф. *Шнитковъ*).

5. *Молтевицина*, дер. (1 дв.).

6. *Станки*, дер. безъ дв.

(*) Дер. *Стайки*, въ 3 в. на ю.-в. отъ № 9 и въ 3 в. на в. отъ оз. *Нещерды*.

7. *Помтево*, п-шь, — «въ *Станкахъ*...»

8. *Сопроново*, дер. «пуста», — «въ *Озерцахъ*...»

а) Есть с. *Озерцы*, на рч. *Устьль*, въ 11—12 в. отъ южныхъ предѣловъ оз. *Нещерды*, въ 13 в. отъ № 9.

9. *Берново*, дер. «дв. пус.(1)», — на оз. *Нещерды*.

(**) Дер. *Бернова*, на восточномъ берегу оз. *Нещерды*.

10. *Юрковичи-Герасимова*, дер. «пуста.»

11. *Болдыши*, *ibid*.

12. *Якимово*, *ibid*.

13. *Мочаловичи*, *ib*.

14. *Черное*, *ib*.

15. *Манушина*, *ib*.

(1) Дополненія, помѣщенные въ скобкахъ (у № №: 3, 4 и 36) и означенныя буквою Р. (т. е. рукопись), взяты изъ рукописной писцовой книги № 8.

16. *Минина*, дер. «дв. пусть» (1), — «на устьѣ на *Исцнскомъ*.»
а) См. слѣдующій №.

17. *Есипова*, дер. (1 дв.), — на устьѣ р. *Нищи*.

а) Устье современной р. *Нищи* лежитъ въ 33 — 34 в. в. на ю.-з. отъ южной оконечности оз. Нещерды. Если бы около этого устья и, вообще, на р. Нищѣ было показано значительное число пунктовъ и, если бы нѣкоторые изъ нихъ соответствовали современнымъ пунктамъ той мѣстности, тогда можно было бы заключить, что на р. Нищѣ лежала часть вол. Нещерды (такой случай см. въ № 53), слѣдовательно — тогда можно было бы нанести на карту № 17. Но на это нельзя рѣшиться, когда на р. Нищѣ показаны только два №№: 17 и 43 (пожалуй еще и № 16) и, когда въ немъ нельзя приурочить современныхъ пунктовъ.

18. *Иматова*, п-шь, — надъ оз. *Бѣлымъ* (ib.: №№ 19, 20, 22).

а) Въ разныхъ мѣстахъ вол. Нещерды находится нѣсколько *Бѣлымъ* озеръ....

19. *Соболева*, дер. «пуста».

20. *Боброва*, п-шь.

21. *Овотасова*, ib.

22. *Харитоновна*, дер. безъ дв.

а) Есть дер. *Харитоновна*, въ 1¹/₂ в. къ с. отъ оз. *Шегина*.

23. *Ондрищево-Харитоновна*, п-шь.

24. *Мышенкова*, дер. «пуста».

25. *Онатъино*, п-шь.

26. *Лысцино*, дер. безъ дв., — «на лувѣ, надъ озеромъ на *Нещердѣ*....» (ib.: № 27).

а) Есть дер. *Лысцино*, въ 1 в. отъ № 1, въ 5¹/₂ в. отъ оз. Нещерды.

27. *Гриджова*, ib.

28. *Шемелева*, дер. (1 дв.).

29. *Харитино-Савкино-Шемелево*, зайище.

(*) Въ 1 в. отъ праваго берега р. *Дриссы*, въ 10 в. на ю.-в. отъ оз. Нещерды и въ 8¹/₂ в. на ю. отъ № 4 лежитъ дер. *Кортино* и въ 1¹/₂ в. отъ нея дер. *Савкино*. № 29 ставлю на мѣстѣ первой деревни. (На картѣ стоитъ: *Харитино-Савкино*).

30. *Котеевичи*, дер. безъ дв.

31. *Сыделникова*, ib., — на оз. *Нещердѣ* (ibid.: №№ 33 и 35).

32. *Бедотова*, п-шь.

33. *Степанова*, дер. безъ дв.

34. *Коляковичи*, дер. (1 дв.).

35. *Петрушина*, дер. «пуста».

36. *Чурилово*, п-шь. — (Р.: *Чуриловищина*).

37. *Малимова*, дер. (1 дв.), — надъ оз. *Осиннымъ*.

38. *Захарыно*, дер. «пуста», — «на *Понизовѣ*....»

39. *Явимова*, п-шь.
—
40. *Киново*, дер. (1 дв.).
41. *Селиваново*, *ib.* (1 дв.).
42. *Ловошиково*, п-шь.
43. *Иванцова*, *ib.*, — на р. *Ничиц*.
—
44. *Выставки*, дер. «пуста».
—
45. *Костыкова*, дер. (1 дв.). — «на *Понизовъ*» (*ib.*: № 46).
46. *Мамфицево*, дер. «пуста».
—
47. *Войлево*, дер. безъ дв., — надъ оз. *Нещердомъ* (*ib.*: № 49).
48. *Гришкова*, *ib.*, — «въ острогъ *Спаского* монастыря....»
49. *Оедоткова*, *ibid.*
—
50. *Пократова*, дер. «пуста», — на рч. *Нещерды*.
а) Въ с.-в. заливъ оз. *Нещерды* впадаетъ рч. *Бѣлая*, выходящая изъ озк. *Бѣлаго*. Изъ ю.-з. оконечности озера выходитъ рч. *Устье*, впадающая въ р. *Дриссу*. Другихъ рѣчекъ въ системѣ оз. *Нещерды* — нѣтъ. Какую изъ этихъ двухъ рѣчекъ признать за рч. *Нещерду*? — положительно рѣшить нельзя, но скорѣе можно остановиться на болѣе крупной изъ нихъ — на рч. *Устьѣ*.
51. *Кровопускова*, *ib.*, — надъ оз. *Нещердомъ* (*ib.*: № 52).
52. *Горимо*, п-шь.
—

(Вѣста № 3, стр. 540):
53. *Стряжова*, дер. (1), — «...въ вол. въ *Захарничка*хъ подъ *Полоткомъ* за р. за *Палотою*....» (*ib.*: №№ 54 — 61).

а) Опредѣляю эту волость (входившую въ составъ вол. *Нещерды*) въ тожъ мѣстѣ р. *Полоты* (въ 7—10 в. отъ *Полотка*), гдѣ лежать вблизи другъ друга 4 поселка съ слѣд. однородными названіями: ф. *Захарье*, другой ф. *Захарье*, ф. *Захарово* и дер. *Захарничихи* (№ 61).

54. *Костыря*, поч.
55. *Костыря-Пронсково*, дер.
56. *Мящанина-Рятола*, *ib.* — на р. *Полоты* (*ib.*: №№ 57 — 59).

57. *Ескова*, *ib.*

58. *Дмитрова*, *ib.*

59. *Спасское*, *ib.*
(*) ф. *Спасское*, на правомъ берегу рч. *Тресты*, въ 6 в. отъ ея истока изъ оз. *Затростеня*, — въ 5 в. въ ю.-в. отъ р. *Полоты*.

60. *Ивакина*, *ib.*

61. *Захарничихи*, *ib.*

(*) Дер. *Захарничихи*, на правомъ берегу р. *Полоты*, въ 14 в. отъ ея устья, — въ 7 в. отъ № 59.

(1) №№ 53 — 61 не описаны, а только перечислены. Хотя при нихъ не показано число дворовъ, но — пужно думать, что это были населенные пункты.

(Книга № 4, стр. 540 — 548):

62. *Власово*, п-шь.

63. *Тарасово*, ib.

(*) Дер. *Тарасова*, на сѣв. берегу оз. Нещерды, въ 2 в. (черезъ озеро) отъ № 95.

64. *Стайкино-Полъевичина*, ib.

65. *Онаньино-Гриденевичина*, ib.

66. *Берново*, ib.

67. *Соброново*, ib.

68. *Гришкино*, ib., — «въ Озерцахъ» (см. № 8).

(*) Дер. *Гришкина*, въ 1½ в. въ ю.-в. отъ № 1 и въ 3 в. въ с.-в. отъ № 4.

69. *Юрковичи-на-горахъ*, ib.

70. *Гуцино-на-горахъ*, ib.

71. *Ермомино-Ондрово*, ib.

72. *Кривоупускovo*, ib., — надъ оз. Нещердою.

73. *Гарасимова-Мочаловичи*, ib.

74. *Болдышово*, п-шь.

75. *Якимова*, ib.

76. *Матвѣево-Черное*, ib.

77. *Давыдово-Босово*, ib.

78. *Котцово*, ib.

79. *Лопатино*, ib.

а) Есть двѣ деревни *Лопатки* — на ю.-в. берегу оз. *Глуба*, — въ 5 в. отъ № 68.

80. *Манушино*, ib., — на рч. *Нещердѣ*.

81. *Плѣтницыно-Овонасово*, ib.

82. *Панкратово*, ib.

83. *Кривоцово*, ib.

(*) Дер. *Кривоцова*, въ 2¾ в. въ ю. отъ оз. *Язны*, — въ 11½

в. къ с.-в. отъ № 1. (Въ 1½ в. въ с. отъ деревни лежатъ дер. *Кривоцы*).

84. *Зележково*, ib.

85. *Стешово*, ib.

86. *Лысцыно*, п-шь.

87. *Микулино*, ib.

88. *Лукьяновичи-Гришкино*, ib.

89. *Глазуново-Шарко*, ib.

90. *Павлово*, ib.

91. *Мокшевичи*, ib.

92. *Петрушино*, ib.

93. *Рядохино*, ib.

94. *Васильково-Блякрылово*, ib.

95. *Ондрово-Горбачово*, ib., — надъ оз. *Нещердою*.

(**) Пог. *Горбачово*, на сѣв. берегу оз. *Нещерды*, въ 2 в. отъ № 63. — (На картѣ стоитъ: *Горбачово*).

96. *Мартиново*, ib.

97. *Өамино*, ib.

98. *Мышенково*, ib.

99. *Съдельниково*, ib.

100. *Изикъево*, ib.

101. *Ониаково*, ib.

102. *Шевеново*, ib.

а) Есть двѣ деревни *Шевины*, — на с.-з. берегу оз. *Шевина* — въ 1¾ в. отъ № 199.

103. *Шевердино*, п-шь.

104. *Лукьяново*, ib.

105. *Иваново*, ib. — у р.

Дрыси.

106. *Васково*, ib.

107. *Бакуново*, ib.

(*) Дер. *Баканы*, въ 1³/₄ в. къ с.-в. отъ № 1.

108. *Креватиково*, ib.

109. *Еремьево*, ib.

(*) Дер. *Еремьева*, въ 2 в. на з. отъ № 107, на сѣв. берегу оз. *Глыбенка*.

110. *Матеевичи*, ib.

111. *Власково*, ib.

112. *Омельяно (?)*, ib.

113. *Степаново - Крупышово*, ib.

114. *Кузмино*, ib.

115. *Дягилево*, ib.

116. *Калютино*, ib.

117. *Крои - Дьвицы - Минино (?)*, ib.

а) Есть дер. *Дьвицы*, на оз. *Дьвицы* (а въ 9 в. къ с.-в. дер. *Мининъ-Станъ*), второе лежитъ въ 13¹/₂ в. къ с.-з. отъ оз. *Нещерды*. (См. № 855).

118. *Семеново*, ib.

119. *Дягилево*, ib.

120. *Захарьино*, п-шь.

121. *Овонасово*, ib.

122. *Минино*, ib.

123. *Овонасово-Старое*, ib.

124. *Тепляково*, ib.

125. *Василъво*, ib.

126. *Дашково*, ib.

127. *Иевково*, ib.

128. *Левонново*, ib.

129. *Дмитрово*, ib.

а) Есть дер. *Дмитрова*, въ 2¹/₂ в. къ ю. отъ № 4. — Вообще, для подобныхъ случаевъ замѣчу, что я не считаю возможнымъ наносить на карту пункты съ подобными ординарными именами,

если при нихъ нѣтъ данныхъ о ихъ положеніи. Если, напр., № 109 нанесенъ, то потому только, что онъ лежитъ въ соседствѣ съ № 107. Если бы и въ данномъ случаѣ—около дер. *Дмитровой* были найдены, напр., №№ 128, 130 и др., тогда я выставилъ бы и № 129. — Это правило не распространяю на пункты съ характерными названіями, какъ, напр., №№ 1, 4, 107, 135 и пр.

130. *Өмино*, п-шь.

131. *Гридково*, ib.

132. *Давыдово-Педорино*, ib.

133. *Симацова*, ib.

134. *Корнилово*, ib.

135. *Кряшуча*, ib.

(*) Пог. *Крашуты*, на р. *Дриссъ*,—въ 5 в. на в. отъ № 29. (Въ 2¹/₂ в. отъ погоста лежить ф. *Крашуты*).

136. *Шевердино*, ib.

137. *Васромьево*, ib.

138. *Мосьево*, ib.

139. *Малахово*, ib.

140. *Дамешково*, ib.

141. *Еремьево*, ib.

142. *Кобылино*, ib.

143. *Филипово*, ib.

144. *Семаково*, ib.

145. *Ортемново*, ib.

146. *Кузмино*, ib.

147. *Иваново*, ib.

148. *Горкушино*, ib.

149. *Григорково*, ib.

150. *Павлово*, ib.

151. *Станки*, ib.

152. *Соброново*, ib.

153. *Борисово*, ib.
—
154. *Юрково*, ib.
155. *Мановтеево*, ib.
156. *Семеново-Самозвонито*, ib.
157. *Костыково*, ib.
158. *Самозвонито*, ib., — надъ оз. *Глубокимъ*.

(*) Въ 1 в. къ ю.-в. отъ оз. *Благо* (изъ котораго выходятъ рч. *Бллая* — см. № 50) лежитъ оз. *Глыбеко*, а подлѣ него — оз. *Глыбокое*. Такъ какъ послѣднее невелико, то я приблизительно ставлю № 158 — на сѣверн. берегу этого озера, въ $\frac{1}{2}$ в. къ ю.-в. отъ № 109.

159. *Фролово*, ib.
160. *Ладново*, ib., — надъ оз. *Свижемъ*.

а) Есть два озера *Устьчья*: одно — въ $3\frac{1}{2}$ в. на с. отъ оз. *Шевина*, другое — въ $4\frac{1}{2}$ в. на с. отъ оз. *Глуба* (см. № 431).

161. *Гришино*, п.-шь.
162. *Ондрыково*, ib.
163. *Степаново*, ib.
164. *Малашково*, ib.
165. *Захарыно*, ib.
166. *Полуйново*, ib.
167. *Иваново*, ib.
168. *Васково*, ib.
169. *Быдино*, ib.

—
170. *Онтюповская*, ib., — на оз. *Вел. Язнь* (ibid. №№ 174—178 и 182—185).

а) Оз. *Язнь* лежитъ въ 12 в. къ с.-в. отъ оз. *Нещорды*.

171. *Симяковской*, поч. (1 дв.).

172. *Хотеево*, п.-шь
173. *Ивановская*, ib.
174. *Зиновьевская*, дер. (2 дв.).
175. *Еремтеево*, ib. (1 дв.).
176. *Пятницкое*, ib. (1 дв.).
177. *Якимовская*, ib. (1 дв.).
178. *Нефедьевская*, ib. (1 дв.).
179. *Борисово*, ib. (1 дв.).

(*) Дер. *Борисова*, на правомъ берегу безымен. рѣчки, соединяющей оз. *Язнь* съ оз. *Гусинимъ*, — въ 2 в. къ с. отъ оз. *Язнь*, въ $1\frac{1}{2}$ в. къ в. отъ оз. *Гусина*.

180. *Прокофьево-Власеево*, дер. (1 дв.)

181. *Митино*, ib. (1 дв.).
182. *Дмитровская*, ib. (1 дв.).
183. *Столповская*, п.-шь.
184. *Тобуново-Ивановичи*, ib.
185. *Гришино*, ib.
186. *Еремтеевщина*, ib.
187. *Вереткино*, ib.

(*) Дер. *Верятина*, въ 1 в. на с. отъ оз. *Городны* и въ $3\frac{1}{2}$ в. на с. отъ № 95.

188. *Левонново*, ib.
189. *Малеевщина*, ib.

—
(Книга № 5, с. 549—50):

190. *Нещорда*, городъ. — «Книга Больш. Чертежа», с. 174: «отъ *Невля* града до *Нещорды* 30 в., *Нещорда* стоитъ на озерѣ. Отъ *Нещорды* 40 в. градъ *Заволооче....*» Въ примѣчаніи 186-мъ *Г. И. Спасскій* замѣчаетъ: «*Нещорды* мѣстечко Витеб. гб. въ «Полоц. у., при озерѣ того же имени». — «Списокъ русскихъ городовъ» *Неволина* (т. VI соб-

ранія сочиненій): гор. *Нещерда* лежалъ на озерѣ *Нещерда*, «ны-нѣ—селеніе Витеб. губ-ін».

а) На известномъ мнѣ картахъ Витебск. губ-ін — подлѣ оз. *Нещерда* нѣтъ никакого селенія съ именемъ *Нещерда*. На 20-тиверстной картѣ Вит. губ. (изданія г. *Иамна*) — на островѣ оз. *Нещерда* (въ сѣверной части его) показано селеніе съ именемъ *Городокъ*. На 10-тиверстной «спеціальной картѣ» Витеб. губ. (изд. военно-топогр. отдѣла Гл. Шт.) — на островѣ не показано никакого селенія. А на 3-хъ верстной «воен.-топограф.» картѣ есть знакъ селенія, но — безъ имени. Отъ острова до гор. *Неоля*—50—52 в.в., а до пр. (пригородъ?) *Зоболочя* (второй лежить на оз. *Подсошъ*, въ 3 в. къ ю.-в. отъ оз. *Быстраго*, откуда выходитъ р. *Велкая*)—56—58 в. в.—Въ $2\frac{3}{4}$ в. къ ю. отъ оз. *Нещерда* лежить дер. *Городище*.... — Можно ли одинъ изъ этихъ 2-хъ пунктовъ признать за мѣсто бывшаго гор. *Нещерда* и какой именно? — рѣшить не могу....

(Рукописная книга № 8):

191. *Подобьдье*, п-шь, — на оз. *Нещерда* (ib.: № 198):

(*) Дер. *Подобьдье*, на лѣв. вомъ берегу безымен. рѣчки, въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ ея впаденія въ оз. *Шевино* (выходитъ изъ оз. *Ус-солья*),—въ $2\frac{1}{4}$ в. на с.-в. отъ

оз. *Нещерда*,—въ 2 в. отъ № 195.

192. *Шушьева*, п-шь.

193. *Латтвое*, ib.

194. *Олекстевская*, п-шь «ч.

б. дер.»

195. *Волково-Квантовичи*, п-шь.

Б) **Велость Турунтовская** (книга № 2, стр. 460—461).

196. *Григорьева*, дер. «дв.пусть» (1), — «...въ *Замощъ*, около *Ситно*...» (ib.: №№ 202—213).

а) Оз. *Ситно* лежить въ 20 в. къ ю. отъ истока р. *Дриссы* изъ оз. *Синьин*.

197. *Волжина*, ib. (1).

а) Есть дер. *Волжинчи*, въ $10\frac{1}{2}$ в. къ ю. отъ оз. *Ситна*.

198. *Максимова*, ib. (1)

199. *Мелешново*, п-шь, — на оз. *Туринчи* (ibid.: № 202).

а) Въ 14 в. къ с.-в. отъ оз. *Ситна* лежить оз. *Туринчи*.

200. *Кулино*, с-ще.

(*) Дер. *Кулино*, на западн. берегу оз. *Валтина*, которое лежить въ 6 в. къ з. отъ оз. *Туринчи*: (Въ $\frac{3}{4}$ в. отъ этой деревни лежить другая дер. *Кулино*).

201. *Субромово*, с-ще.

202. *Замамавское*, ib.

203. *Сергеева*, дер. «дв.пус.» (1).

204. *Иванова*, ib. (1).

205. *Черное*, ib. (1), — надъ оз. *Чернымъ* (ib.: № 206).

(*) Дер. *Черная* (*Станиситожь*), въ 2 в. на с.-в. отъ оз. *Черное*, которое лежить въ $6\frac{1}{2}$ в. къ

с.-в. отъ оз. *Ситна*. (Въ 4 в. въ в. отъ послѣдняго лежить оз. *Черное*, но оно окружено болотами, слѣд. — на немъ не могло быть поселеній).

206. *Ходаково*, ib. (1).

207. *Власьево*, ib. (1), — надъ оз. *Бѣлымъ* (ib.: № 208).

а) Есть оз. *Бѣлое*, соединенное безыменн. ручьемъ съ оз. *Чернымъ* (см. № 206). (Въ 5 — 6 в. въ в. отъ оз. *Ситна* — въ предѣлахъ *Озерницкой* вол. лежать еще два *Бѣлыхъ* озера).

208. *Скорубинъ*, дер. «дв. пус.» (1).

209. *Максимо*, с-ще.

210. *Захарово*, п-шь.

211. *Левонovo*, с-ще.

212. *Шушиково*, ib.

213. *Лопатино*, ib.

(Книга № 3, с. 476 — 481):

214. *СИТНО*, городъ. — Подъ постройку города взяты: починки — *Михалковъ*, *Микиткинъ* и *Васковъ*, да с-ще *Ситно*.

(*) С. Бол. *Ситно*, на ю.-в. берегу оз. *Ситна*. Въ 3 в. въ с. отъ села есть пог. *Ситно* — на р. *Полоть*, въ $\frac{1}{2}$ в. отъ ея истока изъ оз. *Измока*. Ставию городъ на мѣстѣ перваго пункта.

215. *Ивлево*, дер. «пуста», — «... въ *Троилловичахъ*» (ib.: №№ 216 — 225), — сѣвность на р. *Дрысь* (ib.: №№ 216 — 225).

216. *Дорошково*, ib.

217. *Федорова*, дер. «дв. пус.» (1).

218. *Васильево*, ib. (1).

219. *Глухова*, дер. «пуста».

220. *Теплякова*, дер. «дв. пус.» (1).

221. *Иванова*, ib. (1).

222. *Микитина*, ib. (1).

223. *Федоровская*, ib. (1).

224. *Ивлева*, дер. «пуста».

225. *Степанова*, ib.

226. *Володуть*, дер. (1 дв.), — на оз. *Володуть* (ib.: №№ 227 и 228).

а) Есть оз. *Ведето*, въ 6 в. въ с. отъ оз. *Измока*.

227. *Панова*, ib. (1 дв.).

228. *Позолотина*, поч. (1 дв.).

229. *Баилова*, дер. (1 дв.), — надъ оз. *Бѣлымъ*.

230. *Васково*, поч. безъ дв.

(Всѣ нижеслѣдующіе пункты волости лежатъ въ другой *половинѣ* ея, расположенной *сѣвернѣе* первой (только что описанной) — въ 30—35 в. в. отъ нея между волостями: *Неведринской*, *Покровской* и *Дрысецкой*):

231. *Труфановъ*, поч. (1 дв.), — надъ оз. *Долосомъ*.

а) Есть оз. *Долосцы*, въ 5 в. на с.-в. отъ оз. *Орлеи*. (Другое оз. *Долосцы* лежить въ вол. *Покровской* — въ $16\frac{1}{2}$ в. въ с. отъ оз. *Орлеи*).

232. *Патрекинъ*, ib. (1 дв.).

233. *Лагуново*, дер. (1 дв.), — надъ оз. *Долосомъ*.

а) Есть дер. *Лагунова* — у по-

чтов. станціи на шоссе, но—въ 6 в. (въ с.) отъ оз. *Долосцы*.

234. *Фефановъ*, поч. (1 дв.), — надъ оз. *Трудомъ*.

а) Есть оз. *Руддо*, въ 5 в. въ с.-в. отъ оз. *Долосцовъ*.

235. *Савинъ*, ib. (1 дв.), — надъ оз. *Рудомъ*.

а) Оз. *Рудо* очевидно — одно и тоже съ оз. *Трудомъ*.

236. *Щеткино*, дер. (1 дв.), — надъ оз. *Моргоецомъ*.

237. *Онакина*, ib. (1 дв.), — на рч. *Дортановъ* (ib.: № 238).

а) Есть рч. *Орховница*, выходящая изъ оз. *Орховна* (которое лежитъ въ 1½ в. въ с.-в. отъ оз. *Долосцовъ*) и впадающая въ оз. *Иско*.

238. *Шагово*, дер. (1 дв.).

239. *Михеево*, ib. (1 дв.), — на рч. *Рудица*.

(**) Дер. *Михеева*, на сѣв. берегу оз. *Орховна*, вблизи устья безымен. рѣчки, выходящей изъ оз. *Рудда* (рч. *Рудица*?).

240. *Григорова*, ib. (1 дв.), — надъ оз. *Орховнемъ*.

а) Объ озерѣ — см. № 237.

241. *Печенкова*, п-шь, — на рч. *Неведреть*.

(*) Дер. *Печенево*, на правомъ берегу рч. *Неведрянки*, въ 4½ в. отъ ея истока изъ оз. *Неведра* (которое лежитъ въ 2 в. въ 3. отъ оз. *Орлеи*).

242. *Кузнецовъ*, поч. (1 дв.), — надъ оз. *Жадромъ*.

(**) Дер. *Кузнецово*, на оз.

Жадръ, которое лежитъ въ 5 в. въ с.-з. отъ оз. *Долосцовъ*.

243. *Наумова*, дер. (2 дв.), — между оз. *Жадромъ* и оз. *Островитомъ*.

(**) Дер. *Наумова*, между оз. *Жадромъ* и оз. *Островитомъ*, лежащимъ въ с. отъ перваго. (Сѣвернѣе этой деревни лежитъ на оз. *Островитъ* — другая дер. *Наумова*).

244. *Каодино*, с-ще, — надъ оз. *Островитомъ*.

(**) Дер. *Каадова*, на вост. берегу оз. *Островита*.

245. *Онтушкова*, дер. (1 дв.), — надъ оз. *Бол. Неведреемъ* (ib. — № 246).

а) См. № 241.

—

246. *Елизарова*, ib. (1 дв.).

—

247. *Пыжово*, ib. (1 дв.), — «... надъ *Жамлемъ*»...

а) Есть дер. *Пыжово*, на рч. *Неведрянкѣ*, въ 5 в. въ з. отъ оз. *Жадра*.

248. *Михалкова*, дер. : безъ дв., — надъ оз. *Неведриемъ* (ib.: №№ 249—252).

249. *Степанова*, п-шь.

а) Есть дер. *Степанькова*, въ 2½ в. въ ю. отъ оз. *Неведра*.

250. *Фролова*, ib.

251. *Шукмино*, ib.

252. *Глушневъ*, поч. (1 дв.),

—

253. *Коробово*, дер. (1 дв.), — надъ оз. *Ортемъ* (ib. — № 254),

— сѣнокосъ на рч. *Неведриѣ*.

(*) Дер. *Карабова*, въ 2 в. къ с.-з. отъ оз. *Орля* и въ 2¹/₂ в. отъ истога рч. *Неведрылки*.

254. *Якимово*, ib. (1 дв.).

(**) Дер. *Акимова*, на южн. берегу оз. *Орля*.

255. *Кумелево*, поч. (1 дв.).

256. *Смолыкино*, п-шь.

257. *Полесово*, поч. (1 дв.), — надъ оз. *Мал. Неведрейномъ*.

(**) Дер. *Палеева*, на зап. берегу оз. *Палеева*, которое лежитъ въ с. отъ оз. *Неведро* и чрезъ которое проходитъ рч. *Неведрылка*. Полагаю, что это озеро есть оз. *М. Неведрейно*.

258. *Трубанова*, дер. (1 дв.), — надъ оз. *Гусинцомъ*.

(**) Дер. *Трухункова*, на зап. берегу оз. *Гусина*, лежащаго въ 5 в. къ ю. отъ оз. *Неведро*.

259. *Федково*, поч. (1 дв.), — лѣсъ починка стоитъ рядомъ съ лѣсомъ № 258-го. Отсюда —

(*) Ставлю № 259 около № 258-го, къ ю. отъ него.

260. *Гончарова*, дер. (№№ 260 —

265 не описаны, а только перечислены и число дворовъ въ нихъ не показано, но по другимъ даннымъ (см. с. 480—481) видно, что это были населенные пункты), — около № 240-го.

261. *Слододутъ*, ib.

262. *Дымушено*, дер., — около озера: *Орля*, *Гусинца*, *Сабла* и др. (ib.: №№ 263—265).

263. *Сысоева*, ib.

(*) Дер. *Сысоева*, въ 1¹/₂ в. отъ вост. берега оз. *Сабла*, которое лежитъ въ 3 в. къ з. отъ оз. *Неведро*. (На картѣ этотъ пунктъ лежитъ въ предѣлахъ вол. *Неведринской*).

264. *Батовская*, ib.

265. *Ермолаевская*, ib.

В) Волость *Неведерскій-Кубокъ* (книга № 3, с. 462—467):

266. *Шерешинское*, слц. («дв. помѣщичьево»), — надъ оз. *Боровлемъ* (ib.: №№ 267—269).

а) Есть оз. *Боровно*, въ 19 в. къ в. отъ оз. *Язны* и въ 1 в. къ ю. отъ оз. *Кубежско*. (На сѣв. берегу оз. *Боровны* лежитъ дер. «*Боярская*»...).

267. *Пестунова*, дер. безъ дв. (**)

Дер. *Пестуново*, въ 1 в. къ с.-в. отъ оз. *Боровны*.

268. *Оттомавовское*, ib.

269. *Троиновское*, с-ще.

270. *Старышинина*, дер. (1 дв.), — надъ оз. *Кубкомъ* (ib.: №№ 271—273, 279 и 280).

а) Оз. *Кубежское* лежитъ къ с. отъ оз. *Боровны*. На с.-в. берегу первого стоитъ пог. *Кубокъ*.

271. *Сергеево*, ib. (2 дв.).

272. *Вытолзова*, п-шь.

а) Есть дер. *Вытолзова*. — на р. *Ущя*, въ 10 в. къ с.-з. отъ оз. *Кубежско*.

273. *Федковской-Островъ*, дер. (1 дв.).
274. *Парфенъева*, ib. (1 дв.), —на оз. *Клешняковъ*.
275. *Скомороховъ*, поч. (1 дв.).
- (*) Дер. *Скамарошкова*, въ 1 в. въ с.-в. отъ оз. *Кубецкаго*.
276. *Федорова*, дер. (1 дв.).
277. *Левонowo*, с-ще.
278. *Медвѣдова*, дер. (1 дв.), —на рч. *Ровницъ*.
- а) Есть дер. *Медвѣдова*, въ 5 в. на з. отъ оз. *Боровны*, —но нѣкакой рѣчки подлѣ нея нѣтъ. Другая — дер. *Медвѣдова*, также безъ рѣчки, лежитъ въ 6 в. въ ю. отъ оз. *Боровны*.
279. *Яковцова*, ib. (1 дв.).
280. *Чернобаева*, ib. (1 дв.).
281. *Васкова*, ib. (1 дв.), — «надъ *Вочю...*»
- а) Въ 2 в. въ с.-в. отъ оз. *Кубецкаго* лежитъ оз. *Водача....*
Или: *Воча* есть р. *Уца?...* или: оз. *Уца?...*
282. *Ерможино*, с-ще.
283. *Яшкова*, п-шь.
284. *Ханчевская*, ib., —надъ оз. *Бльымъ*.
- (*) Ставию на зап. берегу озк. *Благо*, лежащаго въ 3¹/₂ в. въ в. отъ оз. *Кубецкаго*.
285. *Патереники*, п-шь.
286. *Патерики*, с-ще.
287. *Смолино*, п-шь, —надъ оз. *Боровлемъ* (ib: №№ 288 — 290).
- (**) Дер. *Смолиники*, на южн. берегу оз. *Боровны*.
288. *Смолино* (другое), ib.

- (*) Дер. *Смолякова*, въ 1¹/₂ в. въ ю. отъ № 287.
289. *Сарсанова*, ib.
290. *Большая-Боравлева-Бабкина*, ib.
291. *Кондраткова*, ib.
292. *Овсяникова*, ib., —на рч. *Полковницъ*.
- а) Есть дер. *Овсяники*, въ 2 в. къ з. отъ оз. *Кубецкаго*; рѣчки подлѣ нея — нѣтъ.
293. *Кузнецова*, с-ще, —надъ оз. *Боровлемъ* (ib.—№ 295).
- а) Есть дер. *Кузнецова*, надъ оз. *Кузнецовымъ*, лежащимъ въ 3 в. къ ю. отъ оз. *Боровны*. Въ 1 в. къ з. отъ оз. *Кузнецова* лежитъ другая дер. *Кузнецова*.
294. *Латыгорская*, п-шь.
295. *Сидоркова*, ib.
- а) Есть дер. *Сидорки*, въ 5 в. къ з. отъ оз. *Боровны*.
296. *Ивановo*, с-ще.
- а) Въ 5 в. на ю.-з. отъ оз. *Боровны* лежитъ дер. *Иванъкина*, а въ 3 в. къ з. отъ того же озера — дер. *Ивайцова*.
297. *Шипьево*, п-шь.
298. *Гаврилово*, с-ще.
-
299. *Синицина*, дер. (1 дв.), —на рч. *Кутчицъ*.
- (*) Дер. *Сеницина*, въ 1 в. къ с. отъ оз. *Кубецкаго*, на правомъ берегу безымен. рѣчки, въ 1¹/₂ в. отъ ея впаденія въ это озеро (рѣчка выходитъ изъ оз. *Островны*).
300. *Дубенскій*, поч. (1 дв.).
- (**) Дер. *Дубенская*, въ 4 в.

- въ з. отъ оз. *Боровны*, въ $1\frac{1}{2}$
в. къ с.-в. отъ № 301.
301. *Анисимовъ*, ib. (1 дв.).
(**) Фольв. *Анисимово*, въ 3
в. къ з. отъ оз. *Боровны*.
302. *Овцыно*, п-шъ.
303. *Овцыны-Болшіе*, ib.
304. *Овцыны-Меншіе*, ib.
305. *Боброва*, ib.
306. *Лукьянова*, ib.
307. *Демешково*, с-ще.
(**) Дер. *Демешкова*, въ 2 в. къ
з. отъ № 300.
308. *Предоусова*, п-шъ.
(*) Дер. *Бередоусова*, въ 1 в.
къ с. отъ № 300.
309. *Борискова*, ib.
310. *Клюкина*, ib.
(*) Ф. *Клюкино*, въ 2 в. къ
з. отъ оз. *Кубецаго*, въ $2\frac{1}{4}$ в.
къ с.-в. отъ № 308.
311. *Клюкина* (другая), ib.
312. *Овсьйкова*, ib.
313. *Дощерево*, ib.
(*) Ф. *Дощерево*, на лѣв. бе-
регу предполагаемой рч. *Кутни-*
цы (см. № 299). въ 1 в. къ
в. отъ № 299.
314. *Костькова*, ib.
315. *Онисимцова*, ib.

316. *Филипова*, дер. (2 дв.),—
надъ р. *Ущю*.

а) Р. *Уща* выходитъ изъ оз.
Ущи и впадаетъ въ р. *Дриссу*,
съ лѣвой стороны.

317. *Черныцова*, п-шъ, — на
рч. *Черниць*.

а) Есть с. (съ *хр.*) *Черницо-*

во — при впаденіи р. *Ущи* въ оз.
Исцо.

318. *Клюкино*, ib.

(*) Дер. *Клюкино*, въ 1 в. отъ
лѣв. берега р. *Ущи*, въ $1\frac{1}{2}$ в.
(по прямому направленію) ниже
ея истока изъ оз. *Исца*.

319. *Иванкова*, ib., — на р.
Ущъ (ib.—№№ 320 и 321).

(**) Дер. *Иванцева*, на лѣв.
берегу р. *Ущи*, въ $2\frac{1}{2}$ в. выше
ея впаденія въ оз. *Исцо*.

320. *Иванкова* (другая), ib.

(**) На правомъ берегу р.
Ущи, напротивъ № 319-го лежитъ
другая дер. *Иванцева*, на мѣстѣ
второй и ставлю № 320.

321. *Козново*. дер. (1 дв.).

322. *Клюкино*, ib. (1 дв.), —
надъ оз. *Исцомъ* (ib.: №№ 324
— 326 и 329). (Тоже озеро на-
зывается иногда *Лысцомъ*).

а) См. № 317.

323. *Нефедьевская*, п-шъ.

324. *Козлова*, дер. (1 дв.).

325. *Прокофьева*, ib. (1 дв.).

326. *Туриковская-Иванова*, ib.
(1 дв.).

327. *Туриковская - Иванова*,
п-шъ.

328. *Авонасово*, с-ще.

329. *Степаново*, дер. (2 дв.).

330. *Перебродки*. п-шъ.

331. *Святецъ*, ib.

(*) Дер. *Святецъ*, на юж. бе-
регу озк. *Святица*, въ 4 в. къ
с.-з. отъ оз. *Исца*.

332. *Мастева*, дер. (1 дв.), —

надъ р. *Ущю* (ib.: №№ 333 — 336).

333. *Потальева*, дер. безъ дв.

334. *Нероново*, п-шь «ч. б. поч.»

335. *Сафронова*, п-шь «ч. б. д.».

336. *Русинова*, п-шь.

(**) Дер. *Русановка*, на лѣвомъ берегу р. *Ущи*, въ 2¹/₂ в. отъ ея истова изъ оз. *Исца*, — въ 1 в. къ в. отъ № 318.

Г) **Волость Неведринская** (книга № 3, с. 481 — 484):

337. *Шадово*, дер. (1 дв.), — надъ оз. *Корасцомъ* (ib. № 339), — сѣновосъ на рч. *Жадрицъ*.

а) Озера съ именемъ «*Корасцо*» — нѣтъ въ предѣлахъ вол. Неведринской. Въ 4¹/₂ в. къ с. отъ оз. *Жадра* лежитъ безым. озеро, на берегу котораго стоитъ фольв. *Карасно?* (— оз. *Корасцо?*) — Рч. *Жадрицею* считаю безым. рѣчку, выходящую изъ оз. *Жадра* и впадающую въ оз. *Фролово*.

338. *Василева*, дер. (1 дв.), — надъ оз. *Островитамъ* (ib. — № 340).

(*) Дер. *Васютина*, на с.-в. берегу оз. *Островита*.

339. *Гридяево*, ib. (1 дв.).

340. *Шилово*, поч. (1 дв.).

341. *Митина*, дер. (1 дв.), —

надъ оз. *Кривенцомъ*, — сѣновосъ на рч. *Ждарь*.

342. *Леванова*, ib. (1 дв.), — надъ оз. *Кривенцомъ* «другимъ.»

343. *Филипова*, ib. (1 дв.), — надъ оз. *Колпинымъ*.

а) Въ 1¹/₄ в. къ в. отъ предполагаемаго (см. № 337) оз. *Корасца* лежитъ безым. озеро, на которомъ стоитъ ф. *Колпино* (— оз. *Колпино?*).

344. *Влазнева*, п-шь.

345. *Шутино*, дер. (1 дв.).

346. *Сысоева*, ib. (1 дв.), — надъ оз. *Березней* и оз. *Жабинцомъ*.

а) Въ 7 в. къ с.-з. отъ оз. *Жадра* лежитъ оз. *Березно*.

347. *Григорова*, дер. (1 дв.), — надъ оз. *Березней* (ib.: №№ 348 — 357).

348. *Батово*, ib. (1 дв.).

349. *Батово* «другое», ib. (1 дв.).

350. *Плестиково*, ib. (1 дв.).

351. *Ортюхово*, ib. (2 дв.).

352. *Федорцова*, ib. (1 дв.).

353. *Иванково*, дер. «дв. пус.» (1).

354. *Гришкино*, с-ще.

(*) Дер. *Гришутина*, въ 2 в. къ в. отъ оз. *Березны*.

355. *Турлакова*, дер. (1 дв.), — сѣновосъ на рч. *Колтинцъ* (ib. — № 356).

(*) Дер. *Турлакова*, въ 3 в. къ ю.-з. отъ № 354, — въ 1¹/₄ в. отъ лѣваго берега безымен. рѣчки (рч. *Колтинецъ?*), выходящей

изъ оз. *Стволина* (оз. *Колтино?*) и впадающей въ безыменную же рѣчку, идущую изъ оз. *Фролова* (см. № 337).

356. *Жилино*, дер (2 дв.).

(*) Дер. *Шилина*, въ 1½ в. къ ю.-в. отъ № 355, — на правомъ берегу безым. рѣчки, выходящей изъ оз. *Фролова*, въ 4 в. выше впаденія въ нее предполагаемой рѣчки *Колтинца* (см. № 355).

357. *Тумахино*, п-шь.

358. *Синицыно*, с-ще.

359. *Труфаново*, ib., — на оз. *Морювль*.

360. *Краснораково*, ib.

(**) Дер. *Красноракова*, въ ½ в. отъ сѣв. берега оз. *Березны*.

361. *Клюкино*, ib

(**) Дер. *Клюкина*, въ ½ в. къ с. отъ № 360.

362. *Павлово*, с-ще.

(**) Дер. *Павлово*, въ ½ в. къ с. отъ № 361.

(Книга № 3, с. 511—515):

363. *Доморезово-Чухистово*, ib., — сѣнокошь на р. *Неведреть* «у *Гвозны*.....»

(*) Дер. *Дамарева*, въ 2½ в. на з. отъ оз. *Березны* и въ 2 в. на в. отъ оз. *Могильна*. Въмѣсто «*Гвозны*» нужно читать (какъ въ № 366) — «*Гвозды*»: на нижнемъ теченіи рч. *Неведрянки* (т. е. — отъ оз. *Могильна* до впаденія рѣчки въ р. *Великую*) есть двѣ дер. *Гвозды* — къ с. и къ с.-в. отъ № 404. № 363 лежитъ въ

8 в. отъ этихъ деревень. — (На картѣ стоитъ: «*Доморезово*»).

364. *Вылкова*, дер. (1 дв.), — на оз. *Могильтъ* (ib.: №№ 365 и 366).

(*) Дер. *Улькова*, на вост. берегу оз. *Могильна*, — въ 1¾ в. къ ю.-з. отъ № 363.

365. *Михалково*, ib. (1 дв.).

366. *Овсянково*, с-ще, — сѣнокошь «у *Гвозды*» (ib.: №№ 367 и 371).

367. *Гаранчарова*, п-шь «ч. б. д.»

368. *Онтоново-Лапино*, с-ще.

(*) Дер. *Лапина*, въ 2 в. къ в. отъ оз. *Могильна*, въ ½ в. къ с. отъ № 363. — (На картѣ: «*Лапино*»).

369. *Гридоквицина*, п-шь.

370. *Черепова*, дер. (1 дв.).

(**) Дер. *Черепова*, на вост. берегу оз. *Могильна*, въ ½ в. къ с. отъ № 364.

371. *Болдина-Костыкова*, дер. «пуста».

372. *Скоморохова - Векишина*, п-шь, — на рч. *Свиблиць*.

(**) Дер. *Векишина*, на лѣвомъ берегу рч. *Устья*, выходящей изъ оз. *Свибла* (рч. *Свиблица?*), въ ½ в. отъ ея впаденія въ рч. *Неведрянку* (между оз. *Сутюки* и оз. *Могильной*). — (На картѣ: «*Векишина*»).

373. *Шулепово*, дер. безъ дв., — надъ оз. *Неведриемъ* (ib.: №№ 374—375, 381—383).

374. *Сутыкино-Федорово*, дер. (1 дв.).
375. *Минина-Ильина*, ib. (1 дв.).
376. *Оникеево*, с-ще.
377. *Черепово*, п-шь «ч. б. п.», — за оз. *Мал. Неведриемъ*.
378. *Семенково*, дер. (1 дв.), — надъ озв. *Уклейномъ*.
(*) Ставлю на сѣвер. берегу озв. *Уклейна*, гдѣ стоитъ госп. д. *Уклейно* (другіе берега — болотисты). Озеро лежитъ въ 1 в. къ с. отъ сѣв.-зап. залива оз. *Свибла*.
-
379. *Панкратова*, п-шь «ч. б. д.».
380. *Панкратова* «другая», ib.
381. *Воронова*, дер. (1 дв.).
382. *Кондратова-Кожина*, ib. (1 дв.).
383. *Омельяново*, п-шь.
-
384. *Вошковъ*, поч. (1 дв.), — на оз. *Вошковъ*.
(*) Дер. *Ашково*, на с.-в. берегу оз. *Ашкова*, которое лежитъ въ 3 в. къ з. отъ оз. *Могильна*.
385. *Вербутова*, п-шь «ч. б. д.».
386. *Савина*, дер. безъ дв., — надъ оз. *Соминьмъ*.
387. *Курилова*, п-шь «ч. б. д.».
388. *Клесенкова*, ib.
-
389. *Тимошкова*, дер. (1 дв.).
390. *Федорова*, п-шь.
391. *Масленкова*, ib.
392. *Терешково*, п-шь «ч. б. д.»
393. *Иванкова*, п-шь.

394. *Пахомьево*, ib.
395. *Данилкова*, ib.
396. *Орефина*, ib.
-
397. *Труфановъ*, поч. (1 дв.), — на р. *Великой*.
398. *Окатьево*, п-шь.
399. *Сонкина*, ib.
400. *Ребово*, ib.
(*) Дер. *Рябова*, въ 1 в. къ ю. отъ оз. *Шевина* и въ 1 в. къ з. отъ оз. *Березны*.
401. *Полозово*, ib.
(*) Дер. *Полозово*, на правомъ берегу безым. рѣчки, въ 1 в. отъ ея истова изъ оз. *Шевина* (впадаетъ въ рч. *Неведрянку*, у дер.-нъ *Гвоздовъ*).
402. *Исакова*, ib.
(*) Дер. *Исакова*, въ 2¹/₂ в. къ з. отъ оз. *Шевина*, — въ 2 в. къ ю. отъ № 401.
403. *Максимова*, ib.
(*) Дер. *Максимкова*, въ 3 в. къ з. отъ № 402.
404. *Грибель*, ib.
(*) С. (съ *хр.*) *Гребло*, въ 1¹/₄ в. отъ лѣваго берега рч. *Неведрянки* (у *Гвоздовъ*).
405. *Слатино*, п-шь, — надъ оз. *Пруиковьмъ*.
406. *Гришина*, п-шь.
407. *Мосьево*, ib.
408. *Тенишина*, ib.
409. *Якубово*, с-ще, — на р. *Великой*.
-
410. *Рекшинново*, п-шь, — на р. *Неведриъ* (ib. — № 411).
-

411. *Зуйкова*, ib.

412. *Яковлева*, ib.

(*) Дер. *Яковлева*, на лѣвомъ берегу р. *Великой*, въ 2 в. ниже устья рч. *Неведрянки*.

413. *Юдино*, с-ще, — на оз. *Щедринъ*, — сѣнокось на рр. *Великой* и *Неведриъ*.

414. *Захарыно*, п-шь.

(*) Дер. *Захарыцина*, въ 4 в. къ в. отъ оз. *Шевина*, — въ 2^{1/2} в. къ с. отъ № 362.

415. *Обытокъ*, с-ще, — на оз. *Могильнъ*.

Д) **Волость Дрысецкая** (книга № 3, с. 468 — 474):

Петровский станъ (№№ 416 — 425):

416. *Власьево*, дер. (1 дв.), — на оз. *Язнь* (ib.: №№ 417 — 420).

417. *Филипова*, ib. (1 дв.).

418. *Степанково*, ib. (1 дв.).

419. *Старческая*, ib. (1 дв.).

420. *Наумова*, ib. (1 дв.).

421. *Семеново*, ib. (1 дв.), — «... въ *Загоръ*....» (ib.: №№ 422 — 436), — надъ оз. *Вопкинымъ*, — сѣнокось на р. *Ущъ* (ib.: №№ 422 — 430).

а) Есть пог. *Семенки*, въ 5^{1/2} в. къ в. отъ р. *Ущи*. Ближайшее озеро — *Ловица* лежитъ въ 3 в. къ з. отъ погоста.

422. *Оафоново*, ib. (1 дв.).

423. *Тробинова*, п-шь «ч. б. д.».

424. *Мосьева*, дер. «дв. пус.» (1).

425. *Стиридоново*, с-ще.

426. *Петрова*, дер. «пус.».

427. *Левонова*, дер. (1 дв.).

428. *Овсьево*, ib. (1 дв.).

429. *Босино*, ib. (1 дв.).

430. *Рогово*, дер. «пуста».

(*) Дер. *Рогова*, въ 1 в. къ з. отъ оз. *Глуба*, — въ 6 в. къ в. отъ № 1.

431. *Шерстово*, п-шь, — надъ оз. *Глубомъ* (ib. № 432).

(**) Дер. *Шерстово*, въ 1 в. къ з. отъ оз. *Глуба*, въ 2 в. къ с.-з. отъ № 430.

432. *Михалкова*, ib.

433. *Въровъ*, поч. (1 дв.). — сѣнокось на р. *Ущъ* (ib. №№ 434 и 435).

434. *Романова*, дер. (1 дв.).

435. *Данилова*, дер. «пус.».

436. *Занкова*, п-шь, — надъ оз. *Глубомъ*.

437. *Якимова*, дер. «пуста», — «...въ *Крешучъ*..» (ib.: №№ 438 — 452), — сѣнокось на р. *Дрысь* (ib.: №№ 438 — 451, 453, 455, 461 — 463).

а) О *Крешучъ* — см. № 135.

438. *Федотова*, дер. «пуста».

439. *Фомина*, дер. «дв. пус.» (1).

440. *Павлова*, ib. (1).

441. *Кузмино*, ib. (1).

442. *Ортемово*, ib. (1).
443. *Семеново*, ib. (1).
444. *Васьево*, ib. (1).
—
445. *Яшиково*, ib. (1).
446. *Остарково*, ib. (1).
447. *Демешково*, ib. (1), — сѣнокосъ на р. *Дрысь*.
(* Дер. *Демъхъ*, на правомъ берегу р. *Дрыси*, — въ 5 1/2 в. ниже № 135. (Въ 1/2 в. отъ деревни, вверхъ по рѣкѣ, лежитъ дер. *Демхи*).
448. *Курьяново*, ib. (1).
449. *Тимофьево*, ib. (1).
450. *Сыменово*, ib. (1).
451. *Клемятино*, ib. (1).
—
452. *Обромьево*, ib. (1), — надъ оз. *Шеплинымъ*.
—
453. *Яковлево*, ib. (1), — «... въ *Троиловичихъ*.....» (см. № 215) (ib.: №№ 454 — 468).
454. *Иванково*, с-ще.
455. *Обромьево*, дер. «пуста».
456. *Иматкова*, ib.
457. *Пенова*, дер. «пуста».
а) Есть дер. *Пернова*, на рч. *Варужъ*, въ 3 в. къ в. отъ оз. *Демина*.
458. *Останькова*, дер. «дв. пусть» (1).
459. *Олжина*, дер. «пуста».
460. *Дмитрово*, дер. безъ дв.
—
461. *Семено* (sic), дер. «пуста».
462. *Дьялева*, дер. безъ дв.
463. *Захарьино*, ib.
464. *Безымянный* — починокъ

безъ дв., — «надъ *Донкою* лукою.....»

а) Есть оз. *Донское*, соединенное проливомъ съ оз. *Синьгаюю*, чрезъ которое проходитъ р. *Дрисса*.

465. *Семеново*, с-ще, — надъ оз. *Однемъ*.

466. *Семеново*, дер. безъ дв., — надъ рч. *Деменицею*.

а) Есть безым. рѣчка, выходящая изъ оз. *Демина* и впадающая въ оз. *Литвиново*.

467. *Медемцово*, дер. «дв. пусть» (1).

468. *Вожово*, ib.

—
469. *Мамышево*, ib., — «... въ *Туричь...*» (ib.: №№ 470 — 476), — на оз. *Туричь* (ib.: №№ 470, 471, 474 — 476).

470. *Скреболово*, с-ще.

(* Дер. *Скряблино*, въ 2 в. къ с.-з. отъ оз. *Туричина*, — въ 2 в. къ в. отъ оз. *Литвинова*.

471. *Середнее*, ib.

472. *Аристово*, ib.

473. *Полуйково*, ib.

474. *Онаньино*, дер. безъ дв.

475. *Гачниково*, с-ще.

476. *Иваново*, ib.

—
Е) **Волость Покровская** (книга № 3, с. 487 — 496):

477. *Филистова*, дер. (2 дв.), — сѣнокосъ на рч. *Крупъ*.

(* Ф. *Фелистова*, въ 1 3/4 в. къ с. отъ оз. *Долосцовъ*, — на

правомъ берегу рч. *Середни*, въ 1 в. выше впаденія въ нее рч. *Крупни*. Послѣдняя выходитъ изъ болота, лежащаго у сѣв.-вост. берега оз. *Крупова*. (Въ 5 в. къ в. отъ ф-ка и въ 2 в. къ в. же отъ рч. *Крупни* лежитъ слц. *Фелистово*).

478. *Ночовкина*, п-шь.

479. *Поддубки*, ib.

а) Есть 2 дер-ни *Поддубны*: одна — въ $3\frac{1}{2}$ в. къ ю. отъ оз. *Крупова*, другая — въ $3\frac{1}{2}$ в. къ в. отъ первой, у оз. *Маслова*.

480. *Дядкова*, дер. (2 дв.), — надъ оз. *Глубокимъ*.

(*) Ставлю на сѣв. берегу оз. *Глубошни*, лежащаго въ 4 в. къ в. отъ оз. *Крупова*. (Изъ оз-а выходитъ рч. *Лубошня*, впадающая въ рч. *Крупню*).

481. *Панская-Ситкова*, п-шь.

а) Есть оз. *Паново*, въ 11 в. къ ю. отъ оз. *Крупова*.

482. *Дубки*, ib.

483. *Толстово*, слц. («дв. помѣщиковъ»), — на р. *Великой* (ib.: №№ 484—493).

484. *Обросково*, дер. (2 дв.).

485. *Ровная*, ib. (2 дв.).

(**) Ф. *Ровное*, на правомъ берегу р. *Великой*, въ 5 в. (по прямому направленію) отъ ея истока изъ оз. *Быстраго*.

486. *Степаново - Шевердино*, ib. (3 дв.).

(**) Дер. *Степанькова*, на лѣвомъ берегу р. *Великой*, въ $2\frac{1}{2}$

в. выше № 485. (На картѣ: «*Степаново*»).

487. *Данимова*, п-шь.

(**) Дер. *Данимова*, на правомъ берегу р. *Великой*, напротивъ № 486.

488. *Омельянова*, дер. (1 дв.).

489. *Межаковъ*, поч. (1 дв.).

490. *Бутакова-Поддубье*, дер. (2 дв.).

(**) Ф. *Поддубы*, на лѣв. берегу р. *Великой*, въ $1\frac{1}{2}$ в. ниже № 486. — (На картѣ: «*Поддубье*»).

491. *Лодыжино*, ib. (1 дв.).

(**) Дер. *Лодыжино*, въ $2\frac{1}{2}$ в. къ с. отъ № 485. (Есть еще дер. *Лодыжино* — у оз. *Подсоши*, лежащаго къ ю.-в. отъ оз. *Быстраго*).

492. *Десятникова*, дер. «пуста».

493. *Столыпина*, дер. (1 дв.), — «...на Ямской дорогѣ.....» (ib.: №№ 494—495).

494. *Кордово*, дер. «дв. пус.» (1).

495. *Мосъево*, дер. (1 дв.), — сѣнокось на р. *Великой*.

496. *Шубинское - Имино*, ib. (1 дв.).

497. *Васково-Боталкино*, ib. (1 дв.), — на оз. *Сверзнь* (ib.: №№ 499, 500 и 502).

а) Оз. *Сверзнь* лежитъ въ 3 в. къ з. отъ оз. *Долосцовъ*.

498. *Мякишева*, дер. безъ дв.

499. *Еськино*, дер. (1 дв.).

500. *Гончарово*, ib. (1 дв.).

501. *Микитино*, с-ще.

502. *Очафоново*, дер. (1 дв.).
503. *Взамошь* (?) - *Сенки-Чирава*, дер. безъ дв.
а) Есть ф. *Замошино*, въ $5\frac{1}{2}$ в. къ с.-в. отъ оз. *Сверзна*.
504. *Власково*, с-ще.
505. *Совотъево*, ib.
(* Дер. *Севастьяева*, на с.-з. берегу оз. *Быстраго*, въ $1\frac{1}{2}$ в. къ ю. отъ № 490.
506. *Филипко* (?) - *Буханово-Колтоково*, дер. (1 дв.).
507. *Патрекъево*, ib. (1 дв.), — надъ оз. *Долосцомъ*, — сѣновосъ на рч. *Крупнъ*.
а) Оз. *Долосцы* лежитъ въ $\frac{3}{4}$ в. къ с.-з. отъ оз. *Крутова*.
-
508. *Тимошкино-Бабино*, ib. (1 дв.), — надъ оз. *Крупнмъ*, или *Крутинмъ* (ib. №№ 509 и 513).
509. *Петруши-Иванова*, ib. (1 дв.).
510. *Сухино*, п-шь, — на оз. *Ясь* (ib. : №№ 516 — 519).
а) Оз. *Ясы* лежитъ въ 5 в. къ з. отъ оз. *Быстраго*. Черезъ первое проходитъ р. *Великая*.
511. *Слабышева*, ib., — надъ оз. *Главизномъ*.
-
512. *Груздовичи*, ib., — на р. *Двинъ* (?).
а) Это показаніе представляется вероятнымъ: отъ южныхъ предѣловъ *Покровской* волости до ближайшаго пункта р. *Двинъ* будетъ — минимумъ 90 — 100 верстъ Не попалъ-ли № 512 въ вол. *Покровскую* — по ошибкѣ? или:

нѣтъ-ли ошибки въ названіи рѣчки? — (Есть дер. *Грузды*, въ $1\frac{3}{4}$ в. къ з. отъ оз. *Березны*).

-
513. *Звягино*, дер. (1 дв.).
(**) Дер. *Звяги*, на сѣв. берегу оз. *Крутова*.
514. *Карнаухова*, дер. безъ дв., — надъ оз. *Онашинимъ*.
(**) Дер. *Карнаухова*, въ $1\frac{1}{2}$ в. къ ю. отъ оз. *Крутова*, — подлѣ безымен. озера. (Въ 1 в. къ ю. лежитъ другая дер. *Карнаухова*).
515. *Мочалова*, ib., — на рч. *Сверзнъ*.
(**) Дер. *Мочалова*, на лѣв. берегу безым. рѣчки, въ 1 в. отъ ея истока изъ оз. *Сверзна* (рч. *Сверзна* ?). Въ 1 в. къ с. отъ дер-ни лежитъ другая дер. *Мочалова* (*Карнаухова* тожь).
516. *Симанова*, дер. (1 дв.).
(**) Дер. *Симанова*, на зап. берегу оз. *Ясы*.
517. *Ошиковъ*, поч. «пустъ».
518. *Глазковъ*, поч. (1 дв.).
519. *Килохновъ*, ib. (2 дв.).
-
520. *Ивана-Гускина*, дер. (1 дв.), — на оз. *Бол. Середтъ* (ib. — №№ 522 и 524).
(* Ф. *Гускино*, на зап. берегу безым. озера, лежащаго въ $\frac{1}{2}$ в. къ с. отъ оз. *Середен*.
521. *Кокорина*, ib. (1 дв.).
522. *Долошеино*, ib. (1 дв.).
523. *Скоробово*, ib. (2 дв.). — «на *Волокъ* на *Малой Середтъ* ...».
- (++) Есть ф. *Скоробово*, въ 2

в. къ ю.-в. отъ оз. *Середты*. Но — я ставлю № 523 на длинномъ (почти въ 1 версту) и узкомъ мысъ («волоѣ»), вдающемся (съ в. къ з.) въ сѣвер. часть оз. *Середты*. (Противъ мыса стоитъ дер. *Наволоки*). — Мысъ раздѣляетъ озеро на двѣ неравныя части, соединенныя узкимъ проливомъ: сѣверную—меньшую можно считать *Мал. Середтьемъ*, а южную—большую—*Бол. Середтьемъ*.

524. *Сенкина*, дер. (2 дв.).

525. *Иматковъ*, поч. (1 дв.), —на рч. *Середтья*.

а) Рч. *Середтья* выходитъ изъ оз. *Долосцовъ* и впадаетъ въ оз. *Середты*.

526. *Солохново*, дер. (1 дв.), —на р. *Великой* (ib.: №№ 527, 530 -- 532).

527. *Юшково*, ib. (3 дв.).

528. *Сидорцово*, дер. «дв. путь» (1), —на *Ямской* дорогѣ, —сѣновось на р. *Великой*.

529. *Зеленино*, дер. (2 дв.), —на оз. *Ясь* (ib. -- № 540).

530. *Пестунова*, ib. (1 дв.).

а) Есть дер. *Пьстунювка*, въ 3 в. къ з. отъ впаденія рч. *Идритцы* въ р. *Великую*. Но я не поставилъ здѣсь № 530-го, потому что, судя по ходу описанія, въ №№ 530—532 (какъ и во всѣхъ предыдущихъ, гдѣ упоминается р. *Великая*) — идетъ рѣчь о верхнемъ теченіи р. *Великой*, т. е. — между оз. *Бы-*

стрымъ и оз. *Яссами* и нѣс-больбо ниже. А дер. *Пьстунювка* лежитъ въ 22 в. отъ оз. *Яссы*.

531. *Кондыкинской*, поч. (2 дв.).

532. *Перервино*, дер. (2 дв.).

533. *Лемяшово*, поч. (1 дв.).

534. *Козуево*, дер. (3 дв.), —на оз. *Бол. Середтья*.

535. *Павловъ*, поч. (1 дв.).

536. *Шатково*, с.-ще, —на рч. *Середтья*.

537. *Бъжино*, ib.

538. *Горки*, ib., —на рч. *Черниця* (ib.: №№ 539, 541).

а) Есть рч. *Черная*, впадающая въ р. *Алюю*, съ лѣвой стороны, въ 10 в. отъ устья по-стѣдней (въ р. *Великую*).

539. *Болтово*, поч. (1 дв.).

а) Есть дер. *Болтово*, въ 6 в. къ ю. отъ рч. *Черной*.

540. *Юрково*, дер. (3 дв.).

541. *Лотко*, с.-ще.

542. *Покровскій* погость, —на оз. *Ясь*, —сѣновось на р. *Ололь* «выше *Елинского* броду...»

(*) Ставлю на мѣстѣ погоста *Яссы*, который лежитъ на ю.-з. берегу оз. *Яссы*. Другаго погоста на этомъ озерѣ—нѣтъ....

543. *Обромъево*, дер. (1 дв.).

544. *Мартинова-Улитина*, ib. (1 дв.).

545. *Мисулчинъ*, поч. безъ дв.

(*) Дер. *Микулина*, въ 2 в. въ с. отъ № 491.

(Книга № 3, с. 484—486):

546. *Зеношкинъ*, поч. (1 дв.).

547. *Сотонкино*. с.-ще, — надъ

оз. *Крутиньмъ* (ib.: №№ 548 и 558).

(**) Дер. *Сотонкина*, на южн. берегу оз. *Крупова*.

548. *Колодезница-Тимошкина*, с.-ще.

549. *Обросова*, п.-шь.

550. *Иматова*, ib.

551. *Шаверова*, ib.

(*) Дер. *Шаверова*, въ 1 в. въ с. отъ оз. *Островита*, — въ 6 в. въ ю.-з. отъ № 547.

552. *Безносихино*, ib.

553. *Овсянникова-Чешилова*, ib.

554. *Ботвина-Гора*, с.-ще.

(**) Дер. *Ботвино* (стоитъ на горѣ), въ 4 в. въ з. отъ оз. *Крупова*, — въ 4 в. въ с. отъ № 551. — (На картѣ: «*Ботвина*»).

555. *Москалева-Гора*, ib.

(**) Дер. *Москалева*, въ 2 в. въ з. отъ № 554. — (На картѣ: «*Москалева*»).

556. *Коклино*, ib.

(**) Дер. *Коклино*, въ 1/2 в. въ с. отъ № 554.

557. *Кузнецово*, ib.

(**) Дер. *Кузнецово*, въ 1/2 в. въ ю. отъ № 555.

558. *Зиновково*, ib.

559. *Смолишкино*, поч. (1 дв.).

560. *Мелешкова*, п.-шь, — «...въ *Замощь*....»

561. *Захаркино*, с.-ще.

562. *Омельяново*, с.-ще.

563. *Микитино*, ib., — надъ

оз. *Колтиньомъ*.

(*) Ставлю на мѣстѣ фольв. *Колпина*, который лежитъ на безименн. озерѣ (см. № 343), въ 3 в. въ ю. отъ оз. *Крупова*.

564. *Дермлазово*, ib.

565. *Сметанино*, ib., — надъ оз. *Елиньомъ*.

566. *Быково*, ib.

567. *Овсяхово*, ib., — надъ рч. *Елницюю*.

568. *Черное*, ib., — надъ оз. *Карасьомъ*.

(*) Ставлю на мѣстѣ фольв. *Карасна*, который стоитъ на безименн. озерѣ (см. № 337), лежащемъ въ 1 1/2 в. въ в. отъ предполагаемаго (см. № 563) оз. *Колтинца*.

569. *Васково*, ib.

570. *Петяково*, с.-ще, — надъ оз.

Орлѣмъ (ib. — № 571).

571. *Михалково*, ib.

(**) Дер. *Михальцова*, на вост. берегу оз. *Орлѣ*. — (На картѣ см. между волостями Б, В и Д).

572. *Яковлево*, с.-ще, — надъ оз. *Бѣлымъ*.

а) Есть оз. *Бѣлое*, въ 2 1/2 в. въ в. отъ оз. *Орлѣ*.

573. *Дѣино-Михалево*, ib., — надъ оз. *Долосьомъ*.

(**) Есть дер. *Дѣина*, на ю.-в. берегу оз. *Долосьовъ*. Въ 1 в. въ с., за озеромъ, лежитъ дер.

Михалкова. № 573 ставлю на мѣстѣ первой деревни.

574. *Нестерово*, п-шь.

(*) Дер. *Нестерова*, въ 1 1/2 в., къ ю.-з. отъ оз. *Долосцовъ*.

575. *Чешилово*, с-ще, — на оз. *Чешиловъ*.

576. *Начаино*, ib.

577. *Матюшкино*, ib.

578. *Кобылкино*, ib.

579. *Пыжова*, п-шь, — надъ оз. *Березной* (ib. № 580).

(*) Дер. *Пыжова*, въ 1 1/2 в. къ с.-з. отъ оз. *Березны*. — (На картѣ см. въ волости Г).

580. *Ондрѣево*, с-ще.

581. *Турлаково*, п-шь, — надъ рч. *Колпинцомъ*.

а) № 581 имѣетъ сходство въ имени и въ географическомъ признакѣ съ № 355-мъ (*Неведрино*. вол.). Но есть и различіе: № 581 показанъ на самой рѣчкѣ *Колпинцѣ*, а о № 355 замѣчено, что только *стмокосъ* его лежалъ на этой рѣчкѣ. Поэтому-то, на мѣстѣ современной дер. *Турлаковой*, лежащей не на самой рѣчкѣ, а въ 1 1/2 в. отъ нея, — поставленъ № 355, а не № 581.

582. *Мишкова*, ib.

583. *Ондропова*, ib.

584. *Потарьмо* (?) — *Полорьмо*, ib.

585. *Созоново*, с-ще, — надъ рч. *Жадрисью*.

586. *Петрушкино*, ib.

587. *Ондрѣево*, ib.

588. *Сертьево*, ib.

589. *Пакоштино*, ib.

590. *Сенково*, ib.

591. *Семеново*, ib.

592. *Омианиково*, ib.

593. *Лысково*, с-ще.

(*) Дер. *Лискина*, на вост. берегу оз. *Березны*.

594. *Козново*, ib.

595. *Омельяново*, ib.

596. *Тимошиково*, ib.

597. *Старица*, ib., — надъ оз.

Свибломъ.

(**) Ф. *Старицы*, на сѣв. берегу сѣвернаго залива оз. *Свибла*. (На картѣ см. въ вол. Г).

598. *Жалово*, ib.

(**) Дер. *Жилова*, на вост. берегу того же залива. — (На картѣ см. ibid.).

599. *Павлово*, ib., — «...въ *Сутокахъ*...»

(**) Дер. *Павлова*, въ 1 в. къ в. отъ оз. *Сутоковъ*, — на прав. берегу безым. рѣчки, идущей изъ оз. *Фролова* (впадаетъ въ рч. *Неведрянку*, выше входа послѣдней въ оз. *Сутоки*). — (На картѣ см. ibid.).

600. *Михѣево*, ib.

(**) Дер. *Михѣева*, на вост. берегу оз. *Сутоковъ*. — (На картѣ см. ibid.).

601. *Нестерово*, ib.

602. *Ласицыно*, ib.

603. *Васютино*, с-ще, — «въ *Переброткахъ*...»

а) Есть дер. *Василева*, въ 2 в. къ в. отъ оз. *Свибла*.

604. *Денисово*, ib.

(*) Дер. *Денисова*, въ 3/4 в.

въ в. отъ оз. *Орлеи*, — въ 1 в.
въ с.-в. отъ № 571. — (На картѣ
см. между волостями Б, В и Д).

605. *Слотино*, ib.

606. *Житниково*, ib.

(*) Дер. *Житникова*, въ 1½

в. къ ю. отъ оз. *Воложны*, —
въ 1 в. къ ю. же отъ оз. *Ор-*
леи. — (На картѣ см. въ вол.
Туринтовской).

607. *Гришино*, ib.

608. *Онтоново*, ib.

609. *Сухоручково*, ib.

610. *Яковцово*, ib.

611. *Сельюково*, ib.

612. *Насоново*, ib.

(*) Дер. *Насонова-Гора*, на
зап. берегу оз. *Неведра*. — (На
картѣ см. въ вол. Г).

613. *Псковки*, ib.

614. *Лутюшино*, ib.

615. *Коробово*, ib.

616. *Тимоново*, ib.

(*) Ф. *Тимоново*, на прав. бе-
регу рч. *Неведрянки*, въ ½ в.
выше № 253. — (На картѣ см.
въ вол. Б).

617. *Ондръево*, ib., — на рч.
Неведрь (ib. — № 618).

618. *Новосемкино*, ib.

(Книга № 3, 1570 г., с.
496—506).

619. *Копустыни*, дер. (1 дв.),
— на оз. *Ясь* (ib. №№ 621—
623), — сѣвнось на р. *Оломъ*
ib. — №№ 620—623). — (Р.: *Ка-*
пустино).

а) Р. *Алоля* впадаетъ въ р.
Великую ниже оз. *Езерница*. —

Варианты и дополненія къ №№
613—621, 623, 625, 628, 630,
640, 643 и 645, помѣщенные
въ скобкахъ, подъ буквою Р,
взяты изъ рукописной книги
1570 г. — № 11 а.

620. *Яикова*, п-шь, — на рч.
Шениць. — (Р.: *Юшково*, — на
рч. *Шевниць*).

(*) Дер. *Яикова*, на лѣв. бе-
регу безымен. рѣчки, въ 1½ в.
отъ впаденія ея въ оз. *Яссы*
(съ сѣвера).

621. *Боброва*, дер. (1 дв.). —
(Р.: 2 дв.).

622. *Дрокуново*, ib. (2 дв.). —
(Р.: 1 дв.).

(**) Дер. *Дрокунова*, на сѣв.
берегу оз. *Яссы*. — Варианты и
дополненія къ №№ 622, 624,
636 и 637, подъ буквою Р,
взяты изъ рукописн. книги № 7,
1571 г.

623. *Лосево*, дер. (1 дв.). —
(Р.: 2 дв.).

624. *Самсоновская*, ib. (1 дв.).
— (Р.: 2 дв.), — на рч. *Кощевниць*.

625. *Демино*, ib. (4 дв.), —
на оз. *Вербилоть*, — сѣвнось на
р. *Велюкой*. — (Р.: 3 дв.).

(*) Ставлю на южн. берегу
(остальные — болотисты) оз. *Вер-*
билова (лежить въ 1 в. къ с.-з.
отъ устья рч. *Алоли*), къ з. отъ
дер. *Вербилотовой* (у которой ле-
жить монастырь *Вербилоть*).

626. *Лезонова*, ib. (1 дв.), —
«...въ *Загорь*...», — на р. *Оломъ*
(ib. № 627).

а) Есть пог. *Загорье*, на оз.

Септлоузъ, въ 1^{1/2} в. въ с. отъ оз. *Алялю*.

627. *Ондроново*, поч. (1 дв.).

628. *Киселева*, дер. (1 дв.),— на оз. *Ололь* (ib.—№№ 629 и 630).—(P.: дер. «пуста»).

(**) Дер. *Киселева*, на зап. берегу оз. *Алялю*.

629. *Онтонова - Хрожиова*, п-шь «ч. б. д.»

630. *Онашкинская*, п-шь.— (P.: подлѣ № 634).

631. *Лобашева*, дер. «пуста».

(*) Дер. *Лобачи*, въ 1/2 в. въ ю. отъ оз. *Боландина*, которое лежитъ въ 1^{1/2} в. въ з. отъ оз. *Алялю*.

632. *Максимова*, дер. (4 дв.),— сѣновосъ на р. *Ололь* (ib.: №№ 636, 640—643).

(*) Пог. *Максимъ*, на южн. берегу оз. *Боландина*,— въ 1^{1/2} в. въ з. отъ оз. *Алялю*.

633. *Тимошкова*, п-шь «ч. б. д.»

634. *Соколово*, дер. (1 дв.),— на оз. *Колтинъ* (ib.: №№ 640—642),—сѣновосъ «въ *Завонъ*....» (ib.: №№ 635, 638, 639).

а) Оз. *Колтино* лежитъ въ 1^{1/4} в. въ с. отъ оз. *Алялю*.

635. *Мисалково-Хлусово*, ib. (1 дв.).

636. *Скокова*, дер. (2 дв.).— (P.: 1 дв.).

637. *Канунова*, дер. (2 дв.),— на р. *Ололь*.—(P.: *Конаново*).

638. *Олександровская*, п-шь.

639. *Бубнова*, ib.

(*) Ф. *Бубново*, на прав. бе-

регу р. *Алоли*, въ 1^{3/4} в. выше устья рч. *Черницы*.

640. *Воротково*, дер. (2 дв.).— (P.: 1 дв.).

641. *Кротова*, ib. (1 дв.).

642. *Ескова*, ib. (1 дв.).

643. *Мартынова*, ib. (2 дв.).—(P.: 1 дв.).

644. *Савостьянова*, ib. (2 дв.),—на горѣ *Колтинъ*.

645. *Гридково*, дер. «дв. пус.» (1),—на рч. *Колтинъ*.—(P.: дер. «пуста»).

а) Есть рч. *Колтинка*, соединяющая оз. *Колтино* съ оз. *Алялю*.

646. *Калитина*, дер. безъ дв.

647. *Горка*, поч. (1 дв.).

(*) Дер. *Горка*, въ 3 в. въ з. отъ № 631,—на лѣв. берегу безым. рѣчки, въ 1/2 в. отъ ея истока изъ оз. *Авдѣйкова* (впадаетъ въ р. *Великую*).

648. *Борисковъ-Федоровъ*, поч. без. дв.

—

649. *Нероново*, дер. (2 дв.),— «...въ *Лешангъ*....» (ib. — №№ 650—663), надъ *Лужею*,—сѣновосъ на р. *Великой* «на *Холую*....» (ib.—№ 655).

а) Относительно *Лешанъ* см. № 653.—Что такое *Лужа*?—не напелъ....—Есть дер. *Холая*, на р. *Великой*, въ 1 в. выше устья рч. *Неведрямки*.

650. *Тюрма*, с-ще.

651. *Лыцово*, дер. (2 дв.),—надъ оз. *Горышомъ*, сѣновосъ на

р. *Великой* (ib.: №№ 652—654, 657).

652. *Хвостово-Никоновичи*, ib. (1 дв.),—на рч. *Синовицъ*.

а) Есть оз. *Синовино*—въ с. отъ оз. *Авдѣйкова*, но—никакихъ рѣчекъ оно не принимаетъ въ себя.

653. *Лешаниново*, ib. (1 дв.),—на рч. *Сыковницъ* (ib. № 654).

(*) Дер. *Лешане*, на лѣв. берегу безым. рѣчки (рч. *Сыковница?*), на которой стоитъ № 647, въ $\frac{1}{2}$ в. ниже его.

654. *Малышково*, ib. (1 дв.).

655. *Васково*, поч. (1 дв.),—надъ оз. *Островитомъ*.

а) Есть два оз-а *Островита*: одно—въ 2 в. къ в. отъ № 653, другое—въ 4 в. къ ю.-з. отъ того же пункта.

656. *Пищелево*, дер. (2 дв.),—надъ оз. *Загорьемъ* (ib. № 657),—сѣнокось «въ *Лонь*....»

657. *Иванкова-Насонкова*, ib. (2 дв.).

658. *Колодкино*, ib. (1 дв.),—надъ оз. *Боландинымъ* (ib. № 659),—сѣнокось на р. *Оломъ* (ib. № 659).

а) См. № 631 (объ оз. *Боландинъ*).

659. *Надслыово*, ib. (1 дв.).

(*) На сѣв. берегу оз. *Боландина* есть дер. *Ночлегова*. Полагая, что въ названіи этой деревни есть ошибка—или современной карты, или писцовыхъ книгъ, ставлю № 659 на мѣстѣ дер. *Ночлеговой*.

660. *Болашово*, ib. (2 дв.),—на оз. *Светломъ* (ib. № 661).

(**) Дер. *Балашова*, на южномъ берегу оз. *Светлаго*.

661. *Пъкино*, дер. (1 дв.).

662. *Гаврилково*, п-шь.

(*) Дер. *Гаврилцова*, на вост. берегу оз. *Островита*,—въ $\frac{1}{2}$ в. къ ю.-з. отъ № 631.

663. *Москолова*, ib.

664. *Пристань*, дер. (2 дв. и 1 «дв. пусть»),—на р. *Великой*.

(**) Дер. *Пристань*, на прав. берегу р. *Великой*, напротивъ устья рч. *Идрицы*,—въ 5 в. ниже устья рч. *Неведрянки*.

665. *Зуево*, дер. (1 дв.),—на оз. *Зерицъ*, или *Озерицъ* (ib.—№№ 666—670),—сѣнокось на р. *Великой* «на *Холму*....»

а) Есть дер. *Зуи*—на сѣв. берегу оз. *Ясы*.... Оз. *Взѣрице* лежитъ въ 4 в. къ ю.-з. отъ оз. *Ясы*.

666. *Сидорова*, ib. (2 дв.).

667. *Илмичи*, ib. (1 дв.).

(*) Дер. *Илмыина*, въ 1 в. отъ ю.-зап. берега оз. *Езерница*,—въ 1 в. къ в. отъ № 669.

668. *Жабинецъ-Жилино*, ib. (1 дв.).

669. *Микумино*, дер. (1 дв.).

(**) Дер. *Микумина*, на южн. берегу оз. *Езерницъ*.

670. *Липково*, п-шь.

671. *Кожина*, п-шь «ч. б. д.», на рч. *Тучкь* (ib.: №№ 672—674), — сѣнокось на р. *Великой*.

(*) Дер. *Кожена*, на прав. берегу безым. рѣчки, выходящей изъ озк. *Тусенца*, въ 1 в. отъ ея впаденія въ оз. *Езернице*.

672. *Кожино* «другое», п-шь, — сѣнокось на «*Холую....*» (ib.: №№ 673 и 674).

673. *Амосово*, дер. (2 дв.).

674. *Ермоловъ-Федоровъ*, поч. (1 дв.).

675. *Корноухово*, п-шь.

676. *Хотьева*, дер. «пуста», — на р. *Великой* (ib. № 679).

677. *Домочово*, п-шь, — на рч. *Домочовъ*.

678. *Молказино*, дер. (1 дв.), — за р. *Великою*.

679. *Казино*, ib. (2 дв.).

680. *Кондратова*, ib. (1 дв.).

681. *Пучкина*, ib. (1 дв.), — сѣнокось «на *Красной губѣ....*»

а) Есть урочище *Красный пенъ* — въ с. отъ оз. *Благо* (*Максютина* тожь) (см. «рубежь а»).

682. *Будникова*, ib. (1 дв.).

683. *Левонovo*, ib. (1 дв.), — сѣнокось на р. *Великой* (ib.: №№ 688, 696, 703).

(**) Дер. *Левнова*, въ 3 в. въ с.-з. отъ оз. *Кицкова* и въ 5 в. въ з. отъ р. *Великой*.

684. *Тюхьево*, дер. «пуста».

(**) Дер. *Тюхаева*, въ $\frac{1}{2}$ в. въ с. отъ № 683.

685. *Будникова*, дер. (1 дв.), — на рч. *Переходнъ*.

686. *Проскурнина*, дер. «дв. пусть» (1), — сѣнокось на р. *Великой* «на *Брызжелевъ....*» (ib. — №№ 705—707).

687. *Мичкова*, ib. (1).

688. *Оничовъ*, поч. (1 дв.).

689. *Лаврово*, дер. (1 дв.).

690. *Павликово-Ондртево*, ib. (1 дв.).

691. *Саввы-Горлова*, ib. (1 дв.).

а) Есть дер. *Горлова*, въ 1 в. въ ю. отъ оз. *Рыбна* и въ $8\frac{1}{2}$ в. въ с.-в. отъ оз. *Кицкова*. № 691 не поставленъ здѣсь, потому что эта мѣстность лежитъ въ вол. *Непоротовской* (см. № 736), — всѣ же предъидущіе и послѣдующіе пункты вол. *Покровской* лежать въ з. отъ р. *Великой* — въ окрестностяхъ оз. *Кицкова*.

692. *Федора-Розинкова*, дер. «дв. пусть» (1).

(**) Дер. *Разинка*, въ 1 в. въ в. отъ оз. *Кицкова*. (На картѣ: «*Розинкова*»).

693. *Брызжелева*, дер. (1 дв. и 1 «дв. пусть»), — на р. *Великой*.

694. *Максютина*, дер. «дв. пусть» (1), — сѣнокось на р. *Великой* «на *Холую....*»

(**) Дер. *Максютина*, въ $2\frac{1}{4}$

в. къ ю. отъ № 692, — въ 4 в. къ з. отъ устья рч. *Идрицы*.

695. *Климятино*, дер. (1 дв.), — на рч. *Выдрица* (ib. № 697).

а) Рч. *Идрица* выходитъ изъ оз. *Идри* и впадаетъ въ р. *Великую*, съ лѣв. стороны, около № 664.

696. *Мосъево*, дер. «пуста».

697. *Выдрино-Людино*, ib.

(*) Дер. *Люмина*, на с.-вост. берегу оз. *Идри*, — въ 1½ в. къ с.-в. отъ дер. *Идри*, лежащей на зап. берегу тогоже озера.

698. *Прудница*, ib.

(*) Дер. *Прудници*, въ 6 в. къ ю.-з. отъ № 697.

699. *Прудница*, «другая», ib.

(*) Подлѣ дер. *Прудницъ*, къ с. отъ нея лежитъ корчма *Прудници*, на мѣстѣ которой и ставлю № 699. — (На картѣ №№ 698 и 699 — см. въ предѣлахъ вол. Ж).

700. *Гаврилковъ*, поч. (1 дв.), — на р. *Великой*, «въ *Красной* губѣ *Слуцининова*....»

701. *Насонова*, п-шь.

702. *Литники*, ib., — надъ оз. *Лужею*.

(*) Дер. *Литники*, въ 1¾ в. къ с. отъ оз. *Благо-Максютина*. Къ с. отъ дер.-ни расположено около 10 безим. озерковъ, изъ коихъ на картѣ XVI в. представлено только одно — самое крупное (изъ него выходитъ безим. рѣчка, впадающая, ниже оз. *Прихабовъ*, въ р. *Вѣть*, съ

правой стороны). Деревня лежитъ въ 1 в. къ ю.-з. отъ этого озера.

703. *Симонковъ*, поч. безъ дв., — см. № 683.

(**) Дер. *Симановка*, въ 1 в. къ з. отъ № 694.

704. *Юдина*, п-шь.

705. *Раево*, ib. — см. № 686.

(**) Дер. *Раева*, въ ½ в. отъ зап. берега оз. *Кицкова*, — въ 2 в. къ с.-з. отъ № 703 (въ 1 в. къ ю.-з. лежитъ дер. *Райково*).

706. *Дяково*, ib.

(**) Дер. *Дякова*, въ 1 в. къ з. отъ № 705.

707. *Быкова*, ib.

(**) Дер. *Быкова*, въ ½ в. къ с.-з. отъ № 706.

708. *Өомиль-Панкратовъ*, поч. (1 дв.), — на рч. *Курковичь*.

709. *Полорълово*, п-шь.

(*) Дер. *Полорълова*, въ 10 в. къ с. отъ оз. *Кицкова*, за р. *Великою*, — въ 1½ в. къ с.-з. отъ оз. *Рыбна*, — въ ½ в. къ з. отъ озк. *Нижняго*.

710. *Пустынки*, поч. (1 дв.).

(*) Дер. *Пустынка*, въ ¾ в. къ с.-в. отъ № 709.

711. *Махново*, п-шь.

(*) Дер. *Махнова*, въ 3 в. къ с.-в. отъ № 710, — въ ½ в. отъ оз. *Велья*.

712. *Пеленева*, п-шь.

713. *Куземкина*, ib.

714. *Ходашикова*, ib.

(*) Дер. *Ходашикова*, въ 1 в. къ з. отъ № 684, — въ 2½ в. къ с.-з. отъ № 707.

Ж) Волость Непоротовская (книга № 3, 1570 г., стр. 507—510 и 516—518).

715. *Ондрѣево*, п-шь.

716. *Нестерова*, ib.

717. *Горькова*, ib.

718. *Павелковъ*, поч. (1 дв.).

719. *Маркова*, п-шь, — на рч.

Выдришь.

720. *Князева*, ib.

(*) Дер. *Князева*, въ 3^{1/2} в. въ ю. отъ оз. *Идрии*.

721. *Лаптева*, ib., — сѣновось, на р. *Великой*.

722. *Крупенина*, ib.

723. *Максимова*, ib.

(*) Дер. *Максимкова*, въ 1 в. въ с. отъ № 720.

724. *Козлова*, ib.

а) Есть: 1) дер. *Ст. Козлово*, въ 1^{1/2} в. въ ю.-з. отъ № 723; 2) дер. *Нов. Козлово*, въ 1 в. отъ предъидущей и 3) дер. *Ст. Козлово*, на рч. *Идриць*, въ 2^{1/4} в. отъ ея истока изъ оз. *Идрии*.

725. *Карнашова*, п-шь, надъ оз. *Дриемъ* (ib. № 726).

а) Оз. *Идрия?*...

726. *Данишкова*, ib.

727. *Малашковичи*, ib., — на р. *Великой*.

(«...Въ *Могильнѣ*, въ *Егорьевскомъ* пог. волость *Королевская* — «*Могильна*»: №№ 728 — 747).

728. *Егорьевскій* погостъ, — на оз. *Могильнѣ*.

(†) Ставлю на мѣстѣ погоста

Могильна, который лежитъ на с.-в. берегу оз. *Могильна*, въ 1/2 в. отъ истока рч. *Неведрянки*. Другаго погоста нѣтъ на оз. *Могильнѣ*.

729. *Федково*, дер. (3 дв.), — на оз. *Дросиць*.

(†) Ставлю на сѣв. берегу оз. *Дрозцовъ*, которое лежитъ въ 7 в. къ з. отъ оз. *Алялю*. (Есть дер. *Федина* — въ 2^{1/2} в. въ с.-з. отъ озера *Дрозцовъ*).

730. *Щекино*, дер. (1 дв.), — на оз. *Рыбнѣ* (ib. №№ 732, 733).

а) Оз. *Рыбно* лежитъ въ 3 в. въ ю.-з. отъ оз. *Дрозцовъ*.

731. *Щекино* «другое», ib. (1 дв.), — сѣновось на р. *Великой* (ib. № 736).

732. *Малафеево*, дер. безъ дв.

733. *Лешиково-Курилово*, с-ще.

(**) Дер. *Курилова*, на ю.-з. берегу оз. *Рыбна*. (Въ 3^{1/2} в. въ ю.-з. лежитъ пог. *Курилово*). — (На картѣ: «*Курилово*»).

734. *Бибково*, дер. безъ дв., — на рч. *Островницѣ*.

(**) Дер. *Бибки*, въ 1 в. къ з. отъ № 733, — на лѣв. берегу безим. рѣчки, въ 1 в. отъ ея впаденія въ оз. *Рыбно* (выходитъ изъ оз. *Островита* — см. № 737).

735. *Скоморохово - Федорово*, п-шь, на оз. *Безимянномъ*.

736. *Горлово*, с-ще.

(**) Дер. *Горлова*, въ 1^{3/4} в. въ ю. отъ № 733.

737. *Литвиново*, ів., на оз. *Прушковъ*.

(**) Дер. *Литвинова*, на безимен. озеркѣ, — въ 1 в. къ в. отъ оз. *Островита*, — въ 1 в. къ ю. отъ № 736.

738. *Исаково*, с-ще.

(**) Дер. *Исакова*, въ $\frac{1}{2}$ в. къ с.-з. отъ № 737.

739. *Гужево*, ів., — на р. *Великой*.

(**) Дер. *Гужева*, на прав. берегу р. *Великой*, — въ 4 в. къ ю.-з. отъ № 737.

740. *Трубино*, дер. (1 дв.), — на рч. *Выдрица* (ів. №№ 741, 751).

(**) Дер. *Трубина*, на прав. берегу рч. *Идрицы*, въ 1 в. отъ ея впаденія въ р. *Великую*.

741. *Межибродье*, ів. (1 дв.).

(**) Ф. *Нежибредь*, на лѣв. берегу рч. *Идрицы*, въ 2 в. выше № 740.

742. *Ивойлово*, п-шь, — надъ оз. *Могильной*.

743. *Игнатково*, ів., — надъ оз. *Требуховымъ*.

744. *Ульяново*, ів., — на рч. *Неведрь*.

745. *Дудкино*, ів., — «надъ *Коланцомъ*....»

746. *Давыдово*, ів., — на оз. *Пруды* (ів. № 747).

747. *Микулино*, ів.

—

748. *Гриди-Кудрина*, ів.

749. *Семенова-Попортьлово*, ів., — надъ оз. *Неведриемъ*.

а) Оз. *Неведро*, по берегамъ

вотораго расположены волости Б и Г (и нѣкоторые пункты вол. Е), лежать въ 14 в. отъ оз. *Могильна*.

750. *Смѣтанкина*, ів.

—

751. *Воилева*, дер. (1 дв.).

—

752. *Мартіянова*, ів. (1 дв.), — на оз. *Щедринъ* (ів. № 754).

а) Оз. *Шевино*, лежащее къ с.-в. отъ оз. *Могильна*?...

753. *Бабиничи-Демешково*, с-ще, — надъ оз. *Могильной* (ів. № 755).

(*) Дер. *Демехова*, на вост. берегу оз. *Могильна*. — (На картѣ — см. въ вол. Г. — стоитъ: «*Демешково*»).

754. *Харева*, п-шь.

755. *Башкина*, ів.

(**) Дер. *Бакина*, въ 2 в. къ ю. отъ оз. *Шевина*, — въ $\frac{1}{4}$ в. къ с. отъ № 728. — (На картѣ см. въ вол. Г).

—

756. *Кузнецово*, ів.

757. *Пестово*, ів.

758. *Нестеровская*, ів.

(**) Дер. *Нестерова*, въ $\frac{1}{2}$ в. къ в. отъ оз. *Прихабовъ*, — въ 3 в. къ с.-з. отъ № 714.

759. *Терешково*, ів.

(**) Дер. *Терешкова*, на безим. ручьѣ (впадаетъ въ р. *Великую*, съ лѣв. стороны), — въ 2 в. къ с.-в. отъ № 758.

760. *Бъленево*, с-ще.

(**) Дер. *Бълеева*, въ $\frac{1}{2}$ в. въ з. отъ № 759.

761. *Бодачова*, п-шь.
 792. *Курилово-Лотошино*, ib.,
 —надъ оз. *Дриемъ* или *Дыдриемъ*
 (ib. № 770), —сѣновосъ на р.
Великой (ib. №№ 763, 776).

—
 763. *Кузнецовъ*, поч. (1 дв.),
 — на рч. *Кузнецовкѣ*.

764. *Горюхино*, п-шь, —сѣно-
 восъ на р. *Великой*, «да на *Исти*
 (на устьѣ?...) на *Выдрицѣ*....»

(*) Дер. *Горюшева*, на лѣв.
 берегу р. *Великой*, — въ 1½ в.
 къ ю.-з. отъ № 739.

765. *Перепечинъ*, поч. (1 дв.),
 —сѣн-съ на р. *Великой* «на *Хо-
 лую*....»

766. *Попова*, п-шь, — на оз.
Рыбнѣ (ib. № 769).

(**) Дер. *Попова*, въ 1 в. къ
 з. отъ оз. *Рыбна*, на лѣв. берегу
 предполагаемой рч. *Островницы*,
 ниже № 734.

767. *Ескино*, поч. (1 дв.), — на
 р. *Великой* (ib. №№ 772 — 773).

(**) Дер. *Еськова*, на прав.
 берегу р. *Великой*, въ 3½ в.
 ниже № 764.

768. *Дробышовъ*, поч. (1 дв.).
 (**) Дер. *Дорбаши*, въ ¾ в.
 къ ю.-з. отъ № 764.

769. *Карташи*, п-шь.

770. *Кириловъ*, поч. (1 дв.).

771. *Денисковъ*, ib. (1 дв.), —
 надъ оз. *Дросцовъ*.

(*) Ставлю на зап. берегу оз.
Дросцовъ.

772. *Китово*, ib. (1 дв.), —
 см. № 767.

(**) Дер. *Китова*, на прав.

берегу р. *Великой*, въ ½ в. выше
 № 767.

773. *Чертово*, п-шь.

(**) Дер. *Чертова*, на томъ же
 берегу р. *Великой*, въ ¾ в. вы-
 ше № 772.

—
 774. *Лукино*, дер. «дв. пус.»
 (1), —около № 751.

775. *Егорьевскій*, поч. (1 дв.),
 —на оз. *Кичкѣ*.

776. *Дудына*, дер. (1 дв.).

И) **Волость Нищенская** (книга
 № 3, 1570 г., с. 518—527).

777. *Бубново*, дер. (1 дв.), —
 на оз. *Лукомнѣ* (ib. — № 780).

(**) Дер. *Бубнова*, на вост.
 берегу озк. *Горинца*, лежащаго
 въ 6 в. къ с.-з. отъ оз. *Олбита*,
 на верховьѣ рч. *Горенки*. Въ ½
 в. и 2 в. ниже этого озера ле-
 жать на той же рѣчкѣ 2 озера
Луковы.

778. *Глипино*, дер. (1 дв.).

779. *Кондратово*, ib. (1 дв.).

780. *Спиридоново*, ib. (1 дв.).

(*) Ставлю на с.-вост. берегу
 озк. *Лукомна*, сѣвернѣе № 777.

—
 781. *Петрово*, дер. (1 др. и
 1 «дв. пус.»).

(*) Есть ф. *Петровино*, на
 сѣв. берегу оз. *Олбита* и—дер.
Петрова, въ 4 в. къ в. отъ
 озера. № 781 ставлю на мѣстѣ
 фольварка, потому что другой
 пунктъ того же помѣстья (№ 782)
 показанъ на самомъ оз. *Олбитѣ*.

782. *Ивашки-Проконова*, дер. безъ дв., — на оз. *Олбита* (ib. № 785).

783. *Крицыно*, дер. (1 дв.).

а) Есть ф. *Крицевка*, въ 4 в. къ с.-з. отъ № 777, но онъ лежитъ за «рубежомъ а».

784. *Глазачова*, дер. «дв. пус.» (1).

785. *Олферова*, дер. (1 дв.).

786. *Иванково*, п-шь.

787. *Олферова*, «другая», дер. (1 дв.).

788. *Овонасова*, дер. безъ дв.

а) Есть дер. *Афонасенки*, въ 10¹/₂ в. къ ю.-в. отъ оз. *Олбита*, — на верховьѣ безим. рѣчки, впадающей въ оз. *Дъвицы*.

789. *Овержеева*, дер. (1 дв.).

(*) Дер. *Аверкова*, на лѣв. берегу р. *Ници*, въ 3 в. отъ ея истока изъ оз. *Ници*, — въ 3 в. къ ю. отъ оз. *Олбита*.

790. *Дикого*, ib. (1 дв.), — на рч. *Шуть*.

791. *Окумнина*, п-шь, — на рч. *Шучицъ*.

792. *Гарасимова*, дер. «дв. пуст.» (1).

793. *Гридино*, дер. (1 дв.).

а) Есть дер. *Грудинина*, на сѣв. берегу оз. *Ници*.

794. *Яковлева*, ib. (1 дв.).

(*) Дер. *Яковлева*, на прав. берегу безимен. рѣчки, въ 1¹/₄ в.

отъ ея истока изъ оз. *Олбита* (къ югу), — въ 2 в. къ с. отъ № 789.

795. *Тимофьева*, ib. (1 дв.).

796. *Офонасова*, ib. (1 дв.).

797. *Федотово*, ib. (1 дв.).

798. *Губина*, дер. (2 дв. и 1 «дв. пус.»), — на оз. *Красномъ* (ib. №№ 799—805).

799. *Шеплино*, дер. «дв. пуст.» (1).

800. *Кожнова*, дер. (1 дв.).

801. *Степанова*, ib. (1 дв.), см. № 798.

(*) Фольв. *Степаново*, въ 5¹/₂ в. къ с. отъ оз. *Олбита*. — въ 2¹/₂ в. къ в. отъ оз. *Караси*. (Въ 5 в. къ в. отъ ф-рея лежитъ дер. *Красная-Вода*, а въ 1³/₄ в. и въ 2¹/₂ в. отъ послѣдней — двѣ дер.-ни *Краснораковы*.)

802. *Шигина*, дер. безъ дв.

803. *Яковлева*, дер. (1 дв.).

804. *Боброва*, дер. «дв. пус.» (1).

805. *Сысоева*, дер. (1 дв. и 1 «дв. пуст.»).

806. *Лобачова*, дер. безъ дв.

807. *Ситкова*, ib.

а) Есть 2 оз.-ка *Свитьковы* — у западнаго и ю.-восточнаго береговъ оз. *Ливы*.

808. *Кровопусково*, дер. безъ дв., — на рч. *Отужицъ*.

а) Рч. *Утужицею* называется

нижнее течение рѣчки, выходящей изъ оз. *Братиловскаго* и впадающей въ оз. *Ницу* (а верхнее течение ея, у оз. *Братиловскаго* — рч. *Братиловой*). Есть еще рч. *Утужица*: выходит изъ озк. *Тельцовъ* (въ в. отъ оз. *Устьчья*) и впадаетъ въ оз. *Утузу* (въ в. отъ оз. *Братиловскаго*).

809. *Якимова*, п-шь.

810. *Шмелева*, ib.

811. *Ходашкова*, ib., — надъ оз. *Устьчемъ*.

а) Оз. *Устьчье* лежитъ къ ю. отъ оз. *Братиловскаго*.

812. *Пахомово*, ib.

813. *Степанкова*, дер. (1 дв.), — на оз. *Ница*.

814. *Мишакова*, ib. (1 дв.), на оз. *Олбитъ* (ib. № 825).

815. *Савина*, ib. (1 дв.).

816. *Пятницына*, ib. (1 дв.), — на оз. *Мал. Олбицкомъ* (ib. № 818).

а) Есть оз. *Олбитцо*, въ с.-з. отъ оз. *Олбита*.

817. *Кондратово*, дер. «дв. пусть» (1).

818. *Кузмино*, дер. (1 дв. и 2 «дв. пусты»).

819. *Оверкеево*, ib. (2 дв.).

(*) Дер. *Аверкова*, на лѣв. берегу р. *Ница*, въ $\frac{1}{4}$ в. выше № 789, — напротивъ № 821-го. На основаніи сосѣдства (по оцисанію) съ послѣднимъ пунктомъ

— поставленъ здѣсь № 819, а не № 789.

820. *Глазычино*, п-шь.

821. *Киселева*, ib.

(*) Дер. *Кисели*, на прав. берегу р. *Ница*, напротивъ № 819.

822. *Шажово*, дер. (1 дв.).

(*) Дер. *Шалькова*, на зап. берегу оз. *Олбита*, въ $1\frac{1}{4}$ в. къ с. отъ № 794.

823. *Овсянникова*, ib. (2 дв. и 1 «дв. пус.»).

824. *Покровскій* погостъ, — на р. *Ница*.

(*) Ставлю на мѣстѣ пог. *Ница*, который лежитъ на прав. берегу р. *Ница*, въ 1 в. отъ ея истока изъ оз. *Ница*. Другихъ погостовъ на р. *Ница* нѣтъ — до мѣст. *Юховичей*, лежащаго въ 25 — 27 в. ниже пог. *Ница*.

825. *Воробьево*, дер. (1 дв.).

826. *Оверковская*, ib. (1 дв.), — на рч. *Шуницъ* (ib. №№ 827 — 830).

827. *Фефилкова*, ib. (1 дв.).

828. *Втрошковская*, ib. (1 дв.).

829. *Частопьянова*, ib. (1 дв.).

830. *Лутово*, ib. (1 дв.).

831. *Филипа-Аристова*, п-шь «ч. б. д.».

832. *Стошково*, п-шь.

833. *Микиты-Боброва*, п-шь «ч. б. д.».

834. *Данилова*, ib.

835. *Оловяшкина*, п-шь.

836. *Прошково*, ib.

837. *Орхова*, ib.
(* Дер. *Орховно*, въ 1½ в. въ с. отъ оз. *Усвѣчья*. (Въ 1 в. въ з. отъ дер-ни лежитъ ф. *Орховно*).—(На картѣ см. въ волости *Межевской*).
838. *Радкова*, ib.
839. *Сухарево*, ib.
840. *Горбачово*, ib.
841. *Фромкова*, ib., — на оз. *Ливъ*.
а) Озеро *Лива* лежитъ въ востоку отъ оз. *Ници*.
—
К) **Волость Межевская** (книга № 3, 1570 г., с. 528—534).
842. *Коробова*, дер. (1 дв.), — надъ оз. *Ливомъ* (ib. №№ 844—848, 850, 858—864).
843. *Эпкина*, п-шь.
—
844. *Кузмино*, дер. «пуста».
845. *Еремино*, ib.
846. *Брюшково*, дер. без. дв., — надъ оз. *Бльымъ*.
847. *Исаково*, дер. «пуста».
—
848. *Завалнево*, п-шь.
849. *Осташково*, ib.
—
850. *Павлова*, ib.
а) Есть дер. *Павлова*, въ ¾ в. въ ю.-з. отъ оз. *Могильна*, лежащаго въ ю. отъ оз. *Свибла*, — въ 6½ в. въ ю.-в. отъ оз. *Лива*.
—
851. *Ондръйкова*, ib., — на оз. *Свиблѣ*.
—

852. *Олферова*, ib.
—
853. *Сидорова*, ib.
—
854. *Иматкова*, дер. безъ дв.
855. *Серльево - Ворошилово*, п-шь, — надъ оз. *Дъвичемъ* (ib. №№ 856—857, 865).
а) Есть оз. *Дъвицы*, въ 12 в. въ з. отъ оз. *Усвѣчья*.
856. *Павлова-Фомина*, ib.
857. *Лукьянова*, ib.
—
858. *Ондръйки-Морозова*, п-шь.
859. *Сидорова*, ib.
860. *Лежачино*, ib.
861. *Петрова*, ib.
862. *Васкова*, ib.
863. *Фомина*, ib.
864. *Семенова*, ib.
—
865. *Малыцкова*, ib.
—
866. *Мамоново*, ib., — на оз. *Черепатѣ*.
а) Оз. *Черепетъ* лежитъ въ ю. и въ ю.-з. отъ оз. *Дъвицы*.
—
867. *Митрошкова*, дер. (1 дв.), — на оз. *Островнѣ* (ib. № 868).
а) Оз. *Островно* лежитъ между оз. *Ливою* и оз. *Свибломъ*.
868. *Мосьево*, дер. «дв. пусть» (1).
869. *Олексѣева*, п-шь, — на оз. *Утузѣ* (ib. №№ 870—876, 904—906).
а) Оз. *Утура* лежитъ въ ½ в. въ в. отъ оз. *Братиловскаго*, съ которымъ соединяется безимен-

ною рѣчкою. Ниже (въ № 897) упоминается оз. *Малая Утуза*. Такъ какъ, кромѣ оз. *Утури*, ни одно изъ сосѣднихъ озеръ не носитъ подобнаго названія и ни одно изъ нихъ не имѣетъ съ первымъ такой связи, какъ оз. *Братиловское*, — то послѣднее озеро считаю оз. *Утузою*, а оз. *Утуру* — оз. *Малую Утузою*....

870. *Ондръево*, ib.

871. *Лушкино*, ib.

872. *Стехново*, ib.

873. *Федотьева*, дер. «дв. пус.» (1).

874. *Иванкова*, п-шь «ч. б. д.»

875. *Торатунова*, п-шь.

876. *Будново*, ib.

а) Есть дер. *Будына* (и ворчма того же имени), на нижней (см. № 808) рч. *Утужиць*, въ 3 в. отъ ея впаденія въ оз. *Ницу*. Не считаю возможнымъ поставить здѣсь № 876, потому что онъ показанъ на оз. *Утузь* (см. № 869).

877. *Подобъдово*, п-шь, — на рч. *Утузь*.

а) См. № 808).

878. *Игнатова*, дер. безъ дв.

879. *Микифорова*, п-шь.

880. *Спиридово*, ib.

881. *Ондръево*, ib.

882. *Кузнецово*, ib.

883. *Петряшова*, ib.

(*) Дер. *Петрякова*, въ 7¹/₂ в. къ в. отъ оз. *Черепета*, — въ 1¹/₂ в. къ с. отъ оз. *Межева*.

884. *Завалцево*, ib.

885. *Ильино*, ib.

а) Есть: 1) дер. *Ильино*, въ 3 в. къ с.-в. отъ оз. *Дльвицы* и 2) дер. *Ильино*, на зап. берегу оз. *Долосцовъ*, лежащаго въ 5 в. къ с. отъ оз. *Черепета*.

886. *Клюево-Латыгорская*, п-шь.

(*) Дер. *Клюи* (*Слынина* тожь), въ 1 в. отъ лѣв. берега рч. *Утужицы*, въ 2 в. отъ ея впаденія въ оз. *Ницу*.

887. *Якимова*, ib., — на оз. *Мал. Утузь* (ib. № 888).

а) См. № 869.

888. *Еремкина*, ib.

889. *Степанкова*, ib.

890. *Федотьева*, ib., — надъ оз. *Усвѣчьемъ* (ib. №№ 891—892).

891. *Губина*, ib.

892. *Латышова*, ib.

893. *Норова*, ib.

894. *Осташково*, ib.

895. *Зубашина*, ib.

896. *Румшино*, ib.

Л) **Волость Озерница** (книга № 6, 1571 г., с. 550—555):

897. *Сваридовичи*, п-шь съ храмомъ, — на рч. *Сваридовкѣ* (ib. № 898). — (XVII в.: дер. *Сваридово* (1 дв.).

(***) С. (съ хр.) *Сверидовка*, въ 4½ в. къ ю.-в. отъ мѣст. *Озерница*, — на устьѣ безим. рѣчки (рч. *Сваридовка?*), впадающей въ рч. *Калку* (послѣдняя впадаетъ въ оз. *Езернице*, съ юга). — Дополненія къ №№ 897, 902, 914, 926, 931, 958 и 995, помѣщенные въ скобкахъ, подъ цифрою «XVII в.» (т. е. XVII вѣка), взяты изъ рукописной «переписной книги» 1659 г. (см. III главу предисловія).

898. *Федотово*, выставокъ безъ дв.

899. *Допуново* (*Полозы* тожь), п-шь.

900. *Загряни*, п-шь «ч. б. с.»

901. *Свино*, п-шь «ч. б. с.» съ печащами (10).

(*) Дер. *Свинки*, въ 7½ в. къ ю. отъ № 897. (Подлѣ оз. *Свинна*, лежащаго къ з. отъ р. *Оболи*, нѣтъ селенія съ подобнымъ названіемъ),

902. *Гамцо*, п-шь «ч. б. с.» съ печищ. (10). — (XVII в. дер. *Гомцово*, *Усвятскаго* уѣзда).

903. *Хвошно Скурублево*, п-шь «ч. б. с.» съ «дв. пуст.» (1).

(*) Пог. *Хвошно*, на верховьяхъ рѣчекъ — *Неурянки* и

предполагаемой (см. № 897) *Сваридовки*, — въ 8 в. къ в. отъ № 901. — (На картѣ: «*Хвошно*»).

904. *Лепетуши*, п-шь.

905. *Гликово*, ib.

906. *Марьино*, ib.

907. *Бьлодѣдово*, ib.

(*) Дер. *Бьлодѣдово*, въ 5 в. къ с.-в. отъ оз. *Свинна*.

908. *Ермаково*, ib.

909. *Лукашовицы*, ib.

910. *Миткино*, ib.

911. *Родивоново*, ib.

912. *Ворыпасево*, ib.

913. *Филиново*, ib.

914. *Новоселки*, п-шь «ч. б. с.» съ «дв. пуст.» (1), — «на *Полотикой большой дорогѣ...*» — (XVII в. дер. *Новоселки*, 2 дв.).

а) Между р. *Оболью* и системою оз. *Свинна* проходитъ травчатая дорога изъ г. *Полоцка* въ г. *Невель*.

915. *Нефедѣево*, п-шь.

916. *Ивана-Бьлого*, ib.

а) На зап. берегу оз. *Свинна* лежатъ 2 деревни *Бьлья*. Къ ю. отъ озера, на оз. *Гвоздокѣ*, лежитъ еще деревня того же имени. Въ 3½ в. къ в. отъ оз. *Свинна* и въ 1½ в. къ с.-в. отъ оз. *Восматы* лежитъ дер. *Бьлинъ*. — Къ ю.-з. отъ оз. *Свинна* лежатъ 2 оз-а *Опьяхъ* (*Бол.* и *Мал.*).

917. *Молодилово-Борисково*, ib.

(*) Дер. *Молодице*, на прав.

берегу р. *Оболи*, въ 6 в. выше устья рч. *Свинны*.

918. *Тарасково*, ib.

(*) Дер. *Тарасова*, въ 2¹/₂ в. къ в. отъ оз. *Восматъ*, въ 4¹/₂ в. къ з. отъ оз. *Оболи*.

919. *Лысково*, ib.

а) Есть: 1) дер. *Лыски*, въ 3 в. къ с.-з. отъ № 925 и 2) дер. *Лыски* на оз. *Черновъ* (см. № 926).

920. *Микиткино*, п-шь.

921. *Борисково*, ib.

(*) Ф. *Борискино*, въ 1¹/₂ в. къ с. отъ № 917.

922. *Ивана-Удовина*, ib.

923. *Заборовичи-Яковлево*, п-шь «ч. б. с.»

(*) Дер. *Заборовье*, на лѣв. берегу рч. *Свинны*, въ 5 в. выше ея впаденія въ р. *Оболъ*. (Въ 5 и 7 в.в. къ с.-з. отъ № 901 лежатъ дер. *Заборовье* и ф. *Заборовки*. Отъ № 923 послѣдніе пункты отстоятъ въ 24 и 28 в.в.). — (На картѣ: «*Заборовичи*»).

924. *Орліево*, п-шь «ч.б.с.» съ печ. (9).

—

925. *Виревле*, п-шь «ч. б. с.», — на рч. *Вировель*, — на Полоцкой «большой дорогѣ» (ib. № 932).

(**) Слоб. *Вырочья*, на лѣв. берегу безим. рѣчки, въ 3 в. отъ ея впаденія въ оз. *Берново*, — на трактовой дорогѣ изъ г. *Витебска* (за р. *Оболъю* она соединяется съ вышеупомянутою

(см. № 914) дорогою изъ г. *Полоцка*).

926. *Черново*, п-шь «ч. б. с.» съ печ. (4). — надъ оз. *Чернымъ*. — (XVII в.: дер. *Черново*, 1 дв., на оз. *Черномъ*).

а) Есть оз. *Черново*, въ 6 в. къ ю. отъ № 925.

927. *Лукьяново*, п-шь.

928. *Редово*, ib.

929. *Федотово*, ib.

а) Есть дер. *Федотово*, въ 12 в. къ в. отъ оз. *Чернова*.

930. *Слижково*, ib.

—

931. *Аноколово*, ib. — (XVII в.: дер. *Аноколово*, 1 дв., на оз. *Черномъ*).

932. *Воскотово*, п-шь «ч. б. с.» съ печ. (9), — 451 стр.: надъ оз. *Воскотомъ*, изъ котораго вышла рч. *Воскотица*.

а) Есть дер. *Воската*, на рч. *Чернавкѣ*, въ 3¹/₄ в. отъ ея истока изъ оз. *Мал. Чернова*, лежащаго въ 1 в. къ з. отъ оз. *Чернова*, съ которымъ соединено тою же рѣчкою.

933. *Гирино*, п-шь «ч. б. с.» съ печ. (2).

934. *Пустобякино*, п-шь.

935. *Романово*, п-шь съ печ. (4).

—

936. *Дмитровичи - Грисово*, п-шь.

937. *Олександрова*, ib.

938. *Микитино*, п-шь съ печ. (3).

939. *Добрышово*, ib. (5), —

451 стр.: надъ оз. *Добрышовымъ*, которое лежитъ «на *Воскоткикой* землѣ....»

а) Въ 2 в. къ в. отъ дер. *Воскаты* (см № 932), за рч. *Чернавкою*, лежитъ оз. *Жабинецъ*; другихъ озеръ—въ ближайшихъ окрестностяхъ нѣтъ.

940. *Ожино*, ib. (3).

941. *Тишкино - Ворытаево*, п-шь.

(*) Дер. *Воропан*, между оз. *Варломовымъ* и безим. озеромъ, лежащимъ къ ю. отъ перваго,—въ 6 в. къ в. отъ № 917. (Въ 2½ в. къ с. лежитъ другая дер. *Воропан*).—№ 941 носить одно названіе съ № 912. Предпочтеніе отдано первому пункту, потому что сосѣдніе съ нимъ по описи №№ (см. ниже) показаны на рч. *Оболь*, вблизи которой лежитъ и современная дер. *Воропан*.—(На картѣ: «*Ворытаево*»).

942. *Торопцино*, п-шь «ч. б. с.» съ печ. (9),—452 стр.: надъ р. *Оболью* (ib. №№ 943—944, 946).

943. *Федорово-Сушова*, п-шь.

а) Есть ф. *Федоровка*, на рч. *Свиннѣ*, въ 2 в. отъ ея впаденія въ р. *Оболь*.

944. *Чотовицы*, п-шь съ печ. (5),—450 стр.: въ 20 в. отъ № 951.

945. *Копна*, ib. (5).

(*) Дер. *Копно*, въ 6 в. къ з. отъ устья рч. *Свинны*,—въ 1½

в. къ с. отъ оз. *Красамая*. (Въ 1 в. къ с. лежитъ другая дер. *Копно*).

946. *Мишневичи*, п-шь съ печ. (9).

(**) Пог. *Мишневичи*, на лѣв. берегу р. *Оболи*, на устьѣ рч. *Усыски*, которая впадаетъ въ предъидущую въ 8 в. ниже устья рч. *Черновицы* (обѣ—съ лѣв. стороны).

947. *Жюковичи*, ib. (13).

(*) Дер. *Жюковичи*, въ 1½ в. къ с.-з. отъ оз. *Красамая*,—въ 1½ в. къ з. отъ № 945. (Въ ¾ в. къ ю. лежитъ другая дер. *Жюковичи*).

948. *Ровное*, ib. (15).

(*) Пог. *Ровное*, въ 8½ в. къ ю. отъ № 947, — между двумя безим. озерками.

949. *Доміе-Поля*, ib. (2),—на литовскомъ рубежѣ,—450 стр.: на рч. *Черновицѣ*, въ 15 в. отъ ея истока изъ оз. *Чернаго*, по выходѣ изъ котораго рѣчка проходитъ чрезъ другое оз. *Черное*.

(**) Пог. *Дуполье*, на рч. *Чернавкѣ*, въ 11 в. отъ ея истока изъ оз. *Чернова*; въ 1 в. отъ истока рѣчка проходитъ чрезъ оз. *Мал. Черново*.

950. *Стариновичи*, п-шь съ печ. (16).

(*) Дер. *Стариновичи*, на прав. берегу рч. *Волотовки*, въ 6½ в. отъ ея впаденія въ р. *Оболь*

(съ правой стороны, въ 5¹/₂ в. ниже устья рч. *Усыски*).

951. *Палешинецъ*, п-шь «ч. б. с.», — на литовск. рубежѣ, — стр. 450: въ 7 в. отъ № 949.

(**) Дер. *Полешина* (*Бурлаки* тожъ), на прав. берегу безим. рѣчки (впадаетъ въ р. *Оболь*, съ лѣв. стороны, въ ³/₄ в. выше рч. *Усыски*, — въ 6 в. къ ю. отъ № 949.

952. *Палешинецъ* «другое», ib., — 450 стр.: въ 7 в. отъ № 951.

(**) Дер. *Полошнята*, въ 1 в. отъ лѣв. берега рч. *Усыски*, — въ 8¹/₂ в. къ ю. отъ № 951.

953. *Степановичи*, п-шь «ч. б. с.» съ печ. (9), — 451 стр.: въ 6 в. отъ № 952, — въ 2 в. отъ № 946; — 452 стр.: надъ рч. *Усысою*.

(*) Ставлю надъ рч. *Усыскою*, въ 2 в. отъ ея устья, т. е. въ 2 верстахъ отъ № 946, — въ 10¹/₂ в. къ с.-з. отъ № 952.

954. *Клино*, п-шь «ч. б. с.».

955. *Хотково*, п-шь.

956. *Хорошково*, ib.

957. *Омельяново*, ib.

958. *Озерищи*, городъ, — на оз. *Озерищъ*. — «Книга Больш. Чертежа», с. 174: «отъ *Невля* <20 в. градъ *Езерище*.... По-*лотскъ* отъ *Езерища* 100 в....» — (XVII в.: городъ *Озерищи*).

(***) Мѣст. *Озерище*, на южн. берегу оз. *Езерища*, — въ 21 в. отъ гор. *Невля*. (Противъ мѣ-

стечка лежитъ островъ *Городище*, а въ 1¹/₂ в. къ ю.-в., при впадении въ озеро рч. *Калжи* — *Замокъ Озерище*.

(Всѣ остальные №№ вол. *Озерищской* взяты изъ «Книги рубежей» (№ 1), стр. 425 — 426, 430, 445, 450 — 455):

959. *Обросевичи*, село, — на оз. *Будовеси*.

(*) Ф. *Амбросовичи*, на ю.-з. берегу оз. *Будовесскаго*.

960. *Мошны*, дер., — около № 968.

(**) Дер. *Мошно*, въ ¹/₂ в. къ с.-в. отъ оз. *Мошны*, — въ 2¹/₂ в. къ с.-з. отъ № 968.

961. *Городня*, с., — на оз. *Городнѣ*.

(**) Дер. *Городня*, на зап. берегу оз. *Городни*, лежащаго въ 3¹/₂ в. къ ю. отъ оз. *Будовесскаго*. (На с.-в. берегу оз. лежитъ другая дер. *Городня* (*Топоры* тожъ), а на сѣв. берегу — ф. *Городня*).

962. *Духоровичи*, ib., — на оз. *Городнѣ*.

963. *Еванские - Духоровичи*, дер.

(*) Ф. *Духоровичи*, въ 1¹/₂ в. къ ю. отъ оз. *Ивоина*, которое лежитъ рядомъ съ оз. *Городней*, къ ю.-в. отъ него, — на сѣв. берегу безим. рѣчки, въ 2 в. отъ ея впаденія въ р. *Двину*, съ прав. стороны.

964. *Еванские - Духоровичи* «другіе», дер.

(*) Другой ф. *Духоровичи*, на прав. берегу той же безим. рѣчки, въ $\frac{3}{4}$ в. ниже нерваго. (Въ 1 в. выше устья этой рѣчки, на прав. берегу р. *Двины* лежитъ дер. *Ивомина*, въ $\frac{3}{4}$ в. отъ оз. *Ивомина*).

965. *Старое*, с. (съ *хр.*), — на литовск. рубежѣ (см. «рубежъ 1»), — на устьѣ рч. *Дунавеси*, впадающей въ р. *Двину*, въ 7 в. отъ своего истока изъ оз. *Дунавеси*, — въ 20 в. отъ *Витебска* и въ 70 в. отъ *Полоцка* (супутьемъ).

(**) Есть ф. *Старое-Село*, на лѣв. берегу безим. рѣчки, въ 1 в. отъ впаденія ея въ р. *Двину* (съ прав. стороны, въ 9 в. отъ своего истока изъ озк. *Мурожницы*), — въ 20 в. отъ *Витебска* и въ 73 — 5 в.в. отъ *Полоцка*. Напротивъ ф-рка, на прав. берегу той же рѣчки (рч. *Дунавесь*) стоитъ погость, на мѣстѣ котораго и ставлю № 965).

966. *Ужлятино*, село, — на литовск. рубежѣ, — около озерковъ *Тростенца* и *Ужлятина*.

(*) Дер. *Ужлятина*, на прав. берегу предполагаемой (см. № 965) рч. *Дунавеси*, въ 2 в. отъ ея истока изъ озк. *Мурожницъ* (т. е. — изъ предполагаемаго озк. *Дунавеси*), — въ 3 в. отъ предполагаемаго (см. «рубежъ 1») озк. *Тростенца*. (На лѣв. берегу той

же рѣчки, напротивъ деревни стоитъ другая дер. *Ужлятина*).

967. *Будовесь*, с., — на оз. *Будовеси*.

(**) Ф. *Будовесьской*, на вост. берегу оз. *Будовесскаго*, — въ 8 в. къ зап. отъ № 966.

968. *Льсковичи*, с. (6 дв.), — въ 4 в. отъ № 969.

(*) Пог. *Лесковичи*, на с.-в. берегу оз. *Непоротскаго*, — въ 2 в. къ с.-з. отъ № 967.

969. *Ставровичи*, село, — въ 4 в. отъ № 968.

(Всѣ остальные №№ волости *Л* представляютъ отдѣльные пункты, владѣльцы которыхъ не по-казаны):

970. *Мосыря*, с., — на литов. рубежѣ, — около *Мосырскаго* мху и около № 979.

(*) Дер. *Мосорово*, въ $12\frac{1}{2}$ в. къ с. отъ № 968, на лѣв. берегу безим. рѣчки, въ 2 в. отъ ея впаденія въ рч. *Черницу*, — въ 4 в. къ в. отъ предполагаемаго *Мосырскаго* мху (см. «рубежъ 1»), — въ 1 в. къ с.-з. отъ № 979. Напротивъ деревни, на прав. берегу той же рѣчки, стоитъ ф. *Мосорово*.

971. *Оболя*, ib., — надъ оз. *Оболемъ*, — въ 30 в. отъ гор. *Озерницъ*.

(*) Пог. *Оболь*, на лѣв. берегу р. *Оболи*, въ 1 в. выше безим.

озера, чрезъ которое проходитъ рѣка (на параллели оз. *Восматы*),

— въ 22 в. отъ мѣст. *Озерица*.

972. *Загоряны*, с-ще, — на литовск. рубежѣ, — на рч. *Негриць*.

(*) Пог. *Загорены*, въ 2½ в. отъ прав. берега рч. *Негрянки*, въ 3 в. ниже оз. *Негра*.

(Всѣ остальные №№ вол. *Л* были «спорными»):

973. *Козьяны*, погость, — на р. *Оболь*, (ib. №№ 976, 978), — въ 20 в. отъ № 946, — въ 50 в. отъ *Полоцка*.

(**) Погость (и рядомъ съ нимъ деревня) *Козьяны*, на лѣв. берегу р. *Оболи*, въ 1 в. выше устья рч. *Чернавки*, — въ 10 в. выше № 946, — въ 43 — 44 в.в. отъ *Полоцка*.

974. *Пшовки*, с-ще, — надъ рч. *Вировлею*, въ 2 в. отъ оз. *Вировли*.

(*) Дер. *Пшовка*, въ 1½ в. къ ю. отъ верховья предполагаемой (см. № 925) рч. *Вировли*, — въ 5 в. къ ю.-в. отъ оз. *Бернова* (оз. *Вировля*).

975. *Старая-Боярщина*, с-ще, — въ 2 в. отъ оз. *Вировли*.

(*) Дер. *Болры*, на ю.-в. берегу оз. *Бернова*, въ 3 в. къ ю.-з. отъ № 925. (Въ 5 в. къ ю. отъ оз. *Бернова*, на оз. *Мал. Черноѣ* лежитъ другая дер. *Бояры*).

976. *Пожо* (?), ib.

977. *Княжое*, ib., — надъ рч.

Воскотицею, — въ 10 в. отъ рч. *Черновицы*.

978. *Стерезо-Поле*, ib.

979. *Игуменщина-Мосырская*, ib., — на литов. рубежѣ (см. «руб. 2»).

(**) Дер. *Игуменщина*, въ 1 в. къ ю.-в. отъ № 970, — около «рубежа 2». (Въ 1¾ в. къ с.-в. лежитъ ф. *Игуменщина*). — (На картѣ: «*Игуменщина*»).

980. *Черница*, с-ще съ храмомъ, надъ рч. *Черницею* (ib. № 981).

(**) Пог. *Черница*, на прав. берегу рч. *Черницы*, въ 4 в. ниже устья безим. рѣчки № 970-го. (На той же рч. *Черницѣ*, въ 5 в. выше погоста стоитъ ф. *Черница*).

981. *Залужье*, с-ще.

(**) Дер. *Залужье*, на прав. берегу рч. *Черницы*, въ 4 в. ниже № 980.

982. *Льсково*, ib., — надъ р. *Оболью* (ib. №№ 983, 991—994).

(**) Ф. *Льсково*, на лѣв. берегу р. *Оболи*, въ 5 в. выше устья рч. *Будовѣсти*, — въ 3½ в. къ с.-з. отъ № 981.

983. *Юхново*, ib.

984. *Спасское*, ib., — на устьѣ рч. *Будовѣсти*, впадающей въ р. *Оболь*.

(**) Дер. *Спаская* (и рядомъ — пог. *Спаской*), на лѣв. берегу р. *Оболи*, въ 1 в. выше устья рч. *Будовѣсти*, — въ 3 в. ниже № 982-го.

985. *Ясенское*, ib., — къ за-

паду отъ *Мосырскога* и *Жаро-
бытикаго* мховъ (см. руб. 1) (ib).
№ 986 — 987):

а) О мхахъ см. «руб. 1».

986. *Коровайница*, ib.

(**) Ср. *Кровайница*, въ 1 в.
отъ лѣв. берега рч. *Черницы*, —
въ 5 в. къ ю.-з. отъ № 979.

987. *Лотылощина*, ib.

988. *Ловожо*, с-ще, съ хра-
момъ, — надъ оз. *Ловожомъ* и
надъ рч. *Будовъстью*.

(**) Ф. *Ловажъ*, на лѣв. бе-
регу оз. *Ловажи*, въ 1/2 в. къ в.
отъ истока изъ него рч. *Будо-
въсти*, — въ 5 в. къ ю. отъ
№ 981. (Въ 1/4 в. къ в. отъ
ф-ка лежитъ дер. *Ловажъ*, а къ
ю. отъ нея, за озк. *Городиомъ*
— пог. *Ловажъ*. Есть еще ф.
Ловажъ — на ю.-з. берегу з.
Ловажи, въ 1 в. отъ перваго
ф-ка. № 988 поставленъ на мѣ-
стѣ перваго ф-ка, потому что
онъ ближе другихъ *Ловажей* ле-
житъ къ рч. *Будовъсти*).

989. *Добрыно*, с-ще, —
«...промежъ с. *Ловожа* (№ 988)
и с. *Черницы*» (№ 980).

(**) Дер. *Добриня* (*Дворецъ*
тожь) въ 4 в. къ с.-в. отъ № 988
и въ 5 1/2 в. къ ю. отъ № 980.

990. *Добъя*, ib., — надъ оз.
Добъемъ.

(**) Пог. *Добъя* (и рядомъ—
дер.), на ю.-в. берегу оз. *Добъ-
евского*, — въ 7 1/2 в. къ ю.-в.
отъ № 988.

991. *Орловщина*, с-ще.

992. *Монастырское*, ib.

993. *Карповщина*, ib.

994. *Бряковищи*, ib.

(*) Дер. *Берковицы*, на прав.
берегу р. *Оболи*, въ 15 в. ниже
№ 984. (На томъ же берегу рѣки,
въ 1 в. ниже, лежитъ другая дер.
Берковицы, а напротивъ ея, на
лѣв. берегу рѣки — третья дер.
того же имени).

995. *Рашиво*, ib., — надъ р.
Двиною, на устьѣ рч. *Осичны*. —
(XVII в.: дер. *Ерошиново*, 1 дв.).

(***) Дер. *Ерошева*, на прав.
берегу рч. *Сичны*, въ 1/2 в. отъ
ея впаденія въ р. *Двино* (съ прав.
стороны). (Рѣчка выходитъ изъ
болота, лежащаго у зап. берега
оз. *Добъевского* (см. № 990).

996. *Ондръевское*, с-ще съ хра-
момъ, — въ 2 в. отъ р. *Двины*.

(**) Ф. *Андръево*, въ 1 в.
отъ прав. берега р. *Двины*, въ 5
в. ниже устья рч. *Сичны*.

997. *Якуницы*, с-ще, — надъ
р. *Двиною*, противъ устья р. *Улы*.

(+) Ставию на прав. берегу
р. *Двины*, противъ устья р. *Ул-
лы*. — въ 3 в. ниже № 996.

998. *Селявино*, ib., надъ р.
Двиною (ib. №№ 999 — 1000).

999. *Ершово*, ib.

1000. *Черчицы*, ib.

(**) Пог. *Черчицы*, на прав.
берегу р. *Двины*, въ 10 в. ниже
устья р. *Уллы*.

М) *Волость Усвятъ* (книга № 6,
1571 г., стр. 556 - 566):

1001. *Козикова*, дер. (1 дв.).

1002. *Якимово*, ів. (1 дв.).
— (XVII в.: дер. *Якимовщина*,
1 дв.):

а) *Дополненія* къ 43 пунктамъ
волости *Усвята*, подъ цифрою
«XVII в.», взяты изъ рукопис-
ныхъ «переписныхъ книгъ» 1658
— 1659 г.г. (см. III главу пре-
дисловія).

1003. *Домая-Нива*, ів. (1 дв.).

1004. *Кленидовская*, ів. (2 дв.).

(*) Ф. *Кленидовка*, въ 3 в.
къ 3. отъ оз. *Уржанскаго*, — въ
8 в. къ с.-з. отъ мѣст. *Усвята*.

1005. *Кротково*, ів. (1 дв.).

1006. *Налужъ*, поч. (1 дв.).

1007. *Трофимовская*, дер. (1
дв.), — сѣнокосъ на рч. *Сини-
ць*. — (XVII в.: дер. *Трофи-
мово*, 1 дв.), на *Сениць*):

а) Рч. *Сеница*, выходитъ изъ
оз. *Сеницы* (къ в.) и впадаетъ
въ р. *Ловать*, съ лѣв. стороны.

1008. *Лобовы-Нивы*, ів. (1
дв.). — (Р.: надъ рч. *Бужею*).

а) Есть скотный дворъ *Лобово*,
въ 1½ в. къ з. отъ безымянной
рѣчки, впадающей въ оз. *Днико*,
— въ 6 в. къ с. отъ оз. *Сени-
цы*. — (*Дополненія* къ №№ 1008,
1090, 1109 и 1114, означенныя
буквою «Р.», взяты изъ рукопис-
ной книги № 11 б, 1570 г.).

1009. *Коршакова*, дер. (1 дв.).

1010. *Старое-Городище-Ус-
вято*, п-шь, — 445 с.: надъ оз.
Усвятомъ.

1011. *Якимово-Терехово*, п-шь
съ печ. (3).

1012. *Иванково-Лукино*, п-шь
съ печ. (2), — на р. *Ловути*
(ів. №№ 1013, 1015).

1013. *Иванки-Боброва*, ів. (1).
— (XVII в.: дер. *Боброво* 2
дв., тянетъ въ № 1058).

а) Есть — 1) дер. *Боброва*,
на вост. берегу оз. *Узмени*, въ
7 в. къ в. отъ р. *Ловати*, 2)
госп. дер. *Боброво*, въ 2½ в.
къ ю.-в. отъ оз. *Межи*, въ 4 в.
отъ входа въ оз. р. *Ловати*, и 3)
дер. *Боброво*, въ 3 в. къ с.-з.
отъ оз. *Сеницы*.

1014. *Бородино*, ів. (1).

1015. *Степанки-Иванова-Ва-
щеницы*, п-шь. — (XVII в.: дер.
Воищеницыно, 1 дв., тянетъ къ
№ 1063).

1016. *Васки Мартинова*, ів.

1017. *Блицинычи*, п-шь, —
446 с.: надъ оз. *Сесятюмъ*.

(**) Дер. *Блицина*, на с.-з.
берегу оз. *Сесита*.

1018. *Ларивоново*, дер. (1 дв.),
— сѣнокосъ «на *Синиць*».

1019. *Яковцево*, ів. (1 дв.), —
на ручьѣ *Долгомъ*.

1020. *Степановская-Якимова*.
ів. (1 дв.).

1021. *Прокопово*, поч. (1 дв.)
— «...въ *Уранъхъ*...».

а) Оз. *Ужанское*, лежитъ къ
с. отъ оз. *Узмени*.

1022. *Рыдиничи*, п-шь. — (Р.:
п-шь «ч. б. д.». *Рыдино*, на р.
Ловати). — (XVII в.: с. *Рын-*

дино, надъ р. *Ловатю*, дв. помѣщиковъ, сѣновозъ на рѣчкѣ *Комль*).

(***) Госп. домъ *Рындино*, на лѣв. берегу р. *Ловати*, въ 5¹/₂ в. къ з. отъ оз. *Ужанскаго*, — въ 2 в. къ з. отъ № 1004. — (Дополненія подъ буквою «Р.» — къ №№ 1022, 1036, 1040. 1041, 1054 и 1057 взяты изъ рукописной книги № 11 и, неизвѣстнаго года).

1023. *Остатково*, п-шь, — надъ оз. *Сесетомъ*. — (XVII в.: дер. *Астатковичи* (*Курилово тожъ*), 2 дв.).

(***) Дер. *Астатковичи*, на зап. берегу оз. *Сесита*, — въ 1¹/₂ в. къ ю. отъ № 1017.

1024. *Нестерово*, ib., — 447 стр.: надъ р. *Ловатю*.

1025. *Максимово*, ib., — надъ оз. *Чернымъ*.

а) Есть оз. *Чернасто*, къ ю. отъ оз. *Сесита*, съ коимъ соединяется р. *Ловатю*.

1026. *Межо*, погость, — 444 с.: надъ р. *Ловатю* и надъ оз. *Межомъ*. — (XVII в.: сц. *Межа*, 2 дв.).

(***) Пог. *Межа*, на лѣв. берегу р. *Ловати*, при ея впаденіи въ оз. *Межу*, — въ 6¹/₂ в. къ ю.-з. отъ № 1023.

1027. *Негро*, п-шь съ печ. (5). — 450 с.: надъ оз. *Негромъ*.

1028. *Выситки*, п-шь, — надъ оз. *Выситкою*.

1029. *Полво*, п-шь съ печ.

(4), — надъ оз. *Тѣстомъ* или *Тесюмъ*.

(*) Госп. д. *Полово*, на лѣв. берегу безым. рѣчки, въ 2 в. отъ ея впаденія (съ с.) въ оз. *Тюсто*. (Въ 3¹/₂ в. къ с.-з. отъ озера лежитъ дер. *Половое*).

1030. *Дубокраево*, дер. (1 дв.), — 447 с.: въ 2 в. отъ рч. *Хвоиницы*.

(*) Госп. д. *Дубокрай*, на зап. берегу оз. *Сенницы*, въ 1¹/₂ в. къ с. отъ устья безым. рѣчки.

1031. *Стайки*, ib. (2 дв.). — 447 с.: надъ оз. *Съницюмъ*. — (XVII в.: сц. *Стайки*, «на *Сенницахъ*»).

1032. *Старое-Село*, ib. (2 двора).

1033. *Савино*, ib. (2 дв.), — на рч. *Синиць* (ib. — № 1034).

1034. *Чурилово*, поч. (1 дв.).

(**) Госп. д. *Чурилово*, на лѣв. берегу рч. *Синицы*, въ 5 в. отъ ея истока изъ оз. *Сенницы*.

1035. *Вередица*, п-шь съ печ. (6), — на литовскомъ рубежѣ.

1036. *Заднее-Село*, п-шь съ печ. (5). — (Р.: п-шь, на р. *Ловоти*). — (XVII в.: сц. *Заднее-Село*, *Сенницкаго* «десятва»).

(***) Дер. *Заднее-Село*, на прав. берегу р. *Ловати*, противъ устья рч. *Сенницы*, — въ 4 в. къ в. отъ № 1034.

1037. *Савиничи*, ib. (6), — надъ оз. *Тесюмъ* (ib. — № 1038).

1038. *Тесю*, п-шь «ч. б. с.»

съ печ. (9). — (XVII в.: сц. *Тесто*).

(***) Пог. *Тюсто*, на вост. берегу оз. *Тюста*.

1039. *Чешино-на-боло* (sic), п-шь «ч. б. поч.»

1040. *Ереминъ*, поч. (2 дв.), — «...на *Усвятъ* въ *Ужанской* волости...» (ib. — №№ 1041—1053). — (Р.: *Еремкинъ*, 1 дв., тянеть въ № 1066).

а) Обь оз. *Ужанскомъ* — см. № 1021.

1041. *Ортемковъ*, ib. (2 дв.). (Р.: 1 дв.).

1042. *Вятителевъ*, ib. (3 дв.).

1043. *Прошки-Максимова*, ib. (2 дв.).

1044. *Стайки*, п-шь съ печ. (5), — надъ р. *Исадицею* (ib. — №№ 1050, 1051). — (XVII в.: сц. *Стайки*, сѣнокосъ на рч. *Усядицъ*).

а) Рч. *Исадицею* считаю (см. «рубежь д») рч. *Овсяницу* въ ея нижнемъ теченіи, т. е. — отъ оз. *Исадицы* до впаденія въ р. *Усвячу*.

1045. *Ортемьево - Юмино*, п-шь.

1046. *Пловецкой-Боръ*, ib. — (XVII в.: дер. *Пловесское*, 2 дв., тянеть къ № 1044, сѣнокосъ на рч. *Усядицъ*).

(***) Дер. *Пловеская* (а въ 3½ в. къ с.-в. отъ нея — дер. *Борки*), на лѣв берегу рч. *Овсяницы* (см. № 1044), въ 15 в. отъ ея устья.

1047. *Ермановъ*, п-шь «ч. б. п.»

1048. *Калагирево*, п-шь.

1049. *Труфаново*, ib.

1050. *Осмолово*, п-шь съ печ. (4). — (XVII в.: дер. *Осмоловичи*, 6 дв., надъ рч. *Усядицею*).

(***) Дер. *Смолавицы*, на лѣв. берегу р. *Овсяницы*, въ 6½ в. ниже № 1046.

1051. *Боярщина*, п-шь съ печ. (1). — (XVII в.: п-шь *Боярщина*, тянеть въ № 1083).

1052. *Полово-Зайковичи*, ib. (3), — на рч. *Половицъ*. — (XVII в.: п-шь *Зайково*, на рч. *Половицъ*, на п-ши — пог. *Зайково*).

(***) Пог. *Зайково*, на лѣв. берегу безым. рѣчки, въ ½ в. отъ ея впаденія въ оз. *Сесито* (съ ю.-в.). Въ 2¼ в. къ в. отъ погоста лежитъ дер. *Полова*. — (На картѣ: «*Зайковичи*»).

1053. *Пахомовичи*, ib. (8). — (XVII в.: сц. *Пахомовичи*).

(***) Дер. *Пахомовичи*, въ 6 в. къ в. отъ № 1052, — въ 3½ в. къ з. отъ оз. *Узмени*.

1054. *Сидорки-Матвѣева*, поч. (2 дв.). — (Р.: *Сидорковъ*, 1 дв.).

1055. *Третьяковъ*, ib. (1 дв.).

1056. *Овстѣвъ*, ib. (1 дв.).

1057. *Мининъ*, ib. (2 дв.). — (Р.: *Минкинъ*, 1 дв.).

1058. *Степановичи*, п-шь съ печ. (5), — 447 с.: между озерами — *Межомъ*, *Драчею* и *Кляжомъ*. — (XVII в.: сц. *Степановичи*).

а) Есть госп. д. *Степановичи*, въ 3 $\frac{1}{2}$ в. къ с.-в. отъ оз. *Межы*, въ 2 $\frac{1}{2}$ в. къ с.-в. же отъ оз. *Сосны* и въ 2 в. къ в. отъ оз. *Черныста* (озера расположены въ направленіи отъ ю. къ с.). Есть дер. *Кляжа*, на рч. *Баянь*, въ 1 в. отъ ея впаденія въ р. *Ловатъ* выше устья рч. *Сенницы*).

1059. *Турово - Карпово*, п-шь ч. б. с. > съ печ. (4). — (XVII в.: дер. *Турецъ*, 1 дв., одного поштѣстья съ № 1023).

(***) Ф. *Турецъ*, у озк. *Турецъ*, въ 2 в. къ з. отъ № 1023, — въ 2 в. къ с.-з. отъ оз. *Черныста*. — (На картѣ: «*Турово*»).

1060. *Овсеевское*, дер. (1 дв.), въ *Синицкой* волости.... > (ib. — №№ 1061—1065).

а) Есть дер. *Авсѣйкова*, въ 2 в. къ в. отъ оз. *Ужанскаго*.

1061. *Платавицы*, поч. (2 дв.), — сѣнокось у оз. *Кузмени*. — (Рукоп. вн. № 10, 1573 г.: поч. *Платавицкой*, подъ гор. *Усвятомъ*).

а) Оз. *Узмень* лежитъ къ с.-з. отъ оз. *Усвята*, соединяясь съ нимъ проливомъ.

1062. *Петровкаъ*, ib. (2 дв.).

1063. *Жеребцы*, п-шь съ печ. (3), — между р. *Ловатью* и оз. *Исадинскою*. — (XVII в.: сц. *Жеребцы*).

(***) Госп. д. *Жеребцы*, на прав. берегу р. *Ловати*, между

оз. *Сеситомъ* и оз. *Черныстомъ*, въ равномъ разстояніи между ними (въ $\frac{1}{2}$ верстѣ), — въ 1 в. къ ю.-з. отъ № 1052.

1064. *Перяиничи*, п-шь съ печ. (4).

1065. *Зауменье*, ib. (4), — на рч. *Узменицъ*.

а) Изъ зап. части оз. *Узмени* выходитъ безымен. рѣчка, впадающая въ р. *Усвяту* ниже выхода послѣдней изъ оз. *Усвята*.

1066. *Чермость*, дер. (1 дв.). — (Р.: сц. *Черместъ*).

а) *Дополненія* подъ буквою «Р.» — къ №№ 1066, 1095—1098, 1104—1105, 1118—1119 взяты изъ рукописн. книги № 11 в, 1567 г.

1067. *Старое-Чермость*, ib. (1 дв.).

1068. *Замошье*, поч. (1 дв.).

1069. *Замошье-на-нивь*, ib. (1 дв.).

1070. *Василевское*, с-ще, — въ нему принадлежатъ «нивы *Дашковскіе*....» (№ 1096).

(*) *Ставлю* рядомъ съ с-мъ *Дашковымъ* (№ 1096), къ ю. отъ него.

1071. *Неговлево*, п-шь съ печ. (15). — (XVII в.: сц. *Неговля*, 2 дв.).

(***) Дер. *Неговля*, въ 3 в. въ ю.-з. отъ № 1072-го.

1072. *Клинково*, ib. (6). — (XVII в.: дер. *Клинцово*, 3 дв.).

(***) Дер. *Клинкова*, на лѣв.

берегу рч. *Узменицы*, въ 9¹/₂ в. отъ ея впаденія въ р. *Усвячу*.

1073. *Карювичи*, п-шь съ печ. (12), — на оз. *Узмени*.

а) Есть п-шь *Карюы*, въ 16 в. къ в. отъ оз. *Узмени*, въ 1¹/₂ в. къ з. отъ рч. *Немыкли*.

1074. *Иванковичи*, ib. (2).

1075. *Луки-Пыжова*, ib. (2).

1076. *Ефимьево*, п-шь. — (XVII в.: дер. *Ефимьево*, 1 дв., *Межевскаго* стану, тянетъ къ № 1071).

1077. *Фролово*, ib.

(*) Дер. *Фролова*. на прав. берегу безымен. рѣчки, въ ³/₄ в. отъ ея впаденія (съ с.) въ оз. *Сенницу*. (Есть еще дер. *Фролова* — въ 11¹/₂ в. къ с.-в. отъ № 1004).

1078. *Жданово*, ib., — пашни ея — около *Иловой* горы.

1079. *Ермола-Онафонова*, ib., — надъ оз. *Драчемъ*.

1080. *Власово*, п-шь «ч. б. д.»

(*) Дер. *Власенникова*, въ 4 в. къ з. отъ оз. *Усвята*, — въ 1¹/₂ в. къ с.-в. отъ № 1072.

1081. *Вишенки*, п-шь, — «припущена въ пашню» къ № 1080. — (XVII в.: дер. *Вишенки*, 2 дв., *Межевскаго* стану).

(*) Ставлю подлѣ № 1080-го, къ ю. отъ него.

1082. *Чеснори*, ib.

(**) Дер. *Чеснори*, на прав. берегу рч. *Узменицы*, въ 3 в.

отъ ея впаденія въ р. *Усвячу*, — въ 4 в. къ ю.-в. отъ № 1072.

1083. *Куровичи*, п-шь съ печ. (14), — на рч. *Усолчъ*. — (XVII в.: сц. *Куровичи*, 11 дв., надъ р. *Усвячею*).

(***) Ф. *Куровичи*, на лѣв. берегу р. *Усвячи*, въ 1 в. ниже устья рч. *Узменицы*.

1084. *Молитасничи*, ib. (5).

(**) Дер. *Молитасина*, на ю.-в. берегу оз. *Усвята*, въ 2¹/₂ в. къ с.-в. отъ № 1083.

1085. *Замощье*, ib. (14), — лѣвъ на р. *Ловути*.

(*) Ф. *Замощицы*, на верховьѣ рч. *Воронки* (впадаетъ въ оз. *Сенницу* съ юга), — въ 5 в. отъ оз. *Сенницы*, — въ 3 в. отъ лѣв. берега р. *Ловати* въ ея верхнемъ теченіи (т. е. — до оз. *Межы*).

1086. *Озюзино-Тулино*, п-шь съ печ. (3).

1087. *Двято*, ib. (8).

(**) Ф. *Удвятъ*, на южн. берегу оз. *Удвята*, — въ 5 в. къ с.-в. отъ № 1084.

1088. *Дозды*, п-шь.

1089. *Водоволово*, ib., — «... въ *Сервацкой* волости...», — надъ оз. *Драчемъ*.

1090. *Сервая-Меньшое*, п-шь «ч. б. с.» — (Р.: сц. *Сервая*, 1 дв.). — (XVII в.: сц. *Сервая*).

1091. *Соболево*, п-шь.

а) Есть дер. *Соболева*, въ 10¹/₂ в. къ с.-в. отъ № 1004.

1092. *Ивана-Петрова*, ib., — за оз. *Серваемъ*.

1093. *Ильино - Омеляново*, п-шь съ печ. (2).

а) Есть дер. *Ильино*, на лѣв. берегу р. *Ловати*, въ 1½ в. отъ ея истока изъ оз. *Сесита*, — въ 18 в. въ з. отъ № 1087.

1094. *Марка-Оафонова*, п-шь съ печ. (2).

1095. *Овсевьева*, дер. (1 дв.). — (Р.: с-ще *Овсьево*, на рч. *Чермести*, подлѣ № 1066).

1096. *Дашково*, с-ще, — около № 1097. — (Р.: на рч. *Чермести*, около № 1066).

(*) Ставлю рядомъ съ № 1097, въ в. отъ него — на лѣв. берегу безим. рѣчки, выходящей изъ оз. *Удвята* и впадающей въ р. *Усвачу*, съ лѣв. стороны (рч. *Черместъ*?).

1097. *Козлово*, п-шь. — (Р.: на рч. *Чермести*, около № 1066).

(*) Дер. *Козлова*, на лѣв. берегу р. *Усвачи*, въ 2 в. отъ ея впаденія въ оз. *Усвятъ*.

1098. *Сенки-Савина*, — поч. (1 дв.). — (Р.: *Сенкингъ*). — (XVII в.: дер. *Савина*, 4 дв., на рч. *Вереть*, тянетъ къ № 1149, *Сороцкой* волости).

а) Есть госп. д. *Савино*, на р. *Усвачь*, въ 6 в. выше устья рч. *Халушцы*. Но, судя по нѣкоторымъ даннымъ — *Сороцкая* волость лежала на р. *Овсяницы*....

1099. *Гришкинской*, поч. (1 дв.).

1100. *Васковъ*, ib. (2 дв.).

1101. *Загодьево*, с-ще.

1102. *Петруши - Шаверова*, поч. (1 дв.).

1103. *Безыменный починокъ* (1 дв.), — на оз. *Опочкъ*.

1104. *Алексеево*, дер. (1 дв.). — (Р.: поч. *Олексыйковъ*). — (XVII в.: тянетъ къ № 1149, на рч. *Вереть*).

а) Есть дер. *Алексеева*, на лѣв. берегу рч. *Овсяницы*, въ 1½ в. выше № 1050.

1105. *Өолингъ*, поч. (2 дв.), — на рч. *Чермости*. — (Р.: *Өолингъ*, 1 дв.).

а) Есть дер. *Өомино*, на лѣв. берегу р. *Усвачи*, въ 1½ в. выше госп. д. *Савина* (см. № 1098).

1106. *Дашково*, с-ще.

1107. *Усвятъ*, городъ, — на оз. *Усвятъ*. — (XVII в.: *ibid.*).

(***) Мѣстечко *Усваты*, на сѣв. берегу оз. *Усвятя* и на лѣв. берегу пролива, соединяющаго это озеро съ оз. *Узменемъ*.

1108. *Гленковъ*, поч. (1 дв.), — «...въ *Ужаннъхъ* въ усадищехъ «(?) подь городомъ подь *Усвятъ томъ*....»

1109. *Крюкова*, дер. (1 дв.), — «...въ *Ситицкой* вол....» — (Р.: *Крюковское*).

(*) Дер. *Крюкина*, на с.-з. берегу оз. *Завъсны*, въ 8 в. въ з. отъ оз. *Сенницы*.

1110. *Левомовская*, ib. (1 дв.).

1111. *Микифоровская*, ib. (1 дв.).

1112. *Микулино*, ib. (1 дв.).

а) Есть дер. *Микулина*, въ 9 в. къ с. отъ оз. *Сенницы*, — въ 13 в. къ с.-в. отъ № 1109.

1113. *Льсниковское*, ib. (1 дв.).

(*) Дер. *Льсникова*, въ 3 в. къ з. отъ оз. *Сенницы*, — въ 5 в. къ в. отъ № 1109.

1114. *Яковское - Титово*, дер. (1 дв.). — (Р.: п-шь *Яковлевская-Китова*, на оз. *Сенниця*).

(«Книга рубежей» (№ 1), стр. 432, 443 — 450):

1115. *Ольово*, с., — въ 3 в. отъ рч. *Кривки* (впадающей въ р. *Двину*), въ 6 в. отъ гор. *Велижа*.

(*) С. *Верх. Ольово*, въ 2 в. отъ прав. берега р. *Двины*, — въ 5 в. къ з. отъ гор. *Велижа*. (Въ 1¹/₄ в. къ ю. лежитъ дер. *Ниж. Ольово*).

(Нижеслѣдующіе пункты «Книги руб.» были «спорными» и владѣльцы ихъ не показаны):

1116. *Замоще*, с-ще, — въ 7 в. отъ «*Шумиловой* мшары» (см. «рубежь д»), — въ 27 в. отъ гор. *Усвята*.

(**) Дер. *Мал. Замоще*, на почтовой дорогѣ изъ гор. *Велижа* въ мѣст. *Усвяты*, — на верховьѣ рч. *Алешки*, — въ 17 в. къ ю.-в. отъ м. *Усвята*, — въ 8 в. къ с. отъ «*Шумиловой* мшары». (Въ 1¹/₂ в. къ в. лежитъ дер. *Бол. Замоще*).

1117. *Дозды*, с-ще, — «...на *Усвяцкой* дорогѣ отъ *Велижа*...», — около рч. *Доздицы*.

(**) Дер. *Дозды* (*Кавалы* тожь), на той же (см. № 1116) почтовой дорогѣ, — на прав. берегу рч. *Доздицы*, въ 3 в. отъ ея впаденія въ оз. *Карацебо*.

1118. *Манойлово*, ib., — надъ оз. *Двятомъ* «съ *Усвяцкіе* стороны...» — (Р.: п-шь *Мануйлово*).

(*) Ставлю на западномъ, обращенномъ къ гор. *Усвяту* — берегу оз. *Удвята*.

1119. *Опимахово*, ib., — «по другую сторону оз. *Двята* съ *Велижскіе* стороны...» — (Р.: п-шь *Епимахово*).

(*) Ставлю на восточномъ — *Велижскомъ* берегу оз. *Удвята*, напротивъ № 1118.

1120. *Хвойно*, ib., — на рч. *Хвойниця*, въ 7 в. отъ № 1121.

а) Орч. *Хвойниця* — см. № 1030.

1121. *Завъсно*, с-ще, — на оз. *Завъснця*.

(**) Дер. *Завъсно*, на вост. берегу оз. *Завъсны*, въ 6 в. къ з. отъ оз. *Сенницы*.

1122. *Осмоновичи*, ib., — на рч. *Исадиця*.

а) Орч. *Исадиця* — см. № 1044 и «рубежь д».

1123. *Веречи*, ib., — на р. *Веречь*, въ 10 в. (по теченію рѣчки) ниже оз. *Вышедковъ*, въ 30 в. выше оз. *Медична*. — (XVII в.: с. *Вереча*, на рч. *Веречь*).

а) Есть дер. *Веречье*, на прав. берегу р. *Овсяницы* (среднее те-

чение которой — до оз. *Медесны* считаю (см. «руб. д.») рч. *Веречью*), въ 7 в. отъ ея впаденія въ оз. *Медесно*, — по прямому направленію въ 13^{1/2} в., а по теченію рѣвки въ 21 в. отъ оз. *Вышедскаго*. Очевидно, что положеніе этой деревни не соотвѣтствуетъ № 1123-му. Нельзя, съ другой стороны, опредѣлить его положеніе по указаннымъ въ источникѣ цифрамъ протяженія рѣвки, такъ какъ современная р. *Овсяница* имѣетъ отъ оз. *Вышедскаго* до оз. *Медесны* — не 40, а всего 28 верстъ протяженія (см. «руб. д.»).

1124. *Вышедки*, с-ще, — надъ оз. *Вышедками*.

(**) Пог. *Вышедки*, на сѣв. берегу оз. *Вышедскаго*, на устьѣ рч. *Негрянки*.

1125. *Трубиничи*, ib., — въ 2 в. отъ оз. *Усвята*.

а) Есть дер. *Трубаши*, на лѣв. берегу р. *Ловати*, въ 1/2 в. выше устья рч. *Бялы* (см. № 1058), — въ 15 в. къ с.-з. отъ оз. *Усвята*.

1126. *Осуино*, ib., — надъ оз. *Сесятонъ* (ib. — №№ 1127 — 1128).

1127. *Новиково*, с-ще — (XVII в.: дер. *Новиково*, 1 дв., *Межевскаго* стана).

1128. *Никоновъ*, поч. безъ дв.

1129. *Уское*, ib., — на р. *Ловати* (ib. — №№ 1130—1132, 1134). — (XVII в.: сц. *Уское*, на р. *Ловати*).

(***) Дер. *Уское*, на прав. берегу р. *Ловати*, въ 2^{1/2} в. отъ ея истока изъ оз. *Сесита*.

1130. *Василево*, ib.

1131. *Федорово*, ib.

1132. *Олиссево*, ib.

1133. *Съничи*, ib., — надъ оз. *Съничею*.

1134. *Харлановъ*, поч. безъ дв.

1135. *Микитино*, ib., — около № 1058-го (ib. — №№ 1136—1140).

1136. *Терехово*, ib. — (XVII в.: дер. *Терехово*, 1 дв., тянетъ къ № 1071).

1137. *Борисова*, ib.

(*) Ф. *Борисовка*, на лѣв. берегу рч. *Песчанки*, въ 8 в. отъ ея впаденія въ р. *Ловать* (впадаетъ — въ 1^{1/2} в. выше оз. *Межы*).

1138. *Тишково*, с-ще.

(*) Дер. *Тишковы-Нивы*, въ 1 в. отъ лѣв. берега безым. рѣчки, въ 8 в. отъ ея впаденія въ оз. *Медесно*, — въ 3 в. къ ю. отъ № 1137.

1139. *Петрово*, ib.

1140. *Савино*, ib.

1141. *Осиново*, ib.

1142. *Старая-Полова*, ib., — около № 1063 (ib. — №№ 1143—1146). — (XVII в.: сц. *Полово*).

(***) Дер. *Полова*, въ 5 в. къ с.-в. отъ № 1063, — въ 3 в. къ в. отъ оз. *Сесита*.

1143. *Новая Полова*, ib. — (XVII в.: дер. *Полово*, 1 дв., тянетъ къ № 1142).

1144. *Костковъ*, поч. безъ дв. —(XVII в.: дер. *Костьково*, 1 дв., тянеть въ № 1090).

1145. *Медвѣдевъ*, ib.—(XVII в.: дер. *Медвѣдово*, 4 дв., *Межевскаго* стана).

(***) Дер. *Медвѣдова*, въ 2^{1/2} в. къ ю. отъ № 1142,—въ 5 в. къ в. отъ № 1063.

1146. *Онкиповъ*, ib.—(XVII в.: сц. *Анкиповичи*, въ *Сороцкой* волости).

1147. *Вяцковичи*, с-ще, — на рч. *Ведриць*.

1148. *Солотковъ*, поч. безъ дв., — на оз. *Медичнъ*.—(XVII в.: сц. *Солотковичи*, 6 дв.).

а) Есть дер. *Салатковичи*, въ 4^{1/2} в. къ с. отъ оз. *Медесны*.

1149. *Околь*, ib.,—на оз. *Приходномъ*. —(XVII в.: с. *Околь*, на рч. *Вереть*,—см. №№ 1098 и 1104).

1150. *Власково*, с-ще, —на оз. *Березнъ*.

(Рукописная книга № 10, 1573 г.):

1151. *Попова*, дер. безъ дв., —сѣновось на рч. *Чермости* (ib.—№ 1152).

1152. *Старое-Поповское*, с-ще.

(Рукописн. книга № 11 б, 1570 г.):

1153. *Талуевская*, дер. (1 дв.). —на рч. *Стъницъ*.

(*) Крч. *Тулусово*, въ 1^{1/2} в. къ ю. отъ № 1034 и въ томъ же разстояніи отъ прав. берега

рч. *Сенницы*,—на почтовой дорогѣ изъ м. *Усвяты* въ гор. *Бел. Луки*.

1154. *Бакшинъ*, поч. (2 дв.).

1155. *Лоптевинъ*, ib. (2 дв.).

1156. *Мартыновъ*, ib. (1 дв.).

—(XVII в.: п-шь *Мартыново*, 1 дворъ).

а) Объ этой п-ши съ дворомъ—см. II главу предисловія.

1157. *Кревское*, ib. (1 дв.),—на оз. *Сенницъ* (ib.—№№ 1159,

1161, 1163).—(XVII в.: дер. *Кревское*, 1 дв., на *Стъницъ*).

1158. *Щоболжинъ*, ib. (1 дв.).

1159. *Степаново*, п-шь.

1160. *Морозовской*, поч. (1 дв.), —на рч. *Хвоиниць* (ib.—№ 1162).

(*) Дер. *Морозова*, въ 1^{3/4} в. отъ зап. берега оз. *Сенницы*,—въ 1^{3/4} в. къ ю. отъ верховья предполагаемой (см. № 1030) рч. *Хвоиниць*.

1161. *Иванки-Мартынова*, дер. (1 дв.).

1162. *Инатково*, ib. (1 дв.).

1163. *Офръмжово*, п-шь.

(Рукоп. книга № 11 в, 1567 г.).

1164. *Онтроповской*, поч. (1 дв.),—тянеть въ № 1066 (ib.—№ 1165).

1165. *Беляиковъ*, ib. (1 дв.).

1166. *Васки-Ратшина*, ib. (1 дв.),—надъ оз. *Голодьемъ* (ib.—№ 1167).—(XVII в.: дер.

Ратшина, 2 дв., въ *Сороцкой* вол., надъ рч. *Сорочею*).

а) Есть оз. *Голодіе*, въ 23 в. къ в. отъ оз. *Ужанскаго*.

1167. *Гридновъ*, ib. (1 дв.).

1168. *Ситовцово*, п-шь, — около оз. *Удвята* (ib. — №№ 1169 и 1170), — надъ рч. *Осотною*.

1169. *Мишиково-Гридкова*, ib., — на рч. *Дозмицъ*.

1170. *Заолодѣйская - Мостынова*, ib.

(*) Дер. *Заолодѣе*, на с.-в. берегу оз. *Заолодѣя*, лежащаго при впаденіи рч. *Халмицы* въ р. *Усвячу*, въ 5½ в. къ с.-в. отъ оз. *Двята*. Въ 5½ в. къ с.-з. отъ оз. *Заолодѣя* лежитъ дер. *Мосеевка*. — (На картѣ: «*Заолодѣйская*»).

1171. *Петразино*, п-шь, — около гор. *Усвята* (ib. — № 1172).

1172. *Пахомовская*, ib.

1173. *Ямиутинъ*, поч. безъ дв., — около № 1036. — (XVII в.: дер. *Амиутино*, 2 дв., тянеть въ № 1022, сѣновосъ на рч. *Комль*).

(***) Дер. *Амиутина*, въ 1 в. отъ лѣв. берега рч. *Бяны*, — въ 3½ в. къ ю.-з. отъ № 1036.

1174. *Буроръ*, с-ще, — на оз. *Узмень*, около г. *Усвята*.

1175. *Онтоновъ*, поч. (1 дв.). — №№ 1175—1180 названы въ книгѣ «*Ужанскими починками*».

1176., поч. (1 дв.). — Названія №№ 1176 и 1178—1180 нельзя разобрать, потому что послѣдніе листы рукописи повреждены.

1177. *Рыбинъ*, ib. (1 дв.).

1178., поч. (1 дв.).

1179., ib. (1 дв.).

1180., ib. (1 дв.).

(Далѣе слѣдуютъ волости и отдѣльные пункты (№№ 1181—1334), взятые изъ «Книги рубежей»). — (421 стр.):

1181. *Полотикъ*, главный городъ повѣта. (Носить въ писц. книгахъ разныя названія: *Полотикъ*, *Полотскъ*, *Полоикъ*, *Полтескъ*, *Полотескъ*. Беру первое изъ нихъ — какъ самое употребительное).

(**) Уѣздный городъ *Витебской* губерніи *Полоцкъ*, на прав. берегу р. *Западн. Двины*, на устьѣ рч. *Полоты*.

1182. *Копецъ*, городокъ, — на устьѣ р. *Дисны*.

(**) Дер. *Копионы*, на лѣв. берегу р. *Двины*, на устьѣ р. *Дисетки* (въ верхнемъ теченіи — р. *Дисна*). (На лѣв. берегу р. *Дисетки*, напротивъ деревни лежитъ № 1240).

1) **Волость Глуботцкая** (№№ 1183—1188): (стр. 421 и 441):

1183. *Глуботское*, слобода, — около озера *Великаго* и *Глубокаго* (см. «рубежи б и в»).

(**) Мѣст. *Глубокое*, между оз. *Великимъ* (къ с.) и оз. *Глубокимъ* (къ ю.), — (въ 50 в. къ ю.-з. отъ гор. *Дисны*).

1184. *Хвостово*, село, — на устьѣ рч. *Березвеча* (см. «руб. б»).

(**) Госп. д. *Хвостово*, на прав. берегу р. *Дисны*, на устьѣ рч. *Березбицы* (въ верхн. теченіи — *Березвечь*), — въ 25 в. къ с. отъ № 1183.

1185. *Березовецъ*, с. (съ *хр.*).

(**) Пог. *Березвечь*, между оз. *Великимъ* (къ ю.) и озк. *Березовецкѣ* (къ с.), — въ 2 в. къ с.-з. отъ № 1183.

1186. *Ластовецъ*, с. (къ нему тянеть 6 деревень), — у оз. *Ластовскаго*.

(**) Госп. д. *Ластовицы*, на ю.-вост. берегу безымен. озера, въ 3¹/₂ в. къ ю.-в. отъ № 1183.

(Владѣльцы №№ 1183—1186 — не показаны. Далѣе слѣдуютъ помѣстья (отдѣляются чергою).

—
1187. *Голубичи*, с. (съ *храм.*), — къ селу — 6 деревень).

(**) Пог. *Голубичи*, на безым. ручьѣ, въ 2¹/₄ в. къ ю. отъ оз. *Красицкаго*, — въ 11¹/₂ в. къ в. отъ № 1186.

—
1188. *Плиса*, с. (съ *хр.*, — къ с. — 22 дер-ни и 8 дер-нь «пустыхъ»), — на р. *Плись*.

(**) Мѣст. *Плиса*, на лѣв. берегу безым. рѣчки, у ея истова изъ оз. *Плисы* (впадаетъ въ оз. *Мноту*), — въ 15 в. къ с.-в. отъ № 1183.

—
2). *Вол. Владычня* (№№ 1189—1198): (423, 427, 439, 441 и 442 стр.):

1189. *Домжирицы*, с., — на р.

Березинь, на литов. рубежѣ (см. «руб. в»).

(*) С. *Домжерлицы*, въ 1 в. къ з. отъ оз. *Доможерлицкаго*, — на безымен. рѣчкѣ, вдоль которой (и по самой рѣчкѣ) идетъ первая половина *Березинскаго канала*, — въ 11 в. къ с. отъ начала канала у р. *Березины*. Ближайшее разстояніе отъ села до рѣчки — 8 в. (къ з.).

1190. *Въснитцкое*, с. — («Арх. Сб.», I, № 73: въ 1601 г. было въ селѣ 19 «димовъ»), — въ 15—20 в. отъ р. *Березины* (ib. — №№ 1191—1193).

(**) Дер. *Въснитцкз*, — въ 16—17 в. къ с. отъ р. *Березины*, — въ 32 в. къ с. отъ № 1189, — въ 13 в. ю.-в. отъ оз. *Сшо* (Въ 5 в. лежитъ госп. д. *Въснитцкз*).

1191. *Больше Долмы*, с. (съ *хр.*, — 3 дв.), — на рч. *Губляницъ* (ib. — №№ 1192—1193). — («Арх. Сб.», I, № 73: въ 1601 г. было 43 дыма).

(**) Дер. *Долмы*, на лѣв. берегу р. *Ушачи*, въ 12 в. отъ ея верховья, — въ 6¹/₂ в. къ ю.-в. отъ № 1190.

1192. *Менше-Долмы*, село.

(**) Госп. д. *Малые Долмы*, на лѣв. берегу р. *Ушачи*, въ 1¹/₂ в. выше № 1191. (Въ 8 в. къ с. отъ № 1191 лежитъ другой госп. д. (и деревенька) *Долмы*, а въ 1¹/₂ в. къ в. отъ него — дер. *Долмы*. 1-й пунктъ — въ 3 в. отъ лѣв. берега р. *Ушачи*, а 2-й — въ 1¹/₂ верстѣ. № 1192

поставленъ на мѣстѣ перваго госп. дома (южнаго), потому что онъ лежитъ на самой рѣкѣ и, притомъ, ближе остальныхъ *Дольцовъ* къ № 1191.—Подъ рч. *Губяницю* разумѣю верховье р. *Ушачи*).

1193. *Путилковичи*, ib. — (Упоминаются подъ 1589 г.—въ «Ав. Ю. и З. Р.», 1, №196).

(**) Дер. *Путилковичи*, на лѣв. берегу р. *Ушачи*, въ 4 $\frac{1}{2}$ в. выше № 1192.

1194. *Остѣице*, село,—между №№ 1193 и 1189.

(**) Дер. *Остѣице*, на с.-з. берегу оз. *Маница*,—въ 7 $\frac{1}{2}$ в. къ ю. отъ № 1193 и въ 12 $\frac{1}{2}$ в. къ с. отъ № 1189. (Въ $\frac{1}{2}$ в. къ с.-з. лежитъ госп. д. *Осечице*).

1195. *Владѣчя*, село (съ *хр.*,— въ с.: 20 дер.-нь и 4 п.-ши).

1196. *Встеча*, ib. (съ *хр.*),—на оз. *Стечь* (ib.—№ 1197).

1197. Безыменное село (въ нему: 12 дер.-нь и 3 дер. «пусты»).

—
1198. *Усохи*, село.

(**) Ф. *Усохи*, въ 2 в. къ ю.-з. отъ № 1192.

—
3) Вол. Лукомльская (№№ 1199—1217): (423—424, 437 стр.):

1199. *Лукомль*, городъ,—въ 10 в. отъ № 1203 и въ томъ же разстояніи отъ № 1204.

(**) Мѣст. *Лукомля*, на рч. *Лукомкѣ*, въ 7 $\frac{1}{2}$ в. отъ ея ис-

тока изъ оз. *Лукомльскаго*.—въ 13 в. къ с.-з. отъ № 1203.

—
1200. *Межжица*, дер.,—въ 5 в. отъ № 1215.

(**) Ф. *Межжица*, на правомъ берегу р. *Улмы*, въ 3 в. ниже устья рч. *Лососницы*,—въ 8 в. къ с.-з. отъ № 1215.

1201. *Перешичи*, село,—въ 4 в. отъ № 1215, на литовск. рубежѣ.

а) Есть ф. *Перешицы*, въ 11 $\frac{1}{2}$ в. къ ю.-з. отъ № 1215,—въ 6 в. отъ сѣверн. залива оз. *Лукомльскаго*. Такъ какъ ф-ѣ стоитъ за «рубежемъ *в*» (который въ данномъ мѣстѣ определенъ точно), то очевидно, что на его мѣстѣ нельзя поставить № 1201-го.

1202. *Слиты*, село,—въ 5 в. отъ № 1199.

(**) С. *Слитца*, на лѣв. берегу безым. рѣчки, въ 1 $\frac{1}{2}$ в. отъ ея впаденія въ рч. *Лукомку*,—въ 6 в. къ с. отъ № 1199.

1203. *Черя*, ib.—въ 10 в. отъ № 1199.

(**) Мѣст. *Черя*, на южн. берегу оз. *Чарей*,—въ 13 в. къ ю.-в. отъ № 1199.

1204. *Болмаки-Лукомской*, городокъ,—въ 10 в. отъ № 1199.

(*) Дер. *Болмаки*, на прав. берегу рч. *Усвицы*,—въ 7 в. къ с. отъ оз. *Чарей*,—въ 10 в. къ в. отъ № 1199. (Есть еще дер. *Колмаки*, на рч. *Лукомкѣ*, въ 6

в. къ с.-в. отъ № 1199). — (На картѣ: «*Болмаки*»).

1205. *Мелешковичи*, село, — въ 15 в. отъ № 1199.

(*) Госп. д. *Мелешковцы*, на лѣв. берегу рч. *Усвицы*, въ 4 в. ниже № 1204, — въ 8 в. къ с.-в. отъ № 1199.

1206. *Верховье*, ib., — въ 18 в. отъ № 1199.

(*) Пог. *Верховье*, на лѣв. берегу рч. *Свѣчанки*, въ 10 в. отъ ея истока изъ оз. *Стержня*, въ 7 в. къ с. отъ № 1213, — въ 28 в. къ с. же отъ № 1199.

1207. *Добры-Горошину*, село, — въ 20 в. отъ № 1199.

(*) Дер. *Добрылоры* (*Рябля-Слободка* тожъ), на лѣв. берегу рч. *Нижн. Кривины*, — въ $8\frac{1}{2}$ в. къ в. отъ № 1206, — въ 35 в. къ с.-в. отъ № 1199.

1208. *Говъновичи*, ib., — вблизи рч. *Бѣлицы*.

1209. *Толтино*, ib., — около рч. *Бѣлицы* и бол. *Совица*.

(*) С. *Толтинъ*, на лѣв. берегу рч. *Усвицы*, въ 12 в. выше № 1204. Въ окрестностяхъ есть безым. болота. Въ 10 и 11 в. къ в. лежать села *Стар.* и *Нов. Бѣлицы* (см. «руб. в»), на верховьяхъ рч. *Червинки*, впадающей въ рч. *Усвицу* (съ прав. стороны, въ 2 в. выше № 1209).

1210. *Вечя Лукомская*, дер., — на оз. *Вячеръ*.

а) Есть дер. *Вятерье*, (и въ 1 в. къ в. — с. *Вятерье*), въ 1 в.

къ в. отъ безыменн. озера, которое считаю (см. рубежъ в) оз. *Вячеромъ*.

1211. *Хотина*, дер., — на оз. *Хотинъ*.

(**) Д. *Хотина*, на зап. берегу безым. озера, лежащаго на безым. рѣчкѣ, въ $2\frac{1}{2}$ в. отъ ея истока изъ предполагаемаго (см. 1210) оз. *Вячеры*.

1212. *Жерина*, ib., — на литовск. рубежѣ, около озк. *Вятца*.

(†) Ставлю на западн. берегу предполагаемаго (см. «рубежъ в») озк. *Вятца*, которое лежитъ на безымен. рѣчкѣ № 1211-го, въ $7\frac{1}{2}$ в. ниже озк. *Скупано*. (Есть дер. *Жирина*, на оз. *Жеринскомъ*, въ 4 в. къ с.-з. отъ озк. *Вятца*).

1213. *Застаринье*, ib., — около рч. *Свячи* и оз. *Стержина*.

(**) С. *Застаринье*, въ 1 в. отъ лѣв. берега рч. *Свѣчанки*, въ 3 в. отъ ея истока изъ оз. *Стержня*.

1214. *Язеница*, ib., — около оз. *Стержина*.

(**) Ф. *Язеница*, на вост. берегу оз. *Стержня*, въ 3 в. къ ю.-в. отъ № 1213.

1215. *Тятино*, село, — въ 5 в. отъ № 1245.

(**) С. *Тятино*, въ 6 в. къ ю.-з. отъ № 1245. (Въ 1 в. къ ю.-з. лежитъ пог. *Тятино*).

1216. *Почаевичи*, ib., — въ 10 в. отъ № 1245.

(**) Дер. *Почаевичи*, на лѣв. берегу рч. *Лукомки*, ниже устья

безым. рѣчки № 1202, — въ 8 в. къ ю. отъ № 1245. (Въ 1 в. ниже, на прав. берегу рч. *Лукомки*, стоитъ госп. д. *Почаевичи*).

1217. *Осовецъ*, с., — на литов. рубежѣ, — около № 1219.

(**) С. *Осовецъ*, на лѣв. берегу рч. *Нижней Кривины*, — въ 5 в. къ з. отъ № 1219. (Въ 1½ в. къ ю.-в. стоитъ госп. д. *Осовецъ*).

(424 стр.):

1218. *Гнъздилловичи*, дер., — около устья рч. *Зѣтнячи* (см. «руб. в»).

(*) Дер. *Гнъздилловичи*, на лѣв. берегу р. *Двины*, въ 1¼ в. выше устья рч. *Черногости*, которую считаю (см. «руб. в») рч. *Зѣтнячєю*.

4) **Вол. Лугиновичи:** (438 стр. (ib. — волости 5 и 6):

1219. *Лугиновичи*, село (къ нему — 2 дер.-ни, — въ 3 пунктахъ: 35 двор.).

(*) Дер. *Лугиновичи* (*Подворница* тожь), въ 4½ в. къ в. отъ рч. *Ниж. Кривины*, — въ 8 в. къ с. отъ оз. *Спина*, — въ 13 в. къ с.-в. отъ № 1214. (Въ ½ в. къ ю.-в. стоитъ ф. *Лугиновичи*).

5) **Вол. Вяжища:**

1220. *Вяжища*, село (4 дер.).

(*) С. (съ хр.) *Вяжище*, на

лѣв. берегу р. *Двины*, въ 1¼ в. ниже устья рч. *Зѣтнячи*, въ 2½ в. ниже № 1218. (Въ 2½ в. ниже села, на томъ же берегу рѣчки стоитъ ф. *Вяжище*).

6) **Вол. Слѣщеничи** (№№ 1221 — 1224):

1221. *Слошничи*, село (съ хр., — 2 дер.).

1222. *Латыново*, ib. (2 дер.).

(*) Дер. *Латынова*, на прав. берегу рч. *Верхн. Кривины*, въ 6 в. къ в. отъ № 1219.

1223. *Олтушки*, ib. (4 дв.).

1224. *Пауля*, ib. (4 дв.).

а) Есть—1) поч. *Паулье*, на сѣв. берегу оз. *Тетчи*, въ 52 в. къ с.-з. отъ № 1222; 2) дер. *Паулье*, на прав. берегу рч. *Ульянки*, въ 2 в. ниже № 1200, въ 42 в. къ з. отъ № 1222, и 3) ф. *Паулье*, на оз. *Паульъ*, въ 1½ в. къ с.-в. отъ предъидущей деревни.

7) **Вол. Дрысецкая** (№№ 1225 — 1233): (426, 428, 435 стр.):

1225. *Дрыса*, городъ, — на р. *Двинѣ*.

(**) Уѣздн. городъ *Витеб.* губ. *Дрисса*, на прав. берегу р. *Двины*, на устьѣ р. *Дриссы*.

1226. *Сарія*, село, — на рч. *Саріъ*.

(**) Госп. д. *Сарья*, на прав. берегу рч. *Сарьянки*, въ 11 в. отъ ея устья (—въ р. *Двину*, съ прав. стороны, ниже устья р. *Дриссы*), — въ 13 в. къ с. отъ гор. *Дриссы*.

1227. *Шатры*, слц., — въ 5 в. отъ № 1226.

(**) С. *Шатрово*, на прав. берегу р. *Двины*, въ 3 в. ниже устья рч. *Сарьянки*, — въ 8 в. къ ю. отъ № 1226.

1228. *Тинковичи*, ib., — въ 5 в. отъ № 1227.

(**) Дер. *Тинковичи*, на прав. берегу р. *Двины*, въ 3¹/₂ в. ниже № 1227.

1229. *Зуи*, дер., — около № 1228.

(⁺) Ставлю около № 1228, къ с. отъ него.

1230. *Росица*, село, — на рч. *Росицъ*.

(**) Мѣст. *Росица*, на ю.-з. берегу оз. *Росицы* и на прав. берегу безым. рѣчки, текущей мимо (южнѣе) озера, — въ 7 в. къ з. отъ № 1226.

1231. *Крестной-Ручай*, село, — вблизи рч. *Индрицы*. (ib. — № 1232).

а) О рч. *Индрицъ* — см. «рубежь а».

1232. *Гнушневичи*, ib.

1233. *Починковичи*, ib., — въ 15 в. отъ гор. *Дрыси*.

8) **Вол. Десенская** (№№ 1234 — 1240): (435, 440 стр.):

1234. *Голомысль*, село (съ *хр.*, — 79 дер-нь), — на р. *Деснь*.

(**) Дер. *Голомысль*, на лѣв. берегу р. *Дисенки*, въ 12¹/₂ в. отъ ея устья. (Въ 1¹/₂ в. къ в., на прав. берегу рѣки стоитъ госп. д. *Голомысль*).

1235. *Нарбуты*, село, — на р. *Деснь* (ib. — №№ 1236 — 1239).

1236. *Мыто*, ib.

1237. *Борковичи*, ib.

1238. *Дорожковичи*, ib., — «въ вол. *Гораянской...*» (ib. — № 1239).

(*) Госп. д. *Дорожковичи*, на лѣв. берегу р. *Двины*, въ 2 в. ниже устья р. *Дисенки*. (На томъ же берегу р. *Двины*, въ 4 в. ниже госп. дома лежатъ двѣ дер-ни *Горовья*).

1239. *Фрожово*, село.

(*) Д. *Фролова*, въ ³/₄ в. отъ лѣв. берега р. *Двины*, въ 2¹/₂ в. ниже № 1238.

1240. *Десна*, ib. (7 дер.).

(**) Уѣздный городъ *Виленской губернии Десна*, на лѣв. берегу р. *Дисенки*, у ея впаденія въ р. *Двину*. (Напротивъ села, на прав. берегу р. *Дисенки* стоитъ № 1182).

9) **Вол. Ладосна** (№№ 1241 — 1244): (436, 439 стр.):

1241. *Ладосно*, село (съ *хр.*, — 4 дв., — 3 дер-ни), — около оз. *Ладосны*.

(**) Дер. *Ладосна*, въ 2 в. къ с.-в. отъ оз. *Ладосны*, — въ $6\frac{1}{2}$ в. въ з. отъ оз. *Суши*.

1242. *Островно*, село (съ *хр.*), — въ 10 в. отъ № 1241.

(**) Дер. *Островно*, на юж. берегу оз. *Островны*, — въ 6 в. къ ю.-в. отъ № 1241. (Есть еще 2 ф-ка *Островны*: одинъ — на зап. берегу того же озера, другой — на южн. берегу оз. *Камня*, въ $1\frac{1}{2}$ в. къ с.-з. отъ № 1242).

1243. *Несино*, ib. (съ *хр.*), — въ 3 в. отъ № 1242.

(**) Пог. *Несино*, на сѣв. берегу оз. *Несина*, — въ $1\frac{3}{4}$ в. къ ю.-в. отъ № 1242.

1244. *Бауца*, село.

10) **Вол. Чапниччи** (№№ 1245—1252): (437 стр.):

1245. *Чапниччи*, село.

(**) Мѣст. *Чапнички*, на прав. берегу р. *Ульянки*, въ 1 в. выше устья рч. *Лукомки*.

1246. *Селю*, село, — въ 2 в. отъ № 1247.

1247. *Зающино*, ib., — въ 5 в. отъ № 1245.

1248. *Ула*, ib., — въ 7 в. отъ № 1245.

1249. *Рогановичи*, ib., — въ 2 в. отъ № 1245.

(**) Ф. *Рогановичи*, на прав. берегу р. *Ульянки*, въ 3 в. ниже № 1245, на устьѣ рч. *Усѣти*—

Омшанки (въ верхн. теченіи—*Усѣтца*).

1250. *Смолянцы*, ib.

(**) Дер. *Смолянцы*, въ 1 в. отъ лѣв. берева рч. *Усѣти*, въ $1\frac{1}{2}$ в. отъ ея устья. (Въ $\frac{3}{4}$ в. къ с.-з. отъ села, на рч. *Лукомкѣ* лежитъ ф. *Смолянцы*).

1251. *Вишковичи*, село, — въ 5 в. отъ № 1245.

(*) С. *Вишковичи*, на лѣв. берегу рч. *Усѣти*, въ 7 в. выше № 1249, — въ 6 в. къ в. отъ № 1245. (Есть еще дер. *Вишковичи*, на р. *Ульянкѣ*, въ 8 в. выше № 1245).

1252. *Ведрино*, село, — въ 7 в. отъ № 1251.

(**) Пог. *Ведрени*, въ 6 в. къ с. отъ № 1251. (Въ $1\frac{1}{2}$ в. къ с.-в. лежитъ с. *Мал. Ведрени*, *Брылево тожѣ*).

11) **Вол. Милковиччи** (№№ 1253—1257): (438 стр., — ibid.: волости 12, 13 и 14):

1253. *Милковичи*, село (съ *хр.*).

(**) Дер. *Мальковичи*, на лѣв. берегу р. *Двины*, въ 5 в. выше устья рч. *Верхн. Кривины*.

1254. *Микложино*, дер.

(*) Дер. *Бикложа*, въ $2\frac{1}{4}$ в. къ ю.-в. отъ № 1253.

1255. *Кривино*, село (14 дер.).

(*) Дер. *Кривина*, въ 2 в. къ ю.-з. отъ № 1254, — въ $2\frac{1}{2}$ в.

отъ прав. берега рч. *Вер. Кривины*, въ $3\frac{1}{2}$ в. выше ея устья. (Въ $1\frac{1}{2}$ в. къ з. лежитъ рчч. *Кривина*).

1256. *Милковичи*, слц. (4 дер.).

1257. *Кривино*, ib. (5 дв. и 4 «дв. пусты»), — на устьѣ рч. *Березицы*, впадающей въ рч. *Кривину*.

(**) Ф. *Кривино*, на прав. берегу рч. *Ниж. Кривины*, въ $\frac{1}{2}$ в. отъ ея впаденія въ рч. *Верх. Кривину*. (Есть еще 2 ф-ка того же имени: одинъ—на прав. берегу рч. *В. Кривины*, въ $\frac{1}{2}$ в. ниже устья рч. *Н. Кривины*, другой—въ $1\frac{1}{2}$ в. къ в. отъ предыдущаго).

12) **Вол. Быстрѣя:**

1258. *Быстрѣя*, село (съ *хр.*), —на р. *Двина*.

(*) Дер. *Быстрая*, на лѣв. берегу р. *Двины*, въ 8 в. ниже устья рч. *В. Кривины*. (На той же рѣкѣ, въ $\frac{1}{2}$ в. ниже д-ни лежитъ ф. *Быстрое*).

13) **Вол. Вѣденичи** (№№ 1259—1260):

1259. *Вѣденичи*, село съ *хр.*, —4 дер.).

1260. *Чюриково*, слц. (12 дв. и 3 «дв. пуст.»).

14) **Вол. Суша** (№№ 1261—1262):

1261. *Суша*, с. (съ *хр.*), —на оз. *Участь*.

(*) Госп. д. *Суша*, на вост. берегу озера, которое носитъ три названія: въ сѣверной части (у госп. дома)—*Чеменицы*, въ средней (у с. *Суши*—см. № 1412)—*Островковъ* и въ южной части—*Суши*. —Почему № 1261 поставленъ на мѣстѣ госп. дома, а не села *Суши*?—см. № 1412.

1262. *Низолово*, село (8 дер.), —на оз. *Низоловъ*.

(**) Дер. *Низоловъе*, на сѣв. берегу оз. *Низоловъя*, —въ 6 в. къ в. отъ № 1261. (На зап. берегу того же озера лежитъ пог. *Низоловъе*).

15) **Вол. Гонецкая** (№№ 1263—1265): (438—439 стр.):

1263. *Гонецкое*, с. (съ *хр.*), —на оз. *Куюни*.

а) Есть 2 дер-ни *Куюни*: одна — на юж. берегу оз. *Криваго* (лежитъ въ 5 в. къ с. отъ оз. *Чеменицы*), другая—на вост. берегу оз. *Оттолова* (—въ 4 в. къ с.-з. отъ оз. *Чеменицы*).

1264. *Величковичи*, село.

1365. *Василево*, дер.

16) **Вол. Туроса:** (439 стр., —*ibid.*: волости 17—22):

1266. *Туроса*, с. (съ *хр.*).

(*) Дер. *Туросса*. въ 1 в. къ з. отъ оз. *Туроссы*, которое ле-

ЖЕТЬ ВЪ 1 В. КЪ С. - В. ОТЪ ОЗ.
Оттолова.

17) Вол. Ворони:

1267. *Ворони*, село (8 дер.),
— «въ той вол. 3 оз.— *Зено, Зе-
руто* и *Вороню*».

(**) С. (съ *хр.*) *Воронь*, на
зап. берегу оз. *Ворони*, которое
лежитъ въ 16 в. къ з. отъ оз.
Островны (см. № 1242). Въ 1½
в. къ ю. отъ оз. *Ворони* лежитъ
оз. *Озеруты*. (На ю.-з. берегу
оз. *Ворони* лежитъ госп. д. *Во-
ронь*).

18) Вол. Пѣшня:

1268) *Пѣшня*, с. (съ *хр.*), —
на оз. *Глубокомъ*.

(**) Мѣст. *Пѣшино*, въ 1½ в.
къ з. отъ оз. *Долго* (оз. *Глу-
бокое?*), рядомъ съ которымъ (къ
л.) лежитъ оз. *Пѣшино*, — въ 9 в.
къ ю.-з. отъ № 1267.

19) Вол. Вешницы:

1269. *Вешницы*, слобода (съ
хр.), — на рч. *Полянъ*.

20) Вол. Кубличи (№№ 1270
— 1277):

1270. *Кубличи*, с. (съ *хр.*), —
на рч. *Караксъ*.

(**) Мѣст. *Кубличи*, на безым.
рѣчкѣ (впадаетъ съ юга въ оз.
Супонецъ), — въ 7 в. къ в. отъ
оз. *Сшо*, въ 10 в. къ с. отъ №

1190. (Въ 1 в. къ ю. лежитъ
ф. *Кубличи*).

1271. *Чижево*, слц., — на рч.
Супоницъ.

а) Кромѣ предполагаемой (см.
№ 1270) рч. *Караксы*, въ оз.
Супонецъ впадаютъ: рч. *Зникля*
(съ с.) и рч. *Селянка* (съ в.). По-
слѣднюю — какъ болѣе крупную,
считаю рч. *Супоницею*.

1272. *Радково*, село.

1273. *Радково* другое, ib., —
на оз. *Скублъ*.

1274. *Витово*, слц.

(**) Дер. *Витова*, на сѣв. бе-
регу озе. *Витова*, въ 3 в. къ с.
отъ № 1270. (На юж. берегу
озерка лежитъ другая дер. *Ви-
тови*).

1275. *Пру* (?), дер.

1276. *Невелское*, слц., — на рч.
Красницъ.

1277. *Нивы*, село, — на оз.
Краснъ.

21) Вол. Телитеничи:

1278. *Телитеничи*, с. (съ *хр.*,
— 19 дер.-нъ), — на рч. *Ушачъ*.

22) Вол. Лепль: (№№ 1279—1282):

1279. Лепль, село (съ *xр.*),— на оз. Лепль.

(**) Село Старый Лепель, на зап. берегу оз. Лепельскаго, въ 4½ в. отъ города Лепеля, лежащаго на юж. берегу того же озера.—(Г. А. М. Семеновскій («Витебскъ и уѣзд. гор-а Вит. губ.», СПб., 1864, стр. 96) свидѣтельствуеъ, на основаніи другихъ историч. данныхъ, что городъ Лепель первоначально заложенъ на мѣстѣ селенія Стар. Лепель, а не тамъ, гдѣ онъ теперь стоитъ).

1280. Бяло-Ледное, слц.,— на оз. Лепль.

(**) Ф. Лядно, на западн. берегу оз. Бяло, лежащаго въ ½ в. къ в. отъ оз. Лепельскаго, — въ 2 в. отъ № 1279. (Въ 3 в. къ с.-в. отъ оз. Бяло лежитъ оз. Лядно, на ю.-в. берегу котораго стоитъ дер. Лядно).

1281. Желзна, слц.

1282. Завидичи, ib.,— на оз. Лепль.

(**) Ф. Завидичи, на вост. берегу оз. Лепельскаго, — въ 1 в. отъ № 1279.

23) Вол. Черствіе (№№ 1283—1285): (440 стр., — *ibid.*: во-лости 24—32):

1283. Черствіе, с. (съ *xр.*).

(*) Пог. Черствяты, на ю.-в. берегу оз. Черствяты, лежащаго къ с. отъ оз. Оттолова (см. № 1263). (На томъ же озерѣ, въ 1 в. къ з. отъ погоста лежитъ дер. Новые Черствяты).

1284. Судиловичи, с.,— на р. Ушачь.

(*) Дер. Судиловичи, въ ¼ в. къ з. отъ озк. Бол. Бороницы (изъ него выходитъ безым. рѣчка, впадающая въ р. Ушачь), — въ 3 в. отъ сѣв. берега р. Ушачи, — въ 25 в. къ з. отъ № 1283. (Въ ½ в. къ с. отъ д-ни лежитъ ф-къ, а въ 2 в. къ с.-з. дер-ня—тогоже имени. № 1284 ставлю на мѣстѣ первой дер-ни—какъ ближайшей къ р. Ушачь).

1285. Староселье, слц.

(*) Дер. Старое-Село, на зап. берегу оз. Плины, — въ 6½ в. къ с. отъ № 1284.

24) Вол. Мусырь:

1286. Мещицы, с. (съ *xр.*,— 7 дв.),— на р. Ушачь.

(**) Пог. Мещица, на прав. берегу р. Ушачи, выше устья рч. Волчи, — въ 11½ в. къ с.-в. отъ № 1285. (Есть еще—1) ф. Мещица, на лѣв. берегу рч. Волчи, въ 1½ в. выше погоста; 2) другой ф. Мещица, въ 1¼ в. къ ю.-з. отъ предъидущаго, и 3) дер-я того же имени, на лѣв. берегу р. Ушачи, въ 2 в. выше погоста).

25) Вол. Воронетцкая (№№ 1287—1290):

1287. *Воронетское* село (съ *хр.*, — 6 дв.), — на р. *Ушачь*. — («Арх. Сб.», I, № 196: «*Вороначи*», — упоминается также подъ 1601 г.: *ib.* № 73).

(**) Мѣст. *Воронечь*, на прав. берегу р. *Ушачь*, въ 8 в. ниже № 1286. (Въ 2¹/₄ в. къ ю.-з. лежить ф. *Воронечь*).

1288. *Умца*, село. — («Арх. Сб.», I, № 59: около № 1287).

(*) ф. *Умце*, на с.-в. берегу оз. *Навлицы*, — въ 7 в. къ с.-з. отъ № 1287.

1289. *Хотковичи*, село, — на *Черномъ* ручьѣ.

(*) ф. *Хотцивичи*, на вост. берегу оз. *Навлицы*, въ 1¹/₂ в. къ ю. отъ № 1288.

1290. *Крупичи*, *ib.*, — на оз. *Крупичь*.

(**) Дер. *Крупича*, на вост. берегу озк. *Гараенка*, — въ 5 в. къ ю.-з. отъ № 1287. (Въ 1¹/₄ в. къ с. лежить ф.-къ и въ 1 в. къ с.-з. — часовня тогоже имени).

26) Вол. Прозоротцкая:

1291. *Душки*, село (3 дер.-ни).

(*) Дер. *Душки*, въ 3 в. къ ю.-з. отъ погоста *Прозорожи*, — въ 2 в. къ ю.-в. отъ оз. *Гинькова*, — въ 22 в. къ з. отъ № 1290. (Въ

1¹/₄ в. къ ю. лежить госп. д. *Душки*).

27) Вол. Мнюты:

1292. *Мнюты*, село (1 дер.), — надъ оз. *Мнютомъ*.

(*) Госп. д. *Мнюта*, на вост. берегу озера *Мнюты* (лежить въ 12 в. къ з. отъ оз. *Гинькова*). (Въ 1 в. къ ю. отъ оз. *Мнюты*, на лѣв. берегу рч. *Плисы* лежить дер. *Мнюта*).

28) Вол. Задорожье:

1293. *Задорожье*, с. (3 дер.).

(**) Дер. *Задорожье*, рядомъ съ № 1292, къ с. отъ него.

29) Вол. Фефиловичи:

1294. *Фефиловичи*, *ib.* (3 дер.).

30) Вол. Спирково:

1295. *Спирково*, *ib.* (2 дер.).

31) Вол. Кириловичи (№№ 1296—1298):

1296. *Кириловичи*, село (4 дер.-ни).

1227. *Панское*, село.

1298. *Заметское*, слц.

32) Вол. Устьшачи (№№ 1299—1300):

1299. *Устьшачи*, с. (съ *хр.*, — 48 дер.-нѣ).

а) ЕСТЬ — 1) мѣст. *Ушачь*, на р. *Ушачь*, въ 10 в. выше № 1286

и 2) дер. *Устье-Ушачское*, на устьѣ р. *Ушачи* (въ р. *Двину*).

1300. *Борзиловичи*, с. (7 дер.).

33) Вол. *Чернѣвичи* (441 стр.,—*ibid.*: волости 34—38):

1301. *Чернѣвичи*, с. (съ *хр.*,—58 дер.).

(*) Пог. *Чернѣвичи*, на прав. берегу рч. *Луты*, въ 7 в. къ с.-з. отъ № 1291.

34) Вол. *Городцкая*:

1302. *Городцкое*, с. (съ *хр.*,—36 дер.).

35) Вол. *Азаская* (№№ 1303—1307):

1303. *Азаское*, с. (съ *хр.*,—20 дер.-нѣ и 8 дер. «пуст.»).

1304. *Заустье*, с. (19 дер.).

1305. *Заборье*, *ib.* (98 д.-нѣ).

(*) Дер. *Заборье*, въ 2 в. къ з. отъ № 1329, въ 14 в. къ с.-в. отъ № 1307.

1306. *Блошники*, с. (34 д.-ни.).

(**) Дер. *Блошники*, въ 1½ в. къ в. отъ озк. *Жады*, въ 8½ в. къ ю. отъ № 1305. (Въ 1 в. къ с. и въ 1½ в. къ с.-з. лежать два госп. дома, *Блошники*, а въ 1¾ в. къ ю.-з. — ф.-къ того же имени. № 1306 ставлю на мѣстѣ деревни—какъ самаго крупнаго поселенія).

1307. *Павловичи*, с. (35 д.-нѣ).

(**) Ф. *Павловичи*, на лѣв.

берегу рч. *Луты*, въ 8 в. ниже № 1301,—въ 7½ в. къ с.-з. отъ № 1306.

36) Вол. *Туя* (№№ 1308—1310):

1308. *Туя*, с. (съ *хр.*).

(*) Госп. д. *Псуя*, на зап. берегу оз. *Псуи*, которое лежитъ въ 1½ в. къ с.-з. отъ оз. *Сшо*. (Есть еще дер. *Псуя* и другой госп. д. *Псуя*—на вост. берегу оз. *Домаго*, лежащаго къ с.-в. отъ оз. *Псуи*).

1309. *Березовецъ*, с. (7 дер.).

1310. *Горки*, *ib.*

(*) Дер. *Горки*, на пр. берегу безым. рѣчки, впадающей съ ю. въ оз. *Гиньково*,—въ 4½ в. къ ю.-з. отъ № 1301,—въ 6 в. къ с. отъ № 1308. (Въ 1½ в. къ ю. стоитъ госп. д. *Горки*).

37) Вол. *Бобыницкая* (№№ 1311—1318):

1311. *Бобыницкое* (съ *хр.*,—39 дер.).

(**) Мѣст. *Бобыничи*, между оз. *Бобыномъ* (къ з.) и оз. *Посетомъ* (къ ю.),—въ 13 в. къ в. отъ № 1291. (Къ 1 в. къ ю. стоитъ ф. *Бобыничи*).

1312. *Плена*, село.

(**) Дер. *Плина*, на вост. берегу оз. *Плины*, въ 11 в. къ ю.-в. отъ № 1311. (Въ 2½ в. къ с. стоитъ ф. *Плина*).

1313. *Панское*, слц.

1314. *Зерченичи*, ib.

а) Въ 6—8 в. къ ю. отъ № 1311 и въ 8—10 в. къ с.-з. отъ № 1312 лежать 3 деревни и 3 фольварка *Зерченичи*... Каюй изъ этихъ 6 пунктовъ признать за № 1314?—рѣшить невозможно...

1315. *Сушина*, с. (съ *хр.*).

(*) Дер. *Сушина*, на вост. берегу оз. *Сушина*, въ 5 в. къ в. отъ № 1311. (Въ окрестностяхъ озеръ лежать 4 ф-ка того же имени).

1316. *Селморъ*, село,—на оз. *Селморъ*.

(*) Дер. *Селморы*, на сѣв. берегу оз. *Селморы*, въ 4 в. къ с. отъ № 1315. (Въ окрестностяхъ озера лежать 3 деревни и 1 ф-къ того же имени. № 1316 ставлю на мѣстѣ первой деревни, потому что она лежитъ на самомъ озерѣ).

1317. *Забълье*, село,—около оз. *Бълница*.

(**) Дер. *Забълье*, въ 2 в. къ с. отъ оз. *Бълница*,—въ 5 в. къ с. же отъ № 1311. (Въ 1 в. къ с. лежитъ другая дер. *Забълье*).

1318. *Олеховна*, слц.

38) Вол. *Орѣховна* (№ 1319—1323):

1319. *Орѣховна*, с. (съ *хр.*, 28 дер.).

(**) Мѣст. *Орѣховна*, въ 1 в. къ з. отъ оз. *Орѣховны*,—въ 4 в. къ с.-з. отъ № 1317. (На сѣв. берегу озера стоятъ госп. д. *Орѣховно*).

1320. *Грибовское*, слц.

(*) Дер. *Грибы*, въ 1½ в. къ ю.-з. отъ оз. *Орѣховны*, въ 2½ в. къ ю. отъ № 1319.

1321. *Могилки - Блошники*, село.

(*) Ф. *Могилки*, въ 4½ в. къ с.-в. отъ дер. *Блошниковъ* (см. № 1306) и въ 4 в. къ с.-з. отъ № 1319.—(На картѣ: «*Могилки*»).

1322. *Братошино*, слц.,—на р. *Начъ*.

(**) Ф. *Братошино*, на прав. берегу р. *Начи*,—въ 2½ в. къ с. отъ № 1319.

1323. *Шестово*, село.

39) Вол. *Вѣтрена* (№№ 1324—1332): (441—442 стр.):

1324. *Вѣтреное* (съ *хр.*,—99 дер.-нь и 35 дер. «пустыхъ»).

(**) Мѣст. *Вѣтрино*, въ 1½ в. къ в. отъ оз. *Сердова*,—въ 6 в. къ с.-в. отъ № 1322. (Въ ½ в. къ ю. лежитъ ф. *Вѣтрино*).

1325. *Шитово*, с.,—на оз. *Вѣтреномъ* (ib.—№ 1326 и 1327).

а) Ни одно изъ сосѣднихъ съ № 1324-мъ озеръ не носитъ названія *Витренаго*. Ближайшее къ № 1324 озеро — *Сердово*.

1326. *Татьянино-Хоружево*, слц.

—
1327. *Луки*, село.

—
1328. «Сельцо на *Юрицхъ*».

1329. «Сельцо на *Бедрицъ*».

(*) Пог. *Бедрица*, на лѣв. берегу безым. притока р. *Начи* (съ лѣвой стороны), въ 5 в. отъ его устья, — въ 10 в. къ с.-з. отъ № 1324. (Въ $\frac{3}{4}$ в. въ с. стоитъ ф. *Бедрица*).

—
1330. *Данево*, село.

(**) Ф. *Данево*, на зап. берегу оз. *Благо*, въ $3\frac{1}{2}$ в. къ ю.-з. отъ № 1324.

—
1331. *Иванское*, слц. (22 дер. и 8 дер. «пустыхъ»), — на р. *Начъ*.

(*) Дер. *Ивановщина*, на лѣв. берегу р. *Начи*, въ $3\frac{1}{2}$ в. къ с.-в. отъ № 1329.

—
1332. «Сельцо на *Вмичахъ*», — на оз. *Воуличахъ*.

—
40) **Вол. Селецкая** (№№ 1333—1334): (442 стр., — *ibid.*: во-лости 41—45):

1333. *Селецкое*, с. (съ *хр.*, — 16 дер.), — на р. *Уль*.

(**) С. *Селецъ*, на прав. бе-

регу р. *Ульянки*, въ 16 в. ниже № 1245. (Въ $\frac{3}{4}$ в. къ ю., на томъ же берегу рѣки стоитъ ф. *Селецъ*).

1334. *Ивановское*, сц. (15 дер.), — на р. *Уль*.

(**) С. *Иванскъ*, на лѣв. берегу р. *Ульянки*, въ 1 в. выше № 1333. (Въ $\frac{1}{2}$ в. къ ю.-в. стоитъ ф. *Иванскъ*).

—
41) **Вол. Бочѣйково:**

1335. *Бочѣйково*, с. (съ *хр.*, — 9 дер.), — на р. *Уль*.

(**) Мѣст. *Бочейково*, на лѣв. берегу р. *Ульянки*, въ 7 в. ниже № 1333. (На прав. берегу рѣки, напротивъ мѣстечка, стоятъ госп. д. *Бочѣйково*).

—
42) **Вол. Усая:**

1336. *Усая*, с. (съ *хр.*, — 11 дер.), — на оз. *Усаъ*.

(**) С. (съ *хр.*) *Усая*, на вост. берегу оз. *Усаи*, которое лежитъ въ $5\frac{1}{2}$ в. къ с.-в. отъ оз. *Оттолови*, — въ 9 в. къ с. отъ № 1261.

—
43) **Вол. Тетчая** (№№ 1337—1346):

1337. *Тетчая*, село (съ *хр.*, — 8 дв. и 6 «дв. пуст.»), — на оз. *Тетчъ*. — («Арх. Сб.», 1, № 59: въ 1588 г. было въ селѣ «19 дымовъ», а въ 1601 г. (*ibid.* № 73) — «20 дымовъ»).

(**) Пог. *Тетча*, на перешейкѣ, отдѣляющемъ оз. *Тетчи* (къ с.)

отъ оз. *Березово* (къ ю.), — въ 9 в. къ с.-з. отъ № 1336.

1338. *Березыня*, село (3 дер.), — на оз. *Березыть*.

(*) Дер. *Березова*, на с.-в. берегу оз. *Березово*, въ $\frac{3}{4}$ в. отъ № 1337. (На зап. берегу оз-а лежатъ другая дер. *Березова*).

1339. *Плоскинское*, с. (4 дер. и 3 дер. «пусты»).

(+) Ставлю на вост. берегу (гдѣ стоятъ фольварокъ, имя котораго пропущено на «военно-топографич.» картѣ) озера *Плоскы*, лежащаго въ 1 в. къ в. отъ № 1338.

1340. *Усвѣя*, слц. (4 дер. и 2 дер. «пусты»). — («Арх. Сб.», I, № 59, 1588 г.: слц. *Усвѣицы*, «10 дымовъ», а въ 1601 г. (ib., № 73) — «11 дымовъ»).

(**) С. (съ *хр.*) *Усвѣица*, на лѣв. берегу р. *Доты*, въ 2 в. ниже устья безым. рѣчки, выходящей изъ оз. *Усвѣи*, — въ 8 в. къ с.-в. отъ № 1337. — На картѣ стоятъ — согласно показанію современнаго «книгѣ рублией» акта — «*Усвѣицы*».

1341. *Рукшеницы*, с. (14 дер. и 2 дер. «пусты»).

(**) Пог. *Рукшеница*, на с.-з. берегу оз. *Рукшеницъ*, въ 6 в. къ з. отъ № 1340.

1342. *Овонасковичи*, с. (4 дер. и 1 дер. «пуста»), — на оз. *Дрентичъ*.

(*) Пог. *Апонасковичи*, на с. в. берегу оз. *Черствята*, въ 6 в. къ з. отъ № 1337. (Въ $1\frac{1}{2}$ в. къ с.-в. лежитъ дер. *Апонасковичи*).

1343. *Яковковичи*, слц. (5 дв. и 8 «дв. пустыхъ»).

(*) Ф. *Яковка*, въ $1\frac{3}{4}$ в. къ в. отъ оз. *Тетчи*, въ 2 в. къ ю.-з. отъ № 1341.

1344. *Туреицъ*, слободка (5 дер.).

(**) Пог. *Туреицъ*, на юж. берегу оз. *Зацата*, въ $7\frac{1}{1}$ в. къ с. з. отъ № 1343.

1345. *Усвѣя*, с. (5 дер.).

(**) С. (съ *хр.*) *Усвѣя*, на с. в. берегу оз. *Усвѣи*, — въ 8 в. къ в. отъ № 1337. (На вост. берегу того же озера, въ 1 в. къ ю.-з. отъ села лежитъ ф. *Усвѣя*).

1346. *Осташово*, слц. (1 дер.).

а) Есть ф. *Осташево*, на прав. берегу р. *Ульянки*, въ 4 в. выше № 1334 (въ $1\frac{1}{2}$ в. къ с.-в. отъ ф-ка — дер. *Осташева*). Но я не поставилъ здѣсь № 1346-го, потому что фольварокъ лежитъ слишкомъ далеко отъ предѣловъ волости — въ 36 в. (къ ю.-в.) отъ № 1337.

44) **Вол. Улана** (№№ 1347—1351):

1347. *Улана*, с. (съ *хр.*, — 6 дв. и 5 «бѣлей»), — на оз. *Уль*.

а) Есть мѣст. *Улла*, на устьѣ р. *Уллы* (въ верхн. теченіи — *Ульянка*), въ $8\frac{1}{2}$ в. къ в. отъ № 1345. Въ $\frac{1}{2}$ в. отъ лѣв. берега р. *Уллы*, въ 3 в. выше мѣстечка лежитъ оз. *Веребино*; другихъ озеръ въ ближайшихъ окрестностяхъ мѣстечка — нѣтъ. Также изъ другихъ озеръ по р. *Улт* — ни одно не носитъ имени *Уллы*...

1348. *Улское*, слц. (4 дер.), — на оз. *Уль*.

1349. *Соколовское*, слц. (3 дер. и 2 дер. «пусты»), — на р. *Улт* «у мосту у *Соколова*...».

1350. *Кузминское*, ib. (5 дв.), — надъ оз. *Веркудомъ*.

а) Озеро *Веркудо*, лежитъ въ 1 в. къ в. отъ оз. *Черствяга* и въ 2 в. къ з. отъ оз. *Березоваго*.

1351. *Бикалница*, слободка (6 дер. и 1 дер. «пуста»).

а) Есть — 1) ф. *Бикунини*, въ $8\frac{1}{2}$ в. къ з. отъ оз. *Веркуда* и 2) дер. того же имени, на зап. берегу оз. *Янова*, въ 6 в. къ с.-в. отъ ф.-ка.

45) **Вол. Гомецкая** (№№ 1352—1353):

1352. *Гомское*, с. (5 дер. и 1 починокъ), — на оз. *Гомъ*.

а) Оз. *Гоммель* лежитъ въ $1\frac{1}{2}$ в. къ с.-з. отъ оз. *Янова*.

1353. *Гумня*, с. (9 дв.), — на оз. *Гумнъ*.

(443 стр.):

1354. *Сотычки*, с. (съ *хр.*, — 2 дер.).

(**) С. (съ *хр.*) *Сотча*, на р. *Сотчанкѣ*, въ 13 в. отъ ея впаденія въ р. *Уллу*, съ прав. стороны, — въ $7\frac{1}{2}$ в. къ в. отъ № 1335.

Дополненія по актамъ.

I) «Акты Зап. Россіи», III, № 137, 1583 г.:

1355. *Июменово*, село, — въ *Дисненскомъ староствѣ* (ib. — №№ 1356 — 1357), — надъ р. *Дисною*.

(**) Госп. д. *Июмень*, на прав. берегу р. *Дисенки*, на устьѣ рч. *Нижкунки*, въ 9 в. ниже № 1184.

1356. *Копоровичи*, ib. — («Ак. З. Р.», III, № 143: на р. *Начъ*).

а) Р. *Нача* впадаетъ въ р. *Дичну* съ лѣв. стороны, въ $9\frac{1}{2}$ в. выше устья р. *Дисенки*.

1357. *Мотырино*, ib. — (ib., № 143: недалеко отъ с. *Судиловичей* — № 1284).

(*) Пог. *Мотырино*, на с.-з. берегу оз. *Мотырина* (лежитъ на р. *Ушачъ*, въ 5 в. выше

устья рч. *Волчи*), — въ 14 в. въ с. отъ № 1284.

II) *Ibid.*, № 143, 1584 г.:

1358. *Фолны*, село, — на р. *Дрысь* (*ib.* — № 1360).

1359. *Зарыницы*, *ib.*, — на р. *Полотъ*.

1360. *Михалковщина*, *ib.*

1361. *Туровли*, *ib.*

(*) Пог. *Туровля*, въ 3 в. отъ лѣв. берега р. *Двины*, въ 4 в. въ с.-в. отъ оз. *Туровли*, — въ 10 в. въ с. отъ № 1341.

1362. *Улазовичи*, *ib.*

1363. *Осколы*, *ib.*

1364. *Намозаръ*, *ib.*

1365. *Начы*, *ib.* — («Арх. Ю. и З. Р.», I, № 215: на р. *Начь*).

а) По теченію р. *Начы* расположено 4 ф-ка и 1 дер-ня — *Начы*.... Какой изъ этихъ 5 пунктовъ соотвѣтствуетъ № 1365-му? — нельзя рѣшить....

1366. *Мошники*, село.

1367. *Ольшаныцы*, *ib.*

а) Есть дер. *Ольшаны*, въ 6 в. къ ю. отъ № 1342 и въ 4 в. къ з. отъ № 1283.

1368. *Чартичицево*, *ib.*

1369. *Тоболки*, *ib.*

(*) Дер. *Тоболки*, на прав. берегу р. *Сволки*, въ 1 в. отъ ея впаденія въ р. *Дриссу*, съ прав. стороны. (Въ $\frac{3}{4}$ в. выше деревни, на томъ же берегу р. *Сволки*, стоитъ ф. *Тоболки*).

1370. *Сосны*, *ib.* — («Арх. Сб.», I, № 73: на рч. *Соснь*).

(*) Пог. (и рядомъ — ф-къ)

Сосница, на пр. берегу рч. *Сосницы*, въ $\frac{1}{2}$ в. отъ ея устья (впадаетъ въ р. *Двину*, съ прав. стороны, въ 3 в. ниже устья р. *Оболы*). (На томъ же берегу рч. *Сосницы*, въ 6 в. выше погоста, стоитъ дер. *Сосница*. Есть еще 2 д-ни *Сосны* — на зап. берегу оз. *Сосны*, отсюда выходитъ рч. *Сосница*).

1371. *Луцаны*, село.

(*) Дер. *Луцки*, на прав. берегу р. *Двины*, въ $2\frac{1}{2}$ в. ниже устья рч. *Сосницы*.

III) «Арх. Юж. и Зап. Р.»,

I, № 196, 1589 г.:

1372. *Старинки*, село, — «неподалеку отъ *Воронача*» (№ 1287), — около озерковъ: *Утицкаго*, *Ухвостнаго* и *Лешна* и рч. *Ухвостницы*.

(**) Ф. *Старинки*, на юж. берегу озк. *Ухвостны*, которое лежитъ въ 3 в. къ в. отъ р. *Ушачи* и въ $5\frac{1}{2}$ в. къ ю. отъ № 1287. Въ озерко впадаетъ у ф-ка безым. ручей (рч. *Ухвостница*?). Въ $\frac{3}{4}$ в. къ ю.-в. отъ ф-ка лежитъ озк. *Лешно*, а въ $\frac{3}{4}$ в. къ ю.-з. — другое озк. *Ухвостно* (озк. *Утицкое*?). (Въ 1 в. къ ю. отъ ф-ка лежитъ дер. *Старинки*).

IV) *ibid.*, № 215, 1595 г.:

1373. *Кушлики*, село. — («Арх. Сб.», I, № 59, 1588 г.: «поданныхъ 17 человекъ»).

(*) Пог. *Кушлики*, на лѣв. берегу безым. рѣчки, въ 2 в. отъ

ея впаденія въ р. *Доину* — съ правой стороны, противъ устья р. *Начи* (въ 10 в. выше устья р. *Дисенки*). (Около погоста лежитъ дер-я *Курилки*, а на пр. берегу рѣчки, въ $\frac{1}{2}$ в. къ с.-з. — госп. домъ того же имени).

V) «Арх. Сб. докум-въ по ист-иѣ сѣв.-зап. края», I, № 59, 1588 г.:

1374. *Струня*, село (съ *хр.*, — 8 дымовъ), — въ 1 милю отъ гор. *Полоцка*.

(**) С. (съ *хр.*) *Струня* 2, на устьѣ рч. *Струнки* (на прав. берегу), которая впадаетъ въ р. *Доину* съ правой стороны, въ $5\frac{1}{2}$ в. выше устья р. *Полоты*. (На лѣв. берегу рч. *Струнки*, напротивъ погоста лежатъ 2 д-ни *Струни*; на той же рѣчкѣ, въ 9 в. (по прямому направленію) выше погоста лежитъ ф. *Струня*, а въ 2 в. выше послѣдняго, на верховьѣ рѣчки — с. (съ *хр.*) *Струня* 1).

1375. *Завечелье*, село (13 дымовъ).

(**) С. (съ *хр.*) *Завечелье*, въ 7 в. къ в. отъ оз. *Вечелья*, — въ 9 в. къ ю.-з. отъ № 1283. (Въ $\frac{1}{2}$ в. къ с. лежитъ ф. *Завечелье*).

1376. *Бълое*, ib.

(**) Слобода *Бълая*, на вост. берегу оз. *Бълаго*, въ 16 в. къ с.-з. отъ гор. *Полоцка*.

1377. *Камень-Хоробровъ*, ib.

1378. *Крынки*, ib.

(**) Дер. *Старые-Крынки*, въ

$4\frac{1}{2}$ в. къ с. отъ № 1373, въ 15 в. къ з. отъ № 1376. (Въ 3 в. къ ю.-з. лежитъ ф. *Крынки*.)

1379. *Делотки*, ib.

1380. *Оходна*, село.

1381. *Званое*, ib.

а) Въ $\frac{3}{4}$ в. къ з. отъ оз. *Бълаго* (№ 1376) лежитъ оз. *Звана*, по берегамъ котораго расположена 3 д-ни *Званы*.....

1382. *Замшаны*, село.

а) Есть — 1) пог. *Замшаны*, на лѣв. берегу р. *Дриссы*, въ 1 в. выше устья р. *Нищи*, 2) ф. *Замшаны*, на томъ же берегу р. *Дриссы*, напротивъ устья р. *Нищи*, 3) ф. *З—ны*, въ $2\frac{1}{4}$ в. къ ю. отъ погоста того же имени, 4) дер. *З—ны*, въ $4\frac{1}{2}$ в. къ ю.-з. отъ предъидущаго ф-ка и 5) ф. *З—ны*, въ 1 в. къ ю.-з. отъ послѣдней деревни.....

1383. *Виачи*, село.

1384. *Рожтовское*, ib.

VI) *ibid.*, № 73, 1601 г.:

1385. *Носелицы*, с. (7 дым.).

1386. *Бълеводы*, село (2 дыма).

1387. *Навлицы*, ib. (16 дымовъ).

а) На зап. и ю.-з. берегахъ оз. *Навлицъ* лежатъ 2 дер-ни и 2 ф-ка *Навлицы*.... (На вост. берегу озера лежатъ №№ 1288 и 1289).

1388. *Шартовцизна*, пустошь.

1389. *Савитцизна*, ib.

1390. *Ситцовская*, ib.

1391. *Обуховицизна*, ib.
1392. *Свирковцизна*, ib.
1393. *Марасовнево*, ib.
1394. *Цыпилово*, ib.
1395. *Гришиково*, ib.
1396. *Михалковщина*, ib.
1397. *Москалево*, ib.
1398. *Карташово*, ib.
1399. *Соболево*, ib.
1400. *Кузмино*, ib.
1401. *Ковпино*, ib.
1402. *Василево*, ib.
1403. *Тварогово*, ib.
1404. *Понамарково*, ib.
1405. *Денисово*, ib.
1406. *Малашово*, ib.
1407. *Казимерово*, ib.

(*) Пог. *Казимірово*, на лѣв. берегу р. *Двины*, въ 6 в. выше *Полоцка*, — въ 1 в. выше устья рч. *Струнки* (см. № 1374). (На томъ же берегу р. *Двины*, въ $\frac{3}{4}$ в. выше погоста стоитъ ф. *Казимірово*).

1408. *Михалково*, п-шь.

1409. *Мядяловщина*, ib.

1410. *Марынецъ*, село.

VII) «*Карамзинъ*,» IX, 223 при-мѣчаніе (1566—1567 г.г.):

1411. *Соколъ*, городъ, — на устьѣ р. *Нищи*, — въ 30 в. отъ *Полоцка*, — въ 25 в. отъ гор. *Дрыси*.

(**) ф. *Соколище*, на прав. берегу р. *Нищи*, въ $\frac{1}{4}$ в. отъ ея впаденія въ р. *Дриссу*, — въ 28 в. къ с. отъ г. *Полоцка*, — въ 37 в. къ в. отъ гор. *Дриссы*. (Въ 1 в. къ с. отъ ф-ва стоитъ пог. *Соколище*).

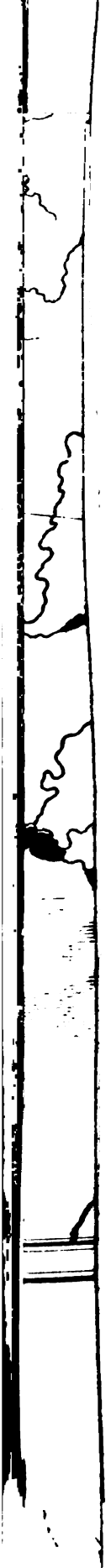
1412. *Копіе*, городъ, — на островѣ оз. *Суши*, — въ 7⁰ в. отъ *Полоцка*, — въ 25 в. отъ *Лепля*.

(*) Оз. *Суша* (какъ уже сказано въ объясненіи къ № 1261) состоитъ изъ 3-хъ частей: сѣверная носитъ названіе *Чеменицы* (на юго-восточномъ берегу ея стоитъ № 1261-й), средняя — *Островковъ* и южная — *Суши*. На западномъ берегу *Островковъ* глубоко врѣзывается въ озеро закругленный *полуостровъ*, соединяющійся съ материкомъ узкимъ перешейкомъ (который могъ образоваться въ недавнее время....). На этомъ полуостровѣ стоитъ село *Суша* (изъ 20 дворовъ), на мѣстѣ котораго и поставленъ городъ *Копіе*. — С. *Суша* лежитъ въ 44 в. (къ ю.) отъ г. *Полоцка* и въ 26 верстахъ отъ гор. *Лепля*.

Дѣйств. членъ Н. Оглобинъ.

С.-Петербургъ,
1880 г., 16 января.

Примѣчаніе. Настоящій трудъ оказалось возможнымъ пополнить новыми данными на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ Витебскомъ архивѣ. Такое дополненіе готовится и будетъ помѣщено, вмѣстѣ съ дополнительной къ прилагаемой здѣсь картой, въ одной изъ слѣдующихъ книгъ Сборника Археологическаго Института.

Историко-археологическое описаніе Бѣлогостицкаго монастыря.

Бѣлогостицкій монастырь находится въ семи верстахъ отъ г. Ростова, въ верстѣ отъ шоссеиной ярославско-ростовской дороги, на берегу рѣки Вексы. На востокъ за Вексой, протекающей почти у самой монастырской ограды, тянутся на нѣсколько верстъ заливные луга, на сѣверъ — въ верстѣ отъ обители — расположено село Никольское, что на перевозѣ, а съ западной и южной сторонъ монастырь окруженъ полями слободы Георгіевской, въ XVII вѣкѣ входившей въ составъ монастырскихъ владѣній. „Бѣлогостицкимъ“ монастырь называется отъ урочища „Бѣлогостицы“, которое въ свою очередь получило это названіе, по мѣстному преданію, отъ бѣлыхъ гостинницъ, существовавшихъ когда-то на берегу Вексы — у перевоза — для пріѣзжавшихъ въ Великій Ростовъ.

Время основанія этой обители, по недостатку историческихъ данныхъ, трудно опредѣлить съ точностію. Архимандритъ Амвросій, упоминая въ своей Исторіи Россійской Іерархіи о Бѣлогостицкомъ монастырѣ, замѣчаетъ, что „въ немъ церкви и кельи *каменные* начаты строеніемъ въ 7165 г. (1657) тщаніемъ и трудами преосвященнаго Іоны, митрополита ростовскаго и вспоможеніемъ князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовскаго“¹⁾. На основаніи этого неопредѣленнаго указанія Александръ Ратшинъ²⁾ и графъ М. Толстой³⁾ начало обители прямо уже относятъ къ 1657 г. Между тѣмъ несомнѣнныя историческія данныя указываютъ, что названный монастырь въ

(¹⁾ Т. III, стр. 470, изд. 1811 г.

(²⁾ Полн. собр. историч. свѣдѣній о монастыряхъ и церквахъ въ Россіи, стр. 554, изд. 1857 г.

(³⁾ Древнія святѣи Ростова Великаго, стр. 82, изд. 2-е, дополн. и испр. 1860 г. Графъ Толстой допускаетъ и другія двѣ ошибки: онъ утверждаетъ, что Бѣлогостицкій монастырь

половинѣ XVI вѣка не только существовалъ, но и владѣлъ значительнымъ числомъ вотчинъ. Такъ, изъ жалованной грамоты царя и великаго князя Ивана Васильевича Грознаго, данной ростовскому архіепископу Никандру 1555 г., мы узнаемъ, что Бѣлогостицкій монастырь находился *на искони вѣчной землѣ* ростовскихъ владыкъ, числился приписаннымъ къ ростовскому архіерейскому дому и имѣлъ собственные вотчины: „село Благовѣщенское на Горѣ, село Гору Лесконотову и село Юцкое съ деревнями и пустоши и со всѣми угодьи (1).“ Затѣмъ въ межевомъ развѣздѣ ростовскихъ писцовъ Ивана Александровича Плещеева да Ивана Денисьева, сына Низовцова, съ товарищами 1544 г. за монастыремъ показаны деревни: Евсевьево и Шулимово (2). Мало этого, въ монастырской описи, „учиненной въ 1708 году, по указу пресвященнаго Дмитрія, митрополита ростовскаго и ярославскаго, и по наказу изъ домового духовнаго приказа, за при-

стоитъ на берегахъ Ростовскаго озера и впадающей въ него рѣки Вексы; тогда какъ озеро находится отъ монастыря въ 5—6 верстахъ, а Векса не впадаетъ въ озеро, а вытекаетъ изъ него, и, соединяясь въ недалекомъ отъ монастыря разстояніи съ рѣкою Устьей, образуетъ вмѣстѣ съ послѣднею рѣку Котрость, которая въ г. Ярославлѣ впадаетъ въ Волгу. По вопросу о времени основанія монастыря ближе къ истинѣ стоитъ прот. І. Троицкій. См. Яросл. Губ. Вѣдом. за 1858 г. №№ 1—4.

(1) Грамота эта приводится въ жалованной грамотѣ царя и великаго князя Михаила Феодоровича и отца его святѣйшаго патріарха Филарета Никитича ростовскому митрополиту Варлааму, отъ 13 января 1622 года. См. Приложение I.

(2) Въ 1678 году, по поводу спора между крестьянами монастырскаго села Филипповой Горы и крестьянами деревни Елизарова, Якимовской волости, о томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ смежная пожня, состоялся «сыскъ и межевой разводъ», по которому спорная пожня признана принадлежащею крестьянамъ села Филипповой Горы. Межевой и разводный списокъ утверждены рукоприкладствомъ присутствовавшихъ на разводѣ: «села Якимовскаго-Рождественскаго пона Федора и села Филипповой-Горы пона Иоанна». Да при томъ же разводѣ на особливомъ небольшомъ столбцѣ имѣется написанъ нижеявленный разводъ: по великаго князя слову Ивана Васильевича всея Русси и по указанному списку, ростовскіе писцы Иванъ Александровичъ Плещеевъ да Иванъ Денисьевъ съ товарищи раздѣляли землю и межу учинили межъ великаго князя земли, князь — Андреева помѣстья Хотѣва, Васкинскія деревни да деревни Корѣва, а промежъ земля монастырская *Бѣлогостицкаго* монастыря— село Гора Лесконотова и деревня Евсевьево; съ вотчиннаго потока на дубовую отросль, у отросли двѣ ямы, да тѣмъ же потокомъ къ черной гривѣ, а у гривы двѣ ямы, а отъ гривы въ поточину — въ рѣчку Корѣнку по границѣ и по амалѣ, да рѣчкою Корѣнкою до владычной земли (т. е. земли ростовскихъ владыкъ). На правѣ земля князь Андреева Васильковскаго села и деревни Корѣва, а на лѣвѣ земля Бѣлогостицкаго монастыря деревни Шулимово. А на развѣздѣ были подъячіе Федоръ, Семеновъ сынъ, да Нечай, Михай-

писью дьяка Мирона Θεовитова, его жъ, преосвященнаго митрополита, дома казначеиъ іеромонахомъ Филаретомъ“, между прочимъ, находитсѣ слѣдующее указаніе: въ монастырской кладовой хранятсѣ: „подголовокъ деревянный, обить мѣстами жостью, а въ немъ всякія монастырскія крѣвности: данная боярина, князя, Юрья Андреевича Сицкаго жены его вдовы Фетиньи Володиміровны, на деревню Левково; данная жъ князя Александра Даниловича, да князя Ѳедора Борисовича да князя Алексѣя Васильевича Ростовскихъ на мельничное мѣсто дворовое и на вотчинную землю Левковскую по рѣкѣ Устьѣ; данная отписъ Васильевы жены Веронцовоы Марьи Васильевы на монастырскій ѣздъ на рѣкѣ Воксѣ; разѣзжая села Филипповой Горы съ Якимовскими; разѣзжая дьяка Петра Колядницкаго Броздина да Молчана Игнатѣева сына Ростопчина (всѣ эти документы — безъ означенія года и мѣсяца); списокъ съ межовыя грамоты монастырской вотчины писцовъ Петра Колядницкаго да дьяка Образца Смолина-Буторина семьдесятъ втораго года (1564); выписъ съ ростовскихъ доворныхъ книгъ писцовъ Семена Бартонова да подьячаго Козьмы Матюшкина 1621 года и *списокъ съ грамоты въ лѣто 6919, складная, черная*“¹⁾. Если существовала послѣдняя грамота, то она даетъ право заключить, что Вѣлогостицкій монастырь основанъ въ началѣ XV вѣка²⁾. Въ такомъ случаѣ основаніе его, съ нѣкоторою правдоподобностію, можно приписать ростовскому архіепископу Григорію, который, по замѣчанію ростовскаго лѣтописца, отличался особенною любовію и усердіемъ къ созиданію храмовъ Вожинокъ и монастырей. Такъ,

ловъ сынъ. Къ сей грамотѣ ростовскіе писцы Иванъ Денисьевъ сынъ Низовцовъ и въ товарища своего мѣсто Ивана Александровича печать свою приложилъ, потому что Иванъ на государевѣ службѣ въ Темниковѣ. 7052. У подлинной разѣвшеи рука приложена тако: къ сей разѣвшеи грамотѣ Игнатей Харитоновъ руку приложилъ. Настоящая выписка взята нами изъ сборника рукописей Вѣлогостицкаго монастыря. Всѣ документы сборника — копія съ подлинныхъ.

¹⁾ Рукопись in f°, стр. 24—25. Писана скорописью довольно четкою. Перечисленныхъ документовъ въ настоящее время нѣтъ въ монастырѣ.

²⁾ На 331 стр. Путеш. по Ярослав. губерн. Журавлева, изд. 1859 г., между прочимъ, говорится: «въ 7 верстахъ отъ Ростова, по старой Ярославской дорогѣ, при рѣкѣ Воксѣ, находитсѣ Вѣлогостицкій монастырь. Изъ жалованныхъ монастырю грамотъ видно, что оный существовалъ еще при великомъ князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ, сынѣ Донскаго, въ половинѣ XV в. Гдѣ эти грамоты хранятсѣ и видѣлъ ли ихъ Журавлевъ — неизвѣстно.

онъ положилъ начало монастырю Григоріевскому или Григорія Бого- слова въ Ростовѣ, за архіерейскимъ дворомъ; онъ же, послѣ пожара, истребившаго большую часть города Ростова въ 1411 г., обновилъ соборную церковь, а въ 1412 г. создалъ каменную церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы на Дорогомиловѣ¹⁾.

Въ писцовой межевой заручной выписи князя Ивана Ростовскаго да подьячаго Муртазы Чуфарова 1555—1557 гг. Бѣлогостицкій мо- настырь называется „Георгіевскимъ и Егорьевскимъ“, домовымъ, что на *Бѣлогостицъ*, монастыремъ. Изъ этой же выписки видно, что при- надлежащая монастырю въ ростовскомъ уѣздѣ земля соприкасалась съ землею крестьянъ села Поникарова, вотчиною Троицко-Сергіева мо- настыря²⁾. Тоже названіе монастырь удерживаетъ и въ XVII вѣкѣ, что видно изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича, отъ 17 октября 1669 г., выданной по челобитью ростовскаго митрополита Ионы Си- соевича, изъ помѣстнаго приказа, за приписью дьяка Андреяна Яво- влева, на размежеваніе владѣній Бѣлогостицкаго монастыря съ вотчиною Троицко-Сергіевой обители—селомъ Поникаровымъ³⁾. Въ выписи изъ ростовскихъ книгъ письма и мѣры и межеванья Петра Алексѣевича Шетнева да подьячаго Ѳедора Чиркина 1685—1686 гг. Бѣлого- стицкій монастырь показанъ въ *Сотемскомъ* станѣ на вотчинной землѣ пресвященнаго Ионы, митрополита ростовскаго и ярославскаго, на рѣкѣ на Вексѣ. Въ монастырѣ находились четыре церкви: а) во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, каменная „на подклѣткахъ“; б) во имя собора Архистратига Михаила, каменная жъ, а подъ церковью хлѣбня да келарская, у церкви колокольня каменная-жъ; в) на свя-

(¹) Лѣтописецъ ростовскій стр. 13, рукопись музея Императорскаго Археологич. Общест- ва. По описанію Д. И. Прозоровскаго № 69, изд. 1879 г.

(²) По правую сторону отъ Кишкина Кустара, внизъ рѣчки *Ипородки*, до князь Дмит- ріевы земли Шестунова, отхожими пожнями Дрокинымъ, да Кочками да Ингородкою вла- дѣють Троицкаго Сергіева монастыря села Поникарова и деревень крестьяне, а по лѣвую сто- рону рѣки Ингородки, внизъ отъ Кишкина-жъ Кустара, владѣть домовой *Егорьевскій* мо- настырь, что на Бѣлогостицѣ. Писц. кн. ч. 1, отд. 2, изд. 1877 г. стр. 21—22. Станъ *Сотемскій*,— правильнѣе *Сотемскій*.

(³) Рук. сборн. монаст. «Выпись съ межевыхъ книгъ писалъ, по повелѣнію Лва Степа- новича Юшкова, подьячей Коземка Щалинъ. Къ межевой выписи съ межевыхъ книгъ Левъ Степановичъ Юшковъ печать свою приложилъ, а руку приложилъ, по повелѣнію Юшкова, Семень Изъѣдиновъ».

тыхъ воротахъ церковь во имя Воскресенія Христова деревянная, и г) на заднихъ воротахъ церковь во имя Николая чудотворца деревянная-жъ, „клѣпки, да вновь строится церковь каменная съ трапезою, во имя страстотѣрца Христова Георгія, на подклѣтияхъ; три кельи деревянные для митрополичья прїѣзду, келья столовая и отдаточная келья, двойня, а въ ней живетъ архимандритъ Гавриль, келья казенная, а въ ней живетъ казначей старецъ Капидонъ, да пять келей братскихъ, келья больничная, а въ нихъ живутъ *пятнадцать* старцевъ. На монастырѣ-жъ пять житницъ, рублены связью, да около монастыря ограда деревянная, рублена клѣпки (1), въ оградѣ двѣ башни да часовня, а въ ней часы. За монастыремъ пять житницъ, рублены связью, да дворъ конюшенной, а въ немъ живетъ служба да четыре человекъ конюховъ; за монастыремъ же дворъ скотный, а въ немъ служебникъ“ (2). Въ переписныхъ же книгахъ Бѣлогостицкаго монастыря 1659 г. (3) значитъ: „каменная, на подклѣтияхъ, соборная церковь, во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, построена лѣта 7165, апрѣля въ 8 день, при помощи Всесильнаго Бога и Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, тщаніемъ и трудами великаго господина, преосвященнаго Іоны, митрополита ростовскаго и ярославскаго, вѣрою и вспоможеніемъ боярина князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовскаго, а освящена того-жъ года іюля въ 7 число. Глава на церкви обита желѣзомъ бѣлымъ, крестъ желѣзный, опаянъ оловомъ, церковная крыша и паперть крыты тесомъ“. Церковь имѣла четырнадцать большихъ изъ слюды оконъ за желѣзными рѣшетками, въ верхнемъ ярусѣ (въ церковной шеѣ) четыре такихъ же окна, а въ паперти, подъ сводомъ, тринадцать. Въ церковь вели три двери: западная, сѣверная и южная; первая запира-

(1) Слѣд. увѣреніе архим. Амвросія, что въ 1657 г. монастырь окружала каменная ограда въ 5 саж. выш. и 233½ саж. въ окружности, несправедливо.

(2) Рукон. сборн. мон.

(3) Заглавіе книгъ слѣдующее: «книги переписныя домоваго Бѣлогостицкаго монастыря, что въ томъ монастырѣ стараго и новаго всякаго церковнаго и монастырскаго строенія 167 года». Книги занимаютъ 52 листа in 8° довольно четкой скорописи; съ 1 по 43 собственно описаніе монастыря писаны однимъ почеркомъ; остальные страницы, заключающія свѣдѣнія о вкладахъ въ монастырь, о выдачѣ іеромонахамъ за помяновеніе умершихъ денегъ, писаны разными руками и относятся къ разнымъ годамъ.

лась наружнымъ замкомъ, а послѣдніа извнутри. Съ сѣверной и южной сторонъ къ церкви были придѣланы двѣ палатки — одна ризничная, а другая книгохранительная; входъ въ нихъ изъ церкви. Ходъ на паперть, окружавшую храмъ съ трехъ сторонъ, находился на западной сторонѣ. Церковь была холодная. „А въ церкви Божія милосердія: *на правой сторонѣ*: мѣстный образъ Всемиловитаго Спаса, на престолѣ сѣдящаго; ризы прописываны творенымъ золотомъ, престолъ писанъ травами на золотѣ, во облацѣ два ангела приняли у Спасова образа: вѣнецъ съ короною и цата серебряные, чеканные, позолочены, подъ цатою въ привѣсѣ крестъ серебряный, позолоченъ съ финифтью, да пять серебряныхъ позолоченныхъ крестовъ, — одинъ съ финифтью, а у двухъ восемь жемчужинъ, да шесть серебряныхъ золоченыхъ сканныхъ пронизокъ; у ангела вѣнецъ серебряный, чеканный, золоченый. Мѣстный же образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; во облацѣ Господь Саваоѣ; вѣнцы и у Богородицы престолъ и у архангеловъ крылья писаны на золотѣ. *На лѣвой сторонѣ*: мѣстный образъ Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Одигитрія съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; у Предвѣчнаго Младенца и у Богородицы ризы золотыя, а вѣнцы серебряные, чеканные, золочены; цата бѣлая, серебряная, чеканная, а подъ цатою подушка — дороги червчаты; у Богородицы, въ возглавіи, по откоу червчату низано жемчугомъ и блесками; ожерелье у Богородицы по атласу червчату низано жемчугомъ и блесками-жъ, да въ томъ же ожерельѣ четырнадцать камешковъ разныхъ цвѣтовъ, а какіе наричутся имяны — того не вѣдомо; около ожерелья веревочка капительная да прикладъ — два креста каменные, обложены золоченымъ серебромъ; въ крестѣ три камешка и восемь жемчужинъ, въ другомъ крестѣ одинъ камень и восемь жемчужинъ, третій — серебряный, небольшой, да шесть серебряныхъ копѣекъ; у Богородичина образа у правой руки зарукавье по золотному атласу низано крупнымъ жемчугомъ, — счетомъ тридцать одна жемчужина; на томъ же зарукавѣ въ трехъ рѣпяхъ семь камешковъ мелкихъ, въ срединѣ алмазь, а по сторонамъ четыре камешка яхонты, да у зарукавья же по концамъ три веревочки мелкаго жемчуга; у Предвѣчнаго Младенца ожерелье жемчужное, низано изъ круп-

наго жемчуга по червчатому атласу; во облацѣ у ангеловъ вѣнцы чеканные, золоченые. Мѣстный образъ великаго чудотворца Николы писанъ на краскахъ; во облацѣ Спасовъ и Богородицы образы, вѣнцы и у Николы чудотворца ризы писаны на золотѣ, поля вохраяны. У мѣстныхъ образовъ кіоты писаны травами подѣ олифю; у Спасова образа и у Богородичина тафта узорчата и четыре пелены — атласъ цвѣтной, гвоздичный и вишневыи. Предѣ иконами три свѣщи деревянныя, писаны красками, налѣпы — бѣлое *нѣмецкое* желѣзо. Царскія двери, сѣнь и столбцы рѣзные, золочены и просвѣчены разными красками; въ срединѣ образъ Живоначальныя Троицы, а по сторонамъ въ кружалѣхъ Тайная Вечера, надъ царскими же дверьми Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы и четыре евангелиста писаны на золотѣ, въ кіотахъ; на столбцахъ Спасовъ и Пречистыя Богородицы образы, херувимы, святители и архидіаконы писаны на золотѣ. Въ алтарѣ престоль, а на престолѣ индитія — атласъ цвѣтной, травчатый; евангеліе печатное, верхняя доска его вся пришита серебромъ рѣзнымъ, позолочена; въ срединѣ деисусъ и евангелисты рѣзные, золочены; нижняя доска прикрыта червчатымъ бархатомъ; застежки и петли серебряныя, золочены; прокладины обдѣланы золотомъ и серебромъ. А далѣ владу бояринъ князь Михайло Михайловичъ Темкинъ-Ростовскій. Крестъ благословащій обложенъ серебромъ басемнымъ, подѣ золотомъ, распятіе литое. А состроены тотъ крестъ радѣніемъ государя митрополита Іоны. Евангеліе и крестъ покрыты покровомъ — камка кызылбаская, золотная по малиновой землѣ. За престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Одигитріи съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, взятъ изъ церкви страстотерпца Христова Георгія. На жертвенникѣ серебряныя сосуды: потиръ, дискось, звѣздца, лжица и блюда, два атласныхъ золотныхъ воздуха — одинъ по зеленой землѣ, а другой по лазоревой. Кадило бѣлое, серебряное — вкладъ Темкина-Ростовскаго. Горнее мѣсто обито лазоревымъ сукномъ. На сѣверныхъ дверяхъ написанъ благоразумный разбойникъ, а на южныхъ ангель Господень. Иконостасъ имѣлъ четыре яруса; во главѣ его стоялъ образъ Вседержителя Спаса.

Каменная церковь, во имя архистратига Божія Михаила, „зачата

строениемъ 13 іюля 1657 г., а совершена 28 іюня 1658 года“. Церковь эта, какъ и первая, сооружена тѣнцемъ и трудами митрополита Іоны и вспоможеніемъ Темкина-Ростовскаго. Она имѣла трапезу и печи для отопленія; глава обита желѣзомъ *нѣмецкимъ*; крестъ на главѣ желѣзный, опаянъ оловомъ; крыша и трапеза крыты тесомъ „въ зубцу“. 13 оконъ, обшитыя войлокомъ, затворялись ставнями; полы въ алтарѣ, церкви и трапезѣ устланы семью большими войлоками: съ сѣверной стороны, между алтаремъ и трапезою, устроена палатка въ три окна; подъ церковью находились хлѣбная и братская столовая и три палатки запасныхъ. Отъ трапезы вели глухіе переходы на „колокольницу“, гдѣ находились семь колоколовъ. Изъ нихъ одинъ „строения и покупки *архимандрита Іоны, что нынѣ Божією милостію митрополитъ*“; другой — большой, благовѣстникъ, въ 33 пуда, по надписи — даръ Анны Ивановны Карповой 19 сентября 1650 г., третій имѣлъ слѣдующую надпись: „прожѣненъ колоколь на старой колоколь, что данье княгини Марьи Захарьевны Лобановыхъ, а въ придачу далъ блаженный памяти Варлаамъ митрополитъ 20 р.“; четвертый — даръ Карповой, да четыре колокола меньшихъ, „а чье данье — Богъ вѣсть“. „А въ церкви Божія милосердія: на правой сторонѣ: мѣстный образъ Вседержителя Спаса, стоящій, окрестъ его приникли два ангела, а въ подножіи, въ моленіи, Іаковъ, братъ Божій, да чудотворецъ Никола, писаны на краскахъ, вѣнцы золотомъ, поля вохрачныя подъ олифою, въ кіотѣ; кіотъ писанъ красками. На *левой* — Соборъ архистратига Божія Михаила, писанъ на краскахъ же; у Спаса вѣнецъ, риза и кругъ золотые, а у ангеловъ вѣнцы и порфиры просвѣчены красками, поля вохрачныя, по кіоту писаны краски. У этихъ иконъ пелены — киндякъ зеленый. Предъ иконами свѣщи деревянные, писаны по левкасу, налѣпы — бѣлое желѣзо. Царскія двери писаны на золотѣ, *добраго письма*; сѣнь и столбцы писаны на золотѣ жъ. На южныхъ дверяхъ въ алтарь написаны: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и пророкъ Давидъ. Престоль покрытъ полосатою тафтою. На престолѣ: евангеліе, печати московской, въ десть, обложено чернигомъ бархатомъ; евангелисты серебряные, позолочены, ветхи; застежки жѣдныя. Крестъ благословящій обложенъ басемнымъ серебромъ“. Евангеліе и

крестъ — даръ князя Темкина-Ростовскаго. На жертвенникѣ серебряные сосуды: потиръ, дискосъ, звѣзда, лжица и два блюда. Сосуды — даръ старца Самойла. Два кадила мѣдныхъ. Горнее мѣсто построено о двухъ стѣнахъ. На сѣверныхъ дверяхъ написанъ благоразумный разбойникъ. Надъ царскими дверями и мѣстными иконами — деисусъ въ пяти лицахъ. Царскія двери, сѣнь и столбцы писаны на краскахъ.

Холодная *брусяная* церковь, во имя Воскресенія Христова, на святыхъ воротахъ; верхъ шатровый на стропилахъ; глава обита чешуею, крестъ опаянъ желѣзомъ бѣлымъ; „около церкви паперть дощаная, дѣлана въ косякъ; подъ церковью святые ворота брусяныя жъ, съ лица притворы и маленькія воротца, косящатыя, дощаныя; на святыхъ воротахъ и на малыхъ два деисуса въ кіотахъ; изъ монастыря въ воротахъ рѣшетки створныя. А въ церкви Божія милосердія: мѣстный образъ Воскресенія Христова да образъ чудотворца Леонтія, писаны на краскахъ, риза Господня и вѣнцы золотыя. Мѣстный же образъ Пречистыя Богородицы Одигитріи писанъ на краскахъ, вѣнцы и риза золотыя; царскія двери, сѣнь и столбцы травчатые, писаны на золотѣ; на престолѣ индитія — дороги червчаты, покровъ выбойчатый; жертвенникъ обоченъ червчатымъ киндякомъ. Сосуды оловянные, звѣзда и коше мѣдныя; завѣса у царскихъ дверей выбойка *русская*. Надъ царскими дверьми въ деисусѣ девять иконъ на празелени, подъ деисусомъ 12 праздниковъ на празелени жъ; вверху церкви Господъ Саваоѣ“.

„Брущатая“ на водяныхъ воротахъ (къ р. Вексѣ) церковь, во имя чудотворца Николая, рублена въ замокъ; надъ церковью восемь бочекъ, крытыхъ чешуею; шея и глава обиты чешуею жъ, а крестъ опаянъ желѣзомъ бѣлымъ; алтарь прорубленъ брущатый въ замокъ; надъ алтаремъ бочка, обита чешуею. Въ церкви мѣстныя иконы: Вседержителя Спаса — даръ князя Темкина-Ростовскаго; — чудотворца Николы въ дѣяніи; образъ писанъ на золотѣ, поля—вохра, и образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Царскія двери старыя, сѣнь и столбцы писаны на краскахъ; деисусъ въ девяти лицахъ.

Послѣднія двѣ церкви сооружены прежде каменныхъ храмовъ (1).

(1) На 24 стр. ростовскаго лѣтописца, хранящагося въ музеѣ Археол. Общ., сказано,

Судя по отсутствію въ нихъ напрестольныхъ креста и евангелія, а также приличныхъ сосудовъ, нужно полагать, что службы въ нихъ не совершались.

Монастырская ризница, какъ и внутреннее содержаніе церквей, не отличалась особеннымъ богатствомъ. Она имѣла двѣнадцать священническихъ облаченій и восемь діаконскихъ. Изъ священническихъ облаченій болѣе замѣчательны по цѣнности матеріала и отдѣлкѣ тѣ, которыя подарены монастырю митрополитомъ Іоною (одно), княземъ Темкинымъ-Ростовскимъ (шесть) и вдовою Анною Карповою (одно). Такъ, ризы митрополита были „постросны“ изъ золотнаго атласу по красной землѣ, оплечье бархатное шитое золотомъ. Ризы Темкина-Ростовскаго приготовлены — однѣ изъ золотнаго атласа по зеленой землѣ, другія изъ камки разныхъ цвѣтовъ, а риза Карповой состояла изъ цвѣтной камки, оплечье вышито золотомъ и серебромъ по красному атласу. Одна *камчатая* риза подарена монастырю митрополитомъ Варлаамомъ.

Черезъ 105 лѣтъ, во время учрежденія монастырскихъ штатовъ 1764 г., въ монастырѣ находились слѣдующія строенія: церковь во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, которую съ трехъ сторонъ окружала каменная паперть. Въ другой линіи церковь архангела Гавріила и при ней кельи настоятельскія и братскія; между церковью и кельями находились двѣ палатки для храненія рухлядныхъ вещей. Въ низу жилихъ покосѣвъ не имѣлось. Въ верхнемъ этажѣ находилась одна часобитня. Все строеніе было каменное. Третья теплая каменная церковь была во имя архангела Михаила. Подъ нею поимѣвались приборная и хлѣбная, а между нею и церковью Благовѣщенскою стояла круглая каменная колокольня, за которою слѣдовали кельи для пріѣзда архіерейскаго и кельи для монашествующихъ. Одна половина монастыря обнесена каменною оградю, а другая деревянною. Сопоставивъ это послѣднее описаніе съ изложеннымъ выше, можно убѣдиться, что монастырь значительно измѣнился въ своемъ устройствѣ. Деревянныхъ

что митрополитъ Іона «въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ построилъ церковь каменную на кладовыхъ палатѣхъ во имя св. великомученика Георгія, и весь прочія церкви отъ же, архирей, строилъ». Не всѣ, а только каменные.

церквей Воскресенской и Николаевской вовсе не существует⁽¹⁾, а Георгиевская, древнѣйшая изъ монастырскихъ церквей, въ 1752 г. переименована въ честь архангела Гавріила.

Въ настоящее время въ монастырѣ четыре церкви: во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, Казанской Божіей Матери, собора архангела Михаила и Ефрема Сирина и мучоницы Неонилы. Двѣ изъ нихъ — Казанская и Ефрема Сирина — теплыя, а другія двѣ холодныя. Благовѣщенская церковь — объ одной главѣ, съ трехъ сторонъ окружена папертью; высота ея $24\frac{1}{2}$ аршина, ширина $14\frac{1}{4}$ и длина $26\frac{1}{4}$ аршинъ; церковь, алтарь и паперть покрыты по дереву желѣзомъ, выкрашеннымъ зеленою краскою; крестъ на главѣ желѣзный, позлащенный; полы въ церкви и въ папертяхъ — деревянные. Подъ церковью находится подвалъ съ пятью гробницами князей Темкиныхъ-Ростовскихъ, благотворителей обители⁽²⁾. Иконостасъ въ церкви готическаго ордена, вновь сооруженный въ 1839 году, вмѣсто ветхаго, въ четыре яруса, съ рѣзбою и позлащенный на полиментъ червоннымъ золотомъ. Въ немъ изъ иконъ особенно замѣчательны: а) мѣстный образъ Спасителя — древняго стиля; на Спаситель вѣнецъ съ короною, цата, риза и вверху на двухъ ангелахъ вѣнцы серебряныя, чеканныя, на поляхъ окладъ серебряный же, рѣзной, вызолоченный; б) образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы съ серебряными, чеканными, позлащенными вѣнцами, въ которые вдѣланы пятнадцать камешковъ разныхъ цвѣтовъ; в) икона Казанской Божіей Матери; на ней вѣнецъ съ короною и окладъ серебряные, возглавіе и риза — настоящаго жемчуга, въ возглавіи звѣзда изъ восточнаго хрустала съ камешкомъ, и г) образъ святителя Николая чудотворца, а въ облачѣхъ — Спасителя и Богоматери; три вѣнца и цаты серебряныя, рѣзные. Всѣ эти иконы сохранились отъ XVII вѣка. Церковь въ честь собора архистратига Михаила — каменная, пятиглавая, покрыта желѣзомъ, окрашеннымъ зеленою краскою; высота церкви $28\frac{1}{2}$ аршинъ, ширина $21\frac{1}{2}$ и длина

(1) Въ описи, составленной въ 1708 г. по указу пресвященнаго Дмитрія Ростовскаго объ церкви еще упоминаются. Изъ этой же описи видно, что монастырь окруженъ былъ тогда деревянною оградю съ башнями. О садѣ не упоминается.

(2) См. Приложение II.

47¹/₂ арш. Церковный сводъ поддерживаютъ три столба, — два посрединѣ церкви и одинъ въ трапезѣ. Иконостасъ новыи, столярной работы, съ колоннами, фронтонами и съ наборными рѣзными капителями, вызолоченъ весь на полиментъ червоннымъ золотомъ, а гладкія мѣста покрыты крономъ. Царскія врата — рѣзные, вызолочены. Изъ иконъ замѣчательны по древности стила: а) образъ Спасителя, сѣдящаго на престолѣ; вѣнецъ на Спасителѣ серебряный, чеканный; б) соборъ архистратига Михаила, привѣсы котораго серебряныя, чеканные же; в) икона Грузинской Божіей Матери, перенесенная въ Бѣлогостицкій монастырь въ 1764 г. изъ упраздненной Акакіевой пустыни; риза на иконѣ чеканная, позлащенная, вѣнцы на Спасителѣ и Божіей Матери обнизаны настоящимъ жемчугомъ; длина иконы аршинъ 15 вершковъ, ширина аршинъ десять вершковъ; г) *чудотворная* икона Казанской Божіей Матери, находившаяся прежде, по преданію, въ Ростовскомъ соборѣ надъ царскими вратами. На иконѣ вѣнецъ съ короною чеканные, серебряныя, возглавіе и риза низаны мелкимъ жемчугомъ; длина иконы 6 вершковъ, а ширина 5¹/₂; стѣны храмовъ росписаны въ 1831 г.; полы деревянные.

Между алтаремъ и трапезою этого храма, съ сѣверной стороны, на мѣстѣ бывшей въ XVII столѣтіи каменной въ три окна палатки, въ 1879 г., „тщаніемъ и трудами настоятеля монастыря строителя іеромонаха Димитрія и вспоможеніемъ С.-петербургскаго купца, потомственнаго почетнаго гражданина Е. Н. Сивохина“ (1), устроена теплая церковь въ честь Ефрема Сирина и мученицы Неонилы. Освящена она 28 января ярославскимъ преосвященнымъ Іонааномъ.

Теплая каменная одноглавая церковь въ честь Казанской Божіей Матери. Она покрыта листовымъ желѣзомъ и окрашена зеленою краскою; длина ея 36 аршинъ, ширина 18, а высота 16 аршинъ. Иконостасъ въ церкви новыи съ однимъ карнизомъ и пилястрами; царскія врата рѣзные, позлащенные. При церкви находится кладовая палатка. Въ XVII столѣтіи храмъ этотъ назывался Георгіевскимъ.

(1) Кроме значительныхъ матеріальныхъ издержекъ на сооруженіе церкви, Сивохинъ принесть въ даръ церкви четыре иконы, полученныя имъ съ Акона: икону Божіей Матери Скоропослушницы, двѣ иконы Иверской Богородицы и икону Великомученика Пантелеймона.

Въ связи съ церковью архистратига Михаила находятся настоятельскія и братскія кельи. Надъ входомъ въ это зданіе высится круглая башня, бывшая въ XVII вѣкѣ колокольнею. Настоящая каменная четырехъ-ярусная колокольня, сооруженная въ 1845 г., стоитъ надъ святыми воротами, слѣдовательно на мѣстѣ церкви Воскресенія Христова XVII вѣка. Высота колокольни 45 аршинъ. Монастырь обнесенъ, въ формѣ квадрата, каменною съ четырьмя башнями оградю, занимающею пространство въ 240 саж.; высота ограды 1½ саж., а толщина аршинъ; съ восточной стороны ее замѣняетъ Архангельскій храмъ. Болѣе трети всего пространства въ оградѣ занимаетъ прекрасный тѣнистый садъ. Кто положилъ начало ему — не извѣстно. Въ монастырѣ трое воротъ: одни подъ колокольнею и называются святыми, другія подлѣ нихъ для проѣзда и третьи на восточной сторонѣ монастыря, къ рѣкѣ Вексѣ. Почти рядомъ съ этими послѣдними воротами находится скотный дворъ. Въ монастырской оградѣ имѣются двѣ гостиницы для пріѣзжающихъ. Такимъ образомъ, изъ существующихъ зданій монастыря, церкви и настоятельскія кельи въ архитектурномъ отношеніи (собственно каменная кладка) безспорно принадлежать XVII вѣку. Затѣмъ внутреннія украшенія церковей — иконы, за исключеніемъ вышеуказанныхъ, живопись, а также сосуды, священныя книги и одежды — позднѣйшаго происхожденія. Изъ церковныхъ книгъ сохранились: отъ XVII вѣка *последованіе молебнаго пѣнія ко Господу Богу нашему за царя и за люди, пѣваемаго во время брани противъ супостатовъ, находящихъ на ны, съ поученіемъ великаго господина святѣйшаго крѣзъ Іоакима, патріарха московскаго и всея Россіи* (1) — рукопись въ 190 страницъ in 8°, писанная плохимъ уставомъ; заглавіе рукописи и каждая литера послѣ точки въ послѣдованіи молебнаго пѣнія писаны киноварью; рукопись переплетена въ доски, обитыя кожею. б) Отъ XVIII вѣка — два евангелія — одно на полуалександрійской бумагѣ, напечатано въ 1703 г., а другое на той же бумагѣ — 1717 года. Изъ сосудовъ отъ XVII вѣка сохранились:

(1) Отзвъ о поученіи см. въ моей статьѣ: «литературныя труды патріарха Іоакима». Страникъ, февраль 1872 года.

а) потиръ, дискось, звѣздица, лжица и два блюдечка серебряныя въ 2 ф. 38 зол. ⁽¹⁾; б) серебряный напрестольный позлащенный крестъ, по краямъ унизанный жемчугомъ, съ надписью, что въ немъ находятся камень отъ гроба Божіей Матери и мощи святыхъ — даръ Темкина-Ростовскаго, что видно изъ надписи на крестѣ; в) серебряное, отличной чеканной работы, кадило вѣсомъ въ 4 ф. 10 зол. съ надписью вокругъ: „лѣта 7166 сіе кадило въ дождь Пресвятыя Богородицы въ Бѣлогостицкій монастырь вкладу бояринъ князь Михайло Михайловичъ Темкинъ-Ростовскій“. Вотъ и все, что сохранилось въ монастырѣ отъ древности, сравнительно неглубокой. Между тѣмъ въ описныхъ монастырскихъ книгахъ 1659 г. ⁽²⁾ читаемъ: „лѣта 7174, марта въ 8 день, по указу смиреннаго Іоны, митрополита ростовскаго и ярославскаго, его, митрополичь, казначей старецъ Васьянъ отдалъ въ домовый Бѣлогостицкій монастырь архимандриту Антонію да казначею старцу Корнилию съ братією, послѣ умершаго боярина князя Михайла Михайловича Темкина-Ростовскаго серебряную посуду; панагии—серебряную, бѣлую, рѣзную съ мощми, серебряную же рѣзную на яшмѣ съ двумя изумрудами, да книги: тріоди — цвѣтную и постную, два октоя, псалтирь, прологъ съ мѣсяца марта и миною общую“, а черныи поштъ Герасимъ въ 175 г. передалъ тому же архимандриту: „шанку ерихонку желѣзную, наручи булатныя, двѣ рогатины — одна краснаго желѣза, а другая наѣчена, куякъ, прикрытъ бархатомъ и прикрѣпленъ воскомъ золоченымъ, подкуяшникъ, — окладъ червчатый, пять трубъ мѣдныхъ, узду серебряную съ жмѣнными головками, мѣстами золочену“. Но здѣсь названы не всѣ вещи, оставленныя монастырю Темкинымъ. Въ описи, составленной въ 1708 г. при св. Димитріѣ Ростовскомъ названы слѣдующія вещи: „кубокъ орѣховый, индѣйскій, у коего поддонъ серебряный, вызолоченъ, съ кровлею, обложенъ серебромъ, на верху литой челоуѣкъ съ копьемъ вызолоченъ, обложенъ серебромъ; братина яшмовая, обложена серебромъ, подпись рѣзная, вызолочена; братина орѣховая, оправа серебряная. безъ кровли; журавль раковинный въ ков-

⁽¹⁾ На сосудахъ вырѣзано: 7166 году въ дождь Пресв. Богородицы въ Бѣлогостицкій монастырь, что въ Ростовѣ, вкладу бояринъ князь Михайло Михайловичъ Темкинъ-Ростовскій.

⁽²⁾ Стр. 43—45.

чегъ, оправленъ въ серебрѣ; братина яшмовая съ кровлею, не оправлена; два става, а въ нихъ по 12 ножей съ серебряной оправой; ставъ, обить сукномъ, а въ немъ пять ножей, — четыре рыбы, пятый деревянный, оправы серебряныя; серги серебряныя, золочены, съ восемью крупными жемчугами; варворка, шита золотомъ, съ семью жемчугами; три чарки яшмовыя, оправлены серебромъ; пять ложекъ, стебельки деревянные, оправы серебряныя; двѣ ложечки раковинныя; пять ложекъ деревянныхъ не оправленныхъ; жемчугу крупнаго 7 зол., мелкаго 15 золотн., нашивки золотая 15 гнѣздъ, приголовьѣ деревянные, обить желѣзомъ, въ немъ двое часовъ боевыхъ мѣдныхъ, позолоченныхъ; зеркало хрустальное ⁽¹⁾ въ доскахъ, обито кожей, въ немъ ножичекъ, оправы серебряныя и вилочки серебряныя, другой ножичекъ сгибной, мѣстами вставлены раковины; сумъ кожанаая съ двумя лоскутами чернаго бархата, шита золотомъ и серебромъ ⁽²⁾. Другой благотворитель обители — ростовскій митрополитъ Иона Сисоевичъ — оставилъ въ пользу обители: четыре оловяника, бѣлое большое блюдо, пять бѣлыхъ ѣстовыхъ блюдеъ, 34 бѣлыхъ сковородки, 7 чарокъ мѣдныхъ, луженыхъ; 12 братинокъ большихъ и малыхъ, корельчатыхъ, 7 братинъ съ кровлями и 5 безъ кровель; новый мѣдный котель, ведра въ полтретя; большую мѣдную яндову, да два желѣзныхъ горшка ⁽³⁾. Всѣ эти вещи постигла, вѣроятно, та же участь, какой подверглись старинныя священныя облаченія. Въ монастырской описи, учиненной въ 1810 г., въ силу указа ярославской духовной консисторіи, мы встрѣтили слѣдующую приписку: „1811 года, по резолюціи ево высокопреосвященства Антонія, архіепископа и кавалера, выжжено изъ церковныхъ ветхихъ матерій серебра *пятьдесятъ девять*

⁽¹⁾ Въ опис. докум. и дѣлъ архива Св. Синода т. III, стр. 590 напечатано «зеркало въ доскахъ, обито хрустальною (?) кожей».

⁽²⁾ Стр. 23—24. См. также описаніе док. и дѣлъ архива Св. Синода т. III, стр. 586—590. Редакторъ этого описанія называетъ почему-то Темкина-Ростовскаго *Терскимъ*. Одно изъ двухъ: или въ свое время ошибся канцеляристъ или неправильно прочиталъ редакторъ. Изъ т. II А. И. МѢ 69 и 83 видно, что Темкинъ-Ростовскій имѣлъ званіе стольника и занималъ должность Тобольскаго воеводы.

⁽³⁾ Листъ 27 на об. опис. книгъ 1659 г.

золотниковъ“ (1). Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что расхищеніе вещей началось вскорѣ послѣ ихъ полученія. Такъ, въ описныхъ книгахъ 1659 г. подъ 20 марта 1664 г. записано: „домовый митрополичій казначей старецъ Васьянъ привезъ въ Бѣлогостицкій монастырь воску шесть пудъ, а тотъ воскъ купленъ блаженныя памяти боярина князя Михайла Михайловича Темкина-Ростовскаго на перстневое золото“ (2). Но особенно сильно повліялъ на уничтоженіе древнихъ вещей, хранившихся въ монастыряхъ, указъ Петра I отъ 23 марта 1707 г. Нуждаясь въ деньгахъ для войны со Швеціею, Петръ приказалъ „изъ архіерейскихъ домовъ и монастырей серебряную казенную посуду, оправную серебряную сбрую и домашнее серебро все, что есть на лицо, по переписнымъ книгамъ 701, 702 и 703 годовъ и что послѣ переписныхъ книгъ вновь прибыло, кромѣ освященныхъ сосудовъ и церковныхъ вещей, прислать къ Москвѣ съ нарочными посольщиками и съ провожатыми“ (3). На основаніи этого указа изъ 8 архіерейскихъ домовъ и 32 монастырей, въ теченіи одного 707 г., доставлено въ синодальную домовую казну серебряной посуды 19 пуд. 3 фунта и 56 зол., въ томъ числѣ изъ Бѣлогостицкаго монастыря взято послѣ боярина князя Темкина приладовъ серебряныхъ и всякой посуды 24 фун. 87 зол., чарка яшмовая и фляга деревянная, обложенная серебромъ. Серебро отослано на денежный дворъ, а чарка и фляга, по именному указу, какъ *куръезныя*, отданы думному дворянину и печатнику Никитѣ Зотову (4).

Въ матеріальномъ отношеніи Бѣлогостицкій монастырь принадлежалъ къ числу обеспеченныхъ обитателей. Выше мы видѣли, что еще въ половинѣ XVI вѣка онъ владѣлъ тремя селами и тремя деревнями съ ихъ пустошами и со всѣми угодьями. Въ выписи же изъ дозорныхъ книгъ письма и дозору Семена Аванасьева Бартенева да подъячаго Козьмы Матюшкина 1621 года за монастыремъ показаны: подмонастырское

(1) Л. 27 об. Противъ записи строитель іеромонахъ Ираклій сдѣлалъ приписку: «означенная выжита записана въ прибылую церковныхъ и ризничныхъ вещей 1811 года опись».

(2) Стр. 43 об.

(3) Полн. Собр. Пост. по Вѣд. Прав. Исповѣд. т. II № 793, стр. 485.

(4) Описаніе док. и дѣлъ арх. Св. Свн. т. III, стр. 589.

село Вѣлогостицкое; село Филиппова Гора (Лесконотово — тоже) съ зарѣчьемъ и деревнями: Максимовымъ, Шелимовымъ, Милятиннымъ, Ильинскимъ и Чудиновымъ, село Юцкое съ кельею для нищихъ и деревнями: Коркинымъ, Потницею, Матренинымъ, Меленкою, Слизовымъ, Добрыльцевымъ, Селищемъ, Воскачемъ, Лужневымъ и Вышенкою, и село Благовѣщенская Гора и деревни Новоселець, Скородумовка, Желнино, Терешково и Кормилицыно (1). Кромѣ этого, изъ челобитной архимандрита Гавріила 1685 г. видно, что монастырь владѣлъ, *по старинѣ*, въ Якимовскомъ станѣ, ростовскаго уѣзда: деревнею Стрѣлами и пожнями: Твороговкою, Сосновкою, Гарцы и Горячимъ Слѣдомъ; на рѣкѣ Которости пожнею Понилковкою; подъ ростовскимъ озеромъ на рѣкѣ Вексѣ пожнею Дьяконицею, да подъ селомъ Угодичами пожнею Вороболкою (2). Въ 1629 г. князья Александръ Даниловичъ, Феодоръ Борисовичъ и Алексѣй Васильевичъ Примковы-Ростовскіе отдали въ собственность монастыря мельницѣ о дву жерновахъ и вотчинную землю по рѣкѣ по Устьѣ — мѣрою 4 десятины, а въ 1649 г. князь Юрій Андреевичъ и жена его Фотинія Владиміровна Сицкіе пожертвовали въ монастырь деревню Левково (3). По выписи изъ ростовскихъ книгъ письма и мѣры и межеванья стольника Петра Алексѣевича Шетнева да подьячаго Федора Чиркина 1685—1686 г. за монастыремъ показана еще слободка Георгіевская, а въ ней церковь во имя святаго страстотерпца Христова Георгія, келья для нищихъ, два двора монастырскихъ, 18 дворовъ служебниковыхъ, да пять дворовъ крестьянскихъ; по этой же выписи монастырь владѣлъ въ названной слободкѣ, въ деревнѣ Левковѣ и въ сельцѣ Меленкѣ землю въ количествѣ 180 четвертей въ полѣ, а въ дву потоку-жъ, 250 десятинами сосноваго лѣса за большою монастырскою дорогою; пустоши и пожни давали монастырю 1340 копенъ

(1) Рукописн. сбора. Вѣлогостиц. монаст.

(2) Всѣ названныя мѣстности не были занесены въ писцовыя книги ростовскаго уѣзда, составленныя въ 1629—1631 г. княземъ Андреемъ Звенигородскимъ и дьякомъ Михаиломъ Бухаровымъ. что и заставило архимандрита Гавріила бить челомъ царю Ивану и Петру Алексѣевичамъ. По челобитью Гавріила велѣно было ростовскимъ писцамъ стольнику Шетневу и подьячему Чиркину «чинить розыскъ». О результатахъ розыска свидѣній нѣтъ.

(3) Описн. кн. 1659 г. стр. 30 обор. и 31.

сѣна. По переписнымъ книгамъ 186 (1678 г.) за монастыремъ числилось 75 крестьянскихъ дворовъ, которые платили въ пользу монастыря „за всякіе столовые запасы по двѣ гривны съ двора на годъ“. Изъ монастырскихъ же приходныхъ книгъ оброчнымъ, пустошнымъ и поженнымъ деньгамъ 1711—1716 гг. видно, что монастырь часть крестьянъ держалъ на оброкѣ. Такъ, крестьяне деревни Меленки платили оброчныхъ 24 р. въ годъ, а крестьяне деревни Левкова 20 р. На оброкѣ же состояли отставные дьячки подмонастырской слободы Алексѣй Панфиловъ съ товарищи; платили они по 2 р. 30 алтынъ въ годъ; бобыли—Аѳанасій Чирковъ съ дѣтми платилъ 3 р. въ годъ, а Яковъ Артемьевъ, Максимъ Алексѣевъ и Тихонъ Меркурьевъ — по полтинѣ съ человѣка. Изъ тѣхъ же книгъ видно, что часть пустошей и поженъ отдавалась въ наймы иногда года на три и на четыре. Онѣ приносили монастырю съ 711 до 717 г. по 136 р. 66 к. въ годъ. Кромѣ крестьянъ и земельныхъ владѣній монастырь имѣлъ и другіе источники доходовъ: а) вклады, б) отъ деревянной часовни (1), стоявшей на большой дорогѣ изъ Ростова въ Ярославль, и в) отъ крестнаго хода въ Ростовъ съ чудотворною иконою Базанской Божіей матери (2). Съ 1659 по 1671 г. монастырь приобрѣлъ чрезъ вклады 411 р. и соврасаго коня (3); часовня дала въ 1763 г. сбора 17 р. 86 к., а крестный ходъ въ томъ же году 22 р. 76 к.

По учрежденіи въ 1764 г. духовныхъ штатовъ, Бѣлогостицкій монастырь отчисленъ отъ архіерейскаго дома и, въ качествѣ заштатнаго, оставленъ на собственномъ содержаніи. Взамѣнъ отобранныхъ

(1) Часовня упоминается въ описи, составленной при св. Дмитріѣ Ростовскомъ 1708 г.

(2) Когда учрежденъ крестный ходъ—неизвѣстно. Въ монастырской описи 1850 года сказано: «крестный ходъ бываетъ изъ монастыря въ Ростовъ въ воскресный день около 20 мая. Это обыкновеніе сдѣлано *издревле*, по усердію жителей Ростова, но по какому случаю — не извѣстно; ибо никакихъ актовъ нѣтъ. Икона остается въ соборномъ храмѣ Ростова до 8 іюля».

(3) Описи. книга 1659 г. стр. 44—50. Подъ 1608 г. мы встрѣтили слѣдующую записку: «116 года князя Михаила Теодоровича Гвоздева-Ростовскаго, жены его княгини Ирины Васильевны, князя Михаила Михайловича Лобанова-Ростовскаго да Вознесенскаго дѣвнча монастыря протопопа Симеона на усадьбище Дехтярево, а Гвоздово тожъ, да на деревню Макарово, да на деревню Исады, да на деревню Левково съ пустошми и со всѣми угодыи закладная въ трехъ стахъ рубляхъ». Эта записка указываетъ, что еще въ началѣ XVII вѣка монастырь свободно располагалъ деньгами.

крестьянъ монастырь получилъ: 1) 300 р. въ годъ милостынной дачи изъ государственнаго казначейства (1), и 2) земли и угодья въ Сотемскомъ и Якимовскомъ станахъ: около монастыря 75 десятинъ 1,667 кв. саж.; сосновую рощу въ 315 дес. 915 кв. саж.; пустоши: Байловку въ 3 дес. 2,370 кв. саж. сѣнныхъ покосовъ; Матькову 4 десят. 930 кв. саж.; Высоко 69 десят. 1,679 кв. саж.; Межище—5 десят. 760 кв. саж. сѣннаго покоса при рѣкѣ Котрости; Выползову 40 десят. 1,336 кв. саж., изъ коихъ 11 дес. 2,078 кв. саж. пашенной и 28 десят. 502 кв. саж. лѣса; Рольцову или Рольдову, близъ села Пріимкова, 5 десят. 748 кв. саж. сѣннаго покоса; Лазаревку 3 дес. 1,176 кв. саж. сѣннаго покоса; Ральшевскую 13 десятинъ 1,330 кв. саж. сѣннаго покоса и Келариху или Тимошеевку — 1 десят. 1,204 кв. саж. сѣннаго покоса; 3) двѣ мельницы—одну при селѣ Внуковѣ (2), а другую близъ монастыря. Обѣ даютъ монастырю до 1,000 р. годоваго дохода (3). Всѣмъ этимъ обитель владѣетъ и въ настоящее время. Крестный ходъ въ Ростовъ и проценты съ вкладовъ (4), простирающихся нынѣ до 30,000 р., дополняютъ средства содержанія монастыря.

Въ 1795 г. въ обители учреждено общежитіе, по примѣру Саровской пустыни (5).

(1) См. монастыр. кн. входящ. бум. стр. 101.

(2) Мельница въ селѣ Внуковѣ пожалована въ 1798 г. двумъ монастырямъ—Вѣлгогостицкому и Петровскому, чѣмъ на Полѣ. См. кн. входящ. бум. стр. 101, обор.

(3) Всѣ эти свидѣнія взяты изъ копій съ межевыхъ книгъ, хранящихся въ монастырскомъ архивѣ. Копіи добыты строителемъ іеромонахомъ Іономъ — одинъ въ 1775 г. изъ Ростовской воеводской канцеляріи, а другія въ 1774 г. изъ Переяславской провинціальной межевой конторы Залѣскаго.

(4) Въ числѣ вкладчиковъ находится имя Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской. Она пожертвовала въ монастырь на вѣчное время 5,000 р.

(5) Общежитіе для Саровской пустыни, по челобитію братіи оной, учреждено благословенною и подтвердительною грамотою мѣстоблжстителя патріаршаго престола рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго 11 марта 1711 года. Вотъ основныя начала этого устава: «По согласію братіи Саровской пустыни учинишь уставъ, чтобъ обители быть во всемъ чину и уставу общему, по преданію святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, чтобъ братіи пребывать въ терпѣніи, въ любви и въ соединеніи духовномъ и во всемъ повиноватися настоятелю и во всякомъ послушаніи быть у него; пищу и одежду и всякое нѣтъе и всякую вещь, даже до мала и велика, что во обители будетъ, нѣтъ обще и никому по келіямъ въ монастырѣ и за монастыремъ ни у сродниковъ, ни у прочихъ мірскихъ людей и ни гдѣ нѣтъе, ни

Въ іерархическомъ отношеніи Вѣлогостицкій монастырь, до учрежденія штатовъ, находился въ непосредственной зависимости отъ родовскихъ владѣнъ, какъ ихъ *извѣтная* обитель. Отъ нихъ онъ получалъ настоятелей; имъ давалъ отчетъ во всемъ. Кто были настоятели съ начала его основанія до XVII вѣка и какое званіе имѣли—свѣдѣній не сохранилось. Съ XVII же вѣка упоминаются въ разныхъ монастырскихъ актахъ архимандриты, которыхъ съ 20-хъ годовъ XVIII вѣка замѣнили игумены, а послѣднихъ — съ конца половины того же вѣка — строители. Не лишнимъ считаемъ привести списокъ настоятелей монастыря. Онъ во многомъ дополнитъ извѣстный списокъ Строева, изданный въ 1877 г. Археографическою Коммисією. При этомъ имена, приводимыя г. Строевымъ, мы будемъ обозначать звѣздочками. *Архимандриты*: Евѳимій 1-й 1606 г. (1); Никандръ

пищи, ни одежды и никакой вещи малой и великой особой ничего не держать и своимъ ничтоже называть и безъ благословенія настоятелева въ монастырѣ и въ келіяхъ ничего не дѣлать и за монастырь, ни къ сродникамъ не ходить, и правило церковное и келейное всей братіи править единогласно, во единомъ собраніи, обще же; вина и пива и всякаго питія ніянаго въ той нашей обители не держать и не пить ни настоятелю, ни братіи. А кто что во обитель, Бога ради, подастъ вкладу или монастырю хлѣба или одежду или ино что, и то подаваніе власть въ общую казну братскую; а который вкладчикъ или нѣтъ кто отъ мірскихъ людей похочеть въ тотъ нашъ монастырь приняти и постригтися и принесть что отъ нѣвня своего—пищи или одежды или ино что малое и великое, всякую вещь, и то братіи во общее же нѣвнѣ, а у себя ему ничтоже задержать или затантъ, и тѣмъ даваніемъ не превозносится, и отъ братіи въ томъ нашемъ монастырѣ здѣ при временной жизни не желать какова-либо воздаянія или чести, кромѣ воздаянія будущихъ благъ и царствія небеснаго отъ Бога, и не называть то даваніе своимъ, а быть ему въ монастырѣ съ прочією братією во всемъ равну и данся ему во всемъ въ разсужденіе настоятелево, и отъ него принимать всякое благословеніе и даваніе, по разсмотрѣнію настоятелеву, что либо дается отъ общаго нѣвня—одежда или ино что, яко же и прочей братіи, приняти вся со благодареніемъ, а не роптати ни о чемъ и во всемъ повелѣнное отъ него хранить не отложно, безъ всякаго прекословія. И сей уставъ въ томъ нашемъ монастырѣ всей братіи бысть угоденъ». Въ настоящее время Вѣлогостицкій монастырь принадлежитъ къ числу заштатныхъ, *не общежительныхъ* обителей. Объ уставѣ Саровской пустыни — въ немъ и поминна нѣтъ, а между тѣмъ послѣдній хранится въ числѣ монастырскихъ архивныхъ бумагъ.

(1) Расходн. книга 1606 г. Книга въ 8 д. л. писана трудно-читаемою скорописью. Сохранилось нѣсколько начальныхъ листовъ; остальные до того испорчены сыростью, что всѣ усилія наши разобрать что-либо — не привели ни къ чему. Тоже нужно сказать и о другихъ приходорасходныхъ книгахъ XVII вѣка, которыя мы цитируемъ ниже по однимъ только заголовкамъ.

1-й (*) 1621, 1626, 1632, 1635; Иона Сисоевичъ (1); Нивандръ 2-й (2) 1646—1649 г.; Иовъ (3) 1658 г.; Антоній (*) 1659—1666 г. (4); Евоній 2-й 1672 (5); Гавріиль (*) 1682—1690 (6); Герасимъ (7) 1691; Игнатій (*) 1694 — 1696 (8); Филаретъ (*) 1707 — 1708 (9); Корнилій (*) 1711—1712 (10); Иоанникій (*) 1714 — 1716; Доримедонтъ (*) 1718 — 1719; затѣмъ вторично 1722—1723. *Июмены:* Нивонъ (*) 1720; Феранонтъ (*) 1724—1726; Птиримъ (*) 1727—1732; Филаретъ 1-й (*) съ 19 іюня 1732 — 1737; Иосифъ (*) 1737 — 1739; Филаретъ 2-й 1743. *Строители:* Ирнархъ (*) 1739; Сергій (*) 1740; Гедеонъ 1744 (11); Теофанъ 1748—1755; Иовъ 1755—1757; Патрикій 1757—1760; Мартиніанъ 1760—1763; Діонисій 1763—1766; Клеопа 1766—1768; Самуиль 1768—1769; Симеонъ 1769—1770; Тео-

(1) Въ какіе годы настоятельствоваъ Иона—свѣдѣній нѣтъ, но что онъ настоятельствоваъ—видно изъ описныхъ книгъ 1659 г. На стр. 46 обор., между прочимъ, записано: «да какъ былъ въ Вѣлогостицкомъ монастырѣ архимандритъ Иона, иже былъ митрополитъ, дала вкладу Анна Ивановна дочь Чистыхъ (онаже Карпова) колоколъ въ 30 пудъ». См. также стр. 23 и 29. По Строеву Иона хиротонисанъ въ санъ митрополита ростовскаго 22 августа 1652 г. изъ архимандритовъ Боговлянскаго монастыря (стр. 333), которымъ управлялъ съ февраля 1646 г. (стр. 340). Отсюда можно заключить, что Вѣлогостицкимъ монастыремъ онъ завѣдывалъ съ конца 30-хъ годовъ XVII ст.

(2) Въ указанной выше выписи изъ ростовскихъ книгъ стольника Петра Шетнева и подьячаго Чиркина 1685—1686 гг., между прочимъ, говорится: «во 194 году Вѣлогостицкаго монастыря слухка Ивашко Богдановъ клалъ выписъ съ переписныхъ книгъ переписи Никифора Плещеева да подьячаго Кипріяна Иванова 154 года, а въ той выписи написано Вѣлогостицкаго монастыря въ вотчинѣ деревня Левково, а дала тое вотчинну вкладу княгиня Фотинья Владиміровна, боярина князя Юрьева жена Андреевича Сяцкаго по мужѣ своемъ, и на тое вотчинну архимандритъ Вѣлогостицкаго монастыря *Нивандръ* писалъ духовную». О владѣнкахъ Сяцкихъ см. выше.

(3) Описн. кн. стр. 50.

(4) Тамъ же стр. 43.

(5) Тамъ же стр. 49.

(6) Приходн. кн. 1690 г., неполн. рукоп. См. также выше челоб. царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ.

(7) Приходорасходн. книги 1691 г. Сохран. нѣсколько листовъ.

(8) Книга приходу хлѣба 1696 г. Тоже нѣсколько листовъ.

(9) См. также Древн. Вивл. кн. 6, стр. 386, изд. 1774.

(10) Книга входящихъ бумагъ съ 1701. На основаніи этой книги названъ нами настоятели, управлявшіе монастыремъ съ 1711 по 1857 г.

(11) Назначенъ надзирателемъ.

филактъ 1770—1772; Иона 1772—1776; Варлаамъ 1776—1779; Герасимъ 1779—1788; Филаретъ 3-й 1788—1795; Исаакій 1795—1808; Доросей (*) 1808—1810; Діонисій (*) 1810—1812; Самуиль (*) 1812—1814; Исаакъ (*) 1815—1817; Ираклій 1817—1822; Нектарій (*) 1823—1827; Иринархъ 2-й (*) 1827—1829; Сергій 2-й 1829—1835; вторично съ 1843 по 1845; Веніаминъ 1835—1842; Макарій 1842; Назанайль 1848—1850; Захаріа 1850—1857. Въ августъ 1857 г., вслѣдствіе просьбы покойнаго архіепископа Нила, монастырь приписанъ къ ярославскому архіерейскому дому. Съ 1865 г. за монастыремъ наблюдалъ настоятель Петровскаго, что на Полѣ, монастыря іеромонахъ Серафимъ (*), возведенный въ санъ игумена въ 1867 г. По отчисленіи въ августъ 1878 г. отъ архіерейскаго дома, монастырь получилъ своего настоятеля въ лицѣ іеромонаха Дмитрія, съ званіемъ строителя, который управляетъ имъ и донинѣ.

Въ концѣ XVII вѣка къ Бѣлогостицкому монастырю была приписана Акакіева пустынь. Она находилась въ Сотемскомъ же станѣ, въ Воскресенскомъ погостѣ, въ 20 верстахъ отъ Бѣлогостицъ. Основана около половины XVII вѣка игуменомъ Акакіемъ, по челобитнѣ котораго въ 1647 г. была выдана изъ помѣстнаго приказа жалованная грамота ⁽¹⁾ на пустоши: половину погоста Воскресенскаго, что на рѣкѣ на Сотмѣ, Григорцево, Задеберье, Хмѣльнишиную и Маркову, въ коихъ, по отказнымъ книгамъ Гаврилы Гордѣева 1647 г., всей пашни числилось 35 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву по тому-жъ. Въ 1747 г. въ пустыни было монашествующихъ 5 человекъ ⁽²⁾. При учрежденіи въ 1764 г. духовныхъ штатовъ, она была упразднена; имущество перешло въ Бѣлогостицкій монастырь. На мѣстѣ ея нынѣ село Акакіево ⁽³⁾.

Дѣйств. членъ А. Гавриловъ.

⁽¹⁾ См. прилож. II.

⁽²⁾ Книга входящихъ бумагъ стр. 36.

⁽³⁾ Въ кировыхъ вѣдомостяхъ за 1794—1796 гг. значится: «церковь одна—каменная, ризницею скудна; штата при ней положено—одинъ священникъ и одинъ псаломщикъ; содержаніе причта посредственное; душъ при сей церкви мужскаго пола 230 и женскаго 295».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Жалованная грамота царя и великаго князя Михаила Феодоровича ростовскому архіепископу Варлааму (1).

„Божією милостію, мы, великій государь, царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ, пожаловалъ есми богомолца своего Варламія, митрополита ростовскаго и ярославскаго, или кто по немъ въ нашемъ царскомъ богомольѣ въ дому Пречистыя Богородицы и у великихъ ростовскихъ чудотворцевъ: Леонтія, Исаіи, Игнатія и Іакова въ ростовской митрополіи иныи богомолцы наши митрополиты будутъ, что намъ великому государю, царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Русіи и отцу нашему, государеву, великому государю, святѣйшему Филарету Никитичу, Божією милостію патріарху московскому и всеа Русіи, богомолецъ нашъ Варламей митрополитъ билъ челомъ, чтобъ намъ его пожаловати — велѣти ему по нашему государскому указу прежнюю нашу жалованную грамоту 123 году переписать вновь на наше государское имя, какова наша прежняя жалованная грамота дана Кирилу, митрополиту ростовскому и ярославскому, списка съ жалованья грамоты дѣда нашего государева, государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Русіи, лѣта 7063 году, по челобитью Никандра, архіепископа ростовскаго и ярославскаго. А въ прежней нашей жалованной грамотѣ написано: пожаловалъ, блаженныя памяти, дѣдъ нашъ государевъ, государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи, Никандра, архіепископа ростовскаго и ярославскаго, или кто по немъ иныи архіепископы будутъ, что въ Ростовѣ на посадѣ и въ ростовскомъ уѣздѣ Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ ростовскихъ: Леонтія, Исаіи, Игнатія и Іакова исконивѣчная домовая вотчина слободка Бѣлая на бѣлой

(1) При учрежденіи монастырскихъ штатовъ, Св. Синодъ, указомъ отъ 24 октября 1743 года, предписалъ епархіальнымъ архіереямъ доставитъ въ Синодъ копіи съ грамотъ, данныхъ въ разное время государями и патріархами монастырямъ. Вслѣдствіе этого указа Синодъ получилъ ограниченное число грамотъ, составившихъ 19 книгъ in folio. Книги эти хранятся въ настоящее время въ синодальной библіотекѣ. Большинство грамотъ нигдѣ не намечтаны. Помѣщаемыя нами двѣ грамоты являются въ печати также въ первый разъ.

земль, а въ той-де слободѣ живутъ богомольцовъ нашихъ Никандра архіепископа приказные люди и дѣти боярскіе и соборныя церкви Пречистыя Богородицы протопопъ и протодьяконъ и ключарь и всѣ соборные попы и дьяконы, и подьячіе и дьяки, пѣвчіе и недѣлщики, и повары и помясы, и приспѣшники и хлѣбники и всякіе домовые служебники; да въ Ростовѣ жъ на посадѣ домовая Ладонная слободка, да Сторожевская слободка да Рыболовская слободка искони вѣчно поставлены на домовой землѣ Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ, а живутъ-де въ той Ладонной слободѣ домовые крестьяняшка для всякаго церковнаго строенья, — изстари дано Пречистой Богородицѣ и великимъ чудотворцамъ на ладонь, а въ Сторожевской слободѣ живутъ церковные сторожи, которые стерегутъ соборную церковь Пречистыя Богородицы, а въ Рыболовской слободѣ живутъ рыбные ловцы, которые ловятъ рыбу на поваренной обиходѣ, а съ посацкими, съ черными, съ тяглыми людьми та Ладонная слободка и Сторожевская и Рыболовская некоторыхъ податей не платятъ и ни въ которые разводы и розметы и всякимъ посланникомъ и гонцомъ и на ямъ ни во что нигдѣ съ ними не тянутъ; да въ ростовскомъ уѣздѣ домовая жъ вотчина въ разныхъ станѣхъ: село Фроловское, Песощна у Ростовскаго озера, село Левъ, сельцо Красное, сельцо Перевѣсы, село Шурсколо, село Гуменець, село Звѣринець, село Боровичи, село Никольское, село Матвѣевское, село Деревни, сельцо Кустерь, сельцо Сорокино, село Рождественое, сельцо Ивановское, сельцо Подрощенье, сельцо Поклоны, сельцо Подывье, сельцо Демьяны, сельцо Борисовское, село Звѣнячее, село Бурмакино, сельцо Внуково, село Благовѣщенское, чтò у Холму, сельцо Козлово, село Творино, село Воскресенское на Лахости, село Ставотино, село Борисово, погостъ Кобылей, село Якимовское, село Воскресенское, село Семеновское, село Воржа, село Вексицы, село Филимоново, сельцо Кулачево, сельцо Спаское, сельцо Годѣново, погостъ Никола чудотворецъ, чтò на Печегдѣ, — и тѣ всѣ села съ деревнями и съ пустошами и съ селищи и съ займищи; да въ Ростовѣ жъ на посадѣ монастырь Григорія Богослова, чтò въ Саду, за архіепископскимъ дворомъ, а въ монастырю вотчины: деревня Козлово, деревня Новоселка, деревня Новое, съ деревнями и съ пустоши, да на рѣкѣ на Воксѣ два ѣза; въ ростовскомъ же уездѣ монастырь *Блгоустичкой* на рѣкѣ на

Вексѣ, а къ монастырю вотчины: село Благовѣщенское на Горѣ, село Гора Лесконотова, село Юцкое съ деревнями и съ пустоши и со всѣми угодья; да въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ Китаѣ городѣ, на Варварскомъ Хрещѣ домовый дворъ, да за городомъ на Москвѣ рѣвѣ слобода Дорогомилловская, да въ Московскомъ уѣздѣ село Скоково, на рѣкѣ на Похорѣ, да деревня Конюшково, деревня Губцово, деревня Елизарово, деревня Нижняя, да въ ярославскомъ уѣздѣ деревня Тарасино, деревня Зименки, деревня Трутцыно, деревня Проскурино, деревня Тора, деревня Сасное, деревня Строково, деревня Потья; да въ вологоцкомъ уѣздѣ: село Сяма, село Ракула, село Верхвологда, да въ вологоцкомъ же уѣздѣ городокъ Шуйской-низовецъ Лицной, да волость Шейпухта, да волость Козлонка, да волость Кочкова съ деревнями и съ пустоши, да въ бѣлозерскомъ уѣздѣ — въ Череповцѣ: село Богородицкое, село Шюховить съ деревнями, да въ устюжскомъ уѣздѣ волость Владычня съ деревнями. И кто будетъ въ Ростовѣ намѣстниковъ и ихъ тиуновъ и всякихъ приказныхъ людей — и наши намѣстницы и ихъ тиуны и всякіе приказные люди и нашихъ дворцовыхъ сель прикащики и по волостямъ волостели богомольца нашего Никандра, архіепископа ростовскаго и ярославскаго, приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ и пѣвчихъ, дьяковъ и подьячихъ и всякихъ служебниковъ не судятъ ни въ чемъ и приставовъ своихъ по нихъ не посылаютъ ни въ чемъ, также Ладонныя слободки и Сторожевныя церковныя и Рыболовскія слободки крестьянъ и церковныхъ сторожей и рыбныхъ ловцовъ не судятъ ни въ чемъ и приставовъ своихъ по нихъ не посылаютъ ни въ чемъ и поборовъ своихъ не берутъ и нашихъ данныхъ, и полонскихъ, и ямщины, и мостовщины и всякихъ платежей никакихъ не платятъ; также ростовскіе земскіе цѣловальники и выборные судьи и всякіе ростовскіе жилецкіе люди тѣхъ слободокъ крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, ни въ земскіе, ни въ таможенныя, ни къ земляному дѣлу, ни къ ростовскому озеру къ рыбнымъ ловлямъ въ цѣловальники и къ нашимъ татинимъ и къ разбойнымъ дѣламъ въ губныя и ни къ какому дѣламъ въ цѣловальники не выбираютъ и ни въ которые поборы и помѣты, ни въ ямщину, ни въ подводныя никакихъ денегъ съ нихъ не берутъ и не притягиваютъ и къ посаду къ тяглымъ дворомъ и къ сохамъ никуда ни въ чемъ ни которыми дѣлы; также ростовскаго уѣзду и всѣхъ городовъ

наши намѣстницы, и воеводы и ихъ тиуны и всякіе приказные люди Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ ростовскихъ богомолца нашего Никандра, архіепископа ростовскаго и ярославскаго, дѣтей боярскихъ и прикащиковъ и старость и цѣловалниковъ и крестьянъ не судять ни въ чемъ ни которыми дѣлы и поборовъ своихъ не берутъ и приставовъ къ нимъ ни почтожь ни въ чемъ не посылають, а вѣдаетъ и владѣетъ домовою вотчиною въ Ростовѣ на посадѣ слободами и въ ростовскомъ уѣздѣ и во всѣхъ городѣхъ вотчинами и всякими доходы и приказныхъ своихъ людей, и дѣтей боярскихъ, и подьячихъ, и пѣвчихъ, дьяковъ и всякихъ служебниковъ и крестьянъ судить во всякихъ дѣлѣхъ и управу имъ чинить во всемъ богомолецъ нашъ Никандръ, архіепископъ ростовскій и ярославскій, или кто по немъ инны архіепископы будутъ. А кому будетъ чего искати нашимъ бояромъ и дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людемъ богомолца нашего Никандра, архіепископа ростовскаго и ярославскаго, на приказныхъ людѣхъ и на дѣтяхъ боярскихъ и на подьячихъ и на пѣвчихъ дьякѣхъ и на всякихъ домовыхъ служебникахъ и на крестьянѣхъ какого дѣла нибудъ, и въ томъ сужю ихъ язъ, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи, самъ или мой бояринъ и дворецкой; а случится судъ смѣстной нашимъ крестьяномъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей и посацкимъ людемъ съ домовыми крестьяны—и наши намѣстницы, и ихъ тиуны и всякіе приказные люди ихъ судять, а богомолца нашего Никандра, архіепископа ростовскаго и ярославскаго, приказные люди тутъ же съ ними судять, а правъ ли, виновать-ли нашъ крестьянинъ — нашимъ приказнымъ людемъ, а богомолца нашего Никандра, архіепископа ростовскаго и ярославскаго, правъ ли, виновать ли — архіепископлимъ приказнымъ людемъ, а пошлины емлють коихъ (?) на своемъ. Также еси пожаловалъ богомолца своего Никандра, архіепископа ростовскаго и ярославскаго, въ Ростовскомъ озерѣ ловити на домовою поваренной обиходъ зимою двѣма неводы, а лѣтомъ шестьюнадцатью ярежами, шестьюнадцатью саки въ дворцѣ, да въ Ростовскомъ же озерѣ ловять зимою на меня, царя и великаго князя, подледную рыбу пять ночей посацкими неводы, а шестую ночь ловять тѣми же посацкими неводы на богомолца нашего Никандра, архіепископа ростовскаго и ярославскаго, или кто по немъ инны архіепископы будутъ,

по вся годы, да въ рѣкѣ въ Богдѣ, да въ рѣкѣ Ишиѣ зимою и вешнюю пору и по все лѣто шестую рыбу, — да въ Ростовскомъ же озерѣ моиѣ, царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Русіи, всѣми оброчными и посацкими и монастырскими и нашего села Порѣчья рыболовья всѣми неводы и мрежами и всякими рыбными ловлями ловити богомолца нашего Никандра, архіепископа ростовскаго и ярославскаго, на его поваренной домовой обиходъ день да ночь во всѣ годы, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ которой день и въ ночь повелитъ ловити богомолецъ нашъ Никандръ, архіепископъ ростовскій и ярославскій, — да въ Ростовскомъ же озерѣ домовая рыбная ловля подъ селомъ Воржею на Княжой, да на рѣкѣ на Черной, да на рѣкѣ на Мошиѣ, — и на тое на рыбную ловлю на Княжую, и на Черную и на Мошинскую ни которые рыбные ловцы рыбы не ловятъ, а ловятъ на той Княжой, и на Черной и на Мошненской ловлѣ поваренными неводы и всякими ловлями на домовой обиходъ; а которыя рѣки и озера на домовой вотчинѣ въ Ростовѣ и во всѣхъ городѣхъ, и по тѣмъ рѣкамъ и по озерамъ рыбныя ловли, и мельницы, и ѣзы, и бобровыя гонны, и перевѣсы и вспуды и всякіе угоды — и тѣми рыбными ловлями, и мельницами и всякими угоды владѣеть богомолецъ нашъ Никандръ, архіепископъ ростовскій и ярославскій, по прежнему, да въ Ростовѣжѣ на рѣкѣ на Вексѣ домовые два ѣза, да въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ — въ Череповцѣ у села Богородицеаго на рѣкѣ на Шекснѣ ѣзъ, — и тѣми ѣзы на тѣхъ рѣкахъ владѣеть богомолецъ нашъ Никандръ, архіепископъ ростовскій и ярославскій. Также есми богомолца своего Никандра, архіепископа ростовскаго и ярославскаго, пожаловалъ — велѣлъ ему, богомолцу своему, по всѣмъ городамъ ростовскіе архіепископіи: въ Ярославль, и на Угличъ, и на Устюгъ Великій, и на Бѣло-Озеро, и Романовъ и въ Шуйской, во всѣ тѣ города и въ проѣзжіе десятины и въ заказы десятильниковъ своихъ послати по прежнему и всякіе домовые доходы збирати, и всякихъ людей его архіепископлимъ десятильникомъ во всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ вѣдати и судити и приставовъ десятильникомъ по всякихъ людей во всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ послати, своихъ на поруки имъ давати, а за поруками ставити передъ десятильникомъ, а наши намѣстницы ростовскіе и всѣхъ городовъ ростовскіе архіепископіи, и

ихъ тиуны и всякіе приказные люди, и нашихъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей прикащики и по волостямъ волостели архіепископскихъ десятильниковъ въ ихъ церковной судъ не вступаются и приставовъ своихъ во всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ ни кто ни въ чемъ ни по кого не посылаютъ; а которые въ Ростовѣ на посадѣ, и въ Ярославлѣ, и на Угличѣ и на Устюгѣ Великомъ, и на Бѣлѣ-Озерѣ, и на Романовѣ и въ Шуйскомъ на посадѣхъ — и тѣхъ всѣхъ городовъ въ уѣздѣхъ архимандриты, и игумены, и протопопы, и попы, и дьяконы, и церковные дьячки, и звонцы, и пономори, и весь причетъ церковный чинятъ безчинство — и тѣхъ архимандритовъ, и игуменовъ, и протопоповъ, и поповъ, и дьяконовъ, и церковныхъ дьячковъ, и звонцовъ, и пономарей, и весь причетъ церковный городскихъ и уѣздныхъ во всякихъ дѣлѣхъ и въ безчинствахъ вѣдаетъ и судитъ богомолецъ нашъ Никандръ, архіепископъ ростовскій и ярославскій, самъ и его приказные люди и десятильники, которые у него будутъ по городамъ посланы или кому прикажетъ и приставовъ своихъ по нихъ посылаетъ и на поруки ихъ даетъ архіепископъ приставъ, а наши намѣстники, и воеводы, и ихъ тиуны и всякіе приказные люди у архіепископскихъ приказныхъ людей и у десятильниковъ и у всякихъ архіепископскихъ приставовъ въ ихъ духовные святителскіе суды и въ церковныхъ во всякихъ людей ни кто ни въ кого не вступается и въ духовныхъ дѣлѣхъ не судитъ ни кто ни въ чемъ некоторыми дѣлѣ; а которые наши бояре, и воеводы, и околичные, и дворяне и дѣти боярскіе, и нашихъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей прикащики тѣхъ всѣхъ городовъ ростовскіе архіепископскіи или которые посацкіе и уѣздные люди всякіе женятся въ Ростовѣ и въ кумовствѣ и въ сватовствѣ — и тѣхъ всѣхъ людей во всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ судитъ и расправу чинитъ во всемъ богомолецъ нашъ Никандръ, архіепископъ ростовскій и ярославскій, и его приказные люди и десятильники. А которые архимандриты, и игумены, и протопопы, и попы, и дьяконы, и граціе, и посацкіе и уѣздные попы, и дьяконы и дьячки церковные, и звонцы, и пономари и весь причетъ церковный и всѣхъ городовъ и нашихъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей ростовскіе архіепископскіи церковныя дани не платятъ или у которыхъ архимандритовъ, и игуменовъ, и протопоповъ, и у поповъ, и у дьяконовъ въ церковной

дани наши жалованныя грамоты, что архієпископимъ десятильникамъ и тиунамъ въ нимъ не вѣзжати — и тѣ наши жалованныя грамоты — не въ грамоты, а платятъ тѣ всѣ архимандриты, и игумены, и протопопы, и попы, и дьяконы и весь причетъ церковный, и грамотчики и тарханщики тѣхъ всѣхъ городовъ ростовскіе архієпископіи церковныя дани со всѣми пошлинами въ Ростовѣ въ домовую казну богомолцу нашему Никандру, архієпископу ростовскому и ярославскому, или кто по немъ иныи архієпископы будутъ въ Ростовѣ, и тѣхъ всѣхъ городовъ его приказнымъ людямъ и десятильникомъ или кому по даннымъ книгамъ архієпископъ церковную дань со всѣми пошлинами и судомъ збирати прикажетъ, кто у него тутъ на годовой десятинѣ збираетъ дань; а которыя церкви въ тѣхъ городѣхъ ростовскіе архієпископіи стали новоцерковною данью не обложены и въ данныхъ книгахъ тѣ новыя церкви не приписаны — и съ тѣхъ со всѣхъ церквей новыхъ попы и дьяконы церковныя дани со всѣми пошлинами платятъ по новому окладу, чѣмъ ихъ обложить богомолецъ нашъ Никандръ архієпископъ, также и вѣнечныя пошлыны отъ знамянъ платятъ: съ отрока два алтына, печатнаго денга, нищего двѣ деньги, по старинѣ, а съ двоюженца вдвое, а съ троюженца втрое, а безъ знамени отнюдь никакой пошль не вѣнчаетъ никого некоторыми дѣль; а которые попы всѣхъ городовъ и уѣздовъ ростовскіе архієпископіи учнутъ свадьбу вѣнчать безъ знамянъ или въ роду и въ племяни или какое безчинство учнутъ чинить — и тѣмъ попамъ богомолецъ нашъ Никандръ архієпископъ, сыскавъ, чинить пеню, смотря по винѣ, а для укрощенія безчинствъ и для судныхъ духовныхъ дѣлъ во всѣхъ городѣхъ живутъ его приказные люди во весь годъ безъ сѣзду, или какъ укажетъ богомолецъ нашъ Никандръ архієпископъ или кто по немъ иныи архієпископы въ Ростовѣ будутъ. Также наши гонцы и посланники и ратные и всякіе проѣзжіе люди у богомолца нашего Никандра, архієпископа ростовскаго и ярославскаго, у его приказныхъ людей и у дѣтей боярскихъ, и у подьячихъ, и у пѣвчихъ дьяковъ и у всѣхъ домовыхъ служебниковъ и крестьянъ въ Ростовѣ на посадѣ, въ Ладонной, и въ Рыболовской и въ Сторожевской слободахъ и въ ростовскомъ уѣздѣ въ домовыхъ селѣхъ и въ деревняхъ и во всѣхъ городѣхъ ростовскіе архієпископіи, на посадѣхъ,

на архіепископлихъ дворѣхъ и въ уѣздѣхъ въ домово́й вотчинѣ у старостъ и у цѣловалниковъ и у крестьянъ не ставятся и кормовъ своихъ и конскихъ не емлютъ, — а что будетъ какихъ даней и всякихъ платежей доведется съ домово́й вотчины во всѣхъ городѣхъ въ нашу казну взяти — и о томъ посланники наши и провѣдчики посылають къ богомолцу нашему къ Никандру архіепископу или къ его приказнымъ людямъ, и они тотъ платежъ въ нашу казну платятъ сами, а посланники наши и провѣдчики не въѣзжаютъ и подводъ и проводниковъ не емлютъ, а кому что купити и то купитъ цѣною. Также есми богомолца своего Никандра архіепископа пожаловалъ: коли онъ будетъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, у насъ, или гдѣ великъ ему быти на нашей царской службѣ и къ нему, богомолцу нашему, или къ его приказнымъ людямъ и къ дѣтямъ боярскимъ запасъ всякой — соль, и рѣбу, и медъ на домово́й на дворцовой обиходъ повезуть, и съ тѣхъ его запасовъ съ дѣтей боярскихъ и со всякихъ служебниковъ по городѣхъ и уѣздахъ по мытомъ мытчики и по рѣкамъ перевозчики мыта и перевозу и мостовщины не емлютъ, пропускають по мытомъ мытчики, а по рѣкамъ перевозчики перевозятъ и по мостомъ пропускають безденежно; а коли случится въ Ростовѣ, и въ Ярославлѣ, и въ Казани, и въ Астрахани, и въ Нижнемъ и во всѣхъ низовскихъ городѣхъ, и на Вологдѣ, и на Устюгѣ Великомъ, и на Бѣлѣ-Озерѣ и во всѣхъ городѣхъ нашего российскаго государства купити воску и ладону и ошмяну про церковной обиходъ и соли и рыбы красныя и бѣлыя и низовскія всякія рыбы и мяса и всякого запаса про домово́й дворово́й обиходъ, и съ того со всего запаса по всѣмъ городамъ нашего царства таможенные головы и цѣловалники никакихъ нашихъ таможенныхъ пошлинъ, и мытовъ, и явки, и замыту, и помѣру и за писчее не емлютъ ничего, отпушаютъ всякіе запасы беспошлинно, — а того прежнія жалованныя грамоты дѣда нашего, государева, государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Русіи, въ спискѣ именно не написано: сколько какихъ запасовъ про церковной обиходъ и про его домово́й дворово́й обиходъ на колико числомъ рублевъ купити. И мы, великій государь, царь и великій князь Михайло Федоровичъ, всеа Русіи самодержецъ, и отецъ нашъ, госу-

даровъ, великій государь, святѣйшій Филаретъ Никитичъ, Божію милостію патриархъ московскій и всеа Русіи, милости ради Божіи и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ ростовскихъ: Леонтія, Исаи, Игнатія, Іакова, слушавъ прежнія жалованнія грамоты, какова переписана съ списка блаженныя памяти дѣда нашего, государева, государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Русіи, богомолца нашего Варламія; митрополита ростовскаго и ярославскаго, или кто по немъ иной митрополитъ въ Ростовѣ будетъ, пожаловали—велѣли на домовныя Пречистыя Богородицы вотчинныя и на слободки и на рыбныя ловли и на дворы и на дворовыя мѣста и на церковныя дани и на духовныя на всякія судныя дѣла по нашему государскому указу дати сію нашу государскую жалованную грамоту на наше царское имя и велѣли домовными Пречистыя Богородицы вотчинами и слободками и рыбными ловлями и дворы и дворовыми мѣстами и всякими угоды и церковными данми и духовными всякими судными дѣлами владѣти и вѣдати по прежнему. И по сей нашей царской жалованной грамотѣ богомолца нашего Варламія, митрополита ростовскаго и ярославскаго, съ его митрополичьихъ вотчинъ—съ сель и деревень и съ починковъ съ сошными людьми нашихъ никакихъ податей и денежныхъ всякихъ поборовъ и козачьихъ хлѣбныхъ запасовъ и кормовъ его митрополичьимъ приказнымъ людямъ за его митрополичьихъ волостныхъ крестьянъ и за слобожанъ не давати, опричь нашего государскаго указу ямскихъ денегъ и стрѣлцевихъ хлѣбныхъ запасовъ и городского и острожнаго дѣла, а съ его митрополичьихъ вотчинъ ямскія денги и стрѣлцевіе хлѣбныя запасы имати и городное и острожное дѣло дѣлати съ сошными людьми по писцовымъ и по дозорнымъ книгамъ съ живущаго, а опричь тѣхъ податей никакихъ податей и издѣлей, окромѣ городского и острожнаго дѣла, не дѣлати, — и о всемъ указали я, царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всеа Русіи, и отецъ нашъ, государевъ, великій государь, святѣйшій Филаретъ Никитичъ, Божію милостію патриархъ московскій и всеа Русіи, прежняго архіепископа Никандра вотчинами и всякими угоды владѣти богомолцу нашему Варламію, митрополиту ростовскому и ярославскому, или кто по немъ иныи митрополиты въ Ростовѣ будутъ, по

прежнему, какъ пожаловалъ дѣдъ нашъ, государевъ, государь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи, Никандра, архіепископа ростовскаго и ярославскаго, опричь нынѣшняго нашего государскаго указу податей, ямскихъ денегъ и стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ и городоваго и острожнаго дѣла. Да что въ прежней же нашей жалованной грамотѣ, за приписью дьяка Ивана Болотникова, написано: коли будетъ лучится Кирила, митрополита ростовскаго и ярославскаго, его дворовымъ и всякимъ людемъ купити въ Ростовѣ, и въ Ярославлѣ, и въ Нижнемъ, и въ Казани и въ Астрахани и во всѣхъ понизовыхъ городѣхъ, и на Вологдѣ, и на Устюгѣ Великомъ и на Бѣлѣ-Озерѣ и во всѣхъ городѣхъ Россійскаго государства воску и ладону и ошмяну про церковной обиходъ, и соли и рыбы красныя и низовскія и всякія бѣлыя и мяса и всякаго запасу, и съ того со всего запасу по всѣмъ городомъ таможеннымъ головамъ и цѣловальникомъ и откупщикомъ никакихъ нашихъ и таможенныхъ пошлинь и мытовъ и явки и замыту и помѣровъ и записчево имати не велѣно, и пропускати ихъ велѣно безо всякія зацѣпи, беспошлинно; а сколько на церковной обиходъ и на его митрополичъ домовою дворовою обиходъ какихъ запасовъ на сколько рублевъ купити, и того въ той жалованной грамотѣ имянно не написано. И въ нынѣшнемъ во 110-мъ году, генваря въ 3 день, прислалъ къ намъ, великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу, всеа Русіи и къ отцу нашему, государеву, великому государю, святѣйшему Филарету Никитичу, къ патриарху московскому и всеа Русіи, богомолецъ нашъ Варлаамъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій, челобитную и годовымъ всякимъ обиходомъ роспись, что ему надобно на церковной обиходъ и на его домовою дворовою обиходъ купити всякихъ годовыхъ запасовъ. А въ росписи его написано: на церковной обиходъ въ соборную церковь Пречистыя Богородицы и чудотворца Леонтія на свѣчи и въ лампаду: воску двадцать пудъ, ладону три пуда, вина церковнаго пятнадцать ведръ, на образы, на оклады, на позолоту и на раздачу — шестдесятъ золотыхъ, на соборную церковь на кровлю и на домовыя дворовыя строенія тесу двѣ тысячи тесницъ, желѣза бѣлаго три бочки, гвоздя и желѣза и укладу на церковное и на дворовое и на мелничныя подѣлки на пятьдесятъ рублевъ, въ со-

борную жь церковъ на пелены и на ризы и на стихари, что покупаютъ по городомъ отласы, и бархаты, и бамки, и тафты, и жемчугъ, и золото, и серебро, и шелки, и киндяки, и сандени, и меткалы, и крашенины, и полотна и на платье камки и тафты, и соболи, и кунницы, и бобры, и всякую платяную покупку — на триста рублевъ, да поставь сукна на стариць, да на домовой дворовой обиходъ годовыхъ всякихъ занасовъ: сто пудъ меду, три фунта гвоздики, пять фунтовъ инбирю, два фунта корицы, полфунта шафрану, полпуда перцу, пудъ ягодъ — изюму и винныхъ, три пуда пшена сорочинскаго, десять ведръ раманей, пять стопъ писчей бумаги, да рыбныя покупки: сто осетровъ, пятнадцать бѣлугъ, сто пятьдесятъ стерледей, дватцать пять бѣлыхъ рыбиць, дватцать пудъ семги, десять пудъ икры черныя, пять сотъ пучковъ вязиги, пятнадцать четвертей вандышевъ, сорокъ четвертей пшеницы и муки, двадцать пять ведръ масла коноплянаго, пять четвертей гороху, да про митрополичь домовой обиходъ — блюдо и оловяники и котловъ на тридцать рублевъ, да погребныхъ бочекъ и чановъ на десять рублевъ, пять тысячъ свѣчь салныхъ, — и всего про церковной обиходъ и про митрополичь домовой дворовой обиходъ во всѣхъ городѣхъ по его митрополичей росписи купити на Москвѣ, и въ Ростовѣ, и въ Ярославлѣ, и на Угличѣ, и на Романовѣ и на Устюгѣ Великомъ всякихъ обиходовъ и въ понизовыхъ городѣхъ рыбы и икры и вязиги на тысячу на сто рублевъ, да мясь про митрополичьихъ дворовыхъ людей купити рублевъ на пятьдесятъ или и на сто. И азъ, царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всеа Русіи, и отецъ нашъ государевъ, великій государь, святѣйшій Филареть Никитичъ, Божію милостію патріархъ московскій и всеа Русіи, сію роспись слушавъ, богомолца нашего Варламія, митрополита ростовскаго и ярославскаго, или кто по немъ иныи митрополиты въ Ростовѣ будутъ, пожаловали — указали богомолцу нашему Варламію, митрополиту ростовскому и ярославскому, купити въ годъ про церковной обиходъ воску и ладону и енишяну и вина церковнаго и про его митрополичь домовой обиходъ годовыхъ всякихъ обиходныхъ запасовъ, по его митрополичей росписи, во всѣхъ городѣхъ: на Москвѣ, и въ Ростовѣ, и въ Ярославлѣ, и на Угличѣ, и на Романовѣ, и на Устюгѣ Великомъ и въ понизовыхъ го-

родѣхъ всего всякихъ годовыхъ обиходовъ въ годъ одинаво на тысячу на сто рублей, да про его митрополичихъ дворовыхъ людей на обиходы мясь рублей на пятьдесятъ или на сто и впередъ покупати потомужь. И по нашему государевому указу, по сей нашей царской жалованной грамотѣ, гдѣ въ которыхъ городѣхъ какихъ городовыхъ обиходовъ въ то число въ тысячу во сто рублей по митрополичу приказу его митрополичихъ приказные люди въ которомъ городу и какихъ обиходныхъ запасовъ на сколько рублей купятъ, и съ того покупаго годоваго обиходу таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ мыта, и явки, и вѣсчево, и записчево и всякихъ пошлинъ не имати и по рѣкамъ перевозчикомъ и по мытомъ мытовщикомъ перевозовъ и мостовщины не имати, и пропускати митрополичихъ дворовыхъ людей нашего Россійскаго государства въ городѣхъ, въ которомъ городѣ гдѣ что купятъ, вездѣ по нашему государскому указу беспошлинно; потомужь, въ которомъ городѣ купятъ про его митрополичихъ дворовыхъ людей на обиходъ мясь рублей на пятьдесятъ или на сто рублей, и съ того нашихъ пошлинъ не имати-жь; а въ которомъ городѣ какихъ обиходовъ и на сколько рублей въ то число, въ тысячу во сто рублей, гдѣ купятъ и про митрополичихъ дворовыхъ людей на сколько рублей иже купятъ, на пятьдесятъ или на сто рублей, и митрополичимъ дворовымъ людямъ въ томъ покупаго обиходѣ по городомъ имати у воеводъ отписки, гдѣ имъ въ которомъ городѣ какихъ обиходовъ на сколько рублей докупити, а у таможенныхъ головъ и у цѣловальниковъ съ записныхъ книгъ росписи, чтобъ по нашему государскому указу, по сей нашей царской жалованной грамотѣ, во всѣхъ городѣхъ всякихъ годовыхъ обиходовъ купити всего въ годъ одинаво на тысячу на сто рублей, а впредь потомужь въ годъ, да про его митрополичихъ дворовые люди на обиходъ мясь рублей на пятьдесятъ или на сто рублей, да и впредь покупати тѣ годовые обиходы во всѣхъ городѣхъ въ году по единому, по тысячи по сту рублей, а не вдвое, а что сверхъ нашего государскаго указу тысячи сто рублей и мясь рублей съ пятьдесятъ или со ста какихъ обиходовъ въ которыхъ городѣхъ купятъ, и съ того со всего покупаго всякія наши пошлины имати, какъ и съ торговыхъ людей. А кто черезъ сю нашу царскую жалованную гра-

моту богомолца нашего Варламія, митрополита ростовскаго и ярославскаго, и его дворовыхъ всякихъ людей и воюстныхъ крестьянъ чѣмъ избидеть, и тому отъ насъ, великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всеа Русіи, быть въ опалѣ. Дана ся наша царская жалованная грамота въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7130, генваря въ 13 день“.

У подлинной грамоты восковая красная, висяща на шнуру, со изображеніемъ россійскаго герба, печать. На оной же подлинной грамотѣ на оборотѣ подписамо тако:

Царь и Великій Князь Михайло Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ. А подписалъ государевъ царевъ и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи *дьякъ Семенъ Головинъ.*

„Лѣта 7154, генваря въ 20 день. Божією милостію, мы, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа Русіи самодержецъ, сію жалованную грамоту слушалъ, а выслушавъ богомолца своего Варламія, митрополита ростовскаго и ярославскаго, или кто по немъ впредь богомолецъ нашъ въ Ростовѣ митрополитъ будетъ, пожаловалъ—велѣлъ ему сію жалованную грамоту подписати на свое государево, цареве и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Русіи, имя и сея жалованная грамоты рудити не велѣлъ никому ничѣмъ, а велѣлъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей жалованной грамотѣ писано.“ А подписалъ государевъ царевъ и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи *дьякъ Максимъ Чирковъ.*

„Лѣта 7190, апрѣля въ 21 день. Божією милостію, мы, великій государь, царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, сію жалованную грамоту слушавъ, пожаловалъ преосвященнаго Іону, митрополита ростовскаго и ярославскаго, и кто по немъ иныи митрополиты въ Ростовѣ будутъ, велѣли въ Ростовѣ, и на Москвѣ, и въ московскомъ, и въ ростовскомъ, и въ ярославскомъ, и въ устюжскомъ, и въ иныхъ уѣздѣхъ вотчинными селы, и деревнями, и пустоши, и рыбными ловлями, и приписными монастыри съ ихъ вотчинами, и со всякими угоды владѣть, но прежнему, великаго государя, указу и по писцовымъ и по переписнымъ книгажъ и по крѣпостямъ, а съ тѣхъ вотчинъ и со всякихъ угодей о нашихъ великаго государя

денежныхъ доходѣхъ и о всякихъ поборѣхъ, и о городовыхъ дѣлѣхъ, и о судныхъ, и о пошлинныхъ статьяxъ бытъ какъ о томъ отца нашего государева, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, въ указѣ и въ Соборномъ Уложеньи напечатано и, послѣ Соборнаго Уложенья, по новымъ статьямъ и уставнымъ грамотамъ“. Та подписка подписана тако: дьякъ *Семенъ Комсинъ*.

„Лѣта 7194, марта въ 25 день. Вошею милостию, ми, великіе государи, цари и великіе князи Иоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, сію жалованую грамоту слушавъ, пожаловали богомолца нашего преосвященнаго Іону, митрополита ростовскаго и ярославскаго и кто по немъ иными митрополиты въ Ростовѣ впредь будутъ, велѣли имъ въ московскомъ, и въ ростовскомъ, и въ ярославскомъ, и въ устюжскомъ, и въ вологодскомъ, и въ бѣлозерскомъ уѣздѣхъ вотчинными селы и деревнями и пустоши и рыбными ловлями и приписными монастыри съ ихъ вотчинами и всякими угоды, и въ городѣхъ же и на Москвѣ дворами и Дорогомиловскою и иными слободками владѣть по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ и по крѣпостямъ, по прежнему, а съ тѣхъ вотчинъ со всякихъ угодей о нашихъ великихъ государей денежныхъ доходѣхъ и о всякихъ поборѣхъ и о городовыхъ дѣлѣхъ и о судныхъ и о пошлинныхъ статьяxъ бытъ, какъ о томъ въ указѣ отца нашего великихъ государей, блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и въ Соборномъ Уложеньи и, послѣ Соборнаго Уложенья, въ новыхъ статьяxъ и уставныхъ грамотахъ написано“. А та подписка подписана тако: дьякъ *Григорей Посниковъ*; справилъ *Василей Калининъ*.

II.

Духовная боярина, князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовскаго. 1661 г. 28 мая (1).

(1) Подлинникъ этого документа, хранящійся въ семейномъ архивѣ графа С. Д. Шереметева, напечатанъ въ первомъ выпускѣ «Памятниковъ Древней Письменности» (С.-Петербургъ).

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ, рабъ Божій, бояринъ князь Михайло Михайловичъ Темкинъ-Ростовской, пишу сію духовную въ цѣлѣ умѣ своимъ и разумѣ. Приказываю: душу свою строить и тѣло свое погребсти боярину, князю Якову Куденетовичу Черкасскому, да племяннику своему столнику, князю Алексѣю Ивановичу Буйновому-Ростовскому, да отцу своему духовному, Архангельскому протопону Кондрату. А какъ Богъ по душу мою, князь Михайлову, ошлетъ, и боярину князю Якову Куденетовичу, да племяннику моему, князю Алексѣю Ивановичу, да отцу моему духовному, протопону Кондрату тѣло мое погребсти въ Ростовѣ, въ Бѣлогостецкомъ монастырѣ; а по моей душѣ дать въ монастырѣ въ церковь Пречистыя Богородицы Благовѣщеня благословенной крестъ, чеканной, золоченъ, обвязанъ жемчугомъ, да что останется молеція моего образъ окладныхъ, и тѣ образы поставить въ томъ же Бѣлогостецкомъ монастырѣ, да въ Ростовѣ въ соборную церковь Пречистыя Богородицы Успенія поставить по мнѣ, князь Михайлѣ, Божія милосердія иконъ молеція моего: образъ Пречистыя Богородицы Казанскія, обложень серебромъ чеканнымъ, вѣнецъ съ коруною золоченъ съ каменемъ и съ жемчугомъ, въ кіотѣ бархатномъ черномъ, да образъ Спасовъ Нерукотвореннаго бодшая пядница, вѣнецъ и цата и поля окладъ чеканной, серебрянъ, золоченъ, съ каменемъ, въ кіотѣхъ. А на отиѣванье и на погребанье

бургъ, 1880 г., стр. 135—138). Въ сожалѣнію, документъ напечатанъ не съ тою тщательностію, какую мы привыкли видѣть въ изданіяхъ Общества Любителей Древней Письменности. Такъ: въ заголовкѣ документа составленіе духовной отнесено къ 18 мая 1661 г., а въ концѣ сказано: «с духовную писалъ явановскіе площади подячей Алешка Яковлевъ, *мѣста тысяча сто шестдесятъ девятого, мая въ двадцать осмый день*»; на страницѣ 136 слово «иконъ» напечатано *иколо*; монастырь, въ коемъ погребенъ завѣщатель, называется то *Бологостецкимъ*, то *Бѣлогостецкимъ*, тогда какъ въ подлинникѣ онъ вездѣ именуется «Бѣлогостецкимъ»; подписи духовнаго отца и душеприказчиковъ отнесены къ написанному по склейкѣ, а между тѣмъ по склейкѣ написаны лишь слѣдующія слова: «по его велѣнію руку приложилъ», «руку» «руку» «при»; въ нѣкоторыхъ словахъ сохранена орография подлинника, какъ напр. «въ цѣлѣ разумѣ», въ «Ростовъ», по моей «душе» и пр., а въ нѣкоторыхъ она замѣнена теперешнимъ правописаніемъ. Принимая во вниманіе, что памятникъ этотъ, принадлежащій второй половинѣ XVII в., не представляетъ особой важности ни въ отношеніи палеографическомъ, ни въ отношеніи лингвистическомъ, мы печатаемъ его преимущественно къ теперешней орографіи, согласно принятому въ подобныхъ случаяхъ Археографическою Коммиссіею правилу, съ удержаніемъ орографіи подлинника только въ нѣкоторыхъ характерныхъ словахъ.

тѣла моего, князь Михайлова, звать митрополита и архіепископовъ и архимандритовъ. Да въ тотъ же Вѣлогостецкой монастырь дать по моей душѣ вкладу и на помяновеніе денегъ пятьсотъ рублей, да рукою-ниязъ серебряной съ лоханью, бѣлье, да въ Симоновъ монастырь дать вкладу и на помяновеніе родителей моихъ и по моей душѣ денегъ триста рублей, да на Рязани въ Духовъ монастырь сто рублей денегъ, да на Москвѣ въ большой соборъ Успенія Пречистыя Богородицы и въ соборъ Благовѣщенія Пречистыя Богородицы и въ соборъ Михайла Архангела дать въ сорокоустія по пяти рублей, да въ вѣчной поминокъ по мнѣ, князь Михайлѣ, и написать родителей моихъ въ сенодики, дать по тѣмъ соборамъ по десяти рублей, да на прочіе соборы дать въ сорокоустія на соборъ по три рубли, да на милостину роздать нищимъ и въ тюрьмы и въ богадѣлни во всю чотырдесятницу на день по десяти рублей, да отцу моему духовному, протопопу Кондрату дать на поминъ души моей денегъ пятьдесятъ рублей; да боярина, князя Якова Куденетовича благословилъ я, князь Михайло, Божія милосердія образомъ да два креста золоты съ мощами и съ яхонты и съ изумруды, обнизаны жемчугомъ, да сабля съ бирюзани; да племяннику моему, князю Алексѣю Ивановичу благословеніемъ образъ, да стопа серебряна, да стопка серебряна жъ; да племяннику жъ моему Василью Дмитріеву сыну Сабурову дать денегъ пятьдесятъ рублей, да сабля оправная, да пара пистолей, да чуга бархатная черная. Да послѣ живота моего, князь Михайлова, остается денегъ на лицо: серебряныхъ тысяча триста рублей, да мѣдныхъ денегъ двѣсти пятьдесятъ рублей, да серебряныхъ же денегъ шесть тысячъ рублей, что взялъ я, князь Михайло, тѣ деньги шесть тысячъ рублей у боярина, у князя Якова Куденетовича за вотчину свою Звенигородскаго уѣзду, за село Михайловское съ деревнями и со крестьяны и съ пустошми и со всеми угоды. Да что останется животовъ моихъ домашнихъ, платья и низахъ жемчугу и каменя и серегъ, и перстней и судовъ серебряныхъ, и конскихъ нарядовъ, и служилыя рухледи и дворъ мой московской. — и тому всему роспись подъ сею духовною, и то все продать и тѣми денгами боярину, князю Якову Куденетовичу и племяннику моему, князю Алексѣю Ивановичу и отцу моему духов-

ному протопопу Кондрату душу мою стронть и по монастыремъ влады давать и поминать и въ поминанье и на милостину роздать. А въ деревняхъ что останется хлѣба и лошадей и животины, и то все продать, и тѣ денги роздать по мнѣ жь въ помяновенье. А людей можь отпустить на волю и дать имъ отпускины и надѣлокъ имъ дать противъ жалованья моего вдвое, а челоуѣку моему Егуну надѣлку дать пятьдесятъ рублей. А что великого государя жалованья за мною помѣстья, и о тѣхъ помѣстьяхъ что великій государь укажетъ. А у сей духовной сидѣли: бояринъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасской, столникъ, князь Алексѣй Ивановичъ Вуйносовъ-Ростовской, да отецъ духовной, протопопъ Кондрать. А духовную писалъ ивановскіи помещикъ подъячий Алешка Яковлевъ, лѣта ~~х~~3 сто шестьдесятъ девятало, мая въ двадцать осмый день.

На оборотѣ духовной поднеси:

„Князь Яковъ Черкасской *руку* приложилъ“.

„Князь Алексѣй Вуйносовъ *руку* приложилъ“.

„Изъ сей духовной Архангельской протопопъ Кондрать и вмѣсто сына своего духовнаго князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовскаго, *по его велѣнію, руку приложилъ*“ (1).

Духовная писана на двухъ столбцахъ, довольно разборчивымъ почеркомъ; росписи при ней не оказалось.

III.

Жалованная грамота царей и великихъ князей Иоанна и Петра Алексѣевичей игумену Акакіевой пустыни Григорію, отъ 3 іюля 1684 г.

„Вожею милостію, мы, великіе государи, цари и великіе князи Иоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, пожаловали ростовского уѣзду, Сотемскаго стану, Воскресенскаго погосту Новой пустыни игумена Григорія съ братьею и кто по нихъ въ той пустыни иные игумены и братія будутъ, — велѣли имъ дать нашу, великихъ государей, жалованную

(1) Курсивомъ напечатаны слова, писанныя въ подлинникѣ по складкѣ.

грамоту тое Новой пустыни на пустоши: на половину погоста Воскресенского, что на рѣчкѣ на Сотмѣ, да на пустошь Григорцово, да на пустошь Задеберье на рѣчкѣ на Сотмѣ, да на пустошь Хмѣльнишное, да на жеребей пустоши Марковы, что была та половина погоста и пустоши въ церковныхъ земляхъ, а во 155 году дано къ той пустыни старцу Акакію потому: били челомъ намъ, великимъ государемъ, онъ, игуменъ Григорей, съ братьемъ: въ прошлыхъ де во 155 и во 156 годѣхъ, по указу отца нашего, великихъ государей, блаженныя памяти великого государя и царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, а по челобитью тое жъ Новой пустыни старца Акакія, даны имъ грамоты на церковныя пустоши, — и намъ, великимъ государемъ, пожаловать бы ихъ, — велѣти на тѣ старинныя пустоши дать нашу, великихъ государей, вновь жалованную грамоту съ прежнихъ отпущковъ, по чему бъ имъ тѣми пустошии впродъ владѣть, а спору и челобитья о тѣхъ пустошахъ прже сего не бывало и имнѣ нѣтъ. Да къ выпискѣ челобитчней, строитель старецъ Игнатей положилъ послушную грамоту отца нашего, великихъ государей, блаженныя памяти великого государя, царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, какова имъ дана изъ помѣснаго приказу, за приписью дьяка нашего Ивана Владичкина, въ прошломъ во 156 году, а въ грамотѣ написано: въ ростовскомъ уѣздѣ, въ Сотемскомъ стану, половина погосту Воскресенского на рѣчкѣ на Сотмѣ съ пустошии, что была та половина погосту и пустоши въ церковныхъ земляхъ, а во 155 году дана ростовского жъ уѣзду, Сотемского стану, къ Новой пустыни старцу Акакію съ братьемъ; а по отказнымъ книгамъ Гаврила Гордѣева 155 году написано: въ томъ полупогостѣ Воскресенскомъ и въ пустошахъ: въ пустоши Григорцовѣ, да въ пустоши Задеберѣ, да въ пустоши Хмѣльнишной, да въ жеребью пустоши Марковы пашни тридцать пять чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву по тому жъ. И та послушная грамота на имя брата нашего великихъ государей блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Феодора Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, а на наше, великихъ государей, имя

не подписана. И по нашему, великихъ государей, царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, указу, ростовского уѣзду, Сотемского стану, Воскресенского погосту Новой пустыни игумену Григорію съ братьею и кто по нихъ въ пустынь иные игумены и братія будутъ полупогостомъ Воскресенскимъ, что на рѣчкѣ на Сотмѣ, и пустоши: пустошю Григорцовою, да пустошю Задеберьемъ на рѣчкѣ на Сотмѣ, да пустошю Хмѣльнишною, да жеребьемъ пустоши Марковы владѣть къ Новой пустынь по прежней послушной грамотѣ отца нашего, великихъ государей, блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и по сей нашей государской жалованной грамотѣ. Дана ся наша, великихъ государей, жалованная грамота въ нашемъ царствующемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7192, іюля въ 3 день“. При подлинной грамотѣ во окончаніи подписано тако: „Думный діакъ *Протасей Никифоровъ*. 25 алтынъ взято. Въ книгу записано“. При той же подлинной грамотѣ въ концѣ, изображенная на черномъ воску Великороссійской имперіи двоеглавнымъ гербомъ, печать приложена (*).

(*) Какъ эта грамота, такъ и помѣщенная выше подъ № I списаны буквально съ копій конца XVIII-го вѣка, находящихся въ архивныхъ книгахъ св. Синода, указанныхъ въ примѣч. на стр. 99 и потому во многомъ не согласны съ правописаніемъ и арханческими особенностями въ языкѣ XVII-го вѣка; но мы не сочли себя въ правѣ исправлять ихъ по нашему усмотрѣнію не имѣя подъ рукою подлинныхъ грамотъ.

Редакторъ.

Два чертежа, относящиеся къ г. Архангельску въ концѣ XVII вѣка.

Въ дѣлахъ бывшаго Пушкарскаго Приказа, XVII-го вѣка, случайно сохранившихся въ частныхъ рукахъ, найдены ихъ нынѣшнимъ владѣльцемъ А. И. Петровымъ, слушателемъ Археологическаго Института, два прилагаемые чертежа или плана, относящіеся къ городу Архангельску. Къ сожалѣнію, касательно ихъ значенія г. Петровъ могъ сообщить намъ только указаніе, прочитанное имъ на клочкахъ, оставшихся отъ совершенно ислѣвшихъ и разорванныхъ столбцовъ означеннаго приказа, что эти чертежи принадлежали къ отпискѣ Двинскаго воеводы (вѣроятно въ Пушкарскій приказъ) 7202 (1694 г.) 23 февраля „о построеніи новыхъ поташныхъ и смольчужныхъ амбаровъ“. Тѣмъ не менѣе оба плана представляютъ немаловажный интересъ для топографіи г. Архангельска въ концѣ XVII-го вѣка. Останавливаясь на первомъ изъ нихъ, мы видимъ расположеніе „города“ и его башенъ; проѣзжую дорогу (или мостъ) отъ деревяннаго города къ Архангельскому монастырю и самыя городъ и монастырь, гостинный амбаръ, кожевенный рядъ, лавки, тайникъ, слободы, архіерейскій домъ и церковныя лавки, стрѣлцкую сѣзжую избу и наконецъ поташные заводы. На второмъ же чертежѣ значатся: 1) „нѣмецкой гостинь дворъ“ съ двумя въ него проѣздами — „мостомъ аглинскимъ“ и „мостомъ галанскимъ“; 2) „русской гостинь дворъ“ — оба окруженные стѣнами съ башнями и между ними 3) „каменной городъ“ съ проѣзжими въ него воротами; 4) лавки и ряды, прилегающіе къ стѣнамъ города и русскаго гостиннаго двора. Сохраняя, чрезъ наше изданіе, эти данныя, мы надѣемся, что они могутъ быть не бесполезны для нагляднаго поясненія тѣхъ матеріаловъ, которые уже есть и безъ сомнѣнія еще найдутся въ нашихъ архивахъ касательно исторіи Архангельска, его постройки и постепеннаго распространенія.

Редакторъ.

Минскъ

вот са

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

О значеніи и собираніи древнихъ русскихъ юридическихъ символовъ.

Doppelt würde der Gewinn sein, wenn es gelänge... nicht bloss die Aufmerksamkeit der Juristen, sondern auch anderer Alterthumsforscher zu gewinnen, die ihre Bemühungen der Sprache, der Poesie und der Geschichte unserer Vorfahren zugewendet haben. Den Versuch einer *ersten* Arbeit in diesem Sinn, von der man wohl sagen kann, dass sie mehr Öl, als Salz enthält, liefere ich hiermit (Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer. 1828. Vorrede, VII).

Наука объ отечественныхъ древностяхъ находится еще въ самомъ началѣ своего развитія. Русское общество пока довольно безучастно и неопредѣленно смотритъ на эту отрасль знаній, не смотря на множество въ высшей степени привлекательныхъ въ ней сторонъ, не смотря на обильную жатву, ожидающую ревностнаго воздѣлывателя этой вѣковой нови, не смотря, наконецъ, на то, что занятія русской археологіей укрѣпляютъ высокое чувство любви къ родинѣ. Дѣйствительно, археологическія изслѣдованія древняго быта нашего отечества, исканіе въ «преданьяхъ старины глубокой» самобытныхъ, своеобразныхъ чертъ народной русской жизни, невольно заставляютъ взглядѣться въ эту жизнь и полюбить еще сильнѣе, иногда бѣдное по содержанію, но свое собственное, родное. Въ то время, какъ на Западѣ археологія, какъ наука, стоитъ во многихъ отношеніяхъ на достодожной высотѣ, мы встрѣчаемъ у насъ въ Россіи едва лишь начинающіяся, отрывочныя занятія по этому предмету. Какое множество сокровищъ древности вмѣщаютъ

въ себѣ наши многочисленныя, столичныя и провинціальныя, музеи по отношенію къ нашему отечеству, по всѣмъ отраслямъ археологій: церковнымъ древностямъ, нумизматикѣ, архитектурѣ; сколько свитковъ, касающихся юридическаго быта древней Руси, лежатъ не прочитанными въ нашихъ архивахъ; наконецъ, какое огромное число различныхъ древнихъ кургановъ и вообще насыпей разсыяно по лицу нашего обширнаго отечества, которыя служатъ видимыми свидѣтелями нашего равнодушія къ изысканіямъ этого рода! Понятно поэтому съ какою искреннею радостію всякій истинно-русскій человѣкъ долженъ былъ встрѣтить извѣстіе объ учрежденіи и у насъ Археологическаго Института, и съ какою готовностію любители древностей дѣйствительно откликнулись на принятіе участія въ трудахъ его учредителя.

Однимъ изъ любопытныхъ, совершенно почти нетронутыхъ отдѣловъ русской археологій можетъ назваться наука о *юридическихъ древностяхъ*, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ исторіею древняго русскаго права. Самое слово «древности» указываетъ на жизнь болѣе обширную, чѣмъ та, на которой останавливается исторія права. Къ праву относится только то, что запечатлѣно сознательнымъ признаніемъ народа, какъ необходимое условіе извѣстнаго дѣйствія или поступка. Такъ, я передаю собственность другому и для доказательства моего сознательнаго поступка подтверждаю эту передачу актомъ, свидѣтелями. Но въ жизни есть много такихъ явленій, которыя поясняютъ взглядъ народа, его понятія, — словомъ сказать выражаютъ его требованія, мысли, безъ всякихъ признаковъ внѣшней обязательности. Напримѣръ, въ свадебныхъ обрадахъ, играхъ, въ обычаяхъ, нѣтъ строгаго требованія исполнить то или другое, и нѣтъ угрозы со стороны закона, что виновные въ неисполненіи обычая будутъ наказаны. Съ этими то разными приемами жизни обыденной насъ знакомятъ юридическія древности. Трудно разграничить то, что входитъ въ исторію права и что въ древности, но, навѣрное, историкъ-юристъ не внесетъ въ исторію права многоаго, что признаетъ необходимымъ внести изслѣдователь юридическихъ древностей ⁽¹⁾. Историкъ-юристъ ищетъ въ старомъ корней новаго; старое служитъ для него только средствомъ для раскрытія постепеннаго поступательнаго движенія юридическихъ понятій. Для юриста же археолога старое само по себѣ составляетъ *цѣль*; объемъ и система предмета даются ему самими остатками древняго юридическаго быта. Новая жизнь

⁽¹⁾ Лекціи Н. В. Калачова, читанныя въ Археологическомъ Институтѣ въ 1877/8 академическомъ году.

является для изслѣдователя юридическихъ древностей лишь пособіемъ для восполненія того, что не сохранилось въ древнихъ памятникахъ, но что не вымерло еще въ народномъ обиходѣ. Въ старину отвлеченныя понятія облекались въ живые, конкретныя образы; въ новѣйшее же время они все болѣе и болѣе отрѣшаются отъ вещественнаго воплощенія. Отсюда понятно, какое значеніе имѣеть для познанія древняго права — собираніе и разъясненіе тѣхъ чувственныхъ элементовъ, въ которыхъ древній человѣкъ выражалъ свои юридическія понятія и отношенія. Двойная была бы, говоритъ Гриммъ, выгода если бь удалось привлечь къ этому дѣлу не однихъ только юристовъ, но и другихъ изслѣдователей старины, посвятившихъ себя изученію языка, поэзіи и исторіи нашихъ предковъ.

Первая и почти единственная попытка въ этомъ родѣ принадлежить знаменитому нѣмецкому лингвисту Якобу Гримму ⁽¹⁾, слова котораго мы привели выше. Въ 1828 году, въ Геттингенѣ, вышло его обширное сочиненіе «Deutsche Rechtsalterthümer». Оно состоитъ изъ одного объемистаго тома въ 970 страницъ убористой печати, снабжено указателями и вишеткой на заглавномъ листѣ, очевидно съ весьма древняго рисунка. Рисунокъ этотъ изображаетъ судъ: предъ королемъ, сидящемъ на вреслѣ, въ вѣнцѣ древнѣйшей формы и со скипетромъ, стоятъ подсудимый со связанными руками; сзади его — три лица: двое мужчинъ и женщина, указывающая пальцемъ на обвиняемаго; король держится за бороду, повидимому что-то думая; за кресломъ его стоитъ молодой человѣкъ со свиткомъ въ рукахъ. Книга Гримма начинается, по обыкновенію, съ предисловія (Vorrede), въ которомъ разъясняется цѣль изданія и между прочимъ говорится, что слово «нѣмецкія юридическія древности» авторъ понимаетъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, включая сюда древности готскія, англо-сакскія и другихъ племенъ. Затѣмъ слѣдуетъ *введеніе* (Einleitung), которое собственно и имѣеть предметомъ своимъ юридическія древности. Введеніе раздѣлено на пять обширныхъ главъ (всего 225 страницъ): 1) формы; 2) формулы; 3) мѣры; 4) символы, и 5) числа. Въ первой главѣ Гриммъ говоритъ о древней терминологіи, аллитераціи, тавтологіи; во второй приводятся стихотворныя и прозаич-

(1) Якобъ Людвигъ Карлъ Гриммъ род. въ 1785 г. въ Ганау; былъ профессоромъ въ Геттингенѣ, потомъ въ Берлинѣ. Кромѣ приводимаго здѣсь сочиненія, новую эпоху въ наукѣ составили его же: Deutsche Grammatik (1819), Deutsche Mythologie (2 изд. 1842 — 1844) и Geschichte der deutschen Sprache. Весьма важно начатое имъ вмѣстѣ съ братомъ изданіе «Нѣмецкаго Словаря» (1852 — 62), Kinder und Hausmärchen и собраніе «Weisthümer» (1840 — 42).

ческія формулы, пословицы, имѣющія юридическое значеніе; въ третьей главѣ Гриммъ разсматриваетъ подробно различные способы опредѣленія протяженія, времени и т. п. Въ четвертой главѣ введенія онъ излагаетъ употреблявшіеся въ древнемъ германскомъ быту символы, и наконецъ — въ послѣдней — числа, имѣвшія особенное юридическое значеніе. Сюда Гриммъ относитъ цифры: 3, 4 — 11, 14, 21, 24, 27, 30, 40, 60 и 72.

Долгое время колоссальный трудъ Гримма оставался безъ подражателей. Едва черезъ десять лѣтъ плодотворный французскій ученый, профессоръ исторіи и затѣмъ начальникъ королевскихъ архивовъ Мишле (Michelet) сдѣлалъ опытъ въ этомъ родѣ по отношенію къ французскимъ юридическимъ древностямъ. Въ сочиненіи своемъ: «*Origines du droit français, cherchées dans les symboles et formules du droit universel*», изданномъ въ Парижѣ въ 1837 г., Мишле воспользовался матеріалами, собранными трудолюбивымъ Гриммомъ, дополнилъ ихъ нѣкоторыми символами французскаго права и озарилъ всю эту массу фактовъ философскимъ воззрѣніемъ въ введеніи къ своему сочиненію. Указывая на твореніе Гримма, Мишле говорить, что «отнынѣ стала возможною наука: символика права».

У насъ, въ Россіи, по этому предмету почти ничего не сдѣлано. За исключеніемъ совершенно устарѣвшаго сочиненія профессора Харьковскаго университета Г. П. Успенскаго «Опытъ о древностяхъ российскихъ» (въ 2-хъ частяхъ, 1811 — 1812 г.), въ нашей литературѣ имѣется брошюра профессора С.-Петербургскаго университета П. Калмыкова подъ заглавіемъ «О символизмѣ права вообще и русскаго въ особенности», рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи университета 31 марта 1839 г. Въ этой рѣчи, изложенной, какъ и подобаетъ, довольно витѣватымъ слогомъ, Калмыковъ, восхваляя труды Гримма и Мишле, указываетъ, главнымъ образомъ, лишь на важность подобнаго труда и на тѣ приемы, путемъ которыхъ надлежитъ изслѣдовать русскія юридическія древности. Русскимъ ученымъ, говорить онъ, предстоитъ подвигъ открыть въ исторіи отечественнаго и иныхъ славянскихъ правъ этотъ общій законъ человечества — символизмъ юридическій. Гриммъ въ своемъ сборникѣ помѣстилъ только немногіе, дошедшіе до его свѣдѣнія, символы славянскіе. Восполнить этотъ значительный недостатокъ въ наукѣ всеобщаго законовѣдѣнія — вотъ задача, которой рѣшеніе должно увѣнчать труды нашихъ ученыхъ (1). Въ другомъ мѣстѣ Калмыковъ пояс-

(1) Калмыковъ, О символизмѣ, стр. 17.

няетъ, что прилежное, основательное и критическое изслѣдованіе всѣхъ удѣлѣвшихъ памятниковъ права и исторіи отечества, также правовъ, обычаевъ, пословицъ, и поговорокъ народныхъ, безъ сомнѣнія сохранившихъ многія преданія древности, и наконецъ сравнительное изученіе всѣхъ славянскихъ правъ, — вотъ необходимыя условія, которыя могутъ привести къ плодотворному результату (1). Въ заключеніе авторъ самъ сознаетъ, что при такой обширной задачѣ сила одного дѣятеля недостаточна, — надобно дѣйствовать совокупными трудами многихъ, руководимыми неусыпнымъ прилежаніемъ и здоровою критикою (2).

Слишкомъ сорокъ лѣтъ прошло со времени появленія этой брошюры и никто изъ нашихъ юристовъ не откликнулся на призывъ почтеннаго профессора. Гораздо энергичнѣе и важнѣе въ этомъ отношеніи являются труды нашихъ филологовъ. Не говоря уже о множествѣ мимоходныхъ, но въ высшей степени любопытныхъ сближеній и замѣчаній, встрѣчающихся въ изслѣдованіяхъ этихъ ученыхъ и въ особенности — уважаемаго московскаго профессора Ѳ. И. Буслаева, напр. въ сочиненіи его «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ» (М. 1848), можно указать еще на трудъ профессора Котляревскаго «Древности права балтійскихъ славянъ» (3).

Но главными источниками для собранія данныхъ о нашихъ юридическихъ древностяхъ должны послужить матеріалы, заключающіеся въ напечатанныхъ юридическихъ и историческихъ актахъ и въ сборникахъ народныхъ обычаевъ и поэзіи. Нельзя пройти молчаніемъ и еще одного *живаго* источника: это непосредственное знакомство на мѣстѣ съ народными обычаями. Въ темной народной массѣ преданія, повѣрья и обычаи сохраняются очень долго и переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію въ своемъ первобытномъ видѣ; у народа въ этомъ отношеніи есть свой, неписанный, кодексъ, за который онъ крѣпко держится. Многое изъ этого матеріала записано и стало общимъ достояніемъ, но намъ неизвѣстны попытки къ собранію именно юридическихъ символовъ, чиселъ, которымъ народъ придаетъ особенное значеніе, и другихъ обычаевъ, входящихъ въ составъ юридическихъ древностей, не смотря на то, что многіе символическіе обряды тѣсно связаны съ обычаями. Между тѣмъ лица, имѣющія столкновеніе съ народомъ, могли бы заняться такимъ собраніемъ и тѣмъ оказать большую услугу наукѣ. Сахаровъ въ своихъ «Сказаніяхъ русскаго народа» обѣщалъ

(1) Тамъ же стр. 50.

(2) Тамъ же стр. 90.

(3) Изданъ въ 1874 г., въ Прагѣ.

издать и собранные имъ *символы*, но, къ сожалѣнiю, не успѣлъ этого исполнить ⁽¹⁾.

Символы, по значенiю своему, занимаютъ въ наукѣ о юридическихъ древностяхъ ⁽²⁾ первое мѣсто. Вообще символъ (символон — знакъ, знаменiе) есть представленiе идеи или чувства въ образѣ. Въ юридическомъ быту символъ есть образное представленiе юридическихъ дѣйствiй. Разъяснимъ это опредѣленiе. Въ первобытномъ состоянiи чловѣкъ прибѣгаетъ къ чувственнымъ образамъ для выраженiя своихъ мыслей въ правѣ. При заключенiи договоровъ по имуществу, при совершенiи различныхъ сдѣлокъ въ семейной и гражданской жизни, онъ облачаетъ юридическiя понятiя, служащiя основой этихъ явленiй, въ предметы видимыя, которые болѣе всего поражаютъ его чувства и дѣлаются чрезъ то символами этихъ понятiй. Такъ, въ знакъ передачи права владѣнiя на землю приносится съ участка кусокъ земли, дернъ или вѣтка; на пашню ставится скамья или на ней разводится огонь, въ знакъ вступленiя во владѣнiе; мужчина бросаетъ перчатку, женщина развязываетъ поясъ, разуваетъ мужа,—все это выражаетъ подкрѣпленiе законнымъ безповоротнымъ образомъ различныхъ юридическихъ дѣйствiй. Маленькая часть замѣняетъ здѣсь цѣлое, жестъ говоритъ, часть одежды выражаетъ желанiе. И до сихъ поръ при совершенiи различныхъ юридическихъ сдѣлокъ и актовъ нашимъ народомъ выполняются дѣйствiя, которыя вовсе законъ не требуетъ для силы сдѣлки, но народъ считаетъ ихъ необходимыми. Въ большей части символовъ, отношенiе знака къ предмету дѣйствiя можетъ быть точно уяснено, доказано; въ нѣкоторыхъ оно представляется затемненнымъ, непонятнымъ.

Гриммъ подраздѣляетъ символы, бывшiе въ употребленiи у древнихъ германцевъ на три группы: 1) касающiеся передачи земли; 2)—личныхъ отношенiй (свободы, брака, усыновленiя) и 3)—присяги, обѣта или союза. Эти три категорiи символовъ онъ разсматриваетъ подъ слѣдующими рубриками: земля и дернъ, стебель, вѣтвь, палка, рука и палецъ, ноги, ротъ и носъ, ухо, борода и волоса, шляпа, перчатка, чулки, поясъ, кафтанъ, плащъ, знамя, стрѣла, молотъ, копье, мечъ, крестъ, щепъ (лучина), двери, ключъ, кольцо, монеты, камень, нитка, веревка, повозка,

⁽¹⁾ При занятiяхъ нашихъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ, мы обращались за свѣдѣнiями по этому предмету къ г. помощнику директора А. О. Бычкову, который сообщилъ намъ, что общаго труда „о символахъ“ Сахаровъ не издалъ.

⁽²⁾ Мы говоримъ здѣсь только о *юридическихъ* символахъ, не касаясь *символики религiозной*.

плугъ, столъ и стулъ, вода, вино, кровь, соломенное помело. Изъ одного простаго перечисленія этихъ названій уже видно, какая обширная задача была выполнена Гриммомъ по предмету изслѣдованія символовъ, составляющему одну лишь пятую часть того громаднаго матеріала, который долженъ былъ войти, по мнѣнію этого ученаго, въ науку о юридическихъ древностяхъ. Такого порядка было бы можно, полагаемъ мы, держаться и при изложеніи символовъ древняго отечественнаго права, тѣмъ болѣе, что почти всѣ поименованные германскіе символы встрѣчаются и въ памятникахъ русской старины. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ.

На символъ *земли и дерна* при передачѣ собственности и владѣнія и при рѣшеніи споровъ о землѣ имѣются указанія въ писцовыхъ книгахъ, данныхъ Сольвычегодскому монастырю на пожни и покосы въ 7133 (1625) году. Въ нихъ, между прочимъ, изложено разбирательство дѣла, по которому Коряжемскаго монастыря служба Олешка Сергѣевъ оспаривалъ землю у крестьянина Балашкина; крѣпостнаго документа на спорную землю ни у одного изъ спорящихся не оказалось и потому отвѣтчикъ даль истцу Олешкѣ, съ разрѣшенія суда, на душу. «И Олешка, *положа земли себѣ на голову*, отвелъ той пожнѣ между...» По другому дѣлу о землѣ, помѣщенному въ той же писцовой книгѣ, отвѣтчикъ, монастырскій служба Пронька Михайловъ, «*положа земли на голову*, ту спорную землю обошелъ, и между имъ впередъ учинили куда шолъ Пронька Михайловъ»... (1). Древнѣйшее указаніе на употребленіе *дерна* заключается въ славянской рукописи XI в. въ переводѣ твореній св. Григорія Богослова, какъ прибавка къ греческому подлиннику: «дрнь въскроушъ на главѣ покладая присягу творить»... (2). Въ купчихъ новгородскихъ XIV и XV столѣтій, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ (3), упоминается, по случаю продажи земель, особенный обрядъ, довершавшій передачу собственности— *заводъ* или *отводъ земли*. Вѣроятно этотъ обрядъ совершался въ прежнее время символически, съ употребленіемъ земли и дерна. На это указываетъ старинное выраженіе, встрѣчающееся въ тѣхъ же документахъ: дать, продать земли или рабовъ въ *дернъ*, въ *одеренъ* (отсюда холопъ *дерноватый*, челядь *дерноватая*, грамоты *дерная*, *дерноватая*). Со введеніемъ христіанства символическій обрядъ хожденія съ землею замѣнился *хожденіемъ по междамъ, отводомъ земли по Пречистый* (т. е. съ иконою) (4).

(1) Труды Московск. общества исторіи и древн. Ч. III, кн. 1, 1826 г., статья интродюкта Евгенія „о разныхъ родахъ присягъ у Славяно-Руссовъ“.

(2) Тамъ же.

(3) Акты юридич. № 7, VI, X, XI, XX, XXV.

(4) Улож. царя Алексѣя Мих. гл. X ст. 236 и 237.

Посожковъ въ своемъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» упоминаетъ объ обходѣ межи съ землею и иконою. Къ числу доказательствъ при спорахъ о межахъ принадлежитъ обычай сѣчь парнишекъ на межѣ. «Кто на межѣ сѣченъ, тотъ и въ понятые иди», говоритъ пословица. Вообще межа въ глазахъ крестьянъ — святое дѣло. «Безъ межи не собина»; «городьбой не огорожена, а межою обведена»; «и ракитовый кустъ за правду стоитъ.»

Принятіе на *руки* въ древности было символическимъ выраженіемъ согласія на воспитаніе чужаго сына, какъ бы своего собственнаго. Лѣтопись говоритъ: «Вда Рюрикъ Олегу на *руцѣ* сынъ свой Игорь (1)». *Рукобитіе* и *рукоприкладство* въ отдаленное время вѣроятно также служили символами согласія на извѣстныя юридическія дѣйствія. Пословицы «сдать съ *рукъ* на *руки*,» «передать поводъ (юзя) изъ *полю* въ *полу*» указываютъ на символическіе обряды при заключеніи договора купли.

Снять обувь съ *ноги* мужа, былъ древній символическій обычай, по которому новобрачная должна была разувать своего мужа въ первую ночь въ знакъ покорности. «Не хочу розути робычича,» сказала Рогнѣда отцу своему Рогволоду, когда онъ предлагалъ ей Владимира (2). Обычай этотъ, не смотря на свою глубокую древность, сохранился у простаго народа и до сего времени; причемъ въ сапогъ новобрачнаго кладется серебряная монета, которую получаетъ молодая по снятіи сапога.

Палка—во многихъ случаяхъ означала символъ власти. «Кто палку взялъ, тотъ и капраль,» говоритъ пословица. Сельскіе старосты, отправляясь на сходъ, до сихъ поръ считаютъ необходимымъ взять въ руки палку въ видѣ посоха, хотя законъ, кромѣ значковъ на груди, не установилъ другихъ внѣшнихъ отличій для старосты. Палка имѣла также у нѣкоторыхъ русскихъ народностей особое символическое значеніе при присягѣ. У чувашъ, если кто не сознавался въ своей винѣ, то зажигали лутошку, вырубленную изъ керемети и заставляли виновнаго перешагнуть черезъ нее, произнося: «да буду я также сухъ, какъ эта палка, если говорю неправду.» Затѣмъ, ложась на землю, онъ долженъ былъ ее поцѣловать, выпить стаканъ вина или соленой воды и съѣсть кусочекъ посоленнаго хлѣба. У черемисовъ былъ такой же обрядъ присяги, называвшійся «по шерти» (испорченное жердь), причемъ палка тщательно очищалась отъ коры и отъ всѣхъ остающихся послѣ нея пятнышекъ для образнаго

(1) Эверсъ, Древн. русск. право, переводъ Платонова, С-пб., 1835 г., стр. 27—28.

(2) Эверсъ 132. Карамзинъ I, 442, примѣч. 421.

выраженія того, что совѣсть у принимающихъ присягу должна быть такою же чистою и бѣлою, какъ приготовленная палка. Принятіе кусковъ хлѣба при присягѣ, по всей вѣроятности, обозначаетъ, что повзавшій противъ совѣсти и ложно долженъ будетъ лишиться со временемъ такого важнаго продуета какъ хлѣбъ ⁽¹⁾.

Согласно древне - нѣмецкому юридическому обычаю, состоявшему въ питьѣ вина при покупке: *Litkouf*, и у насъ на Руси былъ такой же символъ, который существуетъ и до сихъ поръ; и теперь есть обычай «*спрыскивать виномъ*» покупку и все новое. Этотъ обычай, кажется, носить схожее съ нѣмецкимъ названіе «литки». При сватовствѣ питье *вина* и до сихъ поръ имѣетъ у крестьянъ юридическое значеніе, на что указываютъ пословицы: «Запитая дочь — необвѣнчанная; мы сказали — незавизали. Пропитая дочь — не своя, чужая ⁽²⁾».

При договорахъ, условіяхъ, при передачѣ употреблялся также символъ *соломы* ⁽³⁾. Съ этимъ символомъ вѣроятно стоитъ въ связи старинный обычай стлать постель новобрачнымъ на ржаныхъ снопахъ: «А постели стлать кому довелось, по обычаю, въ сѣнникѣ на ржаныхъ снопахъ, входя въ сѣнникъ на правой сторонѣ. А постели стлать, какъ завелось изстари и брать ржаныхъ сноповъ тридевятъ» (Свадьба Василя Іоанновича 1526 г.). Что употребленіе сноповъ на свадьбѣ могло имѣть болѣе опредѣленное и къ этому случаю болѣе примѣнительное значеніе, въ томъ нѣтъ, по мнѣнію Буслаева, никакого сомнѣнія ⁽⁴⁾.

Употребленіе *кожъ* на свадьбѣ и въ особенности соболинныхъ имѣло также, какъ полагаютъ тотъ же ученый, символическое значеніе. Вотъ какъ предписывалось устроить сѣнникъ на той же свадьбѣ: «По угламъ четыре стрѣлы и на каждой стрѣлѣ по сороку соболей». *Стрѣла* здѣсь также могла имѣть символическое значеніе, въ виду существованія повѣрья въ крылатога змія, опаснаго для молодыхъ въ первую ночь ихъ брака. Ступить съ кѣмъ пибудь вмѣстѣ на бычачью *кожу* значило заключить неразрывный союзъ дружбы и братства. Гаданія и заклинанія до

⁽¹⁾ Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанск. губ. Ритгиха, 1870 г., стр. 70 и 71. Вятск. губ. Вѣд. 1851 г., № 38, 1867 г. № 4. Быть черемись Уржумскаго уѣзда. Календарь Вятск. губ. 1880 г., 56 стр. «Обряды во время присяги у язычниковъ.»

⁽²⁾ Буслаевъ, О вліяніи христіанства, 204.

⁽³⁾ Архивъ Калачова кн. I, изд. 2, 1876 г., С-пб. Статья Буслаева: „дополн. и прибавл. ко 2-му тому Сказаній русск. народа, собран. Сахаровымъ, стр. 6—8.

⁽⁴⁾ Тамъ же.

позднѣйшаго времени совершались на бычачей кожѣ и медвѣжьей шкурѣ (1).

Изъ этихъ даже немногихъ примѣровъ можно видѣть, что въ нашихъ отечественныхъ источникахъ содержится не мало указаній на русскіе юридическіе символы. — Цѣль нашей настоящей замѣтки была лишь напомнить о забытой наукѣ, какою представляется до сихъ поръ любопытная наука о русскихъ юридическихъ древностяхъ вообще и о символахъ въ особенности.

Дѣйств. Членъ И. Даниловъ.

30 января 1890 г.

(1) Тамъ же.

Нѣмецкій архивистъ въ Москвѣ. (1)

Недавно въ *Аугсбургской газетѣ* появился цѣлый рядъ статей директора королевско-баварскихъ архивовъ фонъ Леера (Löher) подъ заглавіемъ «Ausflug nach Russland» (Поѣздка въ Россію). Въ одной изъ нихъ, помѣщенной въ № 33 (2 февраля н. ст.) сказанной газеты, авторъ отзывается слѣдующимъ образомъ о комиссіи, учрежденной у насъ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Н. В. Калачова, для устройства архивовъ, и, въ особенности, о посѣщеніи г. фонъ Лёеромъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ:

«Я, конечно, желалъ осмотрѣть царскія сокровища, хранящіяся въ Кремлѣ. Но изученіе драгоцѣнностей, относящихся къ моей специальности, удержало меня, въ продолженіи большей части дня, въ другомъ мѣстѣ,—въ Россійскомъ Государственномъ Архивѣ. И Россія въ послѣднее время,—что служитъ доказательствомъ успѣховъ, совершенныхъ въ этой области ея государственной жизни—обратила большое вниманіе на свои архивы. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1873 года я имѣлъ честь принимать въ Мюнхенѣ предсѣдателя комиссіи, учрежденной для устройства архивнаго дѣла въ Россіи, и обсуждать съ нимъ и его сопутникомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, различные архивныя вопросы и показывать имъ наши учрежденія. Намъ очень занимало, по какимъ правиламъ слѣдуетъ устраивать зданія для архивовъ,—такъ какъ мы оба предполагали приступить къ такого рода постройкѣ,—онъ въ Москвѣ, а я въ Нюрнбергѣ. Въ главныхъ основаніяхъ мы сходились; по желанію моего Русскаго коллеги, я переслалъ ему впослѣдствіи подробное опи-

(1) Статья эта сообщена обязательно въ редакцію нашего изданія почетнымъ членомъ Археологическаго Института, директоромъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, барономъ Э. А. Бюлеромъ.

саніе устройства архивнаго дѣла въ Баваріи, его значенія и дѣятельности (1). Такъ какъ правительства Италіи, Венгріи и другихъ государствъ тоже потребовали присылки этого труда, то это обстоятельство дало мнѣ поводъ къ напечатанію его въ болѣе пространномъ видѣ (*Archivarische Zeitschrift*, Архивный журналъ, изд. доктора Франца фонъ Лёера, корол. баварск. тайнаго совѣтника и директора государственнаго архива, Штутгардъ, 1876, Спеманъ, т. I стр. 76 до 173). Поэтому, въ Москвѣ меня прежде всего влекло въ новый Государственный Архивъ; онъ уже отдѣланъ и приѣмъ, сдѣланный мнѣ тамъ, былъ самый любезный, какъ вообще водится относительно чужестранцевъ со стороны всѣхъ образованныхъ русскихъ.

«Громадное и великолѣпное зданіе архива стоитъ особнякомъ въ разстояніи по крайней мѣрѣ на 31 метръ отъ улицы среди широкаго двора, окруженнаго каменной оградой. Директоръ и старшій архивариусъ, также какъ и прислуга имѣютъ квартиры на томъ же дворѣ, но въ разстояніи отъ 40 до 52 метровъ отъ самаго зданія архива. Это зданіе построено изъ камня и желѣза, даже лѣстницы сдѣланы изъ чугуна; двери, по возможности, замѣнены рѣшетками. Духовое отопленіе повсюду равномерно распространяетъ теплоту. Какъ отъ квартиры директора къ станціи пожарной команды, такъ и по всему дому проведенъ телеграфъ. Такими же соображеніями руководствовались и при постройкѣ архива въ Нюренбергѣ; только тамъ онъ находится не среди городскаго шума, но въ тишинѣ, за городскими воротами, окруженный садомъ и деревьями; помѣщеніе для архивныхъ чиновниковъ соединено съ архивомъ крытымъ ходомъ. Свѣчи и огонь не допускаются въ архивъ и поэтому рабочія комнаты перенесены во флигель служащихъ, между тѣмъ какъ въ Москвѣ онъ занимаютъ нижній этажъ. Кромѣ того, мнѣ и въ голову не приходило устроить въ архивѣ курильную комнату, по примѣру русскаго архива, такъ какъ я былъ убѣжденъ, что наши чиновники легко могутъ обойтись безъ куренія въ продолженіи служебнаго времени. Но существенная разница состоитъ въ томъ, что въ Нюренбергѣ все рассчитано на то, чтобы, въ случаѣ крайности, добиться быстрой переноски всего архива, между тѣмъ какъ въ Москвѣ, для быстрой выборки дѣлъ изъ высокихъ, запертыхъ шкафовъ и безчисленныхъ туго-набитыхъ выдвижныхъ ящиковъ, потребовались бы безконечное время или цѣлый полкъ солдатъ.

«Наконецъ, по величинѣ, по практичному разнообразію внутрен-

(1) Описаніе это напечатано въ русскомъ переводѣ во 2-й и 3-й книгахъ Сборника Археологическаго Института. Редакторъ.

няго устройства, равно какъ и по красотѣ и изяществу, зданіе Нюрнбергскаго архива стоитъ вровень съ Московскимъ. Если Нюрнбергцы считаютъ свой архивъ, какъ говорятъ, своимъ лучшимъ новымъ зданіемъ, они можетъ быть и правы, хотя, еслибы рѣшающее слово принадлежало одному архивному начальству, многое могло бы быть устроено иначе. Вообще, любопытно сравнить то, что употребляетъ Баварія съ едва пятью милліонами жителей на провинціальный архивъ, съ тѣмъ, что Россія, обладающая болѣе нежели 80-ти милліоннымъ населеніемъ, жертвуетъ на свой государственный архивъ. А содержаніе? Названное учрежденіе— для Россіи главное историческое хранилище съ самыхъ древнихъ временъ до начала этого столѣтія; только Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ С.-Петербургѣ обладаетъ подобнымъ собраніемъ (1). Самыя же древнія лѣтописи не восходятъ за XIV столѣтіе; говорятъ, что въ Кремлѣ хранится нѣсколько болѣе древнихъ документовъ. Болѣе значительное количество представляютъ они лишь въ XVI столѣтіи, передъ царствованіемъ Іоанна Грознаго. Наши же баварскія хроникѣи начинаются съ 778 г.; къ тому времени, когда въ Россіи они только начинаютъ имѣть значеніе, у насъ эти акты уже считаются сотнями тысячъ. Вотъ на сколько культура и ея внѣшнее проявленіе были древнѣе, богаче, устойчивѣе въ средней Европѣ.

«Но, тѣмъ не менѣе, я не могу отрицать, что Московскій архивъ возбудилъ во мнѣ нѣсколько скромныхъ пожеланій. Здѣсь директору стоитъ только мигнуть, что есть работа и тотчасъ же являются новые чивовники; а въ Мюнхенскомъ государственномъ архивѣ палата депутатовъ уничтожила содержаніе трехъ совѣтниковъ, должности которыхъ существовали слишкомъ 57 лѣтъ, и сдѣлала она это тогда, когда пользованіе архивомъ, его текущая переписка и работы по внутреннему устройству по крайней мѣрѣ утроились сравнительно съ прежнимъ временемъ. Второе мое скромное пожеланіе стремилось къ тому, чтобы располагать такими же богатыми средствами для выпуска роскошныхъ изданій лѣтописей и древнихъ миниатюръ, подобныхъ тѣмъ работамъ по Россійской исторіи, которыя мнѣ были показаны. Третье пожеланіе мое—отчего мнѣ не выразить его? вѣдь оно всетаки останется одной мечтой,—было слѣдующее: какъ было бы пріятно, если бы залы нашего архива, въ которыхъ

(1) Изъ этихъ словъ видно, что г. Лёеру, къ сожалѣнію, вовсе неизвѣстны какъ Московскій архивъ Министерства Юстиціи, столь богатый историческими документами, такъ и другіе архивы, музеи и библиотеки, находящіяся въ Петербургѣ и Москвѣ. *Н. Калачовъ.*

зимомъ можно промерзнуть до костей, также бы хорошо отоплялись, какъ все помѣщеніе Русскаго государственнаго архива!»

Москва.
Февраль 1880 г.

Перев. А. Н. Ладыженскій.

Примѣчаніе переводчика. Директору Баварскихъ архивовъ, лишь при бѣгломъ обзорѣ помѣщенія Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, могло показаться, что въ этомъ учрежденіи *плательшей много*, тѣмъ болѣе что о личномъ его составѣ онъ никого не спрашивалъ, а интересовался преимущественно матеріальными условіями устройства архивнаго зданія. По штату 1849 года въ Московскомъ Главномъ Архивѣ было, вмѣстѣ съ переводчиками, до 40 чиновниковъ (Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. т. XXIV, № 23,228.), а по штату 1868 года число ихъ уменьшено до 10, такъ что нѣкоторые соединяютъ въ лицѣ своемъ по 2 и по 3 должности, если не всѣ по одному архиву, какъ напр. старшій архивариусъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, несетъ обязанности смотрителя архивскихъ зданій и бухгалтера,—то по органически соединеннымъ съ архивомъ: комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ, по Государственному Древлехранилищу и по Архивской библіотекѣ. Московская Университетская молодѣжь болѣею частью отдаетъ предпочтеніе выгодамъ, которыя обѣщаетъ юридическая карьера; а пожилые люди ищутъ, въ нашъ положительный вѣкъ, хорошо оплачиваемыхъ должностей на желѣзныхъ дорогахъ и въ частныхъ банкахъ, такъ что гофмейстеръ баронъ Бюлеръ лишь на шестой годъ своего управленія Московскимъ Главнымъ Архивомъ, именно въ своемъ «Отчетѣ за 1878 годъ», могъ упомянуть, какъ о замѣчательномъ фактѣ, объ опредѣленіи, его собственными стараніями, на службу въ архивъ двухъ магистрантовъ Императорскаго Московскаго Университета, притомъ членовъ состоящаго при ономъ Юридическаго Общества. Г. фонъ Лѣеръ завидуетъ также тѣмъ средствамъ, которыми Московскій Главный Архивъ будто бы располагаетъ для роскошныхъ изданій. Но состоящая при немъ Комиссія печатанія грамотъ и договоровъ *не получаетъ никакой субсидіи отъ Правительства* и можетъ предпринимать новыя изданія лишь на суммы, выручаемыя отъ продажи прежнихъ своихъ изданій, т. е. на доходъ совершенно случайный, который въ иной годъ доходитъ до 2000 руб., а въ другой не достигаетъ и 500 рублей (См. «Очеркъ дѣятельности комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ», Москва, 1877 г.).

Свайныя постройки (1).

Въ числѣ слѣдовъ существованія древняго человѣка не послѣдній интересъ представляютъ такъ называемыя свайныя постройки. Впервые онѣ были открыты въ западной Европѣ, именно въ Швейцаріи, но затѣмъ были найдены и въ восточной Европѣ; есть полное основаніе предполагать, что и въ нашемъ отечествѣ въ древнія времена человѣкъ устраивалъ свое жилище на сваяхъ, хотя, до сихъ поръ, это еще не доказано.

Предлагаемый очеркъ мы начнемъ съ свайныхъ построекъ швейцарскихъ, за тѣмъ коснемся нѣкоторыхъ данныхъ по этому предмету въ Германіи и закончимъ свайными постройками въ славянскихъ земляхъ, найденными въ послѣднее время.

Свайныя постройки въ швейцарскихъ озерахъ были открыты благодаря счастливому случаю, безъ котораго онѣ, быть можетъ, до настоящаго времени оставались бы въ неизвѣстности. Обстоятельства ихъ открытія были слѣдующія: въ суровую зиму 1829—30 года Цюрихское озеро сплошь покрылось льдомъ; жители мѣстечка Обермейленъ воспользовались этимъ случаемъ, чтобы очистить свою маленькую пристань отъ песка и ила, покрывавшихъ ея дно. При этомъ были найдены въ илѣ оленины рога, каменные клинья и ядра, найденъ былъ даже одинъ камень съ просверленной посрединѣ дырой. Находки эти не навели однако никого на мысль о правильныхъ раскопкахъ. Ровно 24 года спустя, въ январѣ 1854 года, уровень воды Цюрихскаго озера понизился до небывалой степени; онъ упалъ на одинъ футъ ниже са-

(1) При составленіи этой статьи у автора были подъ рукою: die Pfahlbauten in den Schweizer Seen, Staub'a; Archiv für Anthropologie, 1878—79 г.: Materialien zur Vorgeschichte des Menschen im östlichen Europa, von A. Kohn und C. Mehlis и протоколъ засѣданій имѣющаго быть пятаго археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ.

маго низшаго уровня, отмѣченнаго 1674-мъ годомъ на скалѣ, называемой «*der Stein von Stäfa*». Двое обывателей Обермейлена, желая увеличить свои участки, прилегавшіе къ озеру, выстроили на мѣстѣ прежде покрытомъ водою каменные стѣны, охватывавшія четвероугольное пространство и завалили его иломъ изъ того же озера, чтобы сравнять его уровень съ высотой берега. Подъ иломъ, слой котораго былъ въ полтора фута толщины, они нашли другой слой, черный и рыхлый, толщиною въ 2½ фута; въ немъ оказались разные каменные. костяные и роговые предметы, орѣхи, травы и листья. Когда же стали рыть еще глубже, то нашли множество свай, до крайности мягкихъ, толщиною отъ 8 до 12 дюймовъ, вбитыхъ въ дно озера на разстояніи отъ одного до полутора фута другъ отъ друга; около свай нашли много просверленныхъ камней, заостренныхъ костей, черепковъ и другихъ предметовъ.

О находкѣ этой было увѣдомлено Цюрихское археологическое общество и въ Обермейленѣ вскорѣ пріѣхалъ предсѣдатель общества, докторъ Фердинандъ Келлеръ въ сопровожденіи другихъ археологовъ. Разсмотрѣвъ найденныя вещи, г. Келлеръ съ полной увѣренностью высказалъ мнѣніе, что на этомъ мѣстѣ было построено на сваяхъ въ озерѣ поселеніе, жители котораго принадлежали къ племени кельтовъ.

Важность сдѣланной въ Обермейленѣ находки побудила къ дальнѣйшимъ поискамъ въ этомъ родѣ и въ 1864 году число всѣхъ найденныхъ въ швейцарскихъ озерахъ свайныхъ поселеній доходило уже до двухъ сотъ.

Черный слой, въ которомъ были сдѣланы находки, образовался вѣроятно изъ разнаго сора и остатковъ, въ теченіи столѣтій выбрасывавшихся изъ свайныхъ жилищъ; къ этому прибавился уголь отъ пожаровъ, уничтожавшихъ поселенія. Что очень многія свайныя поселенія дѣйствительно сгорѣли, достовѣрно извѣстно; доказательствомъ можетъ служить то, что въ большинствѣ случаевъ верхніе концы свай обуглены, также какъ и большая часть плодовъ и растений, найденныхъ въ черномъ слоѣ. Благодаря этому обстоятельству, они и могли сохраниться столько времени, не подвергаясь гніенію. Что касается до верхняго, иловатаго слоя, то онъ нанесенъ тысячелѣтіями и покрытъ собою слой, содержащій находки.

Трудно опредѣлять съ точностію древность свайныхъ построекъ; для приблизительнаго же опредѣленія ея слѣдуетъ принимать въ расчетъ какія найдены при этомъ орудія. Если найдены каменные орудія палеолитическаго періода, т. е. не носящія слѣдовъ шлифовки, то можно относить древность постройки къ эпохѣ около 7000 лѣтъ до настоящаго времени;

орудія неолитическаго періода, шлифованныя, даютъ право говорить о древности около 5000 лѣтъ; наконецъ бронзовыя орудія указываютъ на древность отъ 3 до 4000 лѣтъ, а желѣзныя отъ 2500 до 3000 лѣтъ. Такой приблизительный расчетъ вѣренъ для свайныхъ построекъ южной группы, т. е. въ Швейцаріи, Виртембергѣ, Баваріи и Австріи; свайныя же постройки, найденныя въ сѣверной и сѣверовосточной Германіи, по мнѣнію ученыхъ, менѣе древни.

Какъ видно по найденнымъ до сихъ поръ свайнымъ постройкамъ, для поселеній выбирались заливы озеръ, обращенные открытой стороной къ югу, а съ сѣвера защищенные горами; дно залива должно было быть песчаное, глинистое или иловатое, а не скалистое. Строили на сваяхъ не только въ озерахъ, но и въ болотахъ; напр. Нидервилль близъ Фрауенфельдена вѣроятно было прежде торфяное болото. Сваи расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: по двѣ сваи вбиты въ дно озера ближе другъ къ другу и на болѣе значительномъ разстояніи отъ прочихъ. Онѣ сдѣланы какъ изъ цѣльныхъ деревьевъ, такъ и изъ расколотыхъ пополамъ; находятъ сваи изъ всѣхъ родовъ деревьевъ, кромѣ плодовыхъ, доставлявшихъ жителямъ свайныхъ построекъ значительное подспорье въ жизни. Плоды употреблялись ими сырые и сушеные; въ послѣднемъ видѣ они сохранялись въ довольно значительномъ количествѣ на зиму.

По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, строители свайныхъ поселеній въ глубокой древности вышли изъ Азіи и привели съ собою пріученныхъ тамъ къ домашнему быту животныхъ: лошадей, овецъ, коровъ; изъ своей прародины они принесли тоже ячмень, пшеницу и ленъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводятъ два доказательства; первое состоитъ въ томъ, что Геродотъ упоминаетъ о племени, строившемъ свои жилища на сваяхъ въ озерѣ Празиасѣ въ Пэоніи (Фракіи, теперешней Румелии). Второе доказательство состоитъ въ нерѣдкомъ нахожденіи въ свайныхъ постройкахъ орудій изъ нефрита и ядента, которые находятся только въ Азіи и Новой Зеландіи. Отличительная черта нефрита—необыкновенная вязкость; доказательствомъ тому можетъ служить, что блокъ нефрита, который хотѣли разбить паровымъ молотомъ, остался цѣль, а молотъ разлетѣлся въ мелкіе осколки. Нефритъ, найденный въ Сибири и Туркестанѣ, гораздо желтѣе, чѣмъ нефритъ найденный въ свайныхъ постройкахъ; ближе къ послѣднему, по своему цвѣту, подходит нефритъ новозеландскій. Ядентъ — камень очень близкій по свойствамъ къ нефриту и находится вмѣстѣ съ нимъ. Въ противоположность этому мнѣнію, другіе ученые говорятъ, что вездѣ человѣкъ, стоявшій на низкой ступени развитія, строилъ свое жилище на сваяхъ.

Что касается того, къ какому изъ трехъ періодовъ—каменному, бронзовому или желѣзному относятся свайныя постройки, то должно думать, что большая часть ихъ относится къ первому; въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, мѣстахъ встрѣчаются и бронзовыя орудія рядомъ съ каменными. Это объясняется тѣмъ, что не вдругъ могъ совершиться переходъ отъ камня къ бронзѣ. Кромѣ бронзовыхъ орудій иногда попадаются орудія мѣдныя, болѣе грубой работы—вѣроятно перелитыя изъ сломанныхъ бронзовыхъ, такъ какъ послѣднія (особенно въ началѣ перехода отъ камня къ бронзѣ) цѣнились очень дорого не по одной работѣ, но и по самому матеріалу.

Пространство, занимаемое каждымъ свайнымъ поселеніемъ, весьма различно—отъ 200 до 160,000 □ футовъ; самое близкое разстояніе отъ берега 20—30 фут., самое далекое 1,000 фут., среднее и наиболѣе обыкновенное 200—400 футовъ. Способъ постройки былъ слѣдующій: сначала забивали сваи, затѣмъ на нихъ настилали полъ изъ цѣльныхъ или расколотыхъ пополамъ слегъ, длиною отъ 5 до 8 футовъ; для большей ровности и для тепла полъ этотъ иногда смазывался глиной. Сверхъ пола возвышалось отъ 4 до 6 свай назначавшихся для поддержанія крыши, сдѣланной изъ соломы, тростника или коры; шалаши имѣли видъ удлиненнаго четырехугольника и стояли очень близко одинъ отъ другаго, по крайней мѣрѣ съ одной стороны—не далѣе 2-хъ футовъ, иначе пришлось бы занимать сваями слишкомъ большое пространство. Стѣны дѣлались изъ плетня, обмазаннаго иломъ или глиною, отъ 2-хъ до 3-хъ дюймовъ толщиною; въ срединѣ жилья дѣлался очагъ, состоявшій изъ плоскихъ камней. Существовали ли чердаки для храненія зерна и другихъ припасовъ, а также помѣщеніе для скота—неизвѣстно; сѣно же и солома клались, вѣроятно, въ стога или ометы на открытомъ воздухѣ.

Кромѣ описаннаго, обыкновеннаго типа свайныхъ построекъ, существуютъ еще слѣдующіе два вида, имѣющіе значительную разницу въ устройствѣ фундамента. Представителями перваго изъ этихъ двухъ видовъ служатъ селенія Нидервилль близъ Фрауенфельдена и Ваувилль въ кантонѣ Люцернъ; фундаментъ въ нихъ устроенъ слѣдующимъ способомъ: изъ довольно толстыхъ вѣтвей сдѣланъ плетень, обмазанъ иломъ на 1 футъ толщиною и опущенъ на дно озера въ размѣрѣ достаточномъ, чтобы покрыть извѣстное пространство; за первымъ слоемъ слѣдовалъ второй, третій и т. д. пока не получалась насыпь достаточно возвышающаяся надъ водой. Въ эту насыпь вбивались сваи, на которыхъ уже и возводилась постройка; въ случаѣ если она оседала, прибавляли предварительно еще нѣсколько слоевъ плетня съ иломъ. Плетень иногда замѣнялся плотомъ, обмазаннымъ иломъ и нагруженнымъ кам-

нями. Второй видъ имѣеть фундаментомъ каменную насыпь, состоящую изъ кругловатыхъ камней; въ нее вколачивали сваи, на которыхъ настлался полъ. Заложка такихъ насыпей вызвана была вѣроятно значительной глубиной озера въ данномъ мѣстѣ, такъ что потребовались бы сваи слишкомъ длинныя; подобную насыпь можно видѣть близъ Нидау.

Считаемъ нелишнимъ остановиться на болѣе замѣчательныхъ свайныхъ постройкахъ.

Въ Бриенскомъ озерѣ маіоромъ Швабомъ открыто 20 свайныхъ поселеній; здѣсь находки лежатъ на днѣ озера не закрытыя иломъ. Ихъ достаютъ съ лодки посредствомъ щипцовъ особаго устройства. Почти всѣ предметы, находимые въ этомъ озерѣ, сдѣланы изъ бронзы; находятъ также много глиняныхъ издѣлій очень тщательной работы, украшенныхъ инкрустаціей изъ олова а иногда и рисунками. Изъ найденныхъ здѣсь предметовъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ: тарелки, воронки, рюмки, лампы, веретена, бусы, булавки, иглы, пуговицы, ножи, кинжалы, мечи, наконечники стрѣлъ, рыболовные крючки, топоры, долота, косы, серпы, трезубецъ, скребница, якорь, лопаты, одни ножницы. Кромѣ того найденъ канатъ изъ мочалы, шнуры изъ льна, плоды, пшеница, бобы.

Въ Консизѣ на Невшательскомъ озерѣ свайная постройка имѣеть каменный фундаментъ; здѣсь найдены исключительно каменные и костяные предметы (однихъ топоровъ найдено 80). Эта свайная постройка была открыта во время работъ для устройства желѣзнодорожной насыпи; большая часть находокъ попала въ руки рабочихъ - итальянцевъ, которые, замѣтивъ, что чѣмъ замысловатѣе видъ предмета, тѣмъ дороже за него платятъ наѣхавшіе со всѣхъ сторонъ любители древностей, начали поддѣлывать и производили самыя необыкновенные предметы изъ костей и роговъ, находимыхъ ими вмѣстѣ съ орудіями. Обманъ обнаружился случайно, когда уже было накуплено поддѣлокъ на нѣсколько тысячъ франковъ.

Другое значительное поселеніе на этомъ озерѣ, называемое à la Tène, занимаетъ 80,000 □ фут.; найденныя орудія — желѣзныя и относятся къ римско-гельветскому времени. Замѣчательны красивыя мечи, колья, копья и т. д.; бронзовыхъ вещей найдено мало.

Около Штаффиса (Stäffis) находятся двѣ свайныя постройки, изъ коихъ одна принадлежитъ исключительно каменному періоду, другая бронзовому.

Въ Женевскомъ озерѣ въ заливѣ Морзе (Morsee) находится большое свайное поселеніе бронзоваго вѣка; здѣсь найдено 130 предметовъ изъ бронзы, много глиняныхъ сосудовъ и костей животныхъ; изъ этого

же озера недавно вынули лодку, выдолбленную изъ одного соснового дерева, съ кормой, украшенной рѣзьбою.

Въ послѣднее время были сдѣланы богатые находки въ озерахъ Бриенцкомъ и Невшательскомъ; въ первомъ найдено около Мерингена много бронзовыхъ мечей съ рукоятями, украшенными желѣзной инкрустаціею, одинъ мечъ, желѣзный — по мнѣнію однихъ, особаго рода бронзы — по мнѣнію другихъ, удила изъ оленьяго рога и изъ бронзы; кромѣ того найдена цѣлая литейная мастерская и нѣсколько топоровъ изъ нефрита и ядента. Во второмъ озерѣ, около Овсерны, найдено 6 рукоятей мечей, красивые ножи съ бронзовыми черенками, полукруглыя долота и множество глиняныхъ сосудовъ.

Найдено также въ разныхъ мѣстахъ много остатковъ различныхъ тканей домашней утвари, тенеть и рыболовныхъ сѣтей, при чемъ должно сказать, что домашняя утварь попадаетса глиняная, роговая и деревянная. Относительно послѣдней слѣдуетъ сказать, что вынутая изъ воды она имѣетъ видъ почти новой и совершенно крѣпкой, но черезъ полчаса разсыпается въ пыль; вслѣдствіе того, для сохраненія деревянныхъ предметовъ, должно держать ихъ въ стеклянныхъ сосудахъ наполненныхъ водою.

Какъ замѣчено выше, свайныя постройки швейцарскихъ озеръ составляютъ одну группу съ свайными постройками Виртемберга, Баваріи и Австріи; въ средней Германіи до сихъ поръ не найдено слѣдовъ свайныхъ построекъ. Изъ свайныхъ построекъ сѣверной Германіи заслуживаетъ вниманія найденная на озерѣ Арисъ, близъ Вердера; другая, найденная близъ Висмара, въ Мекленбургѣ Шверинѣ, для науки не имѣетъ никакого значенія, потому что тамъ практиковалась особаго рода фальсификація древностей. Именно то лицо, которому былъ порученъ надзоръ за работою, собирало изъ разныхъ мѣстъ различные предметы и складывало ихъ какъ найденные здѣсь; хотя нѣкоторые изъ этихъ предметовъ и были древніе, но когда открылась поддѣлка нельзя уже было разобрать гдѣ что найдено.

Переходимъ къ свайнымъ постройкамъ, открытымъ въ славянскихъ земляхъ.

Въ 1871 году въ Тыгдникѣ-Велькопольскомъ, докторомъ Карломъ Либельтомъ, была помѣщена статья о свайныхъ постройкахъ въ Чилевскомъ озерѣ Вонгровицкаго округа; вотъ что мы узнаемъ изъ этой статьи:

Съ давнихъ временъ рыбаки жаловались, что въ сѣверо-восточной части озера (гдѣ найдены сваи) ихъ невода обо что-то зацѣпляются и нерѣдко портятся; однажды прорыты были каналы для осушенія болотъ,

ограждающих озеро, вследствие чего уровень воды в последнем понизился и обнаружались верхушки дубовых свай, вбитых в дно озера. Жители окрестных деревень повытаскали свай, высушили их и употребили на топливо; этому истреблению свай положило конец то обстоятельство, что каналы по немногу затянуло иломъ, вследствие чего уровень воды в озерѣ опять поднялся до нормальной своей высоты. Запущеніе канавъ повело къ тому, что луга и пашни, окружающіе озеро, превратились въ болота, а это, въ свою очередь, вынудило окрестныхъ владѣльцевъ возобновить каналы (въ 1868 году). Когда вода понизилась, въ сѣверо-восточной части озера обнаружались не только свай, но и полъ, который когда-то былъ на нихъ настланъ, но со временемъ упалъ. И на этотъ разъ крестьяне ближайшихъ деревень разворовали и сожгли все.

Сваями служили дубовыя брусья отъ 4 до 6 дюймовъ толщины, вбитыя въ дно озера на глубину отъ 3 до 5 футовъ и находившіяся въ водѣ на глубинѣ отъ 1 до 6 футовъ; брусья эти стоятъ на разстояніи 4 футовъ другъ отъ друга, отъ времени почернѣли, снаружи раздрябли, но внутри еще крѣпки. Всѣ свай имѣютъ небольшой наклонъ съ юго-запада къ сѣверо-востоку, что объясняется направленіемъ волнъ во время сильныхъ бурь.

По отсутствію черепковъ и остатковъ костей, а также по расположенію докторъ Либельтъ полагаетъ, что это свайное поселеніе служило не постояннымъ мѣстомъ жительства, а только временнымъ убѣжищемъ при нападеніи враговъ. Что однако люди здѣсь жили, это несомнѣнно доказываютъ найденные предметы (въ числѣ которыхъ нѣтъ ни одного бронзоваго или желѣзнаго).

Въ 10 или 12 шагахъ отъ того мѣста берега, къ которому подходятъ свай и остатки настилки, находится насыпь, вышиною отъ 30 до 40 футовъ: она имѣетъ видъ холма съ воронко-образнымъ углубленіемъ. На пространствѣ между берегомъ и этой насыпью найдено множество черепковъ изъ необожженной глины, угля и испель и много просверленныхъ каменныхъ топоровъ и молотковъ. По мнѣнію доктора Лѣнковскаго, хранителя Краковскаго музея, эти топоры и молотки служили только знакомъ известной должности, какъ у казаковъ булава, и имѣли только обрядовое, а не практическое значеніе. Костяные и роговые предметы всѣ окаменѣли, такъ что трудно рѣшить, были-ли они сдѣланы изъ окаменѣлаго матеріала или же окаменѣли впоследствии.

Другая свайная постройка, найденная близъ деревни Квачала въ Галиціи, имѣетъ совершенно особое устройство; она была изслѣдована известнымъ Адамомъ Кирворомъ, посланнымъ для этой цѣли Краков-

ской академіи наукъ, получившей свѣдѣніе, что близъ Квачалы находится древнее кладбище. Приѣхавъ въ Квачалу, Киркоръ узналъ отъ тамошняго войта Филипека, что его отецъ, коная торфъ на урочищѣ называемомъ Іезіочузко, нашелъ совершенно почернѣвшія дубовыя свай, отвѣсно вбитыя въ землю; торфяная залежь, по словамъ Филипека, имѣетъ въ длину 60 метровъ, а въ ширину 40. Вѣроятно здѣсь было, въ отдаленную эпоху, озеро, на что указываетъ и самое названіе урочища. Киркоръ началъ свои изслѣдованія съ того мѣста, гдѣ были найдены свай и вскорѣ нашелъ лежація бревна, но былъ принужденъ прекратить работу на глубинѣ 1 метра вслѣдствіе того, что она была внезапно залита водою. Тѣже самые результаты дало изслѣдованіе въ другихъ мѣстахъ. Наконецъ, 21 іюля 1873 года удалось въ одномъ мѣстѣ врыть яму въ 2,4 метра; здѣсь уже можно было убѣдиться, что бревна расположены по извѣстной системѣ, такъ какъ нашли 7 рядовъ бревенъ, причеиъ оказалось, что верхнія поддерживаются подпорками, упертыми въ нижнія. Верхній рядъ находился на глубинѣ 1,25 метра, нижній на глубинѣ 2,35; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ торфѣ попадались кучки угля. Дальнѣйшія изслѣдованія продолжались при содѣйствіи профессора Альта (Alth), приѣхавшаго на другой день послѣ перваго открытія. Очистивъ отъ торфа всю южную сторону постройки, изслѣдователи нашли главный фундаментъ или основу всего фундамента: это были 4 бревна, лежашія звѣздо-образно другъ на другѣ. Самое нижнее, дубовое, лежало по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, второе съ сѣверо-запада на юго-востокъ, третье съ сѣвера на югъ и четвертое съ запада на востокъ; на этомъ главномъ фундаментѣ лежало 5 рядовъ лиственницъ, елей и березъ, положенныхъ тоже крестъ на крестъ. Березы были употреблены съ корой, другія-же деревья были предварительно очищены. Бревна связаны между собою горизонтальными и перпендикулярными подпорками; комли ихъ носятъ на себѣ слѣды огня; пространство занимаемое всей постройкой равно 2,356 □ метрамъ. Доказательствомъ того, что здѣсь жили люди, служитъ множество черепковъ (до 500) толщиной отъ 3 до 25 миллиметровъ, болѣе 300 кремней и кремневыхъ осколковъ и наконецъ 82 орѣха и много другихъ плодовъ, которые найдены около самыхъ бревенъ; изъ каменныхъ орудій найдены только немногіе наконечники стрѣлъ, шила и скребки довольно хорошей работы.

О другой, еще не изслѣдованной свайной постройкѣ въ Галиціи, Газета Львовска сообщаетъ слѣдующее: противъ сліянія ручья Шкло съ Саномъ (въ Ярославѣ), при низкой водѣ, видны четыре группы свай. Каждая группа состоитъ изъ 20—40 дубовыхъ свай, толщиной отъ 6

до 10 дюймовъ, поверхность которыхъ на 2—3 дюйма; разстояніе между группами отъ 4 до 5 сажень; въ 4 сажняхъ отъ послѣдней группы, около самаго берега, видны 4 сваи, дающія право предполагать, что и здѣсь, со временемъ, обнаружится группа.

Въ 1874 году варшавскій профессоръ Приборовскій открылъ въ $3\frac{1}{2}$ миляхъ отъ гор. Люблина, близъ деревни Бялка, свайную постройку, описанную имъ въ третьемъ томѣ *Wiadomosci archeologiczne*. Вотъ что видно изъ этого описанія:

Въ Бялковскомъ болотѣ (которое, вѣроятно, прежде было озеромъ) въ 100 шагахъ отъ берега находится маленькій сухой островъ въ 33 сажени длины; на западной сторонѣ его видны слѣды фундамента, что послужило основаніемъ преданію о бывшемъ здѣсь, когда-то, замкѣ. Проф. Приборовскій рѣшилъ начать изслѣдованія съ восточнаго конца острова, гдѣ попадалось не такъ много слѣдовъ прежней исторической постройки; на глубинѣ 2 футовъ были найдены зеленныя глазированныя кафли, рыболовные крючки и замѣкъ, пружина котораго еще не утратила упругости. Прорывъ еще на 2 фута, нашли сваю, вбитую перпендикулярно въ землю, а послѣ получасовой работы—первый расколотый камень съ нѣсколькими затупленнымъ лезвіемъ; около того мѣста, гдѣ была найдена первая свая, нашлось ихъ еще нѣсколько, на той же глубинѣ 4-хъ футовъ, и сверхъ того найдены нѣкоторые каменные предметы. Для дальнѣйшихъ изслѣдованій была вырыта яма въ 20 фут. длины и 9 фут. ширины при глубинѣ въ 4 фута; рыть глубже не стоило, такъ какъ начинался слой крѣпкой земли, въ которой не встрѣчается находокъ. На означенномъ пространствѣ было найдено 13 свай, вбитыхъ перпендикулярно, и 3 бревна, лежавшія горизонтально. По изслѣдованію г-на Слусарскаго для свай были употреблены: ель, сосна и друг. хвойныя породы; степень крѣпости свай была весьма различна—однѣ были еще довольно тверды, тогда какъ другія безъ всякаго труда разрѣзались лопатой. Поперечникъ почти всѣхъ свай былъ одинаковъ—около 15 сантиметровъ.

Хотя проф. Приборовскій сдѣлалъ немного находокъ въ этой свайной постройкѣ, какъ въ 1874, такъ и въ 1875 году, тѣмъ не менѣе то, что найдено, имѣетъ несомнѣнное значеніе въ томъ отношеніи, что служитъ доказательствомъ, что здѣсь когда-то жили люди. Именно найдено всего 200 расколотыхъ кремней, два куска, составляющіе топоръ, изъ серпентина, множество кремневыхъ осколковъ, 2 наконечника стрѣлъ, изъ которыхъ одинъ отдѣланъ замѣчательно тщательно, трехгранный (такъ называемый) доисторическій подпенокъ и скребокъ; кромѣ этихъ предметовъ найдено множество костей животныхъ и

два кабаньихъ клыка, которые, какъ и прочія кости, полежавъ нѣсколько времени на воздухѣ, превратились въ пыль.

Въ заключеніе приводимъ извлеченіе изъ статьи А. П. Берже «Кавказъ въ археологическомъ отношеніи», заимствованное изъ протоколовъ засѣданій имѣющаго быть пятаго археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ:

«Обращаясь собственно къ Грузіи, мы видимъ здѣсь почву, несомнѣнно доказывающую, что она когда-то была покрыта озерами, а это, въ свою очередь, даетъ поводъ искать слѣды свайныхъ построекъ. На эту мысль наводитъ въ особенности лѣвый берегъ Арагвы, гдѣ часто попадаются кости и глиняные черепки; также мѣстность между селеніями Атени и Ахалкалаки, противъ Уплискице, далѣе между Алкалаки и Мцхетомъ и между г. Гори и сел. Каспи, при впаденіи р. Лехури въ Куру. Въ Джавахетіи свайныя постройки встрѣчаются въ Топараванскомъ озерѣ. Мѣстные жители рассказываютъ, что они во время купанья въ озерѣ нерѣдко попадаютъ на мель, на которой есть свая, вбитая въ песчаный грунтъ. Далѣе онѣ замѣчаются въ Гокчайскомъ озерѣ и въ особенности около Мингечаура, гдѣ о существованіи ихъ свидѣлствуютъ холмы, которые тянутся тамъ на протяженіи полуверсты вдоль праваго берега Куры, обнаруживая глиняные черепки и кухонные остатки. Въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи свайныя постройки слѣдуетъ искать не въ озерахъ, которыхъ тамъ нѣтъ, кромѣ Палеостомы, а на *равнинахъ*, когда-то находившихся подъ водою, а теперь покрытыхъ лѣсомъ. Наконецъ, по сѣверную сторону Кавказа, ихъ можно предположить въ окрестностяхъ Пятигорска, на равнинѣ Ставрополя, и между Екатеринодаромъ и Азовскимъ моремъ, а также на Таманскомъ полуостровѣ.

«Все сказанное о свайныхъ постройкахъ—говорится здѣсь въ заключеніе—конечно, носитъ на себѣ характеръ одного предположенія, и только будущимъ изслѣдованіямъ предоставляется подтвердить дѣйствительность ихъ существованія на указанныхъ мѣстахъ».

Нельзя не пожелать, чтобы такое подтвержденіе не заставило себя долго ждать, такъ какъ сравненіе находокъ, какія будутъ сдѣланы на Кавказѣ, съ находками уже сдѣланными въ остальной Европѣ,—дастъ, безъ сомнѣнія, поводъ къ весьма интереснымъ выводамъ.

Почетный членъ баронъ Павелъ Чернасовъ.

Замѣтка о символическихъ вещахъ, находимыхъ въ древнихъ могилахъ.

Въ числѣ символическихъ вещей, находимыхъ при раскопкахъ древнихъ могилъ, у насъ и въ другихъ странахъ, иногда встрѣчается (какъ, наприм., у насъ въ Ананьевскомъ могильникѣ) *бронзовый пѣтушокъ*. Многообразное значеніе пѣтуха въ языческихъ вѣрованіяхъ и народныхъ преданіяхъ у индоевропейскаго или арійскаго племени, къ которому принадлежатъ и Славяне, — придаетъ этой вещи особенную цѣну, когда ее находятъ въ древнихъ могилахъ нашихъ предковъ, указывая, между прочимъ, на родственную или культурную связь древнихъ обитателей нашего отечества съ другими народами древности, у которыхъ существовало или религіозное или мнѣическое почитаніе пѣтуха.

О символическомъ значеніи пѣтуха существуетъ въ древней народной культурѣ много свидѣтельствъ. Мы приведемъ только нѣкоторые изъ нихъ.

Въ Зороастровой религіи, говорятъ наши ученые, пѣтухъ былъ священнымъ животнымъ, какъ вѣстникъ утра и символъ солнца и свѣта. Онъ посвященъ былъ небесному стражу, который, «будучи разбуженъ огнемъ, въ свою очередь, будитъ пѣтуха, который своимъ крикомъ прогоняетъ Дивовъ, злыхъ духовъ мрака, и особенно демона сна (1)». У древнихъ Грековъ и Римлянъ (говоритъ г. Невоструевъ) пѣтухъ служилъ утѣшительнымъ символомъ воскресенія или возстанія отъ смертнаго сна. По еврейскимъ комментаторамъ Св. Писанія, въ землѣ Хутеевъ, богъ Наргалъ имѣлъ видъ пѣтуха; Ассиріане почитали пѣтуха и давали ему религіозное значеніе: на одной изъ геммъ, найденныхъ въ Ниневійскихъ развалинахъ, представленъ жрецъ, молящійся пѣтуху, стоящему

(1) *Русск. Вѣстникъ* 1873, апрѣль, ст. г. Буслаева.

на олтaрномъ столѣ. Это обстоятельство отчасти доказываетъ, что не у однихъ Арійцевъ, но и у Семитовъ пѣтухъ имѣлъ символическое значеніе.

Переходя къ нашимъ сказаніямъ Русскаго народа, мы видимъ, что у насъ пѣтухъ, въ древности, изображалъ зооморфическій образъ Перуна - громовника, который своимъ громозвучнымъ пѣніемъ (громомъ) вѣщалъ о побѣдѣ надъ демоническими силами (зимы и мрака). Въ старинныхъ Русскихъ преданіяхъ (Терещенко, т. VI, 38, 39) указывается на тѣсную связь солнца съ пѣтухомъ, что подтверждается и малороссійской пословицей: «сидитъ пивень на верби, спустивъ косы (лучи) до земли.» По нашимъ стариннымъ апокрифамъ «солнце течетъ на воздухѣ днемъ, а въ ноци по окіану низко летитъ, не омочась, но токмо трижды омывается въ окіанѣ, тогда-же всколебается и начнутъ волны Кура бити по перью; онъ же очютивъ волны и речеть: ковореку! протолкуется: Свѣтодавче Господи, да же свѣтъ мірови! Еда же въспоеть, и тогда вся кури воспоютъ въ единъ годъ (часъ) по всей вселенной (1)».

Съ символическимъ значеніемъ пѣтуха связаны были у насъ различные обряды, обычаи, суевѣрія и проч. Сохранились извѣстія, что древніе Руссы, при сожиганіи покойниковъ, послѣ погребальнаго обряда, душили младенцевъ и тонили ихъ вмѣстѣ съ пѣтухами въ рѣкѣ. По словамъ Ибнъ-Фодлана, при сожиганіи умершаго на Руси, между прочимъ, зарѣзывали и клали на востеръ курицу и пѣтуха. До сихъ поръ пѣтухъ имѣетъ не только у насъ, но и у другихъ народовъ религиозное и суевѣрное значеніе. У насъ, еще недавно, въ Новгородской губерніи, въ ночь на Ивана Купала, крестьяне разводили костры и, въ знакъ обновленія жизни, бросали въ огонь бѣлаго пѣтуха, который, какъ извѣстно, посвящался свѣтлымъ божествамъ. По словамъ Тэйлора (*Первобытная Культура*), у Китайцевъ, у постели умирающаго, родственники его вѣшаютъ одежду больнаго на бамбуковую трость, къ которой привязывается бѣлый пѣтухъ, а жрецъ въ это время заклинаетъ отходящую душу войти въ одежду, чтобы возвратитъ ее больному человѣку. — Въ Атеарскомъ уѣздѣ (Сарат. губ.) существуетъ почти такой же обычай, извѣстный также Карпатскимъ горцамъ и Хорутанамъ, съ тою разницею, что у насъ не убиваютъ пѣтуха при погребеніи мертваго, а родственники умершаго, при его погребеніи, передаютъ пѣтуха черезъ могилу одна другой, и потомъ отдають его нищему. Въ числѣ обрядовъ

(1) *Памятн. отреч. литерат.* II, 349 — 350, 444. *Русское язычество*, Никифоровскаго.

съ домовымъ, особенно когда онъ сильно начинаетъ тревожить домохозяина, чтобы умилостивить дѣдушку - домового, еудесникъ или знахарь зарѣзываетъ пѣтуха въ полночь и выпускаетъ кровь его на голикъ, которымъ послѣ выметають всѣ углы дома. Въ тѣхъ мѣстахъ нашего отечества, гдѣ еще существуетъ т. наз. *опахиваніе*, тамъ крестьянки, отпугивая смерть, приносятъ въ жертву пѣтуха. У Чувашь, при трехъ эпохахъ жизни человѣка (при рожденіи, бракосочетаніи и смерти). жрецы ихъ, *юмси*, разбиваютъ лутошкою два сырыхъ яйца, отрываютъ голову пѣтуху и выбрасываютъ его за ворота. Во многихъ мѣстахъ нашего отечества существуетъ обычай, прежде чѣмъ перейти на новую квартиру (или въ новый домъ) вносить въ нее икону, хлѣбъ соль или квашню и пѣтуха, курицу и кошку. При закладкѣ новаго дома, существуетъ еще до сихъ поръ у нашихъ крестьянъ обычай убивать пѣтуха или другое какое либо животное, что, полагають крестьяне, спасаетъ хозяйна отъ преждевременной смерти. Не толи самое мы видимъ въ обычаяхъ Грековъ, гдѣ до сихъ поръ существуетъ обыкновеніе, при кладкѣ перваго камня для постройки дома, убивать на этомъ камнѣ ягненка и чернаго пѣтуха. Въ Германіи существуетъ преданіе о зломъ духѣ, мѣшающемъ постройкѣ моста, для чего, чтобы обмануть злаго духа, которому необходима жертва живой душою, — пускають черезъ мостъ пѣтуха. У насъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, для того, чтобы жилось въ новомъ домѣ здорово и счастливо (вѣроятно, въ тѣхъ же видахъ умилостивить злаго духа), хозяйинъ съ хозяйкою, на томъ мѣстѣ, гдѣ быть переднему углу, отрубають у пѣтуха голову и тутъ ее зарываютъ. Въ Вологодской губ. (близъ Никольска), прежде чѣмъ войти въ новое жилище, пускають туда пѣтуха съ курами, и замѣчаютъ: куда пойдетъ пѣтухъ? Если онъ пойдетъ въ *судки* (передній уголь, гдѣ бываетъ божница), то вѣрятъ тому, что поживется въ новомъ жилищѣ хорошо, и мн. др.

Въ заключеніе нашей краткой замѣтки, считаемъ необходимымъ прибавить, что всѣ сохранившіяся въ нашемъ народѣ изображенія пѣтуха въ народномъ зодествѣ, въ орнаментахъ, на крестьянскихъ кружевахъ, повойникахъ, сарафанахъ, ручникахъ, на рѣзныхъ окнахъ, сандрикахъ, конькахъ, и проч. не суть случайное явленіе народной фантазій, не слѣпое подражаніе языческимъ вѣрованіямъ, преданіямъ и обрядамъ другихъ народовъ, но наше собственное, родное, остатки нашей старины, имѣющіе свой смыслъ и глубокое значеніе того, что у нашего народа сложились свое міросозерпаніе, свои мнѣстескія преданія и символическіе обряды, создававшіеся и развивавшіеся въ теченіи многихъ и многихъ вѣковъ. Такъ и въ образѣ пѣтуха народъ нашъ олицетро-

рять небесный огонь и блескъ грозы въ пространствѣ небеснаго моря; «а такъ какъ, говоритъ Аванасьевъ (1), тоже міросозерцаніе, тамъ же, представляло себѣ и область пребыванія и дѣйствія душъ усопшихъ, то участіе пѣтуховъ въ погребальныхъ обычаяхъ и обрядахъ становится понятнымъ; сюда принадлежитъ и замѣчательная поговорка о душахъ усопшихъ младенцевъ, что они на луку пасутъ пѣтушковъ, т. е. въ раю стерегутъ небесные блески — молніи. Переселяя такимъ образомъ души младенцевъ въ воздушную область небеснаго моря, народный обычай придавалъ имъ и пѣтуховъ — символъ небеснаго блеска, которымъ они будутъ пасти на томъ мѣстѣ.»

А. Савельевъ.

(1) *Поэтическое воззрѣніе Славянъ на природу*, т. I.

По поводу сочиненія Н. П. Загоскина: «Уложеніе Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича и Земскій Соборъ 1648—1649 года» (1).

Первое «Историко-юридическое изслѣдованіе объ Уложеніи» 1649 года было издано В. Строевымъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія (2). Трудъ Строева тогда же былъ оцѣненъ по достоинству: Академія наукъ присудила ему премію. Отличительныя черты этого сочиненія составляютъ легкое, ясное и отчетливое изложеніе, равномерное развитіе задачи въ главныхъ ея частяхъ, наконецъ *относительно* (3) вѣрное изображеніе общахъ свойствъ памятника. Отдѣльныя ошибки его и патриотическія увлеченія также не прошли безъ замѣчанія со стороны неизвѣстнаго рецензента, скрывшаго свое имя подъ начальными буквами Г. З. (4). Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и профессоръ Морошкинъ на публичномъ актѣ Московскаго университета произнесъ блестящую рѣчь: «Объ Уложеніи и его послѣдующемъ развитіи».

(1) Подъ этимъ заглавіемъ авторъ, состоящій профессоромъ въ Казанскомъ Университетѣ, издалъ рѣчь, читанную имъ въ торжественномъ собраніи этого Университета, 5 ноября 1879 г.

(2) Вышло въ Петербургѣ въ 1833 году. Г. Загоскинъ смѣшалъ автора названнаго сочиненія съ извѣстнымъ археологомъ и академикомъ П. М. Строевымъ, его братомъ. См. „Рѣчь“, стр. 6.

(3) Говоря *относительно*, мы имѣемъ въ виду скудость свѣдѣній, которыми располагала въ то время въ отношеніи къ Уложенію наука отечественнаго правовѣдѣнія.

(4) Брошюра, изданная имъ въ 1834 г. подъ заглавіемъ: «Взглядъ на сочиненіе г. Строева объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича или что было въ 1649 г. и что стало въ XIX столѣтіи?» показываетъ, что рецензентъ не былъ юристомъ, но это не помѣшало ему подмѣтить нѣкоторыя немаловажныя ошибки Строева, и напрасно г. Загоскинъ отрицаетъ въ ней всякое значеніе. См. «Исторію права Московскаго Государства», стр. 96, прим. 2.

Нисколько не колебля выводовъ своего предшественника, Морошкинъ далъ имъ лишь большую глубину и болѣе рельефное выраженіе. Можно сказать, что наблюденія Строева скользятъ на поверхности, тогда какъ Морошкинъ старается раскрыть общіе приемы старинной кодификаціи и духъ, господствующій надъ отдѣльными частями Московскаго законодательства.

Съ этими трудами цѣлостная обработка Уложенія прекращается, и дальнѣйшее изученіе его внѣшней и внутренней исторіи совершается уже, такъ сказать, въ разбродъ, по частямъ, по разнымъ поводамъ и случаямъ, имѣющимъ только косвенное отношеніе къ памятнику. Благодаря такому ходу дѣла, историческій образъ Уложенія въ цѣломъ оставался неизмѣннымъ, но отдѣльныя черты его измѣнялись и исправлялись. сообразно новымъ даннымъ и воззрѣніямъ, накопившимся съ теченіемъ времени. Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ труды, которые, преслѣдуя чисто спеціальныя задачи, тѣмъ не менѣе внесли значительные вклады въ изслѣдованіе Уложенія; мы назовемъ только на память имена гг. Линовскаго (1), Власьева (2) и В. И. Сергѣевича (3). Изъ нихъ первый, почти незамѣтно для самого себя, въ видѣ простыхъ ссылокъ и сносокъ, обозначилъ важнѣйшія точки соприкосновенія между Московскими и Литовскими уголовными законами; второй значительно подвинулъ впередъ вопросъ объ общемъ характерѣ Уложенія въ смыслѣ кодификаціонномъ и едва ли не первый обратилъ вниманіе на починъ земства въ дѣлѣ его изданія; наконецъ, третій вошелъ въ болѣе подробное розысканіе о вліяніи собора 1648 — 1649 г.г. на содержаніе Уложенія и поставилъ на видѣ другимъ ученымъ важность спеціальнаго изученія челобитныхъ, какъ одного изъ характернѣйшихъ источниковъ Уложенія. Не обходилось, конечно, и безъ статей и замѣтокъ, ставившихъ себѣ прямою цѣлью разъясненіе той или другой стороны нашего сборника законовъ, таковы: извѣстная статья И. Е. Забѣлина: «Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича»; Замѣчанія по поводу ея К. Д. Кавелина и изслѣдованіе профессора Владимірскаго-Буданова: «Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича», напечатанное въ 4-мъ томѣ «Сборника

(1) Изслѣдованіе началъ уголовного права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Одесса, 1847 г.

(2) О вѣнненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права. Москва, 1861 г.

(3) Земскіе Соборы въ Московскомъ Государствѣ въ „Сборникѣ государственныхъ знавій“, т. II.

государственныхъ знаній». Мысль о коренномъ пересмотрѣ вопроса во всемъ его объемѣ родилась въ Археологическомъ Институтѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ чтеній Н. В. Калачова о русскихъ юридическихъ древностяхъ (1). Между тѣмъ и въ общественной жизни нашей повѣяло новымъ духомъ, и повременная печать усиленно стала заниматься вопросомъ о земскихъ соборахъ на Руси. Увлеченный этимъ общимъ потокомъ времени, профессоръ Казанскаго Университета Н. П. Загоскинъ возмѣлъ благое намѣреніе занять вниманіе мѣстнаго образованнаго общества «рѣчью» объ Уложеніи, произнесенною на торжественномъ актѣ прошлаго года.

Не знаемъ, какое впечатлѣніе произвела разсматриваемая рѣчь на Казанскую публику въ чтеніи самого уважаемаго автора; но какъ произведеніе печати, она не удовлетворяетъ требованіямъ ораторскаго искусства: изложеніе ея чуждо всякой художественности, блѣдно, растянуто и даже скучно, по крайней мѣрѣ для неспеціалистовъ (2). Насъ же занимаетъ здѣсь исключительно содержаніе «Рѣчи», или точнѣе постановка и рѣшеніе ею спорныхъ или мало разработанныхъ вопросовъ. Посмотримъ поэтому, что собственно составляетъ плодъ новыхъ изысканій и размышленій г. Загоскина и въ какой мѣрѣ плодъ этотъ можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ приобрѣтеніемъ науки.

Когда авторъ утверждаетъ, что составленіе Уложенія вызвано *народнымъ челобитьемъ*, то онъ, конечно, повторяетъ только то, что замѣчено было его предшественниками, съ тою разницею, что, по его мнѣнію, высказанному еще въ «Исторіи права Московскаго государства», челобитье это подано было царю еще при вступленіи его на престолъ («Рѣчь», стр. 13); теперь же отдаленный, такъ сказать, починъ имѣетъ при себѣ другой, ближайшій: именно событія, разыгравшіяся въ Москвѣ непосредственно предъ начатіемъ работъ по Уложенію. Г. Загоскинъ, такимъ образомъ, напалъ на прямой путь къ открытію настоящей побудительной причины, склонившей юнаго царя къ мысли посоветоваться съ «Землею»; но вмѣсто того, чтобы всю силу царскаго рѣшенія перенести на печальныя и грозныя явленія, которыми ознаменовались іюньскіе дни 1648 года (3), онъ по прежнему придаетъ важное

(1) См. Сборникъ Археологическаго Института, кн. 2, отчетъ о поѣздкѣ въ Москву слушателей Института.

(2) Такое же замѣчаніе сдѣлано рецензентомъ «Русской Мысли» въ мартовской книжкѣ нынѣшняго года, въ отдѣлѣ: «библіографія», стр. 10.

(3) Началомъ смутъ считаютъ Московскій бунтъ, но относительно времени его возникновенія какъ отечественныя, такъ и иностранныя источники

значение именно челобитью. Равнымъ образомъ г. Загоскинъ просмотрѣлъ, что въ свидѣтельствѣ о челобитьи, за которымъ (т. е. челобитьемъ) послѣдовалъ указъ о составленіи Уложения, нѣтъ прямого указа на то, чтобы *дворянство* и *торговые люди* (а не *всѣ земскіе чины* Московскаго государства) хлопотали именно объ изданіи новаго свода законовъ. Далѣе, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и волненія имѣли своимъ источникомъ не общее недовольство существующими законами, а стремленіе одного городского населенія устранить изъ своей среды чуждый ему элементъ дворянскій, вторгшійся въ его торговую и промышленную жизнь и закабалившій много горожанъ, которые, живя на своихъ тяглыхъ мѣстахъ, облегчили-бы общее податное бремя своей братьи. Это домогательство городского населенія не было какою нибудь новостью: оно опиралось на тѣ мѣры, какія приняты были правительствомъ въ самую горячую пору «земскаго строенія». Духъ, если не сословной, то еще болѣе мелкой *статейной* замкнутости съ достаточною яркостью обнаружился въ ходатайствахъ разныхъ чиновъ людей, какъ до открытія земскаго собора 1648 г., такъ и во время его, для того, чтобы не впасть въ преувеличеніе на счетъ объема и значенія мѣръ, которыхъ домогались отдѣльныя общественныя группы⁽¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, если

даютъ разнорѣчивыя показанія. Главнѣйшія изъ существующихъ извѣстій по этому предмету сопоставлены были профессоромъ Бестужевымъ-Рюминимъ въ первой книгѣ „Историческаго Вѣстника“ за нынѣшній годъ, въ предисловіи и примѣчаніяхъ къ русскому переводу записки, составленной очевидцемъ и сохранившейся въ Бодлеанской Оксфордской бібліотекѣ. Останавливаясь на 23 іюня, какъ наиболѣе вѣроятномъ числѣ, уважаемый ученый опирается на два соображенія: 1) по свидѣтельству Олеарія, бунтъ произошелъ во время крестнаго хода въ *Срътенскій монастырь*, что совершалось обыкновенно 23 іюня; 2) авторъ записки свидѣтельствуемъ, что смута затѣялась въ *пятницу*, каковой день подходитъ только къ 23 числу, а не къ 22-му, какъ значится въ заголовкѣ англійскаго текста. Но изъ замѣтки г. Феттерлейна, помѣщенной въ февральской книгѣ „Вѣстника Европы“, видно, что въ голландскомъ печатномъ текстѣ число события какъ въ заглавіи, такъ и въ рассказѣ одинаково обозначено 2-мъ іюня. Это-то число, по нашему мнѣнію, имѣетъ преимущество предъ всѣми прочими, потому что: 1) оно имѣетъ за себя показаніе официальнаго акта, богомольной грамоты, разосланной отъ патриарха по всѣмъ городамъ (А. А. Э. IV, № 30); 2) число это въ 1648 году также приходилось въ *пятницу*, что служитъ новымъ признакомъ его достовѣрности. Что-же касается „Дворцовыхъ Разрядовъ“, въ которыхъ событіе отнесено къ концу мая, то официальное происхожденіе дошедшихъ до насъ книгъ этого рода, какъ извѣстно, остается подъ сомнѣваемъ. См. предисловіе къ первому тому „Дворцовыхъ Разрядовъ“.

(1) См. въ нашей статьѣ: „Дополнительныя данныя къ исторіи Уложения

городское сословіе и даже отдѣльные разряды его думали о томъ, какъ-бы притянуть къ себѣ свою братью для облегченія имъ податной тягости, то масса дворянъ московскихъ и городовыхъ желала на вѣки прикрѣпить къ себѣ крестьянъ и захватить побольше земель, особенно на счетъ церковныхъ вотчинъ. Тѣ немногіе случаи, когда просьбы подавались или заявлялись сообща отъ имени нѣсколькихъ разрядовъ, не опровергають нашей мысли. Въ кругу общежитія встрѣчаются интересы, равно близкіе и дорогіе разнымъ общественнымъ сочлененіямъ, напр.: желаніе искоренить или, по крайности, обуздать своекорыстіе и произволь чинowników одинаково раздѣлялось мелкимъ служилымъ и тяглымъ людомъ. Совмѣстное дѣйствіе этихъ группъ въ подобныхъ случаяхъ нисколько не противорѣчитъ тому основному положенію, что на соборахъ представители каждаго чина прежде и болѣе всего хлопотали о выгодахъ представляемаго ими класса. Здѣсь не лишне будетъ вспомнить и о томъ, какъ специализировался и самый составъ соборныхъ засѣданій въ тѣхъ вопросахъ, рѣшеніемъ которыхъ заинтересованы были отдѣльные чины, а не все населеніе. Въ этихъ случаяхъ представители незаинтересованной части либо самі добровольно уклонялись отъ сужденія по дѣлу, которое имъ не «за *обычай*» или вовсе не приглашались на соборъ въ томъ, вѣроятно, убѣжденіи, что это было бы съ ихъ стороны вмѣшательствомъ въ чужое дѣло. И какою горькою ироніей отзывается такая, наприм., фраза, что прикрѣпленіе крестьянъ и другія однородныя мѣры, стѣснявшія до-нельзя личную и общественную свободу, что всѣ эти мѣры приняты Московскимъ правительствомъ по требованію или *челобитію народа!* А между тѣмъ такое именно впечатлѣніе производятъ всѣ новѣйшіе толки о значеніи *народныхъ челобитій* въ Московскомъ законодательствѣ. Отликаясь на призывъ высокоталантливаго В. И. Сергѣевича, восприемники его свѣтлой мысли даютъ ей такое растяженіе, что конкретныя черты отдѣльныхъ явленій сглаживаются подъ общею симпатичною окраскою *народнаго представительства* (1). Благодаря такому приему, самыя мрачныя стороны Московскаго государственнаго строя утрачиваютъ свою традиціонную суровость; нѣтъ

1649 г.,⁴ помѣщенной въ Сборникъ Археолог. Инст. кн. III, отд. I, стр. 91, 111 и 112.

(1) Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду не только г. Загоскина, вообще отличающагося наклонностью къ оптимизму, но и профессора Дитятина, ученаго съ болѣе положительнымъ міросозерцаніемъ. Ср. „Речь“ перваго, стр. 21 и 27, съ статьею втораго: „Роль челобитій и земскихъ сборовъ“ въ майской книжкѣ „Русской Мысли“ за текущій годъ.

болѣ правыхъ и виновныхъ, всѣ — одинаковыя *страдалцы*, сами навлекавшіе на себя бѣду если не *грѣхами своими*, какъ думали они сами, то своимъ *неразуміемъ*, своимъ противуестественнымъ стремленіемъ въ *кабальному* и *холопъему* состоянію.

Переходя къ самому способу составленія Уложенія, г. Загоскинъ пытается опредѣлить взаимное отношеніе между правительственною комиссіею, состоявшею подъ начальствомъ кн. Н. И. Одоевскаго, и общимъ земскимъ совѣтомъ. Здѣсь авторъ силится доказать, что комиссіи вовсе не поручалось составленіе какого нибудь законченнаго проекта Уложенія, а только собраніе и приведеніе въ порядокъ разрозненныхъ матеріаловъ, а также постановка новыхъ вопросовъ, не получившихъ дотолѣ законодательнаго рѣшенія (стр. 31—33). Г. Загоскинъ нигдѣ не объясняетъ намъ, что онъ разумѣетъ подъ законченнымъ проектомъ и почему полномочіе собрать существующіе законы или, вѣрнѣе, *выбрать* изъ нихъ, а также изъ греческихъ, все *пристойное* къ государеву и земскому дѣлу, прибавивъ въ тому случаи не предусмотрѣнные прежними законодателями, — почему такое полномочіе исключаетъ представленіе о законченности проекта. Гораздо важнѣе было-бы рѣшить вопросъ: *выборка пристойныхъ* статей изъ разновременныхъ и разнорѣчивыхъ источниковъ и включеніе ихъ въ составъ полнаго проекта Уложенія производились-ли по *личному* усмотрѣнію составителей онаго, или-же вопросъ о пригодности извѣстной *статьи* разрѣшался предварительно *царемъ въ особыхъ частныхъ докладахъ*? Но г. Загоскинъ даже не поставилъ себѣ такого вопроса. Точно также не понятно, въ чемъ полагаетъ онъ «самостоятельное разрѣшеніе новыхъ вопросовъ, затронутыхъ Уложеніемъ» (стр. 32). Само собою разумѣется, что при составленіи новаго законодательнаго сборника самостоятельность лицъ, имъ занимающихся, можетъ выражаться лишь простымъ предложеніемъ своего *мнѣнія*, утвержденіе котораго зависитъ отъ верховной *рѣшающей* власти. Въ этомъ смыслѣ можно-ли утверждать, что составители Уложенія лишены были такого права? Вѣдь предложеніе опредѣленнаго *мнѣнія*, хотя-бы въ нерѣшительной формѣ вопроса, составляло обычную принадлежность докладовъ, вносимыхъ въ царскую думу изъ приказовъ при нормальномъ ходѣ дѣлъ. На какомъ-же основаніи будемъ мы отрицать такое право за комиссіею изъ пяти лицъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ государя?

Сосредоточимъ теперь свое вниманіе на земскихъ дѣятеляхъ и взглянемъ, какое мѣсто занимали они въ дѣлѣ составленія новаго кодекса. Въ изображеніи первыхъ изслѣдователей Уложенія *народъ* или его *представители* разыгрывали роль простыхъ статистовъ и служили лишь сценическимъ украшеніемъ. Такое бездѣятельное положеніе от-

водилось земскимъ людямъ, благодаря, во 1-хъ, крайне сбивчивому и запутанному образу выраженій, господствующему на этотъ счетъ въ самомъ предисловіи къ Уложенію, а во 2-хъ, благодаря тогдашнему отсутствію какихъ-бы то ни было вспомогательныхъ свѣдѣній, которыя раскрыли-бы дѣйствительное значеніе выборнаго элемента. Въ иномъ видѣ представлялось дѣло изслѣдователямъ 60-хъ годовъ, когда въ распоряженіи науки находились уже многотомныя изданія Археографической Коммиссіи, въ которыхъ тамъ и сямъ попадаются акты, проливающие свѣтъ на эту темную сторону вопроса. И чѣмъ обстоятельнѣе стали изучать исторію земскихъ соборовъ на Руси, тѣмъ болѣе накоплялось чертъ для положительной характеристики и того собора, который созданъ былъ для утвержденія Уложенія. Но въ этомъ направленіи никто еще не зашелъ такъ далеко, какъ г. Загоскинъ. Вопросъ теперь въ томъ: вѣрно-ли взвѣсилъ онъ участіе народныхъ представителей въ начертаніи и обсужденіи проекта Уложенія? Исходнымъ пунктомъ всѣхъ его заключеній служитъ толкованіе одного весьма неяснаго выраженія, встрѣчающагося въ указѣ о составленіи Уложенія. Это то мѣсто предисловія, гдѣ рѣчь идетъ о восполненіи пробѣловъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Вслѣдъ за повелѣніемъ о выпискѣ пристойныхъ статей изъ греческихъ и русскихъ законовъ прежнихъ царствованій предписывается: *также* («потомужъ») «*написать и изложить общими совѣтомъ*» и тѣ статьи, которыхъ не доставало въ прежнихъ указахъ. Спрашивается: простирается-ли участіе общаго совѣта на всѣ законы, какъ выписанные изъ готовыхъ источниковъ, такъ и вновь сочиненные, или-же оно ограничено одними послѣдними? Такъ какъ рѣшеніе этого недоумѣнія едва-ли достижимо при помощи простаго грамматическаго толкованія, то приходится обращаться къ общей логикѣ законодательнаго искусства. И вотъ, становясь на эту почву, мы не видимъ никакихъ основаній, по которымъ нужно бы отдать предпочтеніе второму толкованію, принятому нашимъ авторомъ (1).

(1) Болѣе обстоятельное развитіе этой мысли читатель найдетъ въ нашей статьѣ: „Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія“ въ третьей книгѣ „Сборника Археологическаго Института“, стр. 108 и 109. Можно также привести и фактъ, значительно колеблющій искусственное объясненіе. Вотъ напр. VIII глава—объ искупленіи плѣнныхъ—содержитъ въ себѣ безспорно положеніе *не новое*, но оно, по собственному указанію г. профессора, было предметомъ, о которомъ царь „говорила“ съ выборными людьми (стр. 52). Поэтому мы и удивляемся, какъ г. Загоскинъ помѣстилъ всѣ статьи 8-й главы въ числѣ новыхъ (стр. 54).

И такъ, съ этой стороны, г. Загоскинъ, какъ и его предшественники, напр. г. Власевъ, сьуживаетъ задачу соборныхъ людей безъ достаточной причины; но за сими онъ съ замѣчательною легкостью растагиваетъ предѣлы такъ называемыхъ *новыхъ* статей, а съ тѣмъ вмѣстѣ и влияніе земскаго собора на составъ памятника. Свѣдѣнія свои о новыхъ статьяхъ добываетъ онъ частью изъ помѣтъ, сохранившихся на полкахъ подлиннаго уложеннаго столбца, частью изъ самаго Уложения, наконецъ изъ разныхъ историческихъ актовъ. При этомъ онъ исчисляетъ не только тѣ постановленія, которыя *несомненно* вызваны были: ходатайствами разныхъ чиновъ, но и тѣ, которыя, по его соображеніямъ, образуютъ *«дальтѣйшее»*, или даже *«необходимое»* дальнѣйшее ихъ развитіе. Нельзя ничего возразить противъ научной законности всѣхъ указанныхъ средствъ для опредѣленія числа новыхъ статей, но всѣ эти способы, не исключая и самыхъ простыхъ, требуютъ большой осмотрительности; иначе, легко можно впасть въ заблужденіе на счетъ степени новизны отдѣльныхъ предписаній закона. Пояснимъ нашу мысль примѣрами: противъ X гл. ст. 236 на подлинномъ уложенномъ столбцѣ значится: *«новое попомено»*; но изъ одного позднѣйшаго указа (Полное Собраніе Законовъ т. I, № 580) видно, что статья эта попала въ Уложение изъ наказа межевщинамъ 135 и 136-го годовъ. Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать касательно другихъ двухъ статей той-же главы (146 и 147), которыя отмѣчены въ числѣ *«новое прибавленныя»*. Прибавленными онѣ могутъ считаться не по идеѣ, — такъ какъ злоупотребленія приставовъ преслѣдовались и прежними законами, — а развѣ по строгости наказаній, или по ясному категорическому требованію отъ приставовъ поруки, что прежде дѣлалось просто въ силу обычая (см. поручныя по новгородскихъ недѣльщинахъ 1586 г. и ближайшихъ годовъ въ «Описи древнихъ рукописей, хранящихся въ Музеѣ Императорскаго Русскаго Археологическаго общества», составленной Д. И. Прозоровскимъ стр. 146). Изъ числа статей, которыя сами указываютъ на то, что въ нихъ новаго, отмѣтимъ ст. 2-ю гл. XVII, упущенную изъ виду г. профессоромъ. Постановленіе это касается права женъ на наследованіе въ выслуженныхъ и родовыхъ вотчинахъ ихъ мужей, не оставившихъ по себѣ помѣстій и купленныхъ вотчинъ. Указаніе на происхожденіе этого распоряженія важно и въ томъ отношеніи, что при его помощи мы легко отыскиваемъ еще одну новую статью въ XVI гл., именно 16-ю, чего безъ этого мы не узнали-бы. Примѣръ этотъ послужить намъ хорошимъ переходомъ къ той обширной группѣ статей, происхожденіе которыхъ опредѣлено г. Загоскинымъ третинымъ изъ изчисленныхъ выше способовъ. Въ этомъ способѣ должно различать двѣ

операціи: одна состоитъ въ простомъ отыскиваніи и подведеніи прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ касательно того или другаго частнаго постановленія или цѣлой совокупности такихъ постановленій; другая — въ открытіи новыхъ статей путемъ болѣе или менѣе сложныхъ логическихъ комбинацій. Главною опорою послѣдней операціи служить, такъ сказать, логическое средство постановленій, или зависимость одного узаконенія отъ другаго. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ обстоятельствомъ, которое заставляетъ насъ относиться къ этому приему съ величайшею осторожностью, чтобы не сказать съ недоувѣріемъ, до тѣхъ поръ, пока сдѣланное такимъ путемъ открытіе не подтвердится другими болѣе надежными признаками. Извѣстно, что въ законахъ, какъ и въ жизни, частное проявленіе какой-нибудь новой идеи находитъ себѣ приложеніе раньше общаго. Вотъ почему логическая подчиненность узаконеній не можетъ служить показателемъ ихъ временной послѣдовательности. Это-то соображеніе оставлено г. Загоскинымъ безъ вниманія, вслѣдствіе чего у него и явились въ числѣ новыхъ постановленій такія, которыя изданы были раньше Уложенія. Наприм. въ гл. XI авторъ относитъ къ этому разряду статьи 3—14, между тѣмъ ст. 9 и 10 заимствованы изъ писцоваго наказа 1846 г. (А. А. Э. IV, № 14). Тоже должно сказать и о XIII гл., которую онъ всю считаетъ новою, тогда какъ въ дѣйствительности ст. 2, 4 и 5 имѣютъ свой источникъ въ указѣ 9 марта 1642 г.

Всѣхъ статей, составленныхъ при участіи земскаго собора, г. Загоскинъ насчитываетъ 82, выдѣляя изъ нихъ 58, вызванныхъ прямо или посредственно челобитными разныхъ чиновъ. Какъ уже было замѣчено, послѣдняя цифра мало надежна. Прибавимъ къ этому, что подъ видомъ статей, составляющихъ «дальнѣйшее развитіе» основныхъ, скрываются и такія, которыя, очевидно, ограничиваютъ ихъ дѣйствіе, какъ противовѣсь, указывающій на встрѣчныя стремленія различныхъ партій. Какъ велась эта борьба, какія средства употреблялись противниками для одержанія верха, — намъ пока неизвѣстно; но самые предметы разногласій и ихъ конечные результаты могутъ быть выслѣжены простымъ анализомъ самого Уложенія ⁽¹⁾. Такой анализъ дасть-бы намъ болѣе

(1) По нашимъ наблюденіямъ, борьба различныхъ элементовъ оставила особенно яркіе слѣды въ гл. IX — о мытахъ, перевозахъ и мостахъ (если сравнить отдѣльныя ея статьи съ предписаніями указа 9-го марта 1642 г.), X — о судѣ (уничтоженіе тархановъ и мѣры противъ людей, которые чинятся сильными и не даются подъ судъ), XI — судъ о крестьянахъ (освобожденіе отъ платежа владѣнныхъ денегъ за время до Уложенія, XII и XIII — о судѣ

живое представленіе о силѣ и значеніи тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые возбуждали или отклоняли извѣстныя требованія. Теперь-же, когда всякое челобитье, отъ кого-бы оно ни исходило и чѣмъ-бы ни кончилось, вставляется въ одну общую рамку, сужденіе о вліяніи общества, въ цѣломъ и отдѣльныхъ его слояхъ, на ходъ законодательства принимаетъ довольно туманный видъ.

При неполнотѣ положительныхъ данныхъ въ пользу дѣятельной роли выборныхъ, нельзя пренебрегать и такими косвенными соображеніями, какъ продолжительность соборной сессіи, на которой Уложеніе было *чтено*. Справедливо опровергая прежнее мнѣніе о баснословной быстротѣ, съ какою будто изготовленъ былъ нашъ памятникъ, г. Загоскинъ, однако, и самъ упустилъ изъ виду одну статью Уложенія (гл. XVII ст. 55), которая дала-бы ему возможность рѣшить этотъ вопросъ съ математическою точностью, безъ всякихъ догадокъ. Приблизительный расчетъ его разнится отъ дѣйствительности на цѣлый мѣсяцъ: Уложеніе было окончено *на письмѣ* (а не *въ печати*, какъ думали прежде) 29 января 1649 г., по мнѣнію же г. Загоскина — въ концѣ предыдущаго декабря (стр. 57; см. нашу статью «Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія» въ третьей книгѣ «Сборника Археологическаго Института, стр. 114).

Въ опредѣленіи состава собора авторъ положился на г. Забѣлина, и потому всѣ упущенія, вкравшіяся въ извѣстное сообщеніе почтеннаго археолога о подлинномъ Уложеніи, перешли и въ разбираемое «Рѣчь».

Большое вниманіе удѣлено вопросу о печатаніи Уложенія и старинныхъ его изданіяхъ. Тутъ авторъ пользовался не только печатными, но и нѣкоторыми рукописными матерьялами; но упущеніе изъ виду общезвѣстныхъ фактовъ (требующихъ, впрочемъ, новой повѣрки) помѣшало ему установить точное число изданій и время ихъ печатанія. Между тѣмъ, преслѣдуя именно эту цѣль, авторъ потратилъ много остроумія на догадки, невѣрность которыхъ можетъ быть документально доказана. Мы не станемъ утомлять читателя подробностями, любопытными только записнымъ библіографамъ; ограничимся изложеніемъ окончательныхъ его заключеній и тѣхъ фактовъ, которыми они опроверга-

патріарха и Монастырскомъ приказѣ, XVII — о вотчинахъ (по вопросу объ отобраніи церковныхъ имѣній), и XIX — о посадскихъ людяхъ (изыатіе для мастеровыхъ людей, живущихъ во дворцѣ, въ ружничьей палатѣ и разныхъ приказахъ, ст. 24; для посадскихъ, поступившихъ въ казаки, устроенныхъ мѣсячными кормами и верстанныхъ денежными окладами, ст. 29).

ются. Г. Загоскинъ почему-то воображаетъ, что до него общее мнѣніе ученыхъ юристовъ признавало одно лишь изданіе Уложенія 1649 г., между тѣмъ, всякому, кто читалъ предисловіе къ Полному собранію законовъ, или просматривалъ библиографическій «Опытъ» Соניкова, извѣстно было, что въ 1649 г. такихъ изданій вышло три. Относительно первыхъ двухъ изданій сохранились точныя свѣдѣнія въ архивѣ печатнаго двора (при синодальной типографіи въ Москвѣ), существованіе же третьяго подтверждается пока только наружнымъ осмотромъ различныхъ старопечатныхъ экземпляровъ и требуетъ повѣрки (см. Сборникъ Археологическаго Института, кн. 2, стр. 12). Не зная ничего о третьемъ изданіи, г. Загоскинъ говоритъ только о двухъ и даетъ большое число признаковъ для ихъ различенія. Такого обстоятельнаго сравненія первыхъ двухъ изданій никто доселѣ не предпринималъ. Время печатанія перваго изданія не могло быть съ точностью опредѣлено авторомъ, за неимѣніемъ подъ рукою упомянутыхъ выше архивныхъ свѣдѣній, но приблизительное его опредѣленіе легко можно было сдѣлать на основаніи случайно сохранившихся въ Полномъ Собраніи Законовъ свѣдѣній о времени печатанія втораго изданія, въ которомъ (т. е. изданіи), по просьбѣ гостей, имя ихъ было напечатано выше дьячьяго (П. С. З. I, № 247). Г. Загоскинъ знаетъ этотъ указъ (стр. 71, прим. 1), но истолковываетъ его въ такомъ смыслѣ, какъ будто рѣчь тамъ идетъ о перепечаткѣ подлежащихъ листовъ въ первомъ изданіи. Смѣшавъ, такимъ образомъ, время печатанія обоихъ изданій, г. Загоскинъ пустился затѣмъ въ догадки о томъ, когда же собственно предпринято было второе изданіе памятника и чѣмъ вызваны были тѣ болѣе или менѣе существенныя разности въ текстѣ, которыя замѣчаются при сличеніи его съ первымъ. Съ этою цѣлью припоминается, съ одной стороны, вліяніе Никона на царя Алексѣя въ первые годы своего патріаршества и непріязненное отношеніе патріарха къ Уложенной книгѣ. Отсюда заключеніе, будто второе изданіе предпринято было въ промежутокъ времени отъ 1652 до 1658 г. (стр. 74—76). Несостоятельность этого предположенія можно бы доказать простыми логическими соображеніями; но, къ счастью, мы имѣемъ подъ рукою документъ, изъ котораго очевидно, что когда Никонъ въ своемъ заточеніи писалъ знаменитое «Возраженіе» или «Раззореніе» на вопросы Стрешнева и отвѣты Лигарида, то онъ пользовался вторымъ изданіемъ и направлялъ свои удары противъ тѣхъ самыхъ измѣненій, которыя г. Загоскинымъ приписаны московскому архипастырю (1). Съ другой стороны, высказывается подозрѣніе на дворец-

(1) Выписавъ начало 10 ст. XIV гл. Уложенія по второму изданію, гдѣ

каго князя Львова, завѣдываваго и книгопечатнымъ дворомъ. Это подозрѣніе объясняется слѣдующими обстоятельствами: 1) сохранилось извѣстіе, что князь Львовъ и 150 его единомышленниковъ сосланы были въ Соловецкій монастырь за неудовольствіе, выраженное ими на соборѣ по поводу Уложенія; 2) по служебнымъ спискамъ, отставка князя Львова относится къ 1652 г. (стр. 76). Тутъ, намъ кажется, кроется какое-то недоразумѣніе: если-бы бояринъ навлекъ на себя царскій гнѣвъ своимъ упорствомъ, обнаруженнымъ на соборѣ 1648 и 1649 гг. во главѣ полтораста выборныхъ, то какъ-же бы онъ оставался на службѣ еще три года?

Дѣйств. членъ Д. Мейчикъ.

дѣлается ссылка на 82-е правило Василия Великаго, Никонъ замѣчаетъ: „писано есть отъ діавола, зане той есть отецъ лжи, и божественный апостолъ глаголетъ, яко вся лжа отъ истины гнѣсть. Василій Великій, Христовъ ученикъ и подражатель Христовыхъ Заповѣдей, и не писывалъ такого правила, чрезъ Евангельскія Заповѣди, еже кому крестъ цѣловать на правдѣ или на лжи, Богу заповѣдующему: „не кленитесь ни небомъ, ни землею, ни иною коюю клятвою“. А ты, лжеписателю (Одоевскій), яко-же вездѣ лжешь, и здѣ также и на Василия Великаго солга. Василій Великій пишетъ въ своемъ правилѣ 82-мъ не о томъ, еже кому съ суда крестъ цѣловать или клятися, но аще кто кленется, еже не творити зла котораго впредь, о немъ же увѣдавъ, яко грѣхъ есть, и потомъ отъ невятія занять бывъ или иною коюю виною, или принужденъ и поневоленъ отъ кого, яко же самое то правило свидѣтельствуеть“. — По случаю цитируемаго въ той же статьѣ 64-го правила Василия Великаго дѣлается такое замѣчаніе: „Василій Великій не о крестномъ преступленіи пишетъ, яко-же и самое то правило являетъ (слѣдуетъ текстъ); но о таковыхъ клятвахъ глаголетъ, яко-же пророкъ Давидъ глаголетъ: „кляхся и оставихъ сохранити судьбы правды“. См. рукописное сочиненіе Ундольскаго, хранищащееся въ Московскомъ и Румянцевскомъ Музеѣ, подъ заглавіемъ: „Отзывъ патріарха Никона объ Уложеніи“, стр. 60 и 61 (по каталогу отдѣленія старопечатныхъ книгъ и рукописей значится подъ № У. 1314). Не напрасно будетъ замѣтить, что приведенные отрывки не вошли въ извлеченіе, сдѣланное г. Ламанскимъ изъ архива тайныхъ дѣлъ для Русскаго Археологическаго Общества и изданное имъ же во 2-мъ томѣ „Записокъ отдѣленія Славянской и Русской археологіи“. Сиб., 1861 г.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Отд.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно читать.</i>
I.	18	4 <i>сверху</i>	нхъ ннхъ	нѣъ ннѣъ
›	24	12 ›	не дастъ	не дастъ
›	26	6 <i>снизу</i>	поставкѣ	поставокѣ
›	29	10 ›	происходилъ	зависѣли
›	30	12 <i>сверху</i>	о кунахъ	о кунахъ вновь
›	—	15 ›	т. е.	или
›	—	16 ›	фунта	фунта,
›	—	21 ›	серебра	именно
›	36	17 ›	пробы	пробной
II.	3	5 <i>снизу</i>	нстемѣ	системѣ
›	12	6 <i>сверху</i>	186	196
›	13	11 ›	202	197
›	14	11 ›	206	205
›	16	2 ›	2½	½
›	29	2 ›	618	619
›	33	20 ›	Курковичѣ	Кучковичѣ
›	36	19 ›	½	1½
›	—	28 ›	др.	дв.
›	37	14 ›	без.	безъ
›	41	3 <i>снизу</i>	<i>Отъмагъ</i>	<i>Бѣлмагъ</i>
›	44	6 ›	сѣв.	лѣв.
›	45	3 <i>сверху</i>	перваго	перваго
›	—	13 <i>снизу</i>	<i>Дунавецъ</i>	<i>Дунавецъ</i>
›	47	6 <i>сверху</i>	Ср.	Ф.
›	—	12 <i>снизу</i>	<i>Черниши</i>	<i>Черними</i>
›	—	21 ›	з.	оз.
›	—	26 <i>сверху</i>	(+)	(++)
›	48	13 ›	Уржанскаго	Ужанскаго
›	—	6 <i>снизу</i>	Уранѣхъ	Ужанѣхъ
›	66	14 <i>сверху</i>	сѣв.	лѣв.
›	68	8 и 9 <i>снизу</i>	Посетомъ	Песетомъ
›	93	13 ›	монастырскихъ	монастырскихъ
III.	21	8 <i>сверху</i>	Врѣнцкомъ	Віенскомъ
›	22	4 ›	›	›
›	—	5 <i>снизу</i>	Чилевскомъ	Чешевскомъ
›	23	9 ›	Лѣнковскаго	Лѣнковскаго
›	24	4 <i>сверху</i>	Ieziozuzsko	Ieziozuzsko
›	26	12 ›	Упансцихе	Упансцихе
›	35	2 <i>снизу</i>	сборовъ	соборовъ

Прочія менѣе важныя опечатки благоволятъ исправить самъ читатель.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Учрежденная г. министромъ юстиціи коммисія по устройству зданія для архива министерства въ Москвѣ

объявляетъ конкурсъ на составленіе проекта сего зданія по слѣдующей программѣ:

Зданіе архива предполагается построить на свободномъ мѣстѣ, заключающемъ въ себѣ девяносто саженой длины и сорокъ саженой ширины. Это мѣсто окружено со всѣхъ сторонъ улицами. Зданіе должно быть отступлено отъ линіи улицъ, чтобы образовать вокругъ его паркъ, изолирующій зданіе архива отъ сосѣднихъ мѣстъ, которыя со временемъ, по всей вѣроятности, застроятся.

Данныя для составленія проекта слѣдующія:

1) Зданіе предполагается каменное, несгораемое, съ подваломъ, въ которомъ могутъ помѣщаться нагрѣвательные приборы, складъ неразобранныхъ дѣлъ и кладовыя для разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей.

2) Полы въ архивныхъ помѣщеніяхъ и въ подвалахъ асфальтовые, а въ комнатахъ, предназначенныхъ для администраціи и въ археологическомъ отдѣленіи — паркетные и крашенные-щитовые. Надъ подвальнымъ этажемъ своды, остальные потолки сводчатые или несгораемые на желѣзныхъ балкахъ. Подъ швадрами должны быть особые фундаменты, изолированные отъ фундаментовъ стѣнъ.

3) Всѣ внутреннія лѣстницы должны быть изъ несгораемаго матеріала и по преимуществу на сводчатыхъ косоурахъ.

4) Квартирныя помѣщенія и нежилыя службы должны быть устроены въ особомъ зданіи и по возможности удалены отъ архивныхъ.

5) Архивныя помѣщенія должны имѣть центральное отопленіе съ вентиляціей; помѣщенія-же квартирныя — отапливаться обыкновенными печами.

6) Зданія должны быть снабжены водою изъ городскихъ водопроводовъ, для чего имѣть резервуаръ (на чердакѣ), примѣрно на 700 ведеръ, откуда вода разводится по зданіямъ съ устройствомъ пожарныхъ крановъ, какъ снаружи, такъ и внутри.

7) Со стороны двухъ улицъ — одной въ длину и одной въ ширину всего пространства — желательна имѣть легкую металлическую рѣшетку; по прочимъ-же сторонамъ можно, на первое время, ограничиться деревянными заборами.

8) Зданіе предполагается въ наружныхъ фасадахъ вывести изъ цвѣтного кирпича; съ внутренней-же стороны — штукатурить.

9) Внутренняя высота собственно архивныхъ помѣщеній не должна превосходить 5½ саж.; административныя помѣщенія и археологическое

отдѣленіе должны быть въ высоту до 6 аршинъ; жилища-же до 4¹/₂ аршинъ.

10) Заданный проектъ долженъ составлять центральную часть и засимъ расположить на генеральномъ планѣ будущія распространенія зданія флигелями, которые могли-бы вмѣщать двойное количество нынѣ задаваемыхъ архивныхъ помѣщеній.

Административныя помѣщенія:

1) Вестибюль, съ парадной лѣстницей и съ помѣщеніемъ для верхняго платья, общій для архивныхъ помѣщеній и для археологическаго отдѣленія до	30 кв. саж.
3) приемная комната	6 > >
3) кабинетъ управляющаго	10 > >
4) двѣ комнаты для отдѣленій, каждая до 10 к. с.	20 > >
5) двѣ комнаты для ученыхъ занятій, по 15 к. с.	30 > >
6) библіотека для печатныхъ книгъ и изданій	30 > >
7) двѣ комнаты для сенатскаго отдѣленія	30 > >
8) комната для разбора документовъ	12 > >

Эта комната должна быть посредствомъ подъемной машины въ связи съ подвальнымъ этажемъ, гдѣ будетъ складъ доставляемыхъ дѣлъ и документовъ.

9) канцелярія, изъ 2-хъ комнатъ, до	15 > >
10) канцелярская и экзекуторская, двѣ комнаты	10 > >
11) три ватерклозета съ писуарами.	
12) черные выходы, изъ коихъ одинъ при подвалѣ, гдѣ помѣщаются привозимые дѣла и документы.	

Помѣщенія археологическаго отдѣленія (Ecole des Chartes.)

1) парадный входъ съ помѣщеніемъ для верхняго платья (общій съ административнымъ отдѣленіемъ и архивами).	
2) аудиторія, она-же и публичная зала, до	30 кв. саж.
3) комната для профессоровъ	8 > >
4) ватерклозетъ на два сидѣнья, съ писуаромъ.	

Архивныя помѣщенія.

1) При какомъ-бы то ни было способѣ внутренняго устройства архивныхъ помѣщеній, необходимо потребуется размѣстить полокъ до 16.000 пог. саж., при размѣрѣ ихъ: выс. до 8 вершк. и глуб. до 10 вершк. Нынѣ существуетъ до 12.000 пог. саж. полокъ; требуется на первое время увеличить на ¹/₄ часть этого количества.

2) Архивныя помѣщенія должны быть отдѣлены отъ административныхъ сплошными брантмауерами и двойными несгораемыми дверьми.

3) Непремѣнное условіе: чтобы архивныя помѣщенія были освѣщены какъ можно лучше, избѣгая освѣщенія съ помощью фонарей сверху.

Помѣщенія для служащихъ при архивѣ:

- 1) квартира смотрителя и правителя дѣлъ, до . . . 30 кв. с.
 - 2) холостымъ сторожамъ
 - 3) женатымъ сторожамъ
- } для всѣхъ до 30 > >

При жилыхъ зданіяхъ должны быть слѣдующія службы: конюшня на 2 стойла; соотвѣтственный экипажный сарай; сарай для топлива — на случай если обогрѣваніе аппаратовъ будетъ минеральнымъ топливомъ; ледникъ для смотрителя и правителя дѣлъ отдѣльный и для служителей общій.

Службы должны быть каменные, крытыя желѣзомъ.

Стоимость зданій, — считая главное до 100 руб. за куб. саж., съ устройствомъ обыкновенныхъ столярной работы полокъ, а жилыхъ и прочихъ зданій до 70 руб. за куб. саж., — не должна превосходить суммы 300.000 руб.

Проектъ долженъ состоять: изъ генеральнаго плана, въ масштабѣ 5 саж. на дюймъ, детальныхъ плановъ этажей, въ масштабѣ 1 саж. на $\frac{1}{2}$ дюйма, главнаго и боковыхъ фасадовъ; продольныхъ и поперечныхъ разрѣзовъ, въ масштабѣ 1 саж. на дюймъ; детальнаго чертежа устройства полокъ, въ масштабѣ 2 дюйма на сажень.

Выборъ архитектурнаго стиля для фасадовъ предоставляется составителю проекта, но, во всякомъ случаѣ, долженъ соотвѣтствовать назначенію зданія.

Въ проектахъ и пояснительной запискѣ долженъ быть разработанъ вопросъ объ отопленіи и вентиляціи.

Къ проекту должно быть приложено исчисленіе кубическаго содержанія особо для каждаго зданія, считая высоту отъ тротуара до карниза.

За лучшіе проекты, представленные въ срокъ и неотступающіе отъ основныхъ условій программы, назначаются преміи:

первая въ тысячу восемьсотъ рублей,
вторая въ девятьсотъ рублей,
третья въ пятьсотъ рублей*).

Получившій первую премію обязанъ вслѣдъ за тѣмъ, въ 30-ти дневный срокъ, составить смѣту стоимости постройки, съ подробными соображеніями и чертежами системы отопленія и вентиляціи. Премія будетъ выдана лишь по представленіи упомянутыхъ дополнительныхъ данныхъ и по одобреніи ихъ комиссіею судей, которую составляютъ: профессоръ архитектуры и инженеръ-архитекторъ Рудольфъ Богдановичъ *Бернардъ*; профессора архитектуры — Николай Ѳеодоровичъ *Брюловъ*, Давыдъ Ивановичъ *Гримъ*, Эрнестъ Ивановичъ *Жиберъ*; академикъ и инженеръ-архитекторъ Карлъ Яковлевичъ *Маевскій*; сенаторъ, управляющій московскимъ архивомъ министерства юстиціи, Николай

*) Преміи выдаются управляющимъ московскимъ архивомъ министерства юстиціи.

Васильевичъ *Калачовъ*; дѣйствительные статскіе совѣтники: Алексѣй Алексѣевичъ *Орловъ*, Платонъ Ивановичъ *Барановъ* и Валеріанъ Степановичъ *Лозино-Лозинскій*.

Срокъ представленія проектовъ назначается 1 февраля 1881 года; проекты доставляются въ помѣщеніе Археологическаго Института (С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 12 линія, домъ № 19), Александру Петровичу Ясенскому, ежедневно, отъ 9 до 12 ч. утра.

Общія указанія и условія.

Для облегченія разсмотрѣнія проектовъ, надписи на нихъ (объясненія) должны быть сдѣланы, въ планахъ, на самыхъ помѣщеніяхъ, а не обозначаться на поляхъ, подъ отдѣльными буквами или нумерами.

Желательно, чтобы проекты были представлены въ папкахъ, а не свернутыми въ трубахъ.

На каждомъ отдѣльномъ листѣ долженъ быть выставленъ избранный составителемъ девизъ.

Въ запечатанномъ конвертѣ, съ девизомъ, которымъ обязательно сопровождается проектъ, должно быть помѣщено имя, отчество, фамилія и адресъ составителя проекта.

Результатъ конкурса будетъ опубликованъ въ столичныхъ газетахъ, въ которыхъ напечатано приглашеніе къ участію въ составленіи конкурсныхъ проектовъ.

Члены комиссіи - судей не могутъ принимать ни прямаго, ни косвеннаго участія по составленію проектовъ на заданный конкурсъ.

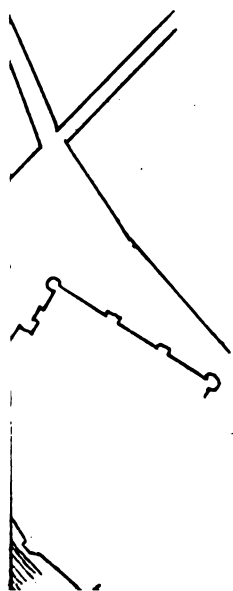
До разсмотрѣнія комиссіею - судей представленныхъ проектовъ и въ некоторое время послѣ того, они будутъ выставлены въ залѣ Археологическаго Института (Вас. остр., 12 лин., домъ № 19).

Проекты, удостоенные преміи, поступаютъ въ собственность комиссіи; непремированные же — возвращаются, по требованіямъ составителей, вмѣстѣ съ нераспечатанными конвертами девизовъ.

ПЛАНЪ

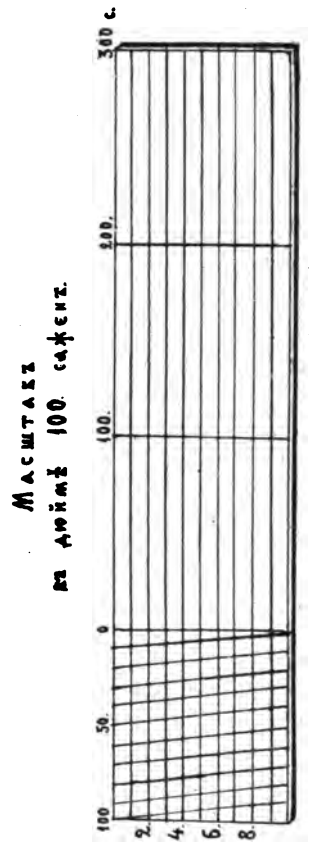
ДѢВЯТЬЮГО ПОЛЯ ХАМОВНИЧЕСКОЙ ЧАСТИ 3^Ю КВАРТАЛА.

Участокъ земли, на которомъ арженъ старинна дѣрзвиз Министерства Юстиціи,
означенъ подъ литерою А.

Полукрестки

Ка.

Ин. Е. Прохорова.

РЪЧИ И ОТЧЕТЫ

ЧИТАННЫЕ

ВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТЪ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ ЕГО СОБРАНИИ

24 февраля 1880 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. БЕЗОВАРОВА И КОМП.

(Вас. Остр., 8 л., № 45).

1880.

135

ИСТОРИЯ

Печатано по распоряженію Археологическаго Института.

УЧЕНЫЯ ЗАНЯТІЯ

И ИХЪ НАПРАВЛЕНІЕ ВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ

въ 1879 году.

Милостивныя государыни и милостивныя государи. Уже въ третій разъ со времени открытія Археологическаго Института имѣю я честь привѣтствовать дорогихъ гостей, оказывающихъ сочувствіе еще юной у насъ, но тѣмъ не менѣе имѣющей за собою всѣ задатки самостоятельной науки — отечественной археологіи. Вносимыя въ послѣднее время драгоцѣнныя вклады въ ея обширную область трудами занимающихся нашими древностями обществъ, съѣздовъ и комиссій отражаются и на Археологическомъ Институтѣ. Кругъ его дѣятельности все болѣе расширяется; съ каждымъ годомъ все настойчивѣе и глубже предъявляются научныя требованія, которымъ онъ долженъ соответствовать, и уже общество и литература, какъ ни скромно онъ держитъ себя въ ихъ средѣ, начинаютъ обсуждать его дѣйствія и ожидаемыя отъ него успѣхи. Но если наше учрежденіе удостоивается этой чести, то тѣмъ усерднѣе предлежитъ ему заботиться о томъ, чтобы труды лицъ, принадлежащихъ къ его составу, были дѣйствительно плодотворны.

Торжественный актъ нынѣшняго года имѣетъ для насъ двойное значеніе. Мы не только празднуемъ годину нашего учрежденія, но и первый выпускъ слушателей Института уже въ качествѣ дѣятелей, приготовленныхъ къ служенію отечеству и наукѣ въ избранной ими отрасли знаній. Будущія ихъ заслуги конечно зависятъ отъ тѣхъ успѣховъ, какіе они заявятъ при самостоятельной разработкѣ тѣхъ или другихъ памятниковъ русскихъ древностей. Но на нынѣ, мм. гг., лежить въ настоящую минуту обязанность представить вашему вниманію

на сколько Археологическій Институтъ успѣлъ въ истекшемъ году приблизиться къ цѣли своего основанія и въ какой степени выпускаемые имъ молодые люди могли усвоить себѣ въ продолженіе двухъ лѣтъ пребыванія и слушанія ими курсовъ въ этомъ учрежденіи необходимыя свѣдѣнія для предстоящихъ имъ занятій и въ особенности проникнуться тою любовью къ своему призванію, безъ которой и дальнѣйшая ихъ дѣятельность была бы безспорно вполнѣ тщетной.

Изъ моего прошлагодняго отчета вамъ, *мл. гг.*, отчасти уже извѣстно, что двѣ слабыя стороны имѣли дурное вліяніе на ближайшее развитіе нашего учрежденія. Вы помните, можетъ быть, что неуказаніе въ его Положеніи основаній для храненія, контроля и повѣрки поступающихъ въ его кассу частныхъ суммъ—ибо исключительно ими содержится Институтъ—подали поводъ нѣкоторымъ профессорамъ къ оставленію кафедръ, которыя они должны были занять. Вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ вѣроятно извѣстно, что съ другой стороны эти поступающія въ Институтъ суммы еще слишкомъ недостаточны для того, чтобы расширить въ надлежащей степени преподаваемые въ немъ предметы и увеличить размѣры и число стипендій, безъ которыхъ значительная часть молодыхъ людей, поступающихъ въ Институтъ, не можетъ, по своимъ недостаточнымъ средствамъ, предаваться всецѣло необходимымъ для успѣха занятіямъ. Я тогда же имѣлъ честь объяснять, что недостатокъ перваго рода долженъ скорѣе устраниться включеніемъ въ наше Положеніе дополнительной статьи о правленіи, которое имѣетъ быть учреждено, сверхъ Институтскаго Совѣта, для наблюденія за нашими хозяйственными дѣлами и для ихъ направленія. Въ настоящее время не только эта статья принята во вниманіе Комитетомъ *гг. Министровъ*, при новомъ разсмотрѣніи Положенія объ Институтѣ, и удостоена Высочайшаго утвержденія (*), но уже и избранны въ правленіе члены имѣли засѣданіе, которое внесло въ наше дѣло необходимые порядокъ и отчетность, а отчасти увеличило и матеріальныя его средства. Приращеніе послѣднихъ, особенно по великой цѣли, для которой предназначена новая сумма, имѣетъ такое важное значеніе какъ для Инсти-

(*) Новое положеніе объ Археологическомъ Институтѣ см. ниже на стр. 29—32.

туда, такъ — охъю думать — и для изученія археологій вообще, что считаю долгомъ остановиться нѣсколько долѣе на предметѣ, которымъ оно было вызвано.

Юбилей двадцатипятилѣтїа царствованїа Государя Императора, такъ любовно-горячо встрѣченный всѣми, кому дороги счастье и слава Россїи, не могъ не затронуть и впечатлительныя сердца нашего молодого поколѣнїа, которое, углубляясь здѣсь въ изученїе минувшаго быта родной земли, тѣмъ самымъ привязывается крѣпче къ основнымъ началамъ ея правительственнаго строя, столь успѣшно проводимымъ въ это царствованїе. Въ глубокомъ сознанїи такого плодотворнаго влїанїа изученїа древностей на наши нравственныя силы, слушатели Института положили: составить и издать въ свѣтъ научную, обстоятельно изложенную, справочную книгу по всѣмъ частямъ Археологїи, въ томъ вниманїи, чтобы всѣ, начинающїе заниматься тою или другою ея отраслю, находили въ этомъ трудѣ необходимыя указанїа на тѣ сочиненїа, статьи и свѣдѣнїа, какїя надлежитъ прочесть или даже себѣ усвоить для основательнаго приступленїа къ дѣлу — работа, безспорно, огромная, требующая и многихъ силъ умственныхъ и значительныхъ денежныхъ затратъ. Но если первыхъ оказалось много у молодыхъ людей, всецѣло преданныхъ государю и отечеству, то въ послѣднихъ ими ощущался рѣшительный недостатокъ. Но стоило мнѣ лишь заявить объ этомъ затрудненїи нашихъ молодыхъ дѣятелей въ образованномъ вновь правленїи Института, какъ одинъ изъ его членовъ — баронъ Г. О. Гинцбургъ, которому самому дороги изслѣдованїа по археологїи, составляющїя любимый предметъ занятїй его сына, изъявилъ готовность принести въ даръ Институту потребныя для такого изданїа матеріальныя средства, которыя изчислены на сумму не менѣе 3,000 рублей. Этимъ однако не заключились успѣхи перваго засѣданїа Институтскаго правленїа: въ немъ же всѣ члены вызвались единогласно сдѣлать сообщенїа своимъ состоятельнымъ знакомымъ о матеріальныхъ потребностяхъ Института и ходатайствовать о поддержанїи ими съ этой стороны научныхъ стремленїй его слушателей. Столь живое сочувствїе къ нимъ и высокое вниманїе, оказываемое нашему дѣлу г. министромъ народнаго просвѣщенїа даютъ поэтому основательный поводъ надѣяться, что въ

скоро въ будущемъ представится возможность значительно увеличить и выдаваемые Институтомъ стипендіи. Быть можетъ, представится даже возможность имѣть совмѣстно, согласно положенію объ Институтѣ, два курса, что пока немислимо и по количеству оплачиваемыхъ лекцій профессоромъ и по тѣснотѣ занимаемаго Институтомъ помѣщенія.

Переходя къ научнымъ занятіямъ слушателей, я подраздѣляю ихъ на теоретическія и практическія, относя къ первымъ, кромѣ усвоенія ими преподаваемыхъ предметовъ, также изученіе разныхъ отдѣловъ археологій на основаніи извѣстныхъ по каждому изъ нихъ изслѣдованій и другихъ пособій, а ко вторымъ какъ занятія по рукописямъ въ самомъ Институтѣ, а также въ архивахъ, бібліотекахъ и музеяхъ, такъ и произведенныя нами прошедшими лѣтомъ и осенью раскопки въ губерніяхъ Петербургской и Новгородской. Что касается прежде всего лекцій и вечернихъ чтеній, бывшихъ въ Институтѣ въ 1879 году, то онѣ относились главнымъ образомъ къ XVI, XVII и XVIII столѣтіямъ и притомъ къ разнымъ отдѣламъ нашей науки, именно къ церковнымъ и юридическимъ древностямъ, полицейскому праву и земскимъ учрежденіямъ до Петра Великаго, къ палеографіи, метрологіи, нумизматикѣ и генеалогіи, мною же въ особенности были читаны лекціи объ архивномъ дѣлѣ вообще и въ Россіи по преимуществу. Занятія по части разбора рукописей происходили въ Институтѣ подъ моимъ руководствомъ при содѣйствіи отчасти харатейныхъ книгъ и грамотъ, преимущественно же столбцовъ и свитковъ XV, XVI и XVII столѣтій, и подъ руководствомъ профессора Миллера по части старинныхъ рукописей на латинскомъ языкѣ. Въ тѣхъ же архивахъ и бібліотекахъ, гдѣ слушателямъ пришлось заниматься самостоятельно, они пользовались уже своею опытностію въ чтеніи актовъ, для того, чтобы извлекать отсюда свѣдѣнія, необходимыя для тѣхъ работъ, которыя каждый изъ нихъ взялъ на себя съ цѣлью представить въ Совѣтъ Института какой-либо спеціальнѣйшій трудъ по археологій. Такимъ образомъ въ концѣ года у меня оказалось въ рукахъ значительное собраніе разныхъ статей, въ особенности по разработкѣ Уложенія царя Алексѣя Михайловича, которое нѣкоторые слушатели Института еще въ 1878 году избрали главнымъ предметомъ своего изученія на основаніи подлинныхъ рукописей. Опасаясь,

мм. гг., утомлять ваше вниманіе, я не буду перечислять здѣсь всѣхъ этихъ трудовъ, тѣмъ болѣе что они отчасти напечатаны въ выходящей на дняхъ 3-й книгѣ Сборника Института и помѣстятся въ имѣющей выйти вслѣдъ за нею 4-й книгѣ этого изданія; не могу однако не замѣтить, что если въ этихъ двухъ книгахъ вы встрѣтите нѣкоторыя статьи нашихъ почетныхъ членовъ, тѣмъ не менѣе большинство ихъ содержанія принадлежитъ нашимъ слушателямъ, и ихъ статьи будутъ, безспорно, не безъ значенія для науки. Съ другой стороны раскопки, лично произведенныя слушателями Института, приучили ихъ практически къ этому дѣлу: убѣдившись съ самаго начала опытомъ, какъ осторожно и послѣдовательно должно дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ, чтобы добывать въ цѣлости и неповрежденными древности, которыя измѣняются и распадаются отъ одного прикосновенія къ нимъ свѣжей струи воздуха, они стали тщательно примѣнять въ своихъ дальнѣйшихъ раскопкахъ тѣ правила, которыя указаны въ посвященныхъ такого рода изслѣдованіямъ трудахъ Саведьева, графа А. С. Уварова, Самоквасова и немногихъ другихъ ученыхъ. Смѣю думать, что если наши раскопки будутъ производиться ежегодно съ надлежащимъ постоянствомъ, то Археологическій Институтъ внесетъ и свою лепту въ первые зачатки еще едва затронутой области труда, столь важнаго для изученія первобытныхъ человѣка и природы при полномъ для этой цѣли отсутствіи письменныхъ памятниковъ.

Предаваясь изученію и собиранію въ своихъ библиотекѣ и музеѣ необходимыхъ книгъ и предметовъ, слушатели Института не остались однако чуждыми и обширнымъ по части археологій изысканіямъ въ западной Европѣ. Они получали въ свои руки новѣйшія изслѣдованія западныхъ дѣятелей науки чрезъ своихъ здѣшнихъ корреспондентовъ. Но особенно считаю долгомъ отмѣтить слѣдующіе труды, имѣющіе плодотворное вліяніе на ихъ соответствующія занятія. Одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ нѣмецкихъ архивистовъ, директоръ Мюнхенскихъ государственныхъ архивовъ, докторъ Лверъ (Löher), къ которому правительственные органы разныхъ государствъ обращались съ вопросами по устройству архивовъ, доставилъ мнѣ по этому предмету въ высшей степени поучительную статью, помѣщенную во 2-й и 3-й книгахъ нашего

Сборника. Съ неменѣе живымъ участіемъ слѣдилъ Институтъ и за другими трудами и успѣхами въ области археологій на западѣ. На одномъ изъ нашихъ вечернихъ чтеній предложены были нашимъ почетнымъ членомъ барономъ Черкватовымъ свѣдѣнія о значеніи свайныхъ построекъ и находкахъ, сдѣланныхъ въ Швейцаріи при обнаруженіи такихъ построекъ въ ея озерахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ указано на слѣды такихъ же бывшихъ построекъ въ Пруссіи и отчасти въ Россіи. Но особенно возбудила наше вниманіе одна статья, помѣщенная въ Аугсбургской газетѣ, которую обязательно сообщилъ Институту нашъ другой почетный членъ, баронъ Вюлеръ, приславшій намъ даже переводъ ея—статья о бывшей въ Марбургѣ архивной выставкѣ. Отчетъ объ устройствѣ и результатахъ этой выставки вполне совпалъ съ идеей слушателей Института, еще прошлаго года возмимѣвшихъ счастливую мысль доставлять публикѣ возможность знакомиться съ разными частями археологій посредствомъ выставокъ относящихся къ ней предметовъ, какъ принадлежащихъ Институту, такъ и доставляемыхъ ему на время ихъ владѣльцами. Какъ ни тѣсно наше помѣщеніе, тѣмъ не менѣе открывающаяся у насъ и въ нынѣшній день подобная выставка можетъ свидѣтельствовать о пользѣ нагляднаго изученія собранныхъ здѣсь предметовъ, особенно же въ виду относящихся къ нимъ каталоговъ, которые должны быть вскорѣ напечатаны, благодаря усиленнымъ работамъ нашихъ слушателей, принимающихъ самое дѣятельное участіе въ ихъ составленіи.

Отдавая вамъ, мм. гг., отчетъ въ теоретической и практической дѣятельности слушателей Института, я не въ правѣ умолчать о томъ сознаніи ученыхъ силъ этого учрежденія и о томъ довѣрїи къ нимъ, которая были заявлены въ прошедшемъ и нынѣшнемъ году высшими представителями нашей администраціи и науки. Благодаря указанію бывшаго министра государственныхъ имуществъ и содѣйствію нынѣшняго, въ Институтъ должны вскорѣ поступить матеріалы изъ нѣкоторыхъ архивовъ этого министерства, которые не имѣютъ значенія для текущаго дѣлопроизводства и справокъ, но важны для изученія минувшаго быта Россіи. Они составятъ начало ученаго архива, который имѣетъ быть устроенъ при Институтѣ. Отборка этихъ матеріаловъ была мною

поручена въ Рязани одному изъ нашихъ слушателей г. Лебедеву; а другая производится въ Кіевѣ извѣстными специалистами, сочувствующимъ нашему дѣлу — г. Новицкимъ. Вели однако это приношеніе министра государств. имущества улаживаетъ только на высшее вниманіе къ дѣлу Института и на возбуждающую насъ надежду, что онъ будетъ достойнымъ хранителемъ ввѣренныхъ ему научныхъ матеріаловъ, то я долженъ отгнать другое сдѣланное намъ предложеніе какъ выраженіе уже добѣрыя къ нашимъ ученымъ силамъ. Именно, городское общественное управленіе С.-Петербурга обращается къ Институту съ вопросомъ: не представится-ли ему возможность оказать управленію свое содѣйствіе при разборѣ его архивныхъ дѣлъ и бумагъ и къ извлеченію историческихъ свѣдѣній о городѣ какъ изъ архива городской думы, такъ и изъ другихъ архивовъ, въ которыхъ хранятся касавшіяся города дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ нашихъ слушателей изъявятъ полную готовность принять участіе въ этой работѣ. Въ тоже время нашъ маститый ученый и государственный дѣятель Андрей Парфеновичъ Заблоцкій-Десятовскій изъявилъ мнѣ желаніе поручить Институту разборъ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго графа Киселева. Конечно и этотъ трудъ можетъ быть выполненъ нашими слушателями, которые въ прошедшемъ году занимались уже разборомъ домашнихъ бумагъ XVII и XVIII столѣтій новгородскаго помѣщика князя Путятина и г-жи Вындомской.

Но гдѣ, спросите вы, мн. гг., найдутся физическія силы у дѣятелей Института, чтобы браться за столь разнообразныя и требующія большой добросовѣстности въ выполненіи труды? Въ настоящую минуту въ его составѣ не болѣе 30 слушателей, изъ коихъ 17 уже оставляютъ сегодня Институтъ, окончивъ въ немъ курсъ наукъ. Если къ нимъ присоединить до пяти-шести нечетныхъ членовъ, имѣющихъ нѣкоторый досугъ принимать участіе въ лежащихъ на немъ занятіяхъ, то гдѣ же руки для столь тяжелыхъ по истинѣ трудовъ? Въ томъ же Институтѣ, отвѣчу я смѣло, опираясь на новыя статьи его дополненнаго нынѣ Положенія. Согласно 7-й статьѣ, лица окончившія въ Институтѣ курсъ наукъ и изъявившія согласіе содѣйствовать своими трудами цѣлямъ Института, получаютъ исключительно для нихъ учрежденное

звание действительных его членовъ. Всѣ остающіеся насъ нынѣ слушатели изъявили желаніе и готовность подчиниться этой статьѣ. Такимъ образомъ нашъ составъ не только не уменьшится, но съ новыми слушателями и съ новыми поступающими къ намъ почетными членами, все болѣе разрастается. Дополню еще, что также по новому положенію, лица, оказывающія Институту содѣйствіе представленіемъ своихъ изслѣдованій, розысканій и другихъ научныхъ работъ по археологическимъ или инымъ полевымъ Институту пожертвованіями, получаютъ званіе „Сотрудниковъ Института“. И такіе сотрудники у насъ уже есть; но особенно обязанъ Совѣтъ Института въ числѣ ихъ включить двухъ изъ бывшихъ у насъ частныхъ слушателей, которые доставили существенную пользу Институту, одинъ своими работами по архивному дѣлу, а другой своими статьями, относящимися къ военнымъ силамъ и ихъ устройству въ древней Россіи. Я говорю о двухъ нашихъ дѣятеляхъ, чьи труды уже извѣстны публикѣ по моимъ прежнимъ сообщеніямъ — гг. Доброхотовъ и Туганъ Мирзѣ Варановскомъ.

Объяснивъ, что въ нашемъ учрежденіи сдѣлано и предполагено сдѣлать въ прошедшемъ году, я постараюсь, им. гг., въ короткихъ словахъ изложить вамъ программу предстоящей намъ дѣятельности въ нынѣшнемъ. Преподаваніе церковной археологическѣи палеографическѣи должно быть значительно расширено и особенно практическія занятія по части послѣдней. Сверхъ того Институтъ надѣется открыть въ этомъ году кафедру Византійской палеографическѣи древностей, столь важныхъ для насъ какъ основа не только нашей письменности, но и разныхъ отраслей искусства и художествъ. Изъ предметовъ же относящихся къ изученію юридическаго быта древней Россіи, профессоръ Андреевскій и я намѣрены посвятить наши лекціи преимущественно XVIII стол. Сверхъ того преподаватель Прозоровскій приступилъ уже къ чтеніямъ о мѣрахъ, вѣсахъ и монетахъ въ древней Россіи, которыя и будетъ продолжать со включеніемъ въ эти лекціи розысканій о сошномъ писмѣ, столь важномъ для объясненія нашихъ старинныхъ писцовыхъ книгъ, но все еще не поддающемся ученой разработкѣ. За тѣмъ многіе отдѣлы археологическѣи будутъ, безъ сомнѣнія, какъ и въ прошломъ году, излагаться и поясняться въ нашихъ вечернихъ чте-

ніяхъ и бесѣдахъ, уже принесшихъ намъ столько пользы и не разъ подававшихъ поводъ къ весьма назидательнымъ ирвініямъ. Въ свободное же отъ лекцій лѣтнее время я наміренъ предпринять съ слушателями экскурсію для раскопокъ въ губерніяхъ Тверской и Новгородской, гдѣ мы имѣемъ въ виду многіе курганы и другія насныи, намѣченные для этой цѣли самими ихъ владѣльцами. Наконецъ занятія въ разныхъ нашихъ архивахъ, столичныхъ и губернскихъ, будутъ продолжаться по прежнему, а одинъ изъ нашихъ бывшихъ слушателей — нынѣ дѣйств. членъ Института — Д. М. Мейчикъ отправляется за границу для слушанія лекцій и для практическихъ занятій въ тамошнихъ архивахъ и музеяхъ.

Въ заключеніе позволяю себѣ обратиться къ вамъ, молодые археологи, оставляющіе сегодня Институтъ въ качествѣ слушателей, но остающіеся неразрывно съ нимъ связанными какъ его первые дѣйствительные члены. Не сомнѣваю, что два года, проведенные нами вмѣстѣ, тѣсно скрѣпили ту связь между вами, Институтомъ и мною, которая уже была преднамѣчена вашимъ прежнимъ сочувствіямъ къ древностямъ и влеченіемъ къ ихъ изученію. Она еще болѣе усилилась и окрѣпла въ нашихъ частыхъ, радушныхъ и искреннихъ бесѣдахъ. Вѣрю поэтому уже сдѣланному мнѣ заявленію, что вамъ было бы тяжело разстаться и съ Институтомъ, и со мною, и съ Петербургомъ. Но двое изъ васъ уже получили въ Москвѣ мѣста, для наполненія коихъ и учрежденъ собственно Институтъ. Быть можетъ еще и нѣкоторымъ другимъ, не занимающимъ соответствующей нашимъ занятіямъ должности въ Петербургѣ, представится случай отправиться въ ту или другую губернію. Вы дѣйствительно можете занять въ нихъ мѣста, на которыхъ спеціально требуются ваши познанія, именно при открывающихся во многихъ губерніяхъ музеяхъ, архивахъ и бібліотекахъ. Должно поэтому надѣяться, что когда въ провинціи будутъ болѣе извѣстны научная подготовка слушателей Института и самое направленіе ихъ дѣятельности, то къ окончившимъ въ немъ курсъ наукъ будутъ обращаться съ предложеніемъ занять такіа мѣста губернскіе правительственные дѣятели. Въ этой пріятной надеждѣ считаю себя обязаннымъ напутствовать васъ самымъ горячимъ

пожеланіемъ и назиданіемъ, чтобы всѣ предлежащія вамъ труды и сношенія, долженствующія связать васъ съ окружающею средою благо-родною и вѣрною нитью розысканій и изученія мѣстныхъ древностей, вмѣстѣ съ тѣмъ служили рачительствомъ, что вы принесите ихъ на алтарь просвѣщенія съ чистою любовью къ престолу и отечеству.

Н. Калачовъ,
директоръ Института.

О пользѣ изученія палеографіи для будущаго архивиста и библіотекаря.

Мм. государи и государыни. Такъ какъ я имѣлъ честь читать въ теченіи прошлаго года въ Археологическомъ Институтѣ лекціи о латинской палеографіи, то позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о пользѣ изученія палеографіи для будущаго архивиста и библіотекаря.

Извѣстная пословица: „in re grammatica aut nihil magnum aut nihil parvum“ относится также и къ занятіямъ архивиста и библіотекаря. Должность ихъ многотрудна, полна отвѣтственности; но за то они могутъ оказать великія услуги обществу. За границу уже давно признали важность того и другаго занятія. Между тѣмъ какъ въ прежнее время за нихъ брались лица наименѣе къ нимъ приготовленныя, теперь всѣ согласны въ томъ, что будущіе архивисты и библіотекари должны пріобрѣтать обширныя знанія и методическое образованіе, какъ и представители другихъ наукъ. Всѣмъ извѣстно, что въ архивахъ и библіотекахъ Западной Европы хранится множество драгоцѣнныхъ, частію еще не описанныхъ, документовъ; въ Россіи же, надо полагать, число такихъ документовъ еще значительнѣе, такъ какъ здѣсь ученые гораздо позже стали заниматься ихъ разработкою въ архивахъ и библіотекахъ, чѣмъ на западѣ Европы. И въ самомъ дѣлѣ, русскіе журналы, посвященные историческимъ изслѣдованіямъ, постоянно издають множество самыхъ интересныхъ и разнообразныхъ документовъ; полезныхъ какъ нельзя болѣе для разъясненія русской исторіи и русской жизни.

Чѣмъ старѣе памятники письменности, тѣмъ они рѣже, а поэтому и важнѣе. Но вѣстѣ съ тѣмъ они и труднѣе для пониманія, часто же и для чтенія, хотя, съ другой стороны, большую часть средне-

вѣковыхъ рукописей гораздо легче читать, чѣмъ многія рукописи послѣднихъ пяти столѣтій, чтеніемъ которыхъ наиболѣе должны будутъ заниматься слушатели Археологическаго Института. Поэтому древнія рукописи слѣдуетъ разбирать съ величайшею аккуратностію. Умѣніе же разбирать памятники письменности не представляетъ ничего таинственнаго или случайнаго. Надо ему выучиться методически, и при этомъ мы нуждаемся въ знаніяхъ разнаго рода.

Во-первыхъ, надо вполне владѣть языкомъ, на которомъ составленъ найденный памятникъ; потомъ нужно основательное знаніе историческихъ отношеній и данныхъ, изученіе слога и вѣсть съ тѣмъ образа мыслей и міросозерцанія автора (вспомните французскую поговорку: „le stil, c'est l'homme“), наконецъ научный методъ, пользуясь которымъ мы можемъ въ сомнительныхъ случаяхъ отличать ложное отъ вѣрнаго или вѣроятнаго. Но все это недостаточно безъ знанія палеографіи. Поэтому западные народы Европы уже давно усердно занимались изученіемъ палеографіи, всѣхъ болѣе французы. Сочиненія Французскихъ Бенедиктинцевъ и изданія всѣмъ извѣстной „*école des chartes*“ — безсмертные, достойные подражанія памятники этихъ трудовъ.

Часто знаніе палеографіи служитъ единственнымъ средствомъ для опредѣленія вѣка и происхожденія письменнаго памятника, если авторъ его неизвѣстенъ и въ самой рукописи нѣтъ данныхъ, чтобы опредѣлить время и мѣсто ея происхожденія. Но и въ томъ случаѣ, если время и лицо автора рукописи хорошо извѣстны, нужно знаніе палеографіи, чтобы быть въ состояніи вѣрно издать текстъ памятника. Многіе ученые и заслуженные бібліотекари и архивисты ошибались при изданіи вѣрныхъ имъ рукописей, потому что не ознакомились предварительно съ палеографическими приемами, даже съ самыми обыкновенными. Поэтому въ ихъ изданіяхъ читатели нерѣдко встрѣчаютъ слова или знаки, которыми затрудняется пониманіе текста, между тѣмъ какъ при помощи знанія палеографіи ихъ было-бы легко разобрать. Еще менѣе можно одобрити способъ тѣхъ ученыхъ, которые, не разобравъ того или другаго мѣста въ текстѣ, не упоминая даже о вариантахъ, просто ставятъ въ текстѣ догадку, даже въ томъ случаѣ, если она не имѣетъ за себя ни малѣйшей палеографической вѣроятности и при томъ не се-

отвѣтствуетъ ни смыслу, ни законамъ языка. Иногда смыслъ цѣлаго документа искажается ложнымъ чтеніемъ или даже раздѣленіемъ *одного* слова.

Первая обязанность каждаго человѣка, особенно же ученаго, и преимущественно издателя древнихъ писемъ—аккуратность и добросовѣстность. Изданіе документовъ, даже важныхъ и интересныхъ, не соответствуетъ научнымъ требованіямъ, если неизвѣстно нполнѣ досто-вѣрно, въ какомъ видѣ и исправности текстъ ихъ переданъ въ рукописяхъ, насколько они измѣнены издателемъ. Древнѣйшіе ученые по всемъ отраслямъ науки грубо и часто ошибались въ этомъ отношеніи. Только въ наше столѣтіе убѣдились въ томъ, что самая строгая аккуратность составляетъ первое условіе при изданіи всякаго рукописнаго документа. Изданію текста должно конечно предшествовать обстоятельное описаніе рукописи, относительно ея содержанія, времени и палеографическихъ особенностей. Не слѣдуетъ также скрывать отъ читателя, если въ перечнѣ вариантовъ маловажныя подробности, какъ напр. отступленіе отъ орфографіи рукописи или знаковь пренизанія, пропущены.

Способы сличенія и переписки выемкиковъ письменности изложены въ моихъ лекціяхъ. Только послѣ вѣрнаго сличенія или переписки рукописи можно приступать къ ея изданію. Такъ какъ древнія рукописи рѣдко контролировались обыкновенными писцами безъ ошибокъ, то соображеніе издателя часто должно помогать передачѣ источниковъ. Онъ долженъ испорченныя мѣста исправлять, пробѣлы дополнять и то и другое по законамъ критики. Вмѣсто испорченнаго чтенія только въ такомъ случаѣ можно ставить дотадку, если она волюнѣ согласна съ законами критики, т. е., если она не содержитъ въ себѣ ничего, что въ палеографическомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ матеріальномъ или формальномъ отношеніи не соответствуетъ издаваемому документу. Для послѣдняго надо обращать вниманіе на историческія данныя, потому что нельзя напр. ставить въ текстѣ письменнаго памятника такія событія, которыя произошли по смерти автора или о которыхъ онъ не могъ знать ничего; надо также имѣть въ виду языкъ и слогъ автора, наконецъ его образъ мыслей. Когда текстъ документа надлежащимъ образомъ восстановленъ, то подъ нимъ слѣдуетъ помѣщать всѣ варианты рукописей (развѣ за исключеніемъ маловажныхъ подробностей, касающихся мелочей орфо-

графіи, знаковъ препинанія и проч.), чтобы читатель всегда былъ въ состояніи знать, что каждая рукопись содержитъ въ себѣ и чего нѣтъ. Если не сохранилось подлинника письменнаго документа, а есть только его копія, то чрезвычайную важность представляетъ разборъ графическихкихъ особенностей этой копіи, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о графической сторонѣ потеряннаго оригинала.

Часто бываетъ, что одинъ и тотъ же памятникъ письменности сохранился не только въ одномъ, но и во многихъ рукописныхъ снимкахъ. Въ такомъ случаѣ обязанность издателя, пользуясь снимками, возстановить текстъ подлинника. И при этомъ необходимо знаніе палеографіи для классификаціи различныхъ снимковъ, какъ по времени, къ коему они относятся, такъ равно и по ихъ внутреннему достоинству — два условія, безъ которыхъ нельзя возстановить текста самаго оригинала. Иногда вѣрный текстъ подлинника сохранился не въ древнѣйшихъ, а въ болѣе позднихъ его снимкахъ, но гораздо чаще, конечно, встрѣчается противное. При всемъ этомъ знаніе палеографіи представляетъ драгоценныя указанія на графическую сторону какъ снимковъ, такъ и самаго подлинника, относительно формы его буквъ, его сокращеній, мѣста происхожденія и проч.

Самое важное для русскаго бібліотекаря и архивиста есть, конечно, знаніе русскаго и византійскаго палеографіи. Но нерѣдко онъ нуждается и въ знаніи палеографіи латинской.

Россія похожа на изображеніе Януса. На востокъ она простирается до крайнихъ предѣловъ Азіи, приноситъ племенамъ ея законъ, свободу и цивилизацію, своими же западными областями неразрывно связана съ образованіемъ Западной Европы. Большая часть западныхъ областей Россіи получила отъ Рима вѣру, образованіе, языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и письмена: известно, что большая часть западныхъ славянъ пользуется латинскимъ алфавитомъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ архивахъ и бібліотекахъ, какъ восточныхъ областей Россіи, такъ и западныхъ ея окраинъ, особенно же въ архивахъ и бібліотекахъ польскихъ и литовскихъ, хранится множество важныхъ, донинѣ малоизвѣстныхъ документовъ, содержащихъ въ себѣ драгоценный матеріалъ для разъясненія исторіи и образованія Россіи. Но вмѣстѣ того стоитъ обратить вниманіе и

на извѣстныхъ давно наданныхъ рукописи, а особенно на важныя, и снова издать ихъ, пользуясь всѣми рукописными средствами, такъ какъ въ прошлыя времена, какъ уже мною сказано, большая часть ученыхъ крайне небрежно пользовалась сокровищами архивовъ и библиотекъ при наданіи письменныхъ памятниковъ и кромѣ того наука палеографіи была мало развита и извѣстна.

Согласно съ своею должностію я старался въ теченіе прошлаго учебнаго года ознакомить слушателей Археологическаго Института съ латинской палеографіей. Во-первыхъ, я читалъ систематическій отдѣлъ, излагая развитіе латинской палеографіи съ древнѣйшаго времени до шестнадцатаго столѣтія, при чемъ обращалъ особенное вниманіе на XIV, XV и XVI вѣка, такъ какъ несравненно бѣльшая часть латинскихъ рукописей, которыми должны будутъ впослѣдствіи заниматься слушатели Института, принадлежитъ къ этой эпохѣ. Во второй половинѣ курса я изложилъ приемы латинской палеографіи, говоря подробно о формѣ буквъ, сокращеніяхъ словъ или частей словъ, о раздѣленіи слоговъ, о знакахъ препинанія, удареніяхъ и проч. и объясняя, какимъ образомъ слѣдуетъ сличать или списывать рукописи, потому что сравненіе и копированіе рукописей совсѣмъ не такъ просто и легко, какъ многіе полагаютъ. Наконецъ я представилъ своимъ слушателямъ fac-simile рукописей различныхъ столѣтій и упражнялъ ихъ въ палеографическихъ приемахъ. Можно надѣяться, что лекціи мои принесутъ имъ пользу и при чтеніи другихъ рукописей, писанныхъ латинскими буквами, напр. польскихъ, литовскихъ, нѣмецкихъ, такъ какъ латинская азбука, за немногими исключеніями, не отличается отъ азбукъ новѣйшихъ языковъ западной Европы, заимствовавшихъ буквы у Римлянъ. Быть можетъ, лекціи мои принесли нѣкоторую пользу и тѣмъ слушателямъ, которые занимаются изученіемъ Византійской и Русской палеографіи, такъ какъ развитіе той и другой весьма сходно съ развитіемъ палеографіи Латинской и кромѣ того законы исторической критики и методическаго пользованія рукописями, на какомъ бы языкѣ онѣ ни были писаны, всегда одни и тѣ же.

Я не могу, въ заключеніе, не упомянуть о томъ, какъ любезно

академикъ Анастасій Федоровичъ Вычковъ 21 минувшаго декабря принималъ меня и слушателей Института въ Императорской Публичной библіотекѣ, показывая намъ ея рукописныя сокровища и изъявляя готовность способствовать стремленіямъ нашего археологическаго кружка.

Профессоръ Л. Миллеръ.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Археологическаго Института за 1879 годъ.

Милостивые государи и государыни. Совѣтъ Археологическаго Института имѣеть честь представить просвѣщенному вниманію вашему отчетъ о составѣ и дѣятельности Института за минувшій 1879 годъ — второй его существованія.

а) СОСТАВЪ ИНСТИТУТА.

1) *Составъ почетныхъ членовъ Института.* Къ 1-му января 1879 года почетныхъ членовъ Института было 23. Въ отчетномъ году вновь избраны Совѣтомъ Института и утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія въ томъ же званіи, во вниманіе къ оказаннымъ ими Институту услугамъ, слѣдующія лица: предсѣдатель комитета министровъ, статсъ-секретарь графъ Петръ Александровичъ Валувъ, московскій генераль-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, министр юстиціи, статсъ-секретарь Дмитрій Николаевичъ Набоковъ, министр путей сообщенія Константинъ Николаевичъ Посеть, министр государственныхъ имуществъ, статсъ-секретарь князь Андрей Александровичъ Ливень, директоръ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, гофмейстеръ баронъ Федоръ Андреевичъ Биолеръ, князь Іосифъ Александровичъ Мещерскій, князь Павелъ Андреевичъ Путятинъ, почетный вольный общникъ Императорской академіи художествъ Турвонтъ Венедиктовичъ Кибальчичъ и преподаватель той же академіи Дмитрій Ивановичъ Прозоровскій. Кроме того, на основаніи § 14 Высочайше утвержденнаго положенія о при-

нятіи въ число почетныхъ членовъ Института лицъ, вносящихъ ежегодно въ пользу его по 500 р., утверждены почетными членами: баронъ Горацій Осиповичъ Гинцбургъ, статскій совѣтникъ Эдуардъ Ѳедоровичъ Розенбаумъ и Дмитровскій 1-й гильдіи купецъ Михаилъ Михайловичъ Поповъ. Двое изъ числа почетныхъ членовъ Института, — именно не состоящій уже на службѣ Владиміръ Александровичъ Лялянь и Мих. Мих. Поповъ, удостоены, по представленію г. министра народнаго просвѣщенія, Высочайшей награды: первый за ученныя услуги, оказанныя имъ Институту и архивному дѣлу вообще, награжденъ чиномъ дѣйств. статскаго совѣтника, второй за свои пожертвованія Институту — орденомъ Станислава 3-й степени.

2) *Составъ профессоровъ.* Всѣхъ профессоровъ Института въ отчетномъ году было 7: директоръ Института, тайный совѣтникъ Николай Васильевичъ Калачовъ, дѣйств. статск. совѣтникъ Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, академикъ Аванасій Ѳедоровичъ Бычковъ, тайный совѣтникъ Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ, ст. совѣтникъ Луціанъ Адамовичъ Миллеръ, приватъ-доцентъ С.-Петербургской духовной академіи Николай Васильевичъ Покровский и дѣйств. ст. совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Саввантовъ. Сверхъ того, на основаніи § 10 положенія объ Археологическомъ Институтѣ, приглашенъ былъ въ отчетномъ году для чтенія лекцій по древней русской метрологіи преподаватель-спеціалистъ Дмитрій Ивановичъ Прозоровскій.

3) *Составъ Совѣта.* Совѣтъ Археологическаго Института состоялъ изъ наличныхъ профессоровъ; къ участію въ занятіяхъ его приглашался также въ послѣднее время заступившій мѣсто правителя дѣла Института, тайнаго совѣтника Валентина Симфоріановича Комаманскаго, почетный членъ Института инженеръ-подполковникъ Николай Абрамовичъ Сытенко.

4) *Составъ слушателей.* Всѣхъ слушателей Института было 17: кандидатъ правъ Московскаго университета Сергѣй Васильевичъ Арсеньевъ, кандидатъ богословія С.-Петербургской духовной академіи Александръ Аванасьевичъ Благовѣщенскій, кандидатъ университета св. Владиміра Павелъ Егоровичъ Ваденюкъ, кандидатъ Демидовскаго лица Александръ Николаевичъ Виноградовъ, кандидатъ богословія С.-Пе-

тербургской духовной академіи Александръ Васильевичъ Гавриловъ, кандидатъ С.-Петербургскаго университета Иванъ Григорьевичъ Даниловъ, кандидатъ богословія С.-Петербургской духовной академіи Яковъ Ивановичъ Варницкій, кандидатъ филологическаго факультета Московскаго университета Дмитрій Петровичъ Лебедевъ, кандидатъ нравъ Московскаго университета Давидъ Марковичъ Мейчикъ, кандидатъ богословія Кіевской духовной академіи Николай Николаевичъ Оглоблинъ, кандидатъ факультета восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета Евгенийъ Матвѣевичъ Тимевъ, кандидатъ юридическаго факультета Казанскаго университета Михаилъ Евгеньевичъ Чевскій, дѣйствительный студентъ юридическаго факультета Московскаго университета Константинъ Александровичъ Шапошниковъ, воспитатель 1-й военной гимназіи подполковникъ Аполлонъ Николаевичъ Шишкинъ, дѣйствительный студентъ физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета Павелъ Силычъ Яковлевъ и 2 вольныхъ слушателя: командированный государственнымъ секретаремъ для слушанія лекцій коллежскій ассессоръ Романъ Ивановичъ Доброхотовъ и ротмистръ гвардіи Александръ Амуратовичъ Туганъ-Мирза-Варановскій.

Изъ числа слушателей Института перваго курса пятеро, именно: Мейчикъ, Виноградовъ, Ваденюкъ, Оглоблинъ и Чевскій пользовались, по назначенію Совѣта Института, стипендіями — первый въ размѣрѣ 600 рублей, а остальные по 300 р., изъ нихъ Чевскій пользовался стипендією лишь съ октября истекшаго года.

Всѣ слушатели въ концѣ минувшаго года окончили положенный въ Институтѣ двухродичный курсъ и на основаніи § 7 положенія избраны въ число дѣйствительныхъ членовъ Института. Въ составъ новаго курса Института вошли слѣдующія лица: окончившій курсъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Николай Воскресенскій, кандидатъ юридическаго факультета университета св. Владиміра Андрей Гродскій, окончившій курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія Николай Крашенинниковъ, докторъ философіи Іенскаго университета Алексѣй Марковъ, окончившій курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія Георгій Петровъ, магистръ богословія С.-Петербургской духовной академіи Александръ Надеждинъ, окончившій курсъ въ бывшей гѣсной академіи Ферди-

нядъ Родзевичъ, кандидатъ на военныя судебныя должности Сергѣй Свѣтловъ, кандидаты правъ С.-Петербургскаго университета Тимофей Софійскій и Иванъ Феноменовъ. Послѣдній съ октября пользуется стипендією Института. Сверхъ того, по опредѣленію Совѣта Института и съ вѣдома г. министра народнаго просвѣщенія, допущены къ слушанію лекцій въ Институтѣ въ качествѣ частныхъ слушателей трое изъ окончившихъ курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: дворянинъ Сергѣй Михау, подполковникъ корпуса флотскихъ штурмановъ Алексѣй Петровъ и дворянинъ Петръ Черневскій. Всѣхъ слушателей въ новомъ курсѣ Института 13.

б) дѣятельность института.

1) *Занятія Совѣта Института.* Въ отчетномъ году было 7 собраній Совѣта Института. Между предметами занятій его, кромѣ обычныхъ дѣлъ по различнымъ сторонамъ жизни Института, обращаютъ на себя вниманіе: пересмотръ положенія объ Институтѣ, послѣдствіемъ котораго было учрежденіе особаго правленія для завѣдыванія хозяйственными дѣлами Института, разсмотрѣніе представляемыхъ специалистами программъ по разнымъ отраслямъ археологіи для вечернихъ чтеній въ Институтѣ, а равно и оцѣнка ученыхъ трудовъ слушателей Института; избраніе почетныхъ членовъ, присужденіе слушателямъ наградъ, назначеніе стипендій, заботы о постановкѣ учебнаго дѣла въ Институтѣ, объ устройствѣ институтской библіотеки, о приобрѣтеніи для пополненія институтскаго музея предметовъ древности и объ устройствѣ публичныхъ выставокъ этихъ предметовъ какъ для нагляднаго ознакомленія съ ними слушателей Института, такъ и для интересующейся древностію публики. Результатомъ этихъ заботъ была прошлогодняя, продолжавшаяся въ теченіи всей зимы, и нынѣшняя археологическія выставки.

Независимо отъ Совѣта, для завѣдыванія хозяйственными дѣлами Института, на основаніи дополненаго, съ Высочайшаго утвержденія, положенія объ Институтѣ, при немъ состоитъ Правленіе, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ директора, состоятъ членами: одинъ изъ

профессоровъ, 3 почетныхъ члена, по избранію Совѣта, и почетный членъ, завѣдующій дѣлопроизводствомъ. На минувшій годъ членами правленія избраны Совѣтомъ: профессоръ Н. В. Покровский и почетные члены: Н. Н. Салифонтовъ, баронъ Г. О. Гинцбургъ и П. І. Губонинъ. Дѣлами правленія завѣдываетъ почетный членъ инженеръ-подполковникъ Н. А. Сынтоинъ.

2) *Занятія профессоровъ.* Дѣятельность профессоровъ Института включалась главнымъ образомъ въ чтеніи каждымъ своей науки, съ чѣмъ неразрывно соединялись руководство слушателей въ ихъ собственныхъ занятіяхъ учебныхъ и ученыхъ и оцѣнка послѣднихъ. Профессоръ Н. В. Калачовъ въ отчетномъ году продолжалъ читать русскія юридическія древности по государственному праву и науку объ архивахъ и старинномъ дѣлопроизводствѣ; профессоръ И. Е. Андреевскій читалъ лекціи по исторіи полицейскаго права и земскихъ учреждений въ Россіи, профессоръ Л. А. Миллеръ — курсъ латинской палеографіи, преимущественно средневѣковой, какъ имѣющей ближайшее практическое приращеніе въ будущей дѣятельности слушателей Института; профессоръ Н. В. Покровский — церковныя древности, и приглашенный въ качествѣ специалиста для чтенія лекцій въ Институтѣ Д. И. Прозоровскій читалъ курсъ древне-русской метрологіи. Кромѣ чтенія лекцій, профессора Института руководили практическими и научными занятіями слушателей, знакомили ихъ наглядно съ памятниками старины, указывали наиболѣе цѣлесообразные приемы ихъ изслѣдованія, а профессоръ Н. В. Калачовъ руководилъ предпринятою слушателями Института обширною работою по изданію Уложенія царя Алексѣя Михайловича и сверхъ того предпринималъ въ прошлое лѣто вмѣстѣ съ слушателями Института поѣздку въ Лугскій и Гдовскій уѣзды С.-Петербургской губерніи и въ Валдайскій уѣздъ Новгородской губерніи для раскопки кургановъ. Научные и практическіе результаты этихъ занятій имѣютъ быть изложены въ выходящей на дняхъ 3-й книжкѣ Сборника Археологическаго Института.

Весьма важнымъ дополненіемъ къ чтеніямъ профессоровъ служили вечернія и утреннія сообщенія какъ институтскихъ, такъ и постороннихъ профессоровъ и специалистовъ. Въ минувшемъ году съ этою цѣ-

лію устроено было 15 собраний, въ которыхъ сдѣлано до 25 сообщеній. Референтами явились профессора Института: П. И. Саввантовъ, Н. В. Покровский и Д. И. Прозоровскій, профессоръ С.-Петербургскаго университета О. Э. Миллеръ, профессоръ Варшавскаго университета Д. Я. Самоковсовъ, архитекторъ К. Я. Мавевскій и дипломатическій чиновникъ при Варшавскомъ генералъ-губернаторѣ К. А. Губастовъ, почетные члены Института: баронъ П. Г. Черкасскій, В. А. Прохоровъ и Т. В. Кибальчичъ, П. Н. Петровъ и слушатели Института Д. М. Мейчикъ, И. Г. Даниловъ и А. А. Туганъ-Мирза-Барановскій. Подробныя свѣдѣнія объ этихъ сообщеніяхъ напечатаны также въ 3-й книжкѣ Сборника Археологическаго Института (общее число лекцій и сообщеній по разнымъ отраслямъ археологіи въ теченіи двухъ лѣтъ существованія Института простирается до 200).

3) *Занятія слушателей.* Занятія слушателей по изученію преподаваемыхъ имъ предметовъ состояли въ слушаніи лекцій и ознакомленіи съ источниками и лучшими пособиями, относящимися къ области археологіи. Нѣкоторые изъ слушателей Института занимались подъ руководствомъ проф. Н. В. Калачова учеными изслѣдованіями въ различныхъ архивахъ и производили раскопки; а также почти ежедневно съ полнымъ усердіемъ и преданностію дѣлу собирались въ помещеніи Института для разсужденій по предпринятымъ ими общимъ и частнымъ работамъ. Особенно видное мѣсто въ ряду этихъ занятій составляютъ спеціальныя изслѣдованія по частнымъ вопросамъ археологіи, представленныя почти всеми слушателями Института къ концу учебнаго года, и заслуживающія полного вниманія со стороны всѣхъ, кому дороги успѣхи археологіи. Такая неутомимая и плодотворная дѣятельность слушателей побудила Совѣтъ войти въ разсужденіе о назначеніи имъ соотвѣствующихъ наградъ. Принимая въ соображеніе съ одной стороны сравнительное достоинство этихъ трудовъ, а съ другой степень усердія къ исполненію общихъ обязанностей, налагаемыхъ на слушателей Института, Совѣтъ призналъ справедливымъ наградить нѣкоторыхъ слушателей золотыми, а другихъ серебряными медалями.

4) *Библиотека Института* получила значительное приращеніе. Къ началу отчетнаго года въ ней числилось до 117 названій книгъ,

заключаючихъ въ себѣ 456 томовъ и до 50 рукописей. Въ отчетномъ году число это увеличилось приобрѣтеніемъ 255 наименованій, заключающихъ въ себѣ 384 тома и 70 рукописей, такъ что общее количество всѣхъ книгъ институтской бібліотеки въ настоящее время простирается до 372 наименованій въ 890 томахъ и до 120 рукописей. Въ числѣ книгъ заслуживаютъ особеннаго вниманія крупныя пожертвованія главнаго штаба (125 тт.), общества любителей древней письменности и Императорской археологической комиссіи. Всѣ сочиненія бібліотеки въ большой или меньшей степени имѣютъ значеніе въ развитіи археологіи и служатъ нѣкоторымъ пособіемъ какъ для профессоровъ, такъ и для слушателей Института, а рукописи составляютъ предметъ спеціальнаго изслѣдованія одного изъ слушателей Института. Богатая сочиненіями по исторіи и археологіи и ежегодно пополняемая бібліотека директора также находилась въ полномъ распоряженіи Института.

На ряду съ бібліотечною значительно обогатился и институтскій музей древностей. Крупныя пожертвованія для пополненія его сдѣланы были И. Д. Спигинымъ, дополнившимъ отдѣлъ нумизматическій 700 экземпляромъ старинныхъ русскихъ монетъ, собранныхъ съ возможною тщательностію и систематичностію, гг. Губастовымъ, Бибальчицемъ, Тимаевымъ, Яковлевымъ, Молдинымъ, Марковымъ и нѣкоторыми другими лицами, особенно Петромъ Ив. Лерхе, принесшимъ въ даръ музею обширную коллекцію орудій каменнаго и бронзоваго періодовъ, и академію художествъ, пожертвовавшюю, съ соизволенія великаго князя Владиміра Александровича, при содѣйствіи почетнаго члена Института В. А. Прохорова, значительную коллекцію мѣдно-литейныхъ произведеній и старинныхъ иконъ. Въ настоящее время музей Института содержитъ въ себѣ отдѣлы: первобытныхъ древностей, церковный, нумизматическій, отдѣлъ вооруженія, домашней утвари и одежды и значительное число снимковъ.

Въ заключеніе настоящаго отчета, Совѣтъ считаетъ себя въ правѣ заявить предъ вами, милостивые государи и милостивыя государыни, что дѣятельность Института въ минувшій годъ значительно расширилась. Помимо увеличенія въ составѣ профессоровъ и возрастающаго

сочувствія къ Институту со стороны просвѣщенныхъ любителей и знатоковъ древности, выразившагося въ сообщеніи результатовъ науки слушателямъ Института и въ разнаго рода содѣйствіи ему, Совѣтъ позволяеть себѣ обратитъ ваше просвѣщенное вниманіе на то, что общему успѣху въ занятіяхъ Института весьма много содѣйствовали усердные ученые труды слушателей, изъ которыхъ почти каждый внесъ свою лепту въ общую сокровищницу археологическаго знанія. Пусть заслуга этого дѣла принадлежитъ самимъ слушателямъ и ихъ самодѣтельности, во всякомъ случаѣ Институтъ считаетъ себя счастливымъ уже однимъ тѣмъ, что онъ будитъ эту самодѣтельность и не имѣръ возможности направляеть ее къ надлежащимъ цѣлямъ и ничего болѣе не желаетъ, какъ лишь того, чтобы скромныя начала, положенныя въ нихъ въ стѣнахъ нашего учрежденія, были развиты и применены ими въ ихъ дальнѣйшей ученой и практической дѣятельности. Въ этомъ будетъ заключаться наша всегдашняя непрерывная связь съ ними, въ этомъ — важнѣйшій внѣшній стимулъ для занятій будущихъ слушателей Института, а вмѣстѣ и вѣрный залогъ плодотворности нашего молодого учрежденія.

Во вниманіе къ ученымъ трудамъ слушателей, Совѣтъ счелъ пріятнымъ долгомъ назначить имъ соотвѣтствующія награды и объявить о томъ въ настоящемъ торжественномъ собраніи.

1) А. В. Гавриловъ, представившій на разсмотрѣніе Совѣта Института: а) свои археологическія розысканія о Ростовскомъ Бѣлогостицкомъ монастырѣ, и б) матеріалы по дѣлу Могилевского епископа Варлаама съ дополнительными къ нимъ свѣдѣніями, награждается золотую медалью.

2) И. Г. Данидовъ, представившій: а) отчетъ о раскопкахъ въ С.-Петербуржской и Новгородской губерніяхъ; б) статью о древне-русскихъ юридическихъ символахъ и в) историческій очеркъ правительственныхъ распоряженій, относящихся къ русскимъ древностямъ со временъ Петра Великаго и особенно въ настоящее царствованіе, награждается золотую медалью.

3) Д. М. Майникъ, представившій свои: а) работы по изслѣдованію разныхъ сторонъ Уломенія царя Алексѣя Михайловича; б) от-

четы о содержаніи разсмотрѣнныхъ имъ въ московскихъ архивахъ министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ, а также въ библиотекѣ князя Путятина рукописей, награждается золотой медалью.

4) Н. Н. Оглоблинъ, составившій весьма цѣнную въ научномъ отношеніи карту полоцкаго повѣта въ XVI в. съ объяснительною къ ней запискою, награждается золотой медалью.

5) С. В. Арсеньевъ, представившій: а) описаніе поѣздки въ Уфу и тамошнихъ древностей и б) программу для изслѣдованія о путешествіи Игнатія Смоленскаго въ Царь-Градъ, награждается серебряною медалью.

6) А. А. Благовѣщенскій, представившій изслѣдованіе по исторіи духовнаго просвѣщенія въ Казанской епархіи, награждается серебряною медалью.

7) П. В. Ваденюкъ: а) объясненіе одного темнаго мѣста въ словѣ о полку Игоревѣ; б) описаніе нѣкоторыхъ документовъ Московскаго архива министерства юстиціи и в) описаніе рукописей, пожертвованныхъ въ Институтъ г. Шпигельбергомъ; а также—рукописей г. Верковича, награждается серебряною медалью.

8) Д. П. Лебедевъ: а) о мировыхъ сдѣлкахъ въ древней Россіи и б) обзоръ документовъ, выбранныхъ для ученаго архива при Институтѣ изъ уничтожаемыхъ дѣлъ въ Рязанскомъ архивѣ министерства государственныхъ имуществъ, награждается серебряною медалью.

9) Е. П. Тимаевъ: а) о правахъ иностранцевъ въ эпоху Уложенія царя Алексѣя Михайловича и б) каталогъ предметовъ Институтскаго музея (съ особенною подробностью, предметовъ каменнаго и бронзоваго періодовъ и восточныхъ монетъ), награждается серебряною медалью.

10) К. А. Шапошниковъ, приготовившій къ печати обширное изслѣдованіе о положеніи археологіи въ ряду другихъ наукъ, награждается серебряною медалью

и 11) П. С. Яковлевъ, представившій свѣдѣнія объ архивахъ министерства путей сообщенія и принимавшій живое участіе въ составленіи каталога по предметамъ Институтскаго музея, награждается серебряною медалью.

На подлинномъ написано: Государь Императоръ положеніе сіе разсматривать и Высочайше утвердить соизволилъ, въ С.-Петербургѣ, въ 11 день января 1880 г.

Подписалъ: Управляющій дѣлами Комитета Министровъ, Статсъ-Секретарь *Кажановъ*.

ПОЛОЖЕНІЕ

ОВЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТЪ.

1) Археологическій Институтъ, учрежденный въ С.-Петербургѣ 27-го іюня 1877 года, на частныя средства, въ видѣ опыта на 4 года, имѣеть цѣлю приготовленіе специалистовъ по русской старинѣ, для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ.

2) Въ Археологическій Институтъ принимаются только лица, кончившія курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

3) Курсъ ученія въ Археологическомъ Институтѣ безплатный и ограничивается двумя годами.

4) Слушатели, отличившіеся своими успѣхами въ наукахъ, могутъ пользоваться стипендіями по назначенію педагогическаго совѣта Института.

5) Стипендіи выдаются изъ особаго фонда, образующагося изъ частныхъ пожертвованій.

6) Окончившіе курсъ въ Институтѣ получаютъ аттестаты и пользуются содѣйствіемъ Института къ полученію мѣста въ одномъ изъ архивовъ.

Примѣчаніе. За особые успѣхи по всѣмъ или нѣсколькимъ изъ

преподаваемыхъ въ Институтѣ предметовъ слушателямъ присуждаются совѣтомъ Института золотыя и серебряныя медали.

7) Лица, окончившія курсъ наукъ въ Археологическомъ Институтѣ и изъявившія въ особой подпискѣ директору Института согласіе содѣйствовать своими трудами цѣлямъ Института, съ представленіемъ въ оный ежегодно своихъ изслѣдованій, розысканій и другихъ научныхъ работъ, или по крайней мѣрѣ удовлетворительнаго о нихъ отчета, получаютъ отъ совѣта Института званіе «Дѣйствительныхъ Членовъ Института». Лица, не представившія такихъ трудовъ въ теченіи двухъ лѣтъ, признаются сложившими съ себя означенное званіе и выбывшими изъ состава Института.

8) Лица, не принадлежація къ составу Института, но оказывающія ему содѣйствіе представленіемъ своихъ изслѣдованій, розысканій и другихъ научныхъ работъ по Археологіи или иными полезными Институту пожертвованіями, получаютъ отъ совѣта онаго званіе «Сотрудниковъ Института».

9) Въ Институтѣ преподаются: 1) палеографія вообще и въ особенности русская; 2) русскія древности по частному и общественному быту до XVIII столѣтія включительно вообще и въ особенности по части юридической; 3) хронологія, генеалогія, нумизматика, сфрагистика, геральдика, основанія науки объ архивахъ и древняя географія вообще и въ особенности Россіи до XVIII столѣтія включительно.

10) Исчисленные предметы читаются профессорами высшихъ учебныхъ заведеній, равно преподавателями-спеціалистами.

11) Археологическій Институтъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ особаго директора.

12) Директоръ Института опредѣляется и увольняется Высочайшими приказами по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Профессоры и преподаватели назначаются, по представленіямъ директора, Министромъ Народнаго Просвѣщенія преимущественно изъ лицъ состоящихъ на службѣ по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Въ случаѣ надобности, на означенныя должности могутъ

быть определяемы и другія лица и въ такомъ случаѣ лица сіи не пользуются никакими служебными правами и преимуществами.

13) Почетные члены Археологическаго Института получаютъ на это званіе дипломъ за подписью Министра Народнаго Просвѣщенія.

14) Въ почетные члены принимаются лица обоего пола, оказавшія Археологическому Институту значительныя нравственныя услуги, или ежегодно вносящія въ пользу сего учрежденія не мене пятисотъ рублей.

15) Почетнымъ членамъ изъ лицъ мужскаго пола присваивается за-урядъ и пока состоятъ въ этомъ аванді V класса по должности и V разрядъ по мундиру Министерства Народнаго Просвѣщенія.

16) Дѣла, касающіяся педагогической части, разсматриваются въ совѣтѣ Института, состоящемъ изъ всѣхъ профессоровъ и преподавателей-специалистовъ онаго, подъ предсѣдательствомъ директора.

17) Хозяйственныя дѣла Института находятся въ завѣдываніи правленія, состоящаго, подъ предсѣдательствомъ директора Института, изъ правителя дѣлъ и изъ выбираемыхъ въ члены правленія совѣтомъ Института одного профессора онаго и трехъ почетныхъ его членовъ, преимущественно изъ жертвующихъ въ его фондъ по пятисотъ руб. въ годъ. Изъ числа избираемыхъ совѣтомъ четырехъ членовъ правленія членъ, состоящій профессоромъ Института, выбываетъ ежегодно; а изъ членовъ, состоящихъ почетными членами, ежегодно выбываетъ по одному, въ первый годъ по жребію и за симъ по старшинству вступленія въ должность. При этомъ выбывающіе могутъ быть вновь избираемы совѣтомъ. При обсужденіи хозяйственныхъ дѣлъ Института, оныя рѣшаются большинствомъ голосовъ наличныхъ членовъ правленія, но въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя правленія даетъ перевѣсъ.

18) При Археологическомъ Институтѣ состоятъ: а) библіотека, б) собраніе образцовыхъ принадлежностей архива и в) кабинетъ древностей.

19) Собраніе образцовыхъ принадлежностей архива имѣеть

цѣлью предоставить возможность изучать наглядно способы, какъ лучшаго храненія и размѣщенія документовъ, такъ и пользованія ими для занятій въ самомъ архивѣ; въ собраніи этомъ помѣщаются также образцы описей и указателей, соответствующихъ архивнымъ цѣлямъ.

20) Кабинетъ древностей заключаетъ въ себѣ образцы шрифтовъ, древнихъ рисунковъ, монетъ, печатей и т. п. предметовъ до XVIII столѣтія включительно.

21) Въ день празднованія учрежденія Института, начальствомъ онаго могутъ быть выдаваемы награды слушателямъ, которые представили сочиненія по предметамъ своихъ занятій, заслуживающія особаго вниманія.

22) Археологическій Институтъ имѣетъ печать, съ изображеніемъ наименованія онаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОТЧЕТЫ О ДОХОДАХЪ И РАСХОДАХЪ

ТЕКУЩИХЪ СУММЪ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

за 1879 годъ.

№	П Р И Х О Д Ъ.	С у м м а.	
		Рубл.	Коп.
1	Остатокъ отъ 1878 года	4.003	34
2	Членскіе взносы отъ почетныхъ членовъ: А. П. Мещеринова, М. М. Попова, К. М. Сибирякова, Н. А. Сытенко, И. Г. Харитonenko, барона П. Г. Черкасова по 500 р. отъ каждаго, всего.	3.000	—
3	Единовременныя пожертвованія: отъ Ф. Ф. Краузекофа „ М. М. Попова „ В. А. Прохорова (на музей)	6.000 6.000 10	— — —
4	Проценты на свободныя суммы, находившіяся въ обращеніи изъ 6 ⁰ / ₀	614	52
	Всего въ приходъ .	19.627	86

Директоръ Института *Н. Калачовъ.*

Завѣдывающій дѣлами Института, почетный членъ *Н. Сытенко.*

№	РАСХОДЪ.	Сумма.	
		Рубл.	Коп.
1	По учебной части:		
	а) Жалованье профессорамъ	2.725	—
	б) Стипендіи слушателямъ	1.475	—
	в) Поѣздки слушателей съ научною цѣлью въ Москву и другія мѣстности.	290	—
	г) Производство раскопокъ въ теченіи лѣта и осени 1879 года	288	49
	д) Покупка книгъ, географич. картъ и изготовленіе послѣднихъ по заказу Института	147.	60
2	По изданію 3-й книги Сборника Археологическаго Института: *)		
	а) изготовленіе рисунковъ	53	—
	б) плата сотрудникамъ	100	—
3	По хозяйственной части:		
	а) плата за квартиру, съ 1-го января 1879 г. по 1-е января 1880 г.	3.000	—
	б) шкапы и витрины для предметовъ древностей	245	—
	в) содержаніе канцеляріи, наемъ прислуги и канцелярскія принадлежности.	553	—
	г) расходы по „вечернимъ чтеніямъ и бесѣдамъ“, печатаніе объявленій, почтовые расходы, переплетныя работы, освѣщеніе и др. мелочныя расходы .	595	45
	Всего въ расходъ	9.472	54
	Въ остаткѣ къ 1-му января 1880 г.	10.155	32
	Б а л а н с ъ	19.627	86

Директоръ Института *Н. Калачовъ*.
Завѣдывающій дѣлами Института, почетный членъ *Н. Сытенко*.

*) Главная часть расходовъ по этой книгѣ относится къ 1880 году.